АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-99

40-летие создания в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете первой в стране лаборатории индустриальной (инженерной) психологии

Тезисы научно-практической конференции 26-28 октября 1999 года

Санкт-Петербург
1999

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Ф А К У Л Ь Т Е Т П С И Х О Л О Г И И

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 99

40-летие создания в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете первой в стране лаборатории индустриальной (инженерной) психологии

Тезисы научно-практической конференции
26-28 октября 1999 года

Под общей редакцией
А.А. Крылова

Издательство С.-Петербургского университета
1999

ББК 88
Т11

Редакционная коллегия: д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ А.А.Крылов; канд. психол. наук, доц.С.А.Маничев; канд. психол. наук, доц. Ю.И.Филимоненко; канд. психол. наук, доц. В.Б.Чесноков.

Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект N 99-06-85041.

Ананьевские чтения: (Тезисы научно-
Т11 практической конференции «Ананьевские чтения - 99») / Под ред. А.А.Крылова. - СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. - 402 с.

Традиционная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения» в 1999 г. посвящена 40-летию создания первой в стране лаборатории индустриальной (инженерной) психологии, инициатором которой был Борис Федорович Ломов в Ленинградском - С.-Петербургском государственном университете. Материалы сборника являются обзором современного состояния теоретических и научно-практических исследований в области психологии.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность сотрудникам факультета психологии Е.В.Борисовой, Е.Г.Кузнецовой, А.Г.Белинкой, Т.Ю.Филимоненко за техническую помощь в подготовке сборника.

Без объявл. ББК 88

© Издательство
С.-Петербургского
университета,
1999

Борису Федоровичу Ломову
основателю Российской
инженерной психологии
посвящается

Глава 1. ОЧЕРКИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Крылов А.А.

ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

К концу 50-х началу 60-х годов в нашей стране сложилась ситуация, когда психологии была отведена роль раздела в физиологии высшей нервной деятельности и комплекса психологических знаний в марксистско-ленинской философии. Фактически это означало отрицание психологии как самостоятельной науки. Почти все основные психологические концепции, получившие признание во всем мире, были запрещены.

Пусковым моментом для выхода отечественной психологии на качественно новый уровень стали резко возросшие потребности практики в данных о человеке, которые могли бы учитываться в организации институтов общества в качестве человеческого фактора. Наиболее остро это проявилось в сфере производства, где процесс автоматизации и комплексной механизации мог успешно осуществляться только при всестороннем учете человеческого фактора и на этапе эксплуатации, и, что особенно важно, на этапе проектирования технических устройств.

Психология была востребована системой производительных сил общества применительно к одному из своих главных элементов – технике. Начало «прорыва» психологии в производство было положено в психологической школе Ленинградского университета, возглавлявшейся Б.Г.Ананьевым. В 1959 году Б.Ф.Ломов, один из талантливейших учеников Б.Г.Ананьева, создал первую в стране лабораторию инженерной психологии, первоначально называвшуюся лабораторией индустриальной психологии. Лаборатория под руководством Б.Ф.Ломова проделала огромную работу по становлению инженерной психологии:

1) был определен предмет инженерной психологии – человек в автоматизированных системах управления;

2) создана теоретическая концепция – человек-оператор как информационный элемент автоматизированной системы управления;

3) организованы различные лабораторные и натурные исследования;

4) организована регулярная публикация инженерно-психологических материалов, объем которых был, вряд ли на много меньше, чем по всем остальным направлениям психологии вместе взятым;

5) проведены фундаментальные исследования по проблемам инженерной психологии и смежных дисциплинах;

6) лаборатория стала общепризнанным центром инженерной психологии, объединяющим все аналогичные лаборатории и научные группы;

7) установлены связи с психологами США, ФРГ и других стран;

8) началась подготовка специалистов по инженерной психологии.

9) стала формироваться инженерно-психологическая служба;

10) ежегодно лабораторией проводились конференции и семинары.

Роль лаборатории Б.Ф.Ломова для развития отечественной психологии сравнима только с ролью, сыгранной лабораторией В.Вундта для становления мировой психологии как научной дисциплины.

Активизация психологической мысли и деятельности, вызванная инженерной психологией, имела резонанс во всей психологии. Наглядно представленная и доказанная значимость психологической науки для жизни общества расширила поле ее практического приложения. Освобождение от идеологических догм создало реальную возможность отечественной психологии развиваться в системе мировой психологии.

Суходольский Г.В.

К 40-ЛЕТИЮ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ

Я хочу поделиться воспоминаниями и мыслями о лаборатории индустриальной (инженерной) психологии. Как известно, лаборатория была открыта при отделении психологии философского факультета 5 октября 1959 года. В это время я был студентом-психологом второго курса и с интересом осваивал лекции Ю.А.Самарина по общей психологии и практикум М.Д.Александровой по экспериментальной психологии.

Руководителем и фактическим организатором лаборатории стал ученик Б.Г.Ананьева молодой кандидат психологических наук Б.Ф.Ломов. Как он любил вспоминать, вся лаборатория первоначально состояла из руководителя, одного сотрудника, нескольких гвоздей, молотка и помещалась в одной комнате на третьем этаже здания исторического факультета. Первым сотрудником лаборатории был В.М.Водлозеров.

Уже тогда проявился организаторский талант Б.Ф.Ломова. Он начал приобщать к научным исследованиям студентов и аспирантов отделения психологии, предлагая им темы и обеспечивая условия для проведения экспериментов. Одним из студентов оказался я. Б.Ф.Ломов предложил мне исследовать дифференциальные пороги силовой чувствительности и направил для этого в институт, директором которого был Б.Г.Ананьев.

Там техником-умельцем была сделана установка, основой которой служил большой напильник с вмонтированным в него тензометриче-

ским датчиком. Сигнал от датчика, возникающий при микродеформациях напильника, через усилитель фиксировался на движущейся ленте специального измерительного прибора. Закрепив один конец напильника и прикрепляя гирьки из набора разновесков на другой конец, можно было калибровать изменения амплитуды записи в граммах и таким образом измерять усилие нажима рукой на ручку напильника.

Проведя множество измерений «едва заметных» различий моих усилий, я получил много числовых данных. Что с ними делать, ни я, ни Б.Ф.Ломов не знали: подготовка психологов тогда была полностью гуманитарной. Пришлось обратиться к литературе по метрологии, теории вероятностей и математической статистике. Так что 1999 год для меня тоже юбилейный: исполняется 40 лет моих изысканий в области применения математических методов в психологии.

Я был «подключен» к изучению характеристик человека при слежении за движущейся целью на установке, созданной В.М.Водлозеровым. Результатом чего стала моя дипломная работа, получившая золотую медаль на конкурсе 1963 года. Много позже Б.Ф.Ломов сказал, что мой диплом рецензировал и высоко оценил Н.А.Бернштейн.

Осенью моего четвертого курса Б.Ф.Ломов предложил мне перевестись на заочное отделение и перейти в лабораторию лаборантом. Я согласился и, став единственным заочником шестого курса, продолжил свои исследования в лаборатории. При этом мне разрешалось посещать необходимые занятия дневного отделения со своей группой студентов.

Б.Ф.Ломов понимал необходимость улучшения подготовки психологов и повышения квалификации своих сотрудников. Он организовал совместно с географами факультатив по применению математических методов в эмпирических исследованиях. Факультатив в объеме десяти занятий провел на кафедре зоологии профессор В.П.Терентьев – крупнейший университетский биометрик и создатель метода корреляционных плеяд. Этот метод стал популярным среди наших психологов.

С 1962 года для нас, пятикурсников, Б.Ф.Ломов начал читать семестровый курс применения математических методов в психологии. В качестве учебного пособия использовалась книга Н.А.Плохинского «Биометрия»: другой доступной психологам литературы не было. В 1964 году Б.Ф.Ломову отправился в длительную командировку, предложив мне вести за него занятия по математическим методам со студентами-психологами. Так началась моя преподавательская деятельность.

К началу 1963 года число сотрудников лаборатории значительно увеличилось. Мы переехали в здание биофизики, где заняли половину второго и третьего этажей, и небольшое помещение наверху правого крыла Меншиковского дворца. Б.Ф.Ломов предложил мне на общест-

венных началах стать его заместителем по лаборатории и должность младшего научного сотрудника. Я согласился и не пошел в аспирантуру, хотя я имел рекомендацию для этого. В течение трех лет, до весны 1966 года, я как заместитель Б.Ф.Ломова участвовал в научной жизни лаборатории и наряду с собственными исследованиями так или иначе вникал в существо разработок других сотрудников. Теперь, спустя много лет, не все сохранилось в памяти, но о некоторых вещах я хочу рассказать.

Начало 60-х годов XX века в нашей стране – это период бурного развития автоматизированных систем разного назначения. Для их создания необходим учет знаний о том, как человек работает со сложной техникой, как он принимает, перерабатывает и использует информацию в ходе управления техническими объектами, как обеспечить эффективность и надежность человека при монотонии и стрессогенной неожиданности быстротекущих событий. Сами разработчики новой техники получить соответствующие знания не могли. И наша лаборатория стала выполнять заказы на прикладные научно-исследовательские работы по хозяйственным договорам, что послужило основой развития лаборатории.

Б.Ф.Ломов был убежденным сторонником теоретического обобщения экспериментально установленных фактов и учил этому сотрудников. Хоздоговорные работы позволяли такие факты получать и дополнительно осуществлять исследования фундаментального характера. Но и прикладные результаты в конце концов при обобщении приводили к фундаментальным выводам. К таковым я отношу, например, выводы: о существовании «оперативных» порогов восприятия (М.А.Дмитриева); о формировании у человека-оператора передаточных функций, обусловленных техникой (Б.Ф.Ломов, Г.В.Суходольский); о порогах визуального различения скоростей и ускорений или замедлений движущегося объекта (В.М.Водлозеров), о закономерностях эффективного восприятия и понимания кодовых изображений (М.К.Тутушкина).

Хоздоговоры позволяли приобретать для лаборатории приборы и материалы, но экспериментальные установки приходилось создавать своими силами. Этим занималась инженерно-техническая группа во главе с В.И.Бутовым. Первоначальные установки делали сами, в частности, В.М.Водлозеров, Р.М.Мансуров, А.И.Нафтульев, С.Н.Сафарян и другие сотрудники-мужчины. Приведу два, на мой взгляд, забавных примера.

В 1962 году Л.Н.Рябинкина должна была исследовать считывание показаний со многих приборов, размещенных на щите управления размером приблизительно 3×2 метра. Для предъявления макета приборного щита нужен был тахистоскоп с «окном» таких же размеров. Его собственноручно изготовил из досок и фанеры Р.М.Мансуров. Этот тахистоскоп почти перегораживал единственную в то время комнату лаборато-

рии. А когда он срабатывал, то вздрагивало, кажется, все здание истфака. Но исследование Л.И.Рябинкиной было успешно завершено.

Года через два после сооружения уникального тахистоскопа мне понадобился малогабаритный самописец с перемоткой рулона из миллиметровой бумаги шириной 200 мм. Промышленность таких приборов не выпускала, а лабораторные инженеры заявили, что не могут его сделать в наших условиях. Пришлось делать самописец самому из подручных материалов и на имеющихся станках. И я сделал нужный мне прибор, который имел размеры 250×300×100 мм и обеспечивал регистрацию результатов со вполне достаточной точностью. К сожалению, этот самодельный самописец потерялся в последующих переездах.

Сотрудники лаборатории не «замыкались» в своей тематике, а обсуждали проблемы на еженедельных заседаниях лаборатории, проводимых Б.Ф.Ломовым, и могли выступать на разного уровня научных форумах. Первая всесоюзная конференция по инженерной психологии под руководством Б.Ф.Ломова была проведена нашей лабораторией.

В результате научных контактов расширялось сотрудничество со многими учеными и организациями. Расширялась и тематика научных исследований, в том числе совместных. Например, – по зависимости времени реакции оператора от количества информации в ситуации реагирования (А.А.Крылов, В.И.Николаев), по читаемости семисегментного цифрового алфавита (Р.М.Мансуров), по особенностям восприятия показаний новых приборов и надежности человека как оператора (А.И.Губинский, А.А.Крылов, Г.В.Суходольский), по читаемости и пониманию плоскостного отображения объемной (В.Е.Бушурова, А.И.Нафтульев, И.Е.Соловейчик).

Мне думается, что главным результатом работы лаборатории в первые пять–шесть лет ее существования явилось воспитание научных кадров. Сначала по известным монографиям «Человек и техника», «Восприятие и основы его моделирования» защитили докторские диссертации Б.Ф.Ломов и Л.М.Веккер – старшие по возрасту и знаниям наши коллеги. Затем в разные годы на отделении и на факультете психологии защитили кандидатские диссертации двенадцать человек, среди них: В.М.Водлозеров, Г.Н.Горбунова, И.М.Лущихина, Л.И.Рябинкина, С.Н.Сафарян, И.А.Шихин; остальные потом защитили докторские диссертации, а именно – А.А.Крылов, Г.В.Суходольский, В.Е.Бушурова, Е.Н.Сурков, М.К.Тутушкина, Т.П.Зинченко и В.К.Гайда. Считаю, что вклад этих людей в психологию и подготовку психологов известен, и позволю себе не анализировать этот вклад. (Некоторое представление о нем можно почерпнуть из статьи В.А.Бодрова, опубликованной в «Психологическом журнале», № 2,1999).

Весной 1966 года я начал задумываться о том, что, будучи заместителем руководителя лаборатории, я многому научился, но не подготовил кандидатской диссертации, как сделал бы в аспирантуре: не хватало сил и времени. Я попросил Б.Ф.Ломова освободить меня от «заместительства». Поняв мои аргументы, он согласился и несколько позже пригласил меня в ассистенты кафедры эргономики и инженерной психологии, которую создавал на открывающемся осенью в университете факультете психологии. Став ассистентом кафедры, я еще долго сотрудничал в лаборатории и выполнял хоздоговорные научно-исследовательские работы. Но это уже другая история.

Евграфов В.Г., Падерно П.И.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОПИСАНИЯ И ОЦЕНКИ АЛГОРИТМОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С 1965 г., под влиянием созданной в ЛГУ лаборатории инженерной психологии, на Военно-морском флоте интенсифицируются работы по описанию и оценке алгоритмов деятельности (АД), у истоков которых стояли А.И.Губинский, Ю.П.Гречко и В.Г.Евграфов. Параллельно развиваются работы, направленные на решение задач гражданской авиации.

К 1970 г. формируются школа и научное направление в рамках Академии Наук СССР «Эффективность, качество и надежность эрготехнических систем», возглавляемое проф. А.И.Губинским, защитившим докторскую диссертацию в 1969 г., и поддерживаемое академиками А.И.Бергом, Б.Н.Петровым и чл.-корр. АН СССР Б.Ф.Ломовым.

С этого момента разворачивается интенсивная научная, организационная и просветительская работа по расширению и углублению научных исследований, оперативному обмену их результатами, для чего организуется комплекс регулярных научных мероприятий:

1. Всесоюзные симпозиумы «Эффективность, качество и надежность систем «человек–техника» (раз в три года) (I–V Ленинград, 1966, 1969, 1972, 1975, 1978, VII – Новгород, 1981, с участием ученых соц. стран, VII – Таллинн, 1984г., VIII – Тбилиси, 1987г., IX – Воронеж, 1990г., международная научная конференция «Эргономика в России, СНГ и мире» (Россия, С.-Петербург, 1993г.);

2. Республиканские семинары «Проектирование и оптимизация человеко-машинных систем» (Севастополь, 1980–1989гг.);

3. Межрегиональные семинары «Эргономика и эффективность систем «человек–техника» (Литва, г.Игналина, 1980–1990 гг.);

4. Постоянно действующий Всесоюзный семинар «Эрготехнические системы» (Ленинград, 1980–1988 гг.);

5. Всесоюзная научно-техническая конференция «Автоматизация научных исследований, эргономического проектирования и испытаний сложных человеко-машинных систем» (Ленинград, 1983 и 1985г.).

За 30 лет опубликовано более 20 монографий и справочников, докторами наук и профессорами стали А.П.Блинов, В.Г.Евграфов, В.В.Кобзев, П.И.Падерно, Д.К.Федотов, Е.Б.Цой (Россия), Г.Г.Маньшин, А.С.Гринберг (Беларусь), А.Т.Ашеров, Е.А.Лавров, А.П.Ротштейн (Украина), К.А.Амбарцумян (Армения), защищено более 100 кандидатских диссертаций.

В 1981 году на базе данного научного направления создана Советская эргономическая ассоциация (в настоящее время Межрегиональная эргономическая ассоциация), которая объединяла более 300 членов из 10 республик и 40 городов СССР, в 1988 году была принята в Международную эргономическую ассоциацию, в которой представляет Россию.

Основные задачи: гуманизация труда (повышение безопасности, производительности и комфортности); увеличение конкурентоспособности выпускаемой продукции; повышение эффективности проектируемых, разрабатываемых и производимых изделий и систем, за счет всестороннего учета человеческого фактора на всех этапах. Решение перечисленных задач достигается за счет проведения экспертных, сервисных, обучающих, исследовательских, проектных и производственных работ по следующим направлениям:

- разработка человеко-ориентированных технологий при создании новых и модернизации действующих человеко-машинных комплексов, организационно-технических и социо-технических систем;
- оптимизация человеко-машинных систем (определение рационального уровня автоматизации, распределение функций, разработка алгоритмов функционирования, подготовка инструкций и др.);
- оценка (независимая экспертиза) эргономического уровня продукции, изделий, технологий, систем;
- определение состава и других характеристик обрабатываемой информации, разработка способов и средств ее предъявления и ввода;
- создание и экспертиза рабочих мест и зон, их типовых унифицированных модулей, инфраструктур производственных помещений;
- разработка способов и средств обеспечения работоспособности человека, контроля и корректирования его функционального состояния;
- разработка и внедрение способов, средств и методов профессионального отбора, подбора групп, их обучения, тренировки и адаптации;

- оценка и прогноз качества трудовой (учебной и др.) деятельности, эффективности человеко-машинных систем и технологий и социальных последствий их внедрения в народное хозяйство.

Результаты основных работ прошли апробацию и были внедрены при разработке и создании банка эргономических данных и ряде других комплексных НИР и ОКР.

Лущихина И.М.

ИНЖЕНЕРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ОПЕРАТОРОВ

Для многих отечественных и зарубежных психологов речевые коммуникации являлись объектом пристального внимания как интегральные и информационно насыщенные процессы, дающие представление о личностных свойствах операторов, их эмоциональном состоянии, степени осведомленности о состоянии оборудования и всей системы.

Именно в этом направлении под руководством Б.Ф.Ломова были начаты первые в отечественной инженерной психологии исследования по оптимизации деятельности операторов, принимающих устную речевую информацию в сложных, зачастую экстремальных условиях. Накопленные данные позволили создать перечень инженерно-психологических требований к звуковым сигнализаторам речевых и неречевых сообщений. В 1977 году Госстандартом СССР эти требования были утверждены как обязательные при использования звуковых систем связи.

Большое внимание уделялось индивидуально-психологическим свойствам операторов связи, особенностям их памяти, внимания, помехоустойчивости, что позволяло прогнозировать результаты успешной деятельности. Одновременно с большим интересом были встречены исследования, связанные с возможностями диагностировать по голосу и речи эмоциональные состояния операторов, что в условиях успешно начавшихся космических полетов приобретало первостепенное значение. Эти исследования были представлены в материалах Всесоюзной конференции «Речь и эмоции» (Ленинград, 1976 и 1978), объединившей специалистов различных направлений науки – от филологов до робототехников. Хотелось бы также отметить и большую включенность разных исполнителей исследований – от студентов, когда они выступали в ролях испытуемых и лаборантов до профессоров и доцентов. Всех объединяло общее дело и общие интересы.

Постоянный профессиональный интерес в проводимых исследованиях представляли психолингвистические свойства самих переговоров:

длина и структура предложений, наиболее частые текстовые элементы – от отдельных речевых звуков до лексических наименований, ударение и интонация. Полученные результаты позволили предложить их в качестве материала для составления профессиональных фразеологических служебных документов, например, для авиадиспетчеров.

Зрительная модальность речевых процессов была и остается в зоне постоянного внимания многих специалистов, занимающихся проблемами считывания информации в текстовой форме. Шрифтовые особенности, размеры и конфигурации букв, расположение информации в виде надписей, позднее – представление ее на экране компьютера, скорость считывания информации, систематика ошибок – все эти вопросы относятся к фундаментальным инженерно-психологическим проблемам.

Особый интерес в инженерной психологии представляют вопросы, связанные с процессами автоматического синтеза и анализа речи, попытками моделирования в диалоговом режиме естественных функций и свойств речи. Голосо-речевой ввод информации в приемные устройства автоматизированных устройств позволил бы в перспективе управлять ими в условиях, исключающих другие возможные способы, что обеспечило бы безопасность деятельности операторов. Эти исследования также были начаты под руководством Б.Ф.Ломова, нашли свое отражение в работах постоянно действующего в течение ряда лет семинара АРСО (автоматическое распознавание слуховых образов) и, хочется на это надеяться, получат достойное развитие в XXI веке.

Пономаренко В.А.

НАУЧНЫЙ ВКЛАД Б.Ф.ЛОМОВА В АВИАКОСМИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

1. Методологические работы Б.Ф.Ломова в области инженерной психологии, психологии труда, педагогической психологии, системных исследований по существу стали новым научным инструментом, принципиально изменившим технологию научного мышления психологов-практиков. В результате практика авиакосмических психологов становилась фундаментом теории психофизического пространства операторской деятельности, системного анализа проектирования деятельности субъекта труда, психического развития личности в профессии.

2. Теоретические работы Б.Ф.Ломова в области надежности и эффективности человеко-машинных систем, ресурсов человеческого фактора вывели рассудочную психологию в авиации на уровень конструкторского решения проблем во всей инфраструктуре психологического обеспе-

чения безопасности человека в несвойственной среде обитания, в интересах полисистем: человек – человек, человек – машина – среда, человек – природа – общество, человек – право – сознание.

3. Б.Ф.Ломов в интересах авиакосмической психологии выполнил ряд практических работ, принимая непосредственное участие в разработке психологического обеспечения выхода космонавта А.Леонова в открытый космос, в создании системы количественных показателей работоспособности космонавтов, построения образа мира, в обосновании ручных систем управления стыковкой космических кораблей, в создании системы профессиональной подготовки к распознаванию образов применительно к профессиональным задачам.

4. Концепция «образ–цель» совершенно по-новому определила методологию исследования внутреннего мира человека. Это позволило в авиационной психологии выйти на открытие роли неинструментальных сигналов как механизма формирования гипотез и предвидения наступления событий, т.е. раскрыть смысловую сторону информационной характеристики физического ощущения движения летального аппарата в пространстве. Плодотворные идеи Б.Ф.Ломова о саморазвитии психического как целого нашли применение в авиационной психологии в исследованиях о законах управления многомерностью психических функций как в задачах преобразования кода, знака, символа в психических образ, так и в задачах принятия решения и тактического мышления как базового свойства профессионального интеллекта.

5. В последний период жизни Б.Ф.Ломов развивал идею о создании прижизненного ансамбля компенсаторных механизмов «низших уровней», управляемых психикой на принципе целеполагания, и смысла оперативного взаимодействия человека со стрессогенной обстановкой. Эти идеи реализовались в авиационной инженерной психологии в русле формирования психофизической надежности профессионала. Были созданы модели обучения и тренировки, когда человек был способен включать компенсаторные функции, предотвращая истощаемость резервов основных функций организма и психики. Удалось создать технологию профессиональной подготовки, при которой лимитирующая функция организма в конкретной полетной ситуации сохраняла защитную роль. Образно говоря, инстинктам «придавалась» разумность, а разумности поведения природная целесообразность инстинкта.

6. В докладе будут более подробно изложены психологические основания духовности профессионала, некоторые материалы исследования бытийных, рефлексивных, духовных уровней сознания, детерминанты их регуляции и влияние на надежность личности в опасной профессии. Все эти материалы исследования были нацелены на доказательства идеи

Б.Ф.Ломова о измеримости процесса «сознательное–бессознательное», о новых формах психического отражения времени и пространства в летном труде, когда пространство приобретает личностный смысл, управляя и регулируя смены уровней сознания. При этом прерывность психического образа полета в переходный период от осознаваемого к неосознаваемому выступает как материальный носитель продуктивной информации. Речь будет идти о роли трансцендентных форм сознания как результат летного опыта человека.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Абрамов А.М.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социальная психология стала независимой наукой отчасти потому, по утверждению Т.Шибутани, что специалисты различных отраслей знания не в состоянии были решить некоторые свои проблемы. Пограничный характер социальной психологии порожден спецификой ее предмета и особенностями ее происхождения. Борьба с атомистической, «безличностной» психологией привела к возникновению так называемой «понимающей психологии». Представитель этого направления В.Дильтей (1833–1911) выступил против экспериментальных методов В.Вундта, высказав мысль, что психику человека можно только понять, но нельзя исследовать естественнонаучным методом. Позднее Э.Шпрангер (1882–1963) считал главным в личности ее ценностные ориентации, посредством которых она познает мир. Зарубежные социально-психологические школы можно разделить на три направления:

1. Необихевиористская и транзактная психология (Э.Богардус, Г.Олпорт, Э.Кентрил), кладущие в основу поведение, деятельность, прошлый опыт.

2. Неофрейдизм, социометрия (Э.Фромм, Д.Морено), исходящие из влечений, желаний, эмоций и чувств.

3. Когнитивистские направления (К.Левин, М.Фестингер, Т.Ньюкомб), кладущие в основу регуляции поведения рациональные процессы.

Т.Парсонс обозначил роль ценностных ориентаций в своей модели построения общества. Ценности, согласно Парсонсу, есть основные элементы культуры, которая состоит из способов ориентирования и действования, причем эти способы «воплощены» в значимых символах. Социальная ценность – это институализированная норма. Социальная роль – это личностная мотивация. Ценностные ориентации, как это доказывал Парсонс, имеют большую роль в жизни и устройстве общества.

Большое влияние на изучение проблемы ценностных ориентаций оказали исследования аттитюдов. Аттитюды – это основная программа ситуационного, тактического и стратегического поведения человека по отношению к

себе, к ближайшим социальным группам и к обществу в целом. Исследования аттитюдов – четко фиксированная самостоятельная область в американской социальной психологии. У.Мак-Гайр отмечал, что особое развитие эти исследования получили в 30–40 годы. Исследованиями аттитюдов занимались М.Шериф и К.Шериф, М.Шоу и Ф.Констанцио, М.Дойч и Р.Краусс, Э.Холландер и П.Хант, Г.Линдсей, Э.Аронсон, Д.Мак-Дэвид, Г.Харари, Ч.Кули, Р.Мертон, Т.Шибутани, Г.Мид. В исследованиях аттитюдов не менее солидную традицию создал и бихевиоризм: его представителя К.Ховланда иногда называют главой особой школы по изучению аттитюдов.

В изучение ценностных ориентаций личности и их влияния на развитие общества значительный вклад внес выдающийся психолог двадцатого столетия В.Франкл. Большое внимание проблеме ценностных ориентаций уделяли К.Роджерс., К.Хольцкамп, Ж.Ньютен, Х.Хекхаузен. Новым шагом в объяснении поведения человека явилась теория поля К.Левина.

Большой вклад в изучение ценностных ориентаций внесли российские психологи. В.М.Мясищев говорил, что одной из важнейших задач психологии является изучение закономерностей формирования личности. Эту проблему исследовали Б.М.Теплов, П.И.Иванов, А.П.Архипов. В ряде работ проблемы интереса стоят в тесной связи с проблемой мотивации поведения (А.Н.Леонтьев, Л.И.Божович, В.Г.Иванов, А.Ф.Эсаулов, А.В.Смирнов, А.С.Смирнов, А.С.Егоров, А.Г.Киселев. Исследования ценностных ориентаций продолжаются в отечественной и мировой психологии.

Амосенко О.В., Грищенко П. А.

ОПЫТ ЭНЕРГО-ИНФОРМАЦИОННОГО АНАЛИЗА ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ

Учение Б.Г.Ананьева о синтезирующем комплексном психологическом изучении человека подчеркивает необходимость исследования разных уровней активности его как индивида, личности и индивидуальности. Имеются разные типологии поведения. В целях энерго-информационного анализа механизмов поведения мы воспользовались моделью типологии, довольно распространенной в социальной и политической психологии, выделяющей кооперативный, коммуникативный, интеллектуальный, личностный и физический типы. В эксперименте О.В.Амосенко определялись названные стили поведения. Весь эксперимент был зафиксирован на видеозаписи.

Анализ особенностей поведения явился частью более широкого комплексного исследования поуровневой активности испытуемых. В качестве энергетических характеристик использовались показатели, полученные по методам динамометрии, тремометрии, температуре и эндогенной воле. Информационными характеристиками рассматривались интеллект, мотивация, воля, личностные характеристики и особенности поведения. Испытуемыми явились учащиеся 9-х классов школы №84 Санкт-Петербурга.

Анализ выявил, что доминирующим типом поведения в этом возрасте является тип физический с отчетливыми половыми различиями. У девушек стиль поведения связан с мотивационными и личностными особенностями. Отрицательные связи обнаружены с показателями волевой активности и интеллекта. Из энергетических показателей следует отметить высоко значимые корреляции с силой мышечного напряжения и задержкой дыхания. У юношей установлены только положительные корреляции с интеллектом и волевой физической выносливостью.

Таким образом, поведение девушек формируется в значительной степени в соответствии с особенностями физического развития и мотивационно-личностной сферы, а у юношей – с особенностями интеллекта и волевых проявлений. Понимание механизмов поведения с позиции энерго-информационного подхода является обоснованным для прогнозирования поведения подростков и разработки коррекционных программ.

Анисимова О.М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АДЕКВАТНОСТИ САМОСОЗНАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

Традиционно принято считать, что самопознание – это позитивный личностный процесс, напрямую связанный с самосовершенствованием. Адекватность самопредставления расценивается как условие, обеспечивающее личности свободу и возможность эффективного поведения.

Центральным моментом психотерапии, в задачи которой входит коррекция личности, является усиление самоосознания. Так в психоанализе осознание бессознательного – это путь избавления от невроза, а первым этапом психосинтеза Р.Ассаджоли служит выделение и осознание своих личностных подсистем – основных установок или моделей мира.

Однако следует констатировать, что не всегда процесс самоосознания сопровождается усилением Я. Самоосознание в условиях психотерапии и в повседневной жизни, – это два качественно разных процесса. Главным условием психотерапевтического взаимодействия является безоценочное отношение, которое может обеспечить психотерапевт-профессионал, но которое, как правило, не обеспечивается в повседневной жизни. Это приводит к тому, что в своем обычном поведении человек не склонен к самоанализу и прибегает ко всякого рода психологическим защитам собственного Я. Сниженность степени самоосознания обеспечивает защищенность Я и делает поведение внешне более свободным. Наоборот, склонность к самоанализу в обстановке социальных оценочных отношений снижает защищенность Я, а вместе с тем и свободу поведения субъекта. Это положение подтверждается и в наших исследованиях самооценки, где выявился факт завышенной самооценки лиц с организаторским потенциалом и статусом и наоборот – заниженной самооценки лиц интровертированных, с низким социальным статусом и повышенным чувством вины. Следовательно:

1) психологическую защиту Я можно рассматривать и как позитивный личностный конструкт;

2) усиление самоосознания оправдано только в условиях целенаправленного психотерапевтического взаимодействия. Условиями, приближающимися к терапевтическим, являются отношения любящего родителя к ребенку, мудрого учителя к ученику, способных к безоценочным отношениям;

3) в повседневной жизни личность естественным путем приходит к той степени осознанности себя, которая ей необходима для эффективного функционирования. Стихийно возникающий процесс усиления самоосознания приводит к снижению эффективности поведения;

4) степень осознанности, вероятно, связана с наличием в Я нравственных образцов существования, ясно осознаваемых как свои.

Березовская Р.А.

ПЛАНИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В современной психологии под карьерой понимают многолетнюю профессиональную деятельность, нацеленную на высокие достижения и связанную с постоянным самосовершенствованием в одном или нескольких видах

труда. Карьера – это не столько должностное продвижение вверх по служебной лестнице, сколько процесс эффективной профессионализации.

Одним из важнейших условий успешного профессионального развития является планирование карьеры или проектирование индивидуальной профессиональной стратегии. В психологической литературе, посвященной проблемам профессионального развития, нам, к сожалению, не удалось найти определения понятия «планирование карьеры». Поэтому мы предлагаем в дальнейшем под планированием карьеры понимать *управленческий процесс создания и поддержания динамического соответствия между профессиональными целями человека, его возможностями (знаниями, умениями, навыками) и особенностями современного рынка труда.*

В результате предварительного анализа теоретического и практического материала нами было выделено несколько основных направлений исследования планирования профессиональной карьеры:

1. Исследование особенностей планирования карьеры в зависимости от стадии профессионального становления личности. В профессиональной карьере выделяют четыре основных этапа: подготовка, старт, кульминация и финиш. Наиболее осознанно подходят к вопросам планирования карьеры профессионалы на этапе кульминации. На стадии подготовки и старта потребность в планировании еще недостаточно актуализирована.

2. Исследование особенностей планирования карьеры в зависимости от специфики профессиональной деятельности. Традиционно вопросы профессиональной карьеры изучаются в областях профессиональной деятельности, которые изначально имеют своей целью высокие профессиональные достижения (например, управленческая и спортивная деятельность). Однако сегодня стремление сделать успешную профессиональную карьеру характерно и для представителей других профессий, поэтому было бы интересно изучить особенности планирования карьеры в тех профессиях, где карьера связана в большей степени именно с профессиональным, а не служебным ростом.

3. Исследование гендерных особенностей планирования карьеры. В нашем обществе традиционно считалась, что профессиональная карьера – это прерогатива мужчин. Однако в настоящее время ситуация в обществе изменяется в сторону все большего участия женщин в профессиональной жизни, поэтому изучение гендерных особенностей является актуальным.

4. Исследование особенностей планирования карьеры в зависимости от индивидуально-психологических особенностей. В рамках данного направления особый интерес может представлять изучение карьерной мотивации

(что заставляет человека стремиться к высоким профессиональным достижениям); личностных особенностей, способствующих или препятствующих профессиональной карьере; а также исследование «субъективной цены», которую человек платит за успешную карьеру (например, здоровье, семейное счастье, свободное время и т.д.).

Бурыкин Д.В.

ПОВЕДЕНИЕ И КАЗУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Поскольку человек занимается не просто приемом, хранением и передачей сообщений, но и их использованием, то при описании его активности средствами математической теории связи само понятие информации становится слишком обобщенным. Имеется необходимость расчленения единого понятия на два существенно отличающихся друг от друга субтермина.

Первый должен обозначать тот аспект, с исследования которого началось построение теории. Речь идет об информации сообщения о событии. Здесь особенно важно то, что оба не являются ни причиной, ни следствием друг друга: они просто связаны определенными условными вероятностями. Второй субтермин должен отражать ту разновидность информации, которая имеется, например, между поведенческой реакцией индивида на ситуацию и результатами этой реакции – изменением ситуации в ту или иную сторону.

Трудно рассматривать такой ответ индивида как «просто сообщение». Вместе с тем реакция эта, как и подобает классическому сообщению, несет о своих последствиях определенное количество информации. Информация эта может быть как исчерпывающей – желаемое последствие реакции точно наступило, так и частичной – определенный исход событий в результате реакции стал более вероятен. Количественно она описывается теми же математическими выражениями, что и просто «информация». Эту информацию можно обозначить как *казуальную*, то есть информацию причины о следствии (или следствия о причине), а информацию о событии обычного сообщения, не являющегося для него ни причиной, ни следствием, в случаях, требующих уточнения, можно было бы определять как *индифферентную*.

Подобное уточнение обычных представлений позволяет рассматривать поведение и деятельность индивида не просто как физическую активность, имеющую свои материальные последствия, но и как активность информаци-

онную, в которой человек выступает как генератор новой, *казуальной* информации. Последнюю он осознанно или бессознательно приплюсовывает к уже имеющейся с целью получения максимально благоприятных сообщений о перспективе своего индивидуального и социального выживания. Соответственно поведение и деятельность оказываются наиболее органично включенными в единую качественно-количественную модель наряду с такими очевидно «информационными» процессами, как ощущения, восприятия, память и т. п.

Васильев В.К.

НОВЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНА ЛИДЕРСТВА

Исследование лидерства находится в периоде методологического кризиса: отсутствует конструктивный понятийный аппарат, различные концепции лидерства не стыкуются между собой или даже противоречат друг другу, эмпирические работы проводятся без последующего обобщения. В ходе анализа литературных данных мы пришли к выводу о том, что преодоление указанного кризиса является достижимым при решительном продвижении по двум направлениям теоретического и эмпирического исследования:

1. Отказ от рассмотрения лидерства как самостоятельного психологического феномена. Постулирование на основе накопленных в литературе данных более общих явлений, в структуре которых лидерство выступало бы всего лишь как один из необходимых элементов.

2. Отказ от рассмотрения лидерства в качестве чисто человеческого феномена, обусловленного взаимодействиями и взаимоотношениями, характерными исключительно для человеческого общества.

Проводимые нами по указанным двум направлениям изыскания дают основание сформулировать систему соподчиненных понятий, конкретно описывающих феномен лидерства в различных животных сообществах: кризисная групповая консолидация, иерархизация, ролевое многообразие, формы социального главенства (доминирование, лидерство, руководство), а также лидирование и ведомость как компоненты лидерства. Понятия «кризисной групповой консолидации» и «социальное главенство» имеют смыслообразующее значение и нуждаются в подробном описании.

Кризисная групповая консолидация (КГК) – объединение ранее автономных индивидов в группу при появлении значимой общей проблемы

(опасности), предполагающее спонтанное усиление согласованности действий всех членов группы, как механизм группового преодоления опасности. Частной формой КГК служит обязательное и спонтанное усиление сплоченности (единодушие, единомыслие, внешнее единообразие) сложившейся группы при повышении напряженности условий ее жизнедеятельности (действия на «чужой» территории, наличие жизненно важной общей задачи и т.д.). В связи с эволюционной природой КГК самыми надежными условиями для ее формирования служит появление внешнего врага или общей беды (природный катаклизм, последствия техногенной катастрофы).

КГК в своей психологической и поведенческой частях сформировалась в эволюции животного мира как социальный механизм группового выживания. С содержательной стороны КГК эволюционировала от примитивного пространственного сплочения, обеспечивающего особи оптимальную терморегуляцию и защиту от хищника, до сплочения психологического, формирующего группу как мощное специфическое средство координации индивидуальных усилий ради преодоления экстремальных ситуаций.

Факт «привязанности» КГК к экстремальной ситуации означает среди прочего, что консолидация не является абсолютной адаптивной ценностью: в ситуациях относительного покоя теснота внутригрупповых отношений и взаимодействий с неизбежностью ослабевает, более ценным для выживания сообщества становится автономизация и повышение независимости особи от группы. В структуру групповых процессов в качестве обязательных элементов «встроены» процессы не только создания и сплочения группы, но и процессы ее своевременного «саморазрушения»: спонтанное распадение группы на подгруппы, групповая поляризация, нонконформизм.

С учетом сказанного некоторые якобы негативные следствия КГК в человеческих группах (например, «групповое мышление» или подавление творческой активности) могут трактоваться не в качестве неизбежных пороков группы как социально-психологического целого, а в качестве результата некорректной, искусственно вызванной стимуляции групповых процессов в неадекватных для них внешних условиях. С позиции эволюции животного мира задача выработки группового решения по значимой проблеме является противоестественной: везде и всегда решение принимается сложившимся в группе, отобранным на эту роль самой жизнью вожаком (лидером).

Под социальным главенством мы понимаем один из аспектов групповой иерархизации и ролеобразования и выделяем три его типа по тому, каким образом происходит взаимодействие между членами группы: главенство на

основе силовых взаимодействий (доминирование и подчинение), главенство на основе единых целей (лидирование и ведомость) и главенство на основе соглашения (управление и исполнительство).

Благодаря внедрению принципа выборности (или персонального отбора) в большинство областей трудовой деятельности в работу государственного аппарата, создание обоснованной и прагматичной концепции лидерства представляется исключительно актуальным. Анализ животной предыстории лидерства и формулирование системы обобщающих понятий – необходимые условия для возникновения такой концепции.

Васильева Н.В.

ПЯТЬ ВИДОВ ЧУВСТВ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Понятие «чувство» в общежитейском контексте имеет два основных смысла – как познавательный процесс и образ (вид чувствительности) и как эмоциональное переживание. Другие его смыслы (чувство справедливости, интуитивное чувство и т.д.) носят философский или художественный характер. Рассмотрим только первый смысл – вид чувствительности.

Со времен Аристотеля предполагалось, что человек имеет пять видов чувств, называемых еще и ощущениями (в современной терминологии – первичными образами) – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Аристотель же выделил представления как психическое явление (вторичные образы). В дальнейшем произошло разнесение организационных уровней первичных образов (чувств) на сенсорику и перцепцию. Автоматически описанные пять видов ощущений были перенесены и на виды восприятия. Представляется, что современные данные вносят коррективы в обсуждаемый вопрос.

В естественных науках (особенно в неврологии) длительное время происходило уточнение количества видов сенсорной чувствительности. Были выделены около двух десятков видов рецепторов: зрение, слух, хеморецепция в виде обоняния и вкуса, ощущение тепла и ощущение холода как отдельные виды чувствительности, тактильная рецепция, ортостатическая, глубокая (давление, вес, вибрация, боль, интероцепция). Если применять наличие специфического рецептора как критерий для обозначения вида сенсорики, то сложные виды ощущений – зрение и слух – обеспечиваются не одним видом рецепторов, что еще более усложняет анализируемый вопрос.

Проблема еще усложняется, когда мы пытаемся определить количество чувств на уровне перцепции. Если сенсорный образ отражает парциальное свойство предмета и критерий наличия специфического рецептора все же допустим (за неимением других), то перцептивный образ есть целостное отражение предмета во всех его пространственно-временных и модальных характеристиках. Такое определение явно позволяет обозначить количество чувств только по критерию модальности, что соответствует Аристотелевской традиции. Но данные экспериментальной психологии достаточно убедительно показывают, что пространственные и временные характеристики предметов отражаются только в трех модальностях – визуальной, аудиальной и гаптической (кинестетической). Хеморецепция не дает достаточно адекватного представления ни о пространственных, ни о временных параметрах объекта. Таким образом, модальность не может служить критерием для определения вида восприятия (вида перцептивного чувства).

Данные нейропсихологии указывают на то, что в коре представлены первичные (сенсорные) и вторичные (перцептивные) зоны только трех модальностей – окципитальная (зрительная), темпоральная (слуховая) и постцентральная (соматосенсорная, кинестетическая). И только эти три области формируют третичные зоны (париетальные), обеспечивающие репрезентативный уровень когнитивных процессов (представления).

Также известно, что зрение осуществляет отражение пространственных характеристик объекта без временных параметров, аудиальный перцептивный образ (ритмический, речевой, музыкальный) разворачивается во времени и отражает временные параметры, гаптический перцепт формируется только одновременно в пространстве и времени (движение).

В свете вышесказанного представляется целесообразным выделять только три вида перцептивных чувств: филогенетически первичное гаптическое чувство, отражающее единое пространственно-временное свойство – движение; два позднейших более сложных вида перцептивных чувств – зрение (симультанно-пространственное) и слух (сукцессивно-временное).

Таким образом, существует от восьми до двух десятков (по разным классификациям) видов сенсорных чувств и три вида перцептивных чувств. Аристотелевская классификация принадлежит, по-видимому, уже истории.

Гарскова Г.Г.

ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ

Понятие эмоционального интеллекта было предложено Mayer и Salovey в 1990 году и получило широкое распространение в англоязычной психологии благодаря бестселлерам D.Goleman. Однако вопрос о необходимости введения в психологическую теорию нового понятия недостаточно проработан. Логическим основанием введения этого термина является доказательство неоднородности понятия «интеллект», а также того, что эмоции могут быть предметом интеллектуальных операций. Начиная с Л.Терстоуна, в психологии получила популярность многофакторная теория интеллекта, согласно которой интеллект как общая умственная способность существует в качестве теоретической абстракции, а экспериментально выявляются не связанные или только частично коррелируемые типы интеллектуальных способностей.

В настоящее время выделяются три относительно независимые интеллектуальные способности: абстрактный ум (способность понимать и манипулировать вербальными и математическими символами), практический интеллект (способность понимать и манипулировать объектами физического мира) и социальный интеллект (способность понимать социальные связи и иметь эффективные отношения с людьми). Таким образом, расширение классификации типов интеллекта принципиально возможно.

Вопрос об отношениях между аффективной сферой и познанием был предметом многочисленных дискуссий в течение всей истории психологии XIX и XX века. Психологическая теория традиционно отделяет познание и эмоции как не сводимые друг к другу психические образования. Критика концепции эмоционального интеллекта состоит в том, что в ней эмоции подменяются интеллектом. Однако эта критика не правомерна. Эмоции отражают отношения человека к различным сферам жизни и к самому себе. А интеллект – это способность к пониманию отношений и абстрагированию. Следовательно, эмоции в форме, наиболее полно репрезентирующей отношения личности, могут быть объектом интеллектуальных операций. Такой формой является вербализация эмоций, основанная на их осознании и дифференцировке. Таким образом, эмоциональный интеллект – это способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза.

Необходимым условием эмоционального интеллекта является понимание эмоций субъектом. Конечный продукт эмоционального интеллекта – это принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, которые являются дифференцированной оценкой событий, имеющих личностный смысл. Эмоциональный интеллект продуцирует неочевидные способы активности для достижения целей и удовлетворения потребностей личности. Если абстрактный и конкретный интеллект отражают закономерности внешнего мира, то эмоциональный интеллект отражает внутренний мир в связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью.

Философские корни концепции эмоционального интеллекта восходят к трудам Аристотеля, рассуждения которого имплицитно содержат идею о регулятивной функции интеллекта применительно к эмоционально обусловленному целеориентированному поведению. Анализ эмпирических теорий в области психотерапии и психокоррекции показывает, что введение термина «эмоциональный интеллект» увеличивает их объясняющую силу. Так, теория «АВС» А.Эллиса, лежащая в основе рационально-эмотивной психотерапии, постулирует когнитивную природу эмоций. Однако подобный вывод противоречит многочисленным теоретическим исследованиям. Введение данного понятия позволяет снять это противоречие.

Таким образом, помимо логического обоснования введения понятия «эмоциональный интеллект» можно выделить историко-научный и эмпирический критерии правомерности расширения понятийного аппарата психологии. Историко-научное обоснование заключается в доказательстве того, что понятие эмоционального интеллекта имплицитно присутствует в ряде общепризнанных теорий, оказавших влияние на психологическую науку.

Говоров Н.С.

О СОВПАДЕНИИ НЕВОПЛОЩЕННЫХ ИДЕЙ Б.Г.АНАНЬЕВА И И.П.ПАВЛОВА

В самом начале своей научной деятельности Б.Г.Ананьев по заданию и под руководством В.М.Бехтерева приступил к изучению законов реалистического актерского мастерства. Одной из ранних его работ стало исследование системы К.С.Станиславского, в которой он утверждает, что К.С.Станиславский был не только великим реформатором сцены, но и не менее великим психологом-эмпириком, открывшим *существование* объек-

тивных законов реалистического актерского мастерства. Несколькими годами раньше И.П.Павлов, совместно с К.С.Станиславским, запланировал создание лаборатории по изучению законов этого мастерства. И.П.Павлов увидел в открытом К.С.Станиславским существовании законов актерского мастерства – это то, что они одновременно являются и законами психической нормы, раскрывающимися в специфической форме актерского труда. Лаборатория однако осталась не созданной из-за смерти И.П.Павлова.

Если для Б.Г.Ананьева это был начальный этап его научной деятельности, то для И.П.Павлова – завершающий. И разработанная им исследовательская программа, намечавшая полное преобразование стратегии развития физиологии высшей нервной деятельности, оставшаяся неопубликованной, далеко выходила за рамки искусства и относилась к проблемам, исследованию которых Б.Г.Ананьев посвятил всю свою научную деятельность.

И.П.Павлов подверг тщательному анализу рукопись К.С.Станиславского «Работа актера над собой» и поддержал идею создания метода физических и словесных действий, которая в то время не была известна театральной общественности. И.П.Павлов сделал принципиальное критическое замечание в отношении направленности метода и способов его создания. Он заявил, что начинать его разработку надо не только для целей искусства. Только для театрального направления создать его невозможно. Это заключение И.П.Павлова подтвердилось безуспешностью попытки К.С.Станиславского прямым способом реализовать этот метод в постановке мольеровского «Тартюфа» и даже экспериментально-тренинговым процессом в Оперно-драматической студии. Позднее безуспешной оказалась попытка его учеников в послевоенные годы завершить этот эксперимент К.С.Станиславского, закончившийся полным выхолащиванием его замысла о кардинальном преобразовании развития театрального искусства в простейший и необязательный, чисто процедурный прием, а также переименованием его идеи метода физических и словесных действий в метод действенного анализа пьесы.

Овладевают реалистическим мастерством очень немногие актеры, даже проходившие тренинг по системе К.С.Станиславского. И именно поэтому К.С.Станиславский пришел к заключению, что создать систему ему не удалось. Невладение реалистическим мастерством проявляется в сценической фальши, являющейся, по определению В.Г.Неткачева, «психопатологией актерской игры». Идея метода физических и словесных действий должна была обеспечить полное преодоление этой психопатологии актерской игры.

В идее создания метода физических и словесных действий И.П.Павлов увидел возможность создания *экспериментальной модели исследования психической нормы* в процессе ее тренингового развития. Метод продолжал разрабатываться в процессе лечения нервно-психической патологии. Затем совершенствовался с учетом психической нормы учащихся и коррекции школьной неуспеваемости. На основе разрабатываемого метода предполагалось приступить к его освоению в театральном искусстве. Цель – достижение психической нормы всеми действующими в спектаклях актерами, полное устранение из театрального искусства психопатологии актерской игры и перестройка театральной методологии.

Головей Л.А., Барри У.

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Выявление и определение различных типов личности с учетом сферы жизнедеятельности человека имеет большое значение как для теоретической, так и для практической психологии. Особенно это актуально сегодня при проведении индивидуального психологического консультирования.

Мы выделили следующие типы социальной активности личности: 1 – эмпатийный (склонный к переживанию за других людей, к сочувствию), 2 – социально-ответственный (принимающий на себя ответственность за других людей), 3 – дружелюбный (имеющий доброжелательные установки), 4 – социально-привлекательный (притягательный, ценящий признание других людей и стремящийся соответствовать их ожиданиям), 5 – нацеленный на социальные ценности (учитывающий интересы других людей).

Исследование показало, что выраженность индивидуально-типологических особенностей выделенных нами различных форм социальной активности поведения объективируется в межличностном восприятии путем проективной атрибуции. Восприятие личности других людей определялось по специально разработанной методике с использованием 16-ти факторного личностного опросника Кеттелла, дающей возможность произвести расчет индексов личностной атрибуции (ЛА). В исследовании приняли участие 108 студентов факультета психологии СПбГУ.

Для определения черт типичного эмпатийного поведения использовались показатели эмпатии по методике И.М.Юсупова. При анализе полученных связей с индексами ЛА выяснилось, что различным эмпатийным ориентаци-

ям соответствуют общие личностные характеристики по факторам O^+,H^- и Q_3^+ ($p<0,05$), т.е. для эмпатийного типа личности характерны прежде всего чувство вины, робость и самоконтроль поведения.

Для изучения типичного социально-ответственного поведения использовалась методика Дж.Роттера. Интернальность проявляется прежде всего в атрибуции социальной ответственности. Было обнаружено, что интернальность значимо связана с индексом ЛА по фактору O^+ ($p<0,05$), т.е. социально-ответственному типу личности свойственно чувство вины.

Для исследования черт типичного дружелюбного поведения было использованы показатели экстраверсии и нейротизма (методика Айзенка), а также эмоциональной экспансивности (социометрия). Обнаружено, что индекс ЛА по фактору С имеет связь ($p<0,01$) с показателями дружелюбности (экстраверсия и нижний полюс нейротизма). Обнаруженная парная связь интерпретировалась как выделение фактора эмоциональности. Следовательно, дружелюбный тип личности отличается эмоциональностью.

Для определения ведущих черт типичного социально-привлекательного поведения были использованы показатели эмоционального и делового статуса (социометрия), выраженности социального интеллекта (групповая экспертная оценка) и лжи (методика Айзенка). Обнаружено, что по количеству имеющихся связей (3 из возможных 4-х) и по их значимости ($p<0,01$), факторы F^+, N^+ и M^+ выделяются как ведущие психологические свойства данного типа поведения. Соответственно данный тип личности характеризуется оптимистичностью, дипломатичностью и богатым воображением.

Для определения черт поведения, ориентированного на социальные ценности, использовались различные показатели опросника К.Томаса. Выяснилось, что Q_3^+ является единственным фактором связанным ($p<0,01$) с показателями ориентации поведения на социальные ценности. Следовательно, данный тип личности отличается прежде всего самоконтролем поведения.

Выделенные типы социальной активности проявляются в разной степени использования проективной атрибуции в ходе восприятия и оценивания других людей и различаются по личностным характеристикам.

Гулина М.А., Чупахина Ю.А.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ КАК СЕМЕЙНАЯ СИСТЕМА

Рационально-эмотивная терапия (РЭТ) – одна из наиболее развивающихся школ в бихевиоризме, которая имеет хорошо разработанную концепцию психического здоровья. Нами была предпринята попытка применить модель рационально-эмотивной терапии в области исследования семейных взаимоотношений, в частности родительско-детских. С этой целью было проведено исследование, которое должно было оценить возможность «заимствования» детьми иррациональных убеждений у своих родителей. Была выдвинута гипотеза, что существует преемственность в видах иррациональных убеждений, преобладающих в семье, т.е. иррациональные убеждения детей такие же, как у их родителей, выражены в той же степени и копируют родительскую структуру этих убеждений. Кроме того, предполагалось, что дети, которые воспитывались в семьях с разными типами семейной структуры, обладают различиями в иррациональных убеждениях.

В исследовании приняли участие 33 семьи (из них 9 неполных и 13 семей, имеющих детей-сиблингов). Было опрошено 45 детей (средний возраст 18 лет) и 80 родителей (матери и отцы). Родители заполнили «Тест иррациональных убеждений Джонса», а дети – «Тест иррациональных убеждений Джонса» и проективную методику «Рисунок семьи» с инструкцией «Нарисуйте семью, в которой Вы выросли». Для статистической обработки применялись корреляционный анализ Пирсона, ранговые корреляции Спирмена, расчет достоверности различий по t-критерию Стьюдента.

На основании композиционного анализа рисунков были условно выделены семь групп семей, с разными типами взаимоотношений и воспитания. Они были нами названы: «Галактикообразная», «Ребенок между мамой и папой», «Ребенок с родителем своего пола», «Ребенок с родителем противоположного пола», «Ребенок с мамой (неполная семья)», «Ребенок с сиблингом», «Ребенок себя не включил».

Результаты исследования показали, что нельзя утверждать, будто иррациональные убеждения передаются детям их родителями. Однако нами рассчитана разница между баллами, набранными детьми и их родителями по каждому из параметров теста Джонса. По полученным графикам можно ут-

верждать, что существует сходство между детьми и их родителями в профилях 10-ти исследованных иррациональных убеждений.

Вычисление ранговых корреляции Спирмена выявил несколько семей, где структура иррациональных убеждений детей копирует родительскую. Большая часть таких детей является младшими в семье. По-видимому, именно они дети подвергаются большему влиянию со стороны родителей.

Результаты исследования говорят о неоднозначности семейного влияния на воспитание ребенка. Предполагается, что детоцентрированная семья оказывает значительное положительное влияние на ребенка. Однако в нашем исследовании было выявлено, что дети именно из детоцентрированной семьи (группа 1 «Галактикообразная семья» и группа 2 «Ребенок между мамой и папой») показывают наивысшие баллы по параметрам «тревожная сверхозабоченность» и «общий уровень иррациональности» (тест Джонса). А дети из расширенной детоцентрированной семьи (группа 1 «Галактикообразная семья») показывают еще и высокие показатели по параметру «перфекционизм». Это говорит о том, что именно в семьях с подобной структурой к детям предъявляются максимальные требования.

Гусева А. Ю.

ПРОБЛЕМА ПОТРЕБНОСТИ В ИГРЕ

Исследования феномена игры неоднократно предпринимались с различных позиций. «Материалистическая психология» и педагогика описывали игру как «*средство социальной адаптации*», иногда – как «развлечение», противостоящее и «*труду*», и «*учению*». Игра определена как «организуемая взрослыми форма подготовки ребенка к будущей жизни в человеческом обществе» (С.Н.Карпова, Н.Г.Лысюк) и как «своеобразная форма деятельности детей, предметом которой является взрослый человек» и «такая деятельность, в которой воссоздаются социальные отношения между людьми вне условий непосредственно утилитарной деятельности». Использование словосочетаний «игровая деятельность» и «дидактическая игра», явно свидетельствует о *неспособности авторов различать игру* и *целенаправленную деятельность*! Радикальное отличие деятельности от игры состоит в том, что в первой необходимо сознательное целеполагание. В игре целеполагание необязательно и носит условно-символический характер.

Идеологическая парадигма 60–70 годов оказалась весомее здравого смысла. При ее анализе обнаруживаем, что «потребность в игре» мыслится скорее как потребность взрослых, а не потребность ребенка. Иллюзии, что ребенок есть некий «недоделанный» взрослый человек и что взрослый заранее и сполна знает, что понадобится в будущем объекту его педагогических воздействий, безвредна только в стационарных социумах, где столетиями ничего не происходит, а стабильность остается главной ценностью.

Функции игры не исчерпываются перечнем «игра–развлечение» и «игра–обучение». Уже у высших животных число функций игры больше. В частности, выделены три типа игр: имитационные – в них происходит импринтинг накопленных популяцией эффективных схем поведения; конкурентные, назначение которых – самоопределение особи в социальной иерархии и тренировка способностей, и поисковые игры, предназначенные для испытания новых способов поведения и запечатления наиболее успешных. Человечество создало уникальный тип игр – азартные игры.

Термин «потребность в игре» представляется суженным, предпочтительным считаем «потребность в самореализации». Внешняя обстановка и социальное окружение лишь модулируют формы удовлетворения этой потребности. Правда, школа «гуманистической психологии» (А.Маслоу) потребность в самореализации относит к «исключительно человеческим» – социально обусловленным. А во фрейдистских психоаналитических схемах игра и творчество объявлены явлениями по сути биологическими, а социум лишь направляет «психическую энергию» в приемлемые для него русла – в игры, художественное и социальное творчество. Однако в наблюдениях над поведением животных фрейдовские схемы не находят подтверждения, а тем не менее дельфины, бегемоты, собаки, кошки, вороны – играют. Вид Homo sapiens отличается тем, что у части популяции «потребность в самореализации» сохраняет актуальность в зрелом и даже старческом возрасте (различные варианты игры и творческие порывы, не спровоцированные извне, можно наблюдать у стариков). Большая представленность креативных игр позволила виду «человек разумный» подняться над «чисто животным» существованием и выйти в сферы культурогенеза и техногенеза. В протоцивилизациях доминируют игры имитационные, запечатлевающие готовые схемы поведения, а также и азартные («бесплодные»).

Такое соотношение между играми и внутренней стабильностью социумов позволяет предполагать их гомологическую связь. Имитационные, конкурентные и азартные игры, вытеснившие игры креативные, – условие внут-

ренней неизменности социума. Подавление креативных игр лишает членов такого общества креативного опыта, а затем – и способностей такого социума к адаптации в резко меняющихся условиях. Взгляд советских педагогических авторитетов на детскую игру обнаруживает реальные ценности социума. Стабильность и неизменность – залог превращения в реликт.

Дашков И.М., Курганский Н.А.

УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА ИЛИ ЕГО СТРУКТУРА

На протяжении ряда лет авторами (при участии Л.К.Федоровой и Н.А.Батурина) разрабатывается комплекс методов для оценки уровня и структуры интеллекта, начиная с подросткового возраста. В процессе апробации отдельных составляющих этого комплекса накоплен значительный эмпирический материал о характеристиках интеллекта учащихся среднего и старшего школьных возрастов, обучающихся по различным образовательным программам и в школах разного типа. Поскольку часть этого материала получена при многократном тестировании одних и тех же учащихся по эквивалентным формам комплекса, появляется возможность лонгитюдного анализа накопленных результатов, особенно в связи с обширными данными об успешности обучения обследованных лиц.

В качестве одного из приложений анализа авторами выявлены критерии прогноза успешности обучения по основным школьным специализациям (гуманитарной, естественнонаучной, физико-математической) на основе распределения субтестовых оценок (профиля) интеллекта учащихся. Что касается уровня интеллекта, то запросы к нему как фактору успешности обучения особенно очевидны в специализированных школах, где умственное развитие учащихся идет более интенсивно.

Не удивительно, что в школьной практике распространена дифференциация учащихся по классам одной параллели в зависимости от успешности обучения (в скрытом виде – от уровня интеллекта). Однако такая дифференциация не всегда этически обоснована и к тому же недостаточно эффективна для процесса обучения, поскольку тот или иной уровень интеллекта может определяться совершенно различной его структурой, не всегда адекватной формам подачи учебного материала и стилю преподавания.

Авторы предлагают проводить не уровневую, а структурную дифференциацию, предполагающую, что в классы подбираются учащиеся с однотип-

ными профилями интеллекта. Преподавание строится на основе когнитивных структур учеников. У учителя, взаимодействующего с учениками таких классов, могут формироваться оптимальные стили преподавания. Изложение материала, обращенное к наиболее продвинутым интеллектуальным функциям, может оказаться весьма эффективным для усвоения.

Другое предложение нацелено на корректировку слабых мест в умственном развитии. Если в первом случае подбор учащихся в классы в соответствии с профилем интеллекта можно делать и в старшем школьном возрасте, то здесь эту процедуру лучше производить пораньше. Есть шанс подровнять отставшие интеллектуальные функции, проводя интенсивное стимулирование их развития, в частности, с использованием специальных приемов. Групповая коррекционная работа экономичнее индивидуальной и может вестись школьными психологами, а также, в косвенном виде, и учителями.

Желателев Д.В., Реан А.А.

ОБРАЗ ТЕЛА И ПОВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Хорошо известно, что одним из центральных факторов, регулирующих поведение и межличностное взаимодействие личности, является особенность Я–концепции и самооценки личности. В структуре Я–концепции и самооценки важное место принадлежит физическому образу Я. Его значение и влияние на поведение личности не равнозначно в различные возрастные периоды, и особенно возрастает в подростковом и юношеском возрасте.

Интересные результаты были получены нами при исследовании взаимосвязи образа тела и способа поведения в конфликтной ситуации на выборке учащихся 10-х классов (15–16 лет). Образ тела исследовался методом самооценки (аналог методики Дембо-Рубинштейн) по шкалам: результативность тела – «Ловкость», «Сила», «Быстрота реакции»; внешность – «Внешняя привлекательность», эмоциональное отношение – «Удовлетворенность физическими данными». Способ поведения в конфликтной ситуации исследовался методикой К.Томаса, адаптированной Н.В.Гришиной.

Корреляционным анализом установлено, что самооценка по шкале силы связана с компромиссным типом поведения в конфликте ($r=0,416$; $p<0,05$) и с приспособлением ($r=-0,425$; $p<0,05$). Можно утверждать, что человек, чей образ тела в самосознании представлен высокой оценкой силы, в сложной

ситуации взаимодействия скорее будет стремиться к компромиссу, менее склонен к приспособлению и принесению в жертву собственных интересов ради интересов другого. Оценивающий физическую сторону своей личности как слабую скорее склонен к приспособлению и менее к компромиссу.

Выявилась взаимосвязь самооценки «Внешней привлекательности» и таким типом поведения как сотрудничество ($r=0,429$; $p<0,05$). Личность, чей образ тела в самосознании оценивается как высоко привлекательный, скорее выберет вариант поведения в форме сотрудничества. Обнаружена связь между самооценками «Внешней привлекательности» и «Удовлетворенности физическими данными» ($r=0,66$; $p<0,05$). Из этого можно сделать заключение о первостепенной значимости для личности внешней привлекательности в эмоциональной самооценке своего физического Я.

Таким образом, можно заключить, что оценочный компонент образа тела связан с особенностями межличностных отношений и межличностного взаимодействия старшеклассников. Осознание своего физического облика является одним из важнейших внутренних условий, активно участвующих в формировании личности подростка. Представление о собственном физическом облике, его соответствии общепринятым стандартами, низкая или высокая самооценка подростком своих физических данных может приводить к формированию определенного склада личности и мотивировать как поступки подростка, так и его отношение к окружающим людям и к себе.

Зараковский Г.М.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ПОПУЛЯЦИОННОГО ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В последние годы появилось много работ, направленных на выявление тех характеристик различных сообществ людей (социумов), от которых зависит успешность их жизнедеятельности и прогрессивное развитие. Эти характеристики называют по-разному в зависимости от доминирующего аспекта исследования: «качество населения» (Н.М.Римашевская и др.), «менталитет народа» (К.А.Абульханова и др.), «общекультурные ценности» (S.H.Schwartz и др.). В них, безусловно, присутствует психологическая составляющая, но она специально, как самостоятельный компонент некоторого интегрального свойства социума, фактически, не изучалась.

В 1994 году мною (совместно с В.И.Медведевым) этот компонент был назван популяционным психофизиологическим потенциалом (ППП). Он представляет собой системное свойство социума, возникающее на базе агрегации психологических и психофизиологических свойств образующих его людей и определяющее возможность (при условии определенного уровня популяционного здоровья) осуществлять продуктивную жизнедеятельность.

Была разработана концепция ППП с содержательным раскрытием его личностной, интеллектуальной и адапационно-ресурсной составляющих. Сделан анализ некоторых исторических фактов, рассмотрены возможности формирования ППП в детском возрасте, показана роль ППП в предупреждении глобальной экологической катастрофы (совм. с А.В.Шабагой и Г.Б.Степановой, 1994-98). Однако эти исследования носили качественный характер, поскольку не удавалось найти количественные показатели ППП.

Конструктивной оказалась идея использовать подход, давно реализуемый в психологии труда и инженерной психологии, а именно – установление связей между свойствами людей, образующих некоторую профессиональную группу, и показателями успешности деятельности. Если расширить понимание «профессиональной группы» до социума, а понимание успешности деятельности до успешности его жизнедеятельности, то можно трансформировать названный подход (парадигму) профессионального психологического отбора в парадигму методологии ППП.

Были собраны и проанализированы данные обследований пятнадцати социопрофессиональных групп (полученных, в основном, с помощью методики 16 ФЛО Кеттелла). Были проанализированы данные американских исследователей по связи личностных конструктов с показателями успешности трудовой деятельности. Целью анализа было выявление наиболее универсальных, общих для большинства групп качеств личности, связанных с успешностью деятельности. Именно эти качества можно считать характерными для продуктивной жизнедеятельности социума в целом. Самыми универсальными оказались энергичность, жизнерадостность, стремление к согласию и совместной деятельности, проницательность, стремление к достижениям, смелость, гибкость, самостоятельность, эмоциональная устойчивость.

В качестве меры ППП, в первом приближении, можно принять процент лиц в социуме, обладающих названными качествами. Однако для ППП имеет значение не только общее распределение в социуме людей разного психологического типа, но и характер их распределения по разным группам. Это следует как из теоретических соображений, так и из результатов нашего

(совместно с Н.А. Полестровой, 1999) обследования с помощью теста Дженкинса двух отличающихся по успешности производственных коллективов. Оказалось, что трудности, связанные с экономическими реформами, эффективнее преодолевает тот коллектив, где среди руководящего состава (а не в коллективе в целом), преобладают активные, стремящиеся к успеху, люди.

Общий итог наших исследований заключается в следующем:

- существуют характерные для разных социопрофессиональных групп наборы доминирующих личностных качеств, что говорит о наличии относительно специфических групповых психофизиологических потенциалов;
- психофизиологический популяционный потенциал определяется как доминированием в социуме людей с определёнными чертами личности, так и организацией социума из психологически разных слоёв, групп населения;
- трансформация парадигмы профессионального психологического отбора в методологию оценки ППП открывает перспективу накопления эмпирических данных, позволяющих качественно и количественно оценивать популяционные психофизиологические потенциалы.

Зобнина Л.Я.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Традиционный подход исходит из важного, как представлялось, понимания, что главной загадкой психического отражения является его стабильность при изменяющихся условиях. И даже современные психологические теории, рассматривающие восприятие как «event perception», утверждая примат динамики над статикой, исследуют прежде всего инвариантные характеристики объекта. Но может быть более плодотворным будет поиск ответа на вопрос: а как мы узнаем, что изменение произошло.

Многие современные психологические теории подчеркивают значение проективных преобразований в процессе отражения окружающего мира. Анализ экспериментальных данных показывает, что отражение как проективных преобразований присуще всем видам психического отражения.

Настоящая работа построена с привлечением проективной методики «Несуществующее животное». Анализ результатов показывает, что испытуемые используют в основном преобразования, приложенные к части или к

целому телу. Так можно выделить преобразования, приложенные к части: умножение (трехглазие, пятиголовие), удвоение (восемь ног), растяжение (уши зайца); и к целому: зеркальное («сиамские близнецы»), усечение («головоног»). Самым простым является решение, при котором несуществующее животное получается сложением двух известных животных.

Анализ результатов тестирования с привлечением понятий преобразования объясняет, почему многие тесты, основанные на восприятии ситуации, дают возможность описать личностные характеристики человека.

Иванова М.Г.

ГЕНДЕРНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

Понятие «гендер» уже укрепилось в российской науке и расшифровывается как «социокультурный пол» в противовес, либо в дополнение к «полу генетическому». Исследователи часто оперируют этой дефиницией в контексте общесоциальных проблем, связанных с равенством полов, предоставлением женщинам определенных социальных гарантий, продвижение по службе, женское представительство в органах законодательной и исполнительной власти, финансовая помощь социально незащищенным группам населения, одну из которых с завидным постоянством составляют женщины.

Гендерные проблемы рассматриваются сегодня как проблемы исключительно женские, с очевидными ссылками на западные, а теперь и отечественные феминистические источники. Однако, говоря о гендерных проблемах, нужно иметь в виду, что эти проблемы существуют и могут быть решены только на уровне межполовых отношений, в частности супружеских.

Задавшись целью выяснить, каковы отличительные особенности женщин, исполняющих социальные роли, которые находятся на разных полюсах в континууме феминнности-маскулинности, мы выделили две группы испытуемых. В первую группу вошли женщины, относящие себя к только ещё формирующемуся классу домохозяек, а вторая группа состоит из женщин, реализовавших себя в социальной сфере: предпринимательниц, руководящих работников, владелиц и директоров предприятий.

Проведя в каждой из этих выборок независимое исследование, мы сопоставляем их результаты для выявления значимого сходства и различия

этих двух групп по нескольким параметрам. Внутригрупповое исследование направлено на вычленение закономерностей, связанных с тремя аспектами изучаемого предмета. *Во-первых*, это иерархия ценностей семейных отношений, поддерживаемая испытуемыми, их ролевые ожидания и притязания в браке, *во-вторых,* – особенности их личности и нейродинамические свойства нервной системы, и *в-третьих,* – уровень жесткости их полоролевой типизации. Таким образом, внутригрупповое исследование должно ответить на вопрос о том, какие ценности семейных отношений занимают первые места в каждой из групп, какова предпочитаемая в них структура семьи и каким образом на выбор той или иной структуры влияют особенности личности испытуемых и, главное, их гендерная типизация.

Для изучения семейных отношений мы используем методику «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) Волковой и Трапезниковой, а также проективный рисунок семьи и некоторые анкетные вопросы. Для изучения полоролевой типизации используется понятие о *психологической андрогинии*, введенное С.Бэм, и её опросник, с помощью которого каждый индивид может быть расположен на шкале континуума феминности–маскулинности с числовым показателем, отражающим близость психологии индивида к одному из трех отрезков: феминность, психологическая андрогиния, маскулинность.

Можно предположить, что в 1-й группе, состоящей из домохозяек, в отличие от второй группы, обозначенной нами как «женщины, успешные в социальной жизни», процент женщин, расположенных на шкале С.Бэм ближе к полюсу маскулинности и андрогинии окажется гораздо меньшим. Мы также предполагаем, что эти две группы будут значимо отличаться по типу нервной системы, по способу и направленности реакций во фрустрирующих ситуациях и по другим личностным характеристикам, в частности по уровню тревожности и эмоциональности.

В области семейных отношений предполагаются более тонкие различия. Так, вероятно, в обеих группах ценности семейной жизни окажутся на высоком уровне, но в содержательном плане для 1-ой группы будет характерен перевес притязаний над ожиданиями, а во второй наоборот, в особенности для психотерапевтической функции семьи. В остальных семейных делах женщины из 2-ой группы более склонны к равноправному распределению функций и более реалистично смотрят на возможности своего супруга.

Ильин Е.П.

ВОЛЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

До сих пор вопрос о воле и волевой регуляции остается остро дискуссионным. В одном случает воля как самостоятельный психологический феномен отрицается (Л.И.Божович, В.А.Иванников) и заменяется произвольной мотивацией, в другом случае она сводится к «силе воли», с помощью которой преодолеваются препятствия (А.Ц.Пуни и др.), в третьем случае воля и произвольность отделяются друг от друга и выступают как самостоятельные психологические феномены (О.Е.Смирнова). Много неясного в понимании волевого усилия, разведении волевых и произвольных действий, в выделении и классификации волевых качеств (которые некоторыми психологами вообще отрицаются и заменяются состояниями), в понимании их структуры. Это затрудняет не только изложение проблемы в курсе психологии, но и решение многих вопросов, связанных с формированием личности.

Моя позиция в понимании воли сводится к следующему. Воля – это механизм управления своим поведением и деятельностью, характеризующийся сознательностью и преднамеренностью. Следует различать произвольное управление поведением и деятельностью и волевую регуляцию. Произвольное управление или воля отличается от непроизвольного тем, что человек сам мотивирует, инициирует, контролирует и стимулирует свое поведение и деятельность. Следовательно, функциями воли являются самодетерминация, самоинициация, самоконтроль и самостимуляция.

Разновидностью произвольного управления является волевая регуляция, связанная с преодолением препятствий, встречающихся на пути достижения цели. Если инициация произвольного действия осуществляется с помощью волевого импульса (внутренней команды), то волевое действие, отражающее волевую регуляцию, связано с волевым усилием, т.е. с напряжением человека, направленным на преодоление внешнего или внутреннего затруднения.

Бытовое сознание связывает волевую регуляцию с «силой воли», которая реализуется через конкретные волевые проявления, называемые психологами волевыми качествами. Каждое волевое качество имеет вертикальную структуру, которая включает природные задатки (например, определенное сочетание типологических особенностей проявления свойств нервной системы), волевое усилие и мотив (например, мотив достижения). Представленность первого и третьего компонента в каждом волевом качестве может

быть разная. Например, в качестве терпеливости большую роль играют типологические особенности и меньшую – мотив достижения, а качестве настойчивости, наоборот, главная роль принадлежит устойчивости мотива достижения и вспомогательная – природным задаткам. У одного человека лучше выражено одно волевое качество и хуже – другие, у другого человека все может быть наоборот. Поэтому говорить о «вообще» волевых и безвольных людях вряд ли корректно (исключая случаи патологии).

Хотя многие методики рассматриваются как измерители волевого усилия, последнее не измеряемо, так как вычленить его из структуры волевого качества, т.е. отделить от природных задатков и мотива, не представляется возможным. Эти методики измеряют проявление или самооценку волевого качества, т.е. сложного волевого образования.

Исаева С.А., Рудкевич Л.А.

ВЛИЯНИЕ СОМАТОТИПА НА СТЕПЕНЬ И ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ

В данном исследовании изучалась связь степени и характера агрессивности с соматометрическими параметрами. В исследовании принимали участие дети первых классов школы. Для измерения агрессивности использовался тест рисуночной ассоциации С.Розенцвейга. При обработке результатов теста каждый ответ оценивался по двум критериям: по направлению (экстрапунитивные, интрапунитивные и импунитивные) и по типу реакции (с фиксацией на препятствие, на самозащиту, на удовлетворение потребностей). Для определения соматотипа использовался метод антропометрии: определялся тип строения тела, черепа и доминирующая рука.

Проведенный анализ результатов выявил наличие связей между соматометрическими параметрами и фрустрационными признаками личности по тесту Розенцвейга. Была выявлена существенная обратная зависимость между параметрами ювенильности и экстрапунитивности. Также была установлена связь между направленностью реакции и соматотипом. Так, самые высокие показатели по параметру интрапунитивность у эндоморфного соматотипа несколько ниже у мезоморфов. Низкими показателями по данному параметру характеризуются эктоморфы церебрального и респираторного типа. Соматотип связан с типом реакции. Так, реакции с фиксацией на препятствие чаще всего наблюдаются у мезоморфов, несколько реже – у экто-

морфов церебрального и респираторного типов и редко – у эндоморфов. Кроме этого левши характеризуются несколько более высокими показателями по параметру экстрапунитивность и низкими по интрапунитивности.

Кравченко О. В., Кустова Н. О.

ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ В СКРИНИНГЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Психология сравнительно недавно встала в ряд дисциплин, которые можно отнести к позитивным наукам. Многочисленные маргинальные направления психологии, несущие черты «высокого искусства» или «низменного ремесла», составляют значительную долю публикаций и выступлений последнего времени. Значительную часть «теоретического оснащения» практических психологов составляют теоретические модели, сконструированные для объяснения одного конкретного факта, порой даже экспериментального артефакта. В развитии экспоненциального роста числа и объема научных публикаций предложено выделять два процесса:

1. «информационный взрыв I рода» – опережающее нарастание числа и объема публикаций с «сырым» эмпирическим материалом;

2. «информационный взрыв II рода» – опережающее нарастание объема публикаций с изложением теоретических моделей, которые по классификации А.Пуанкаре относятся к «скрытым определениям».

Обстоятельный разбор каждой психологической теоретической публикации (с отслеживанием корректности построений, логических следствий и практических подтверждений) уже давно составляет неразрешимую проблему. Поэтому давно в психологии появилась нужда в создании приемов «скрининга» («просеивания») теоретических схем и построений, которые позволят избежать объемного рассмотрения заведомо бесплодных рассуждений. В противном случае теоретик (нередко и практик) неизбежно превращается в объект, описанный как «Громадная пустота, до краев набитая эрудицией» (С.-Е.Лец). «Если выводы оказываются одними и теми же… при разных моделях, разных методах исследования – это веское свидетельство в пользу их объективности… В науке известно понятие устойчивости по отношению к малым возмущениям, но пока еще…не описана устойчивость по отношению к точке зрения» (Е.С.Вентцель).

Любая теоретическая система (научная теория, наукообразный миф, систематизированный паранойальный бред) может быть описана ориентированным графом, где вершинами обозначены теоретические положения, эмпирические факты, их обобщения и конкретизации. Ребра обозначают логические связи между фактами и обобщениями (Б.Я.Брусиловский). В научных дисциплинах наиболее подробно разработанные разделы могут быть описаны графами, принадлежащими к классу «сеть», а в предельных случаях – полными графами (V.Lietzmann). Мифологические и паранойяльные системы описываются графами «дерево» или «лес».

К ускоренному анализу и скринингу теоретических моделей в психологии может быть привлечен формальный аппарат теории графов. Для сравнительной оценки теорий предложено построение графов-диаграмм и сравнение их по параметрам: *полнота* и *цикломатическое число графа* (Н.О.Кустова и др.). Однако В.А.Лефевр убедительно доказал, что в психологии любая теоретическая модель может быть «верифицирована». И «недостаток математических знаний с наибольшей отчетливостью проявляется в избыточной точности численных расчетов» (Гаусс) и «точность [математического] аппарата должна соответствовать точности, с которой нам могут быть известны исходные данные» (Е.С.Вентцель).

Какие критерии научной состоятельности принять, и какие методические проблемы считать важнейшими? Какие узлы в теоретической сети считать центральными? Мы считаем, что и в психологии состоятельные теоретические модели соответствуют критерию фальсифицируемости по К.Попперу. А центральными узлами в сети должны быть идеи эволюции, адаптивности и «принцип патофункциональной модификации». Реальное существование какого-либо психического процесса доказывают лишь наблюдаемые патологические случаи его отсутствия или варианты неоптимального (патологического) его протекания. Часть моделей в психологии соответствует также и принципу «экономии», в частности, «принципу наименьшего действия Лейбница-Мопертюи» (А.И.Привень с соавт.).

Данная комбинация формальных и содержательных критериев позволяет производить ускоренный скрининг теоретических построений в психологии.

Круглова М.А.

МОТИВАЦИЯ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Социальная обусловленность личности заключается в том, что ее существование представляет собой модус связи, соотносимости с социумом в широком смысле. Таким образом, активность на уровне личности нацелена на социальные нормы, ожидания, интерперсональные отношения. Наиболее специфические формы активности личности наблюдаются в том случае, когда личность вынуждена согласовывать свои действия с определенными социальными целями и потребностями других людей. Специфика мотивации активности личности, лежащей в основе социального поведения, заключается в особенностях функционирования механизмов психологической защиты, которые представляют собой схемы психических действий, приводящих к той или иной адаптированности личности, а также разрешению фрустрирующих ситуаций, обеспечивающих адаптацию личности в обществе.

Нас интересовал вопрос об особенностях формирования и проявления механизмов психологической защиты в зависимости от специфики мотивации активности личности как регулятора социального поведения. В исследовании приняли участие 130 респондентов, жителей г.Бишкек (68 женщин и 62 мужчины) в возрасте от 14 до 65 лет. Исследование проводилось при помощи методики В.В.Бойко и опросника Басса-Дарки.

Анализ результатов показал, что в целом в качестве доминирующей стратегии поведения выбирается избегание, далее следует позиция агрессивного поведения и на последнем месте стратегия миролюбия. Женщины проявили большую цельность характера и разрыв между показателями доминирующих стратегий у них минимален. У них значительно выше показатели миролюбия, в то время как для сегодняшнего мужчины гораздо легче уйти от конфликта или решить его с помощью агрессивных действий, чем добиться конструктивного решения мирным путем.

Полученные данные позволяют говорить о том, что подростки проявили наибольший уровень по шкале агрессии, что можно объяснить не только социально-экономической неустроенностью, но и чисто биологическими факторами, свойственными для подросткового возраста. Возрастная категория респондентов от 17 до 30 лет является наиболее адаптированной частью населения в современных социально-экономических условиях – они про-

явили наибольший уровень миролюбия при выборе доминирующей стратегии защиты в поведении. Респонденты от 30 до 65 лет решают конфликтные ситуации с помощью стратегии избегания, что можно рассматривать как недостаточную адаптивность к новым условиям жизни в обществе.

Кроме того, была установлена значимая корреляционная зависимость между выбором агрессии в качестве доминирующей стратегии поведения и высокими показателями вербальной и физической агрессии ($p<0,05$), а также между выбором избегания и чувством вины ($p<0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные (постсоветские) общественно-экономические условия с большой долей вероятности могут выступать в качестве фрустратора населения, провоцируя проявление агрессии как специфического защитного механизма в общении и в социальном поведении, что может явиться также показателем особенностей мотивации активности личности.

Куницына В.Н.

КОНТАКТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ ОБЩЕНИЯ

Контактность – это специфическое социальное умение, в основе которого лежит природная общительность, это продукт сочетания перцептивных, интеллектуальных, коммуникативных способностей, протекающих на основе развитой саморегуляции, это одна из составляющих социального интеллекта. Биологическое основание контактности обеспечивает более быстрое, но не обязательно более высокое развитие контактности у экстравертов. Большой вес предрасположенности в развитии контактности подтверждается ее относительной независимостью от профессиональной деятельности. Контактность формируется на первых порах жизни ребенка и развивается как общая коммуникативная способность, первоначально направляемая темпераментом и особенностями высшей нервной деятельности.

Контактность проявляется в способности мобилизовать все имеющиеся средства для достижения контакта (владение своими состояниями, телом и мимико-выразительными средствами, настроенностью на контакт), в умении изменять в зависимости от ситуации меру своей открытости и избираемые средства воздействия, во владении коммуникативной ситуацией.

Контактность есть управление коммуникативной ситуацией, психологическими способами влияния в ходе организации социального взаимодейст-

вия; это – процессуальное качество, для которого важны пространственно-временные характеристики осуществления контакта, условия взаимодействия, мотивы и индивидуальные особенности взаимодействующих лиц.

Контактность – это способность вступать в психологический контакт, формировать доверительные отношения в ходе взаимодействия, основанные на согласии и взаимном принятии, обеспеченная владением навыками и умениями общения и саморегуляции, а также благоприятствующими контакту личностными свойствами

Положительные и отрицательные стороны контактности состоят в следующем: положительные стороны – это настроенность, установка на контакт, мобилизация всех средств общения, стимулирующая мотивация, рефлексия и обратная связь, а отрицательные стороны – это своеобразная эгоцентричность, т.е. привлечение «на себя», ориентация на заражение (своими интересами, состояниями), преобладание неосознаваемых побуждений. В контактности не обязательна доброжелательность, может быть и агрессивная контактность как у возбудимых психопатов. Поэтому следует определить оптимальную для успешности общения меру контактности. Эта мера была выведена экспериментально с помощью индекса контактности.

Вся обследованная группа школьников с помощью методики СУМО (490 человек) по контактности разделилась следующим образом (макс. балл = 12): минимальная контактность 4 балла и ниже – 21 чел.; средняя 6–7 баллов – 432 чел.; высокая 8–10 баллов – 21 чел.; очень высокая контактность 10–12 баллов –16 чел.

Из выделенных по степени развития свойств личности и коммуникативных умений самыми контактными оказываются экстраверты, затем идут легкие и свободные в общении с хорошими коммуникативными навыками, за ними следуют совместимые, легко адаптирующиеся, незастенчивые, включенные в социальные связи, затем – лидеры, люди с развитым чувством собственного достоинства, доверчивые с пластичной и выносливой нервной системой. Среди самых неконтактных, замыкающих таблицу, обнаруживаем невротиков и неприспособленных, а также тех, чьи свойства, объединяясь, составляют трудно преодолимый синдром трудностей – аутичные, застенчивые, отчужденные, с глубоким чувством одиночества.

В группе сверхконтактных людей, несмотря на дальнейшее улучшение показателей, связанных с общительностью, навыками саморегуляции, удовлетворенностью и уверенностью в себе, ряд показателей ухудшается. Снижается сенситивность, самокритичность и ориентированность на партнера,

доверие и самоконтроль, увеличивается тревожность и манипулирование, авторитарность и доминирование; адаптивность остается на том же уровне. Все эти обстоятельства и чрезвычайно высокий балл по эмпатии (10,4) позволяют считать сверхконтактность определенным снижением приспособленности и свидетельством истероидной направленности личности.

Кустова Н.О. Ляликов А.П.

ВОЗМОЖНА ЛИ «ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА»?

Под общим названием «психология» успешно сосуществуют три явления: (А) «психология–ремесло», т.е. сумма приемов, обоснованных эмпирически, с непонятными границами их применимости; (Б) психологическая «мифология» или построения, «объясняющие все», исходя из примитивных метафор. Психологические «мифы» («вербальный иллюзионизм» по А.С.Кармину) декорированы атрибутами науки. Цитаты, квазиматематика (формулы с латинскими буквами), «статистические выводы» в алхимическом духе – средства мимикрии под «пристойную науку». Психология (В) приближается по организации к иным разделам позитивной науки. Признаки этого: а) формирование теоретических структур по типу орграфа класса «сеть» с «узлами» из эмпирических фактов и теоретических положений, связанных линиями («ребрами») логического долженствования; б) появление вопросов о границах собственных теорий.

Утверждения истинны в ограниченной сфере, ее границы отмечены парадоксами. Напротив, теоретические структуры, описываемые графами «дерево» и «лес», показывают, что авторы действуют на мифологическом уровне: психоаналитики с равным успехом «объясняют» природу клинических расстройств, причины исторических катаклизмов, механизмы трансформаций в социумах. Построения этого типа размножаются и в «психологии творчества»: учебные программы, тренинги руководства, где со «зверской серьезностью» реализована идея, что можно научить творить по готовым рецептам! Эпигоны Г.С.Альтшуллера (ТРИЗа и АРИЗа) преподавали в трех сотнях (!) «университетов технического творчества» без значимого воздействия на количество изобретений в СССР. Они же «обучают» творчеству в детских садах! «Человек, хорошо владеющий методикой ТРИЗ, может решить сложную техническую проблему, даже если он не является

специалистом в данной области техники» (Б.А.Кулик). Автору не видна разница между решением учебной задачи и решением технической проблемы. 1.«Творчество» по определению не поддается алгоритмизации – так решаются тривиальными способами тривиальные задачи. 2. Мышление не всегда есть сознательное логичное оперирование по заданным схемам. 3. Научно-техническое творчество в качестве ключевого элемента содержит усмотрение задачи. 4. Рациональное оформление технической идеи – эпифеномен творческого акта, делающий продукт творчества общим достоянием.

Сознание сформировано как рефлексивная структура для имитации или репродукции общего опыта (В.А.Лефевр). Процессы, принадлежащие исключительно сознанию, называть «творческими» можно лишь условно. Позитивная наука уже в состоянии содержательно описывать ограничения, налагаемые на процесс творчества. Рационалистический анализ разного рода ограничений, препятствующих появлению нетривиальных решений способен послужить разработке приемов для их преодоления.

Суждения Г.С.Альтшуллера о существовании «инерции мышления» подразумевают, что для человека тривиальные рассуждения более естественны, чем творческие акты. Творчество рассматривается как артефакт. Встает естественный вопрос о природе «первотолчка», порождающего этот (социогенный? боговдохновенный?) артефакт.

В суждениях об эволюции процессов мышления и творчества использовались эмпирические данные, накопленные при изучении реликтовых протоцивилизаций, называемых и «отсталыми». Предполагалось, что процессы мышления в них соответствуют ранним этапам эволюции. Скорее же в этих случаях исследователи имели дело уже с завершением эволюции в обществах, где основными ценностями стали стабильность и неизменность. Исследования протоцивилизаций Севера Евразии, где оленеводы (при отсутствии развитых систем счета) должны опознавать «в лицо» несколько сотен оленей, и с одного взгляда определять их наличие или отсутствие, обнаруживают, что ограничителем социального и технологического развития выступает информационная перегрузка оперативной памяти. В современных цивилизациях информационная перегрузка школьников и студентов – фактор торможения технологической эволюции.

Левченко Е.В.

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Восприятие прошлого психологии возможно с двух оценочных позиций. Первая позиция предполагает оценку выдающейся личности и ее деятельности, ее роли в истории науки. Вторая связана с рассмотрением психологического знания, изначально представляемого в виде авторской концепции.

Роли личности в психологической науке традиционно придают большое значение. В качестве обоснования такого отношения приводят главным образом факты организаторской деятельности ученого в сфере науки. При этом, в противовес традиционным критериям объективности, высоко ценится личная причастность субъекта оценки к событиям жизни и деятельности выдающейся личности. Такая причастность в свою очередь порождает склонность давать более высокую публичную оценку ее вклада в развитие психологической науки. Существуют конвенциональные нормы, согласно которым негативным оценкам деятельности выдающейся личности не принято давать широкую огласку, а позитивную оценку, разделяемую соответствующей научной школой, не следует открыто оспаривать.

Вторая оценочная позиция порождает целый ряд проблем, поскольку субъект оценки размещается в настоящем и должен либо переместить оцениваемое знание из прошлого, где оно возникло и развивалось, в настоящее, либо вслед за знанием переместиться в прошлое. В первом случае рассматриваемое знание утрачивает связь с тем контекстом, в котором оно было актуально воспринято научным сообществом. Существует точка зрения, что объективность в оценке психологического наследия возможна лишь во втором случае и проявляется «в том, чтобы оценивать значимость научных идей в соответствии с уровнем развития научных знаний в период формулирования этих идей» (А.В.Брушлинский, В.А.Кольцова, Ю.Н.Олейник). Однако оценка знания с позиции того времени, в котором оно возникло, требует кропотливой исследовательской работы в области истории психологии.

Если же субъект восприятия прочно обосновался в настоящем, что характерно для типичного представителя научного сообщества психологов, то возникает еще одна проблема: объяснить, для чего ему необходимо обращаться к знанию, полученному в отдаленном прошлом. В противоречии между реальными фактами обращения психологов к психологическому на-

следию и отсутствием рационального объяснения причин такого обращения скрыта одна из вечных загадок историко-психологического познания.

Э.Боринг называет две распространенные причины, которые приводят, обосновывая важность изучения прошлого науки. Первая состоит в том, что прошлое следует изучать с целью предсказывать будущее. Вторая – в том, что изучение прошлого защищает от опасности открытия заново уже известного. Обе причины исследователь называет ошибочными. По поводу первой он замечает, что в прошлом больше «откуда?», чем «куда?»; прошлое можно видеть, а о будущем лишь гадать. Опровергая правомерность второй причины, он указывает на объемность научных знаний и необходимость специального изучения большого количества публикаций, чтобы избежать повторений. Э.Боринг утверждает: «Изучать прошлое нужно не для того, чтобы предсказывать будущее, но для того, чтобы понять настоящее».

Можно предложить два варианта интерпретации мысли этого ученого. Первый состоит в том, чтобы отказаться от линейной модели развития психологического знания, согласно которой осуществляются неуклонный прогресс и приращение научного знания, а в прошлом хранится лишь недостаточно совершенное по сравнению с современным уровнем достижений знание. Но образ психологической науки может формироваться и на основе циклической модели развития. И тогда обращение к прошлому означает повторение на новый лад открытых ранее ходов мысли.

Второй вариант истолкования высказывания Э.Боринга может быть таким. Настоящее определяет запрос к прошлому, конструирует актуальный образ прошлого, в котором, как в зеркале, отражаются потребности и тенденции развития настоящего. В качестве примера рассмотрим актуальный запрос к психологическому наследию В.М.Бехтерева. Общее количество его работ и выступлений близко к 1000, психологические исследования составляют около 100 работ. В последнее десятилетие было выпущено шесть различных изданий его трудов по психологии, включивших в себя около 40 работ с различной частотой воспроизведения. Чаще всего воспроизводились такие работы, как «Объективная психология» (4 раза), «Личность и условия ее развития и здоровья», «Внушение и его роль в общественной жизни», «Внушение и воспитание» (по 3 раза). Таким образом, запрос к концепции В.М.Бехтерева свидетельствует о таких точках роста современной психологической науки, как ее методология, ориентированная на ценности объективного исследования, психология развития и психология воздействия.

Левченко Е.В., Бергфельд А.Ю.

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ СУЩНОСТИ ЭМОЦИЙ

Познание эмоций противоречиво. С одной стороны, они очевидны для их носителя, отличаются широким спектром проявлений. С другой стороны, существуют трудности научного описания эмоций, связанные как с систематизацией их феноменологии, так и с отображением их скрытой сущности.

Ситуация обучения психологии обнажает описанное противоречие. В ней взаимодействуют искушенный субъект-психолог, знающий, что такое эмоции и умеющий отличать их от других психических явлений, и наивный субъект, который должен научиться воспринимать эмоции и распознавать их среди прочих явлений своего внутреннего мира. Психолог формулирует и предъявляет определение. В определении имеется указание на объект восприятия, а также приведены признаки этого объекта. Для наивного субъекта определение является руководством по распознаванию этого объекта восприятия среди прочих, ему подобных.

Нами были проанализированы указания в 19 определениях эмоций, имеющихся в русскоязычной учебной (9) и справочной (5) литературе, а также в статьях и монографиях, посвященных проблеме эмоций (5). В результате исследования были выявлены четыре когнитивные стратегии описания сущности эмоций. Эти стратегии различаются в зависимости от того, к какому уровню обобщенности психологических понятий отсылает субъекта восприятия указание на воспринимаемый объект.

Первая стратегия (7 из 19 определений) может быть названа «формальной», поскольку итогом ее использования является предельно обобщенное название воспринимаемого объекта (например, «класс», «форма», «одна из сторон»). Обобщенность преодолевается указанием на связь с такими явлениями, как процессы и состояния (например, «особый класс *психических процессов и состояний*», «одна из важнейших сторон *психических процессов*»). Указание на связь со свойствами отсутствует.

Вторая стратегия (3 определения) – «функциональная», ибо объектом восприятия названа одна из двух функций психики – отражение или регулирование. Третья функция – интеграция – не приводится («психическое *отражение* в форме непосредственного пристрастного переживания»).

Третья стратегия – «категориальная», поскольку при обозначении воспринимаемого объекта используется (2) одна из метапсихологических категорий («*деятельность* оценивания поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире»), а также воспринимаемый объект описывают (4), применяя одну из базисных категорий психологии («элементарные *переживания*», «*переживания отношений*, возникшие в данный момент»).

Четвертая стратегия – «синкретическая» (3). В ней речь идет о слитности психологического и физиологического уровней анализа эмоций («*физиологические состояния организма*, имеющие ярко выраженную *субъективную окраску*»).

Помимо «чистых» стратегий, имеются и «смешанные», в которых субъект определения переходит от одной категории психических явлений к другой (например, «психическое *отражение* в форме непосредственного пристрастного *переживания* чувств», «специфический класс *процессов* психической *регуляции*»). Количество последних – 8 из 19.

Общим для всех описанных стратегий является то, что они порождают определения, которые вместо качественного своеобразия эмоций отображают адрес этого понятия в системе других психологических понятий. Для наивного субъекта содержательность таких определений оказывается зависящей от степени усвоения им соотношений между абстрактными категориями психологии, а не от глубины проработки внутреннего опыта, сфера которого предстает не соотносимой с процессом усвоения научных понятий.

Таким образом, анализ определений эмоций позволил:

1. выявить основную трудность познания эмоциональных явлений, которая состоит в том, что их качественное своеобразие не вербализуется, а вербализуемое (в определениях) не соотносится с внутренним опытом;

2. предположить, что причины трудностей познания сущности эмоциональных явлений скрыты в несоответствии когнитивных стратегий описания эмоций *автором* и субъективных стратегий познания их *читателем*.

Липчинская Е.Н.

О ДВУХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Наука, вопреки мнению непосвященных, редко развивается по прямому логическому пути. На самом деле каждый ее шаг вперед (а иногда и назад) очень часто событие глубоко личное, в котором главную роль играют чело-

веческие характеры и национальные традиции» (Д.Уотсон). Так современная психологическая наука, с одной стороны, безусловно, признает нелинейность психических взаимосвязей, а с другой – использует линейные методы описания этих взаимосвязей, тем самым превращая их в линейные, либо становясь на позицию линейного видения нелинейных процессов. Я бы назвала это внутренним противоречием психологической науки сегодня.

Однако существует тесно связанное с ним внешнее противоречие – нелинейность социальных и экономических процессов (вспышка дефицита, распространение моды, выборы, крах банка) обусловлена нелинейностью именно психологической составляющей, которая в рамках собственного научного познания описывается линейно как численными методами, так и обусловленной ими структурой рассуждения. Названные противоречия являются не парадоксами – видимыми противоречиями, а именно *фактическими противоречиями, и поэтому их разрешение невозможно без перевода психологического научного знания на качественно иной уровень описания и вытекающего из него понимания природы психических взаимосвязей.*

Предметом научного познания является вычленение из многообразия мира закономерных связей (ответ на вопрос КАК?) и понимания их природы (ответ на вопрос ПОЧЕМУ?). И если во всем многообразии психических взаимосвязей существует общая закономерность, то это будет закономерность не только психических взаимосвязей, поскольку психическая составляющая является значимой в социальных, экономических, политических, исторических, а также научных, в любой области науки, взаимосвязях.

В проведенном исследовании выявлена наиболее общая закономерность психических взаимосвязей, полученная аналитическим путем и допускающая безусловную многократную опытную проверку: природа нелинейности психических взаимосвязей обусловлена наличием обратной связи, которая может быть как положительной и усиливать причинные воздействия, так и отрицательной и ослаблять его. Значимость обратной связи может существенно превосходить причинное воздействие. Безусловно, природа психической нелинейности не является единообразной, однако обратная связь в ней является связью сущностной и ее возможности превосходить причинное воздействие также есть сущностная характеристика природы психических взаимосвязей и тем самым природы нелинейности любых взаимосвязей и процессов, имеющих значимую психическую составляющую.

Мироненко И.А.

КОНЦЕПЦИЯ Б.Г.АНАНЬЕВА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время происходит интенсивная интеграция отечественной психологии в контекст мировой психологической науки. Процесс этот встречает на своем пути определенные трудности. Представляется, что для того, чтобы интеграция не стала превращением России в слаборазвитую провинцию интернациональной психологической науки, необходимы специальная работа, направленная на то, чтобы достижения отечественной психологии заняли свое место в ряду известных во всем мире теорий.

Исторически сложилось, что во второй половине нашего века ряд отраслей и направлений отечественной психологии оказался отрезанным от мировой науки. В их числе теория и методология исследования личности и ее развития, основу которых составили субъектный подход С.Л.Рубинштейна и эпигенетическая теория Л.С.Выготского. Имена и концепции Выготского и Рубинштейна сегодня известны во всем мире, представлены в издающихся за рубежом справочниках и энциклопедиях. Однако развитие теории в трудах их последователей остается не достаточно известным. Так, в психологической энциклопедии (США, 1994) развитие психологии личности в СССР после Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. Статья о психологии в СССР оставляет впечатление, что после названных авторов ничего существенного в исследовании личности достигнуто не было.

Практически неизвестной мировой научной общественности является концепция Б.Г.Ананьева. То немногое из его работ, что переводилось на иностранные языки, не было адекватно понято и оценено мировым научным сообществом в силу специфичности понятийного аппарата, использованного Б.Г.Ананьевым. Понятийный строй теории, круг обсуждаемых вопросов непосредственно не соотносятся с актуальным аппаратом современной зарубежной психологии, и соответственно эта теория не может быть прочтена и интегрирована иностранными учеными без специальных усилий. В то же время методология и теория Б.Г.Ананьева представляются плодотворными в постановке и решении ряда наиболее актуальных проблем мировой психологической науки – психологии личности и психологии развития.

В авторитетном учебнике «Теории личности» Хьелла и Зиглера, третье издание 1992 года которого переведено и опубликовано у нас под редакцией

ученых факультета психологии СПбГУ, среди наиболее актуальных направлений развития психологии личности названы: *смещение интереса от исследования свойств личности, присущих ей изначально, к исследованию зависимости свойств личности от ситуации, окружения; исследование «биологического наследия» личности, влияния на личностные свойства биологических особенностей человека; исследование развития личности в зрелом возрасте.* Излишне говорить о том, насколько актуальными являются его труды в свете названных проблем, в русле заданных направлений.

Соотнесение содержания используемых в литературе понятий и круга обсуждаемых вопросов с понятийной системой теории Б.Г.Ананьева позволяют наметить как общую перспективу определения места его теории в контексте мировой психологии, так и ряд конкретных проблем, в решении которых применение теории представляется особенно перспективным.

В психологической энциклопедии (США, 1994) исследование развития в течение всего жизненного цикла характеризуется как новейшее и очень сложное направление психологической науки. Идеи взаимосвязи различных периодов возрастного развития, невозможность адекватно понять и оценить место и значение того или иного периода вне контекста всей жизни представлены здесь как новейшее достижение психологической теории. В отечественной психологии личности эти положения давно сформулированы, послужили основой многих экспериментальных и теоретических работ, проведенных прежде всего Б.Г.Ананьевым и его школой.

Важным при этом представляется, не только и не столько то, что отечественными учеными были существенно раньше поставлены актуальные сегодня вопросы, но то, что в трудах школы Ананьева имеется обширный экспериментальный материал и теоретико-методологические разработки, позволяющие предложить новые конструктивные подходы в актуальных дискуссиях мировой психологической науки сегодняшнего дня.

Михеев Ю.А.

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУР В ПСИХОЛОГИИ

В рамках системного подхода, активно развиваемого в отечественной психологии, и особенно в Ленинградской – Санкт-Петербургской школе психологии, так или иначе вопрос о структуре и ее анализе всегда подробно

рассматривался. В данной работе предлагается ряд формализованных методов сравнения двух и более структур.

Структура – это множество связей и отношений между элементами системы. Структура выявляется в результате декомпозиции системы, т.е. в результате выделения элементов и связей между ними. Структура вторична по отношению к способу декомпозиции системы. Поэтому при сравнении различных структур всегда надо учитывать, каким образом они были получены, т.е. каким образом была проведена декомпозиция системы.

Математически любую структуру можно представить в виде множества математических отношений (отношений эквивалентности, схожести, порядка и пр.) между элементами системы. Любое такое отношение может быть представлено в виде матрицы, каждый элемент которой характеризует отношение между конкретными элементами системы. Отношение между конкретными элементами может быть измерено с помощью того или иного метода и представлено в какой-либо из измерительных шкал. Например, отношение равенства (эквивалентности) представляется в виде номинативной шкалы – элементы либо «равны», либо «не равны» между собой.

Таким образом, структуру системы характеризует множество матриц математических отношений между элементами системы. Чтобы сравнить структуры между собой, необходимо сравнить их матрицы отношений, выявить, насколько они схожи, и статистически значимо ли это сходство.

Миркин в своей работе «Проблемы группового выбора» предложил следующую формулу для вычисления схожести двух отношений: между двумя матрицами отношений рассчитывается поэлементная разница, от полученных величин берется модуль, а затем они складываются. Эта мера схожести отношений позволяет сравнить несколько структур между собой. Однако она не достаточна для того, чтобы оценить, является ли сходство значимым. Чтобы это выяснить, надо представить отношение как случайную величину, а матрицу как ряд измерений этой случайной величины. После такого преобразования для сравнения структур применяются стандартные статистические методы анализа совместной изменчивости двух случайных величин.

Предложенные методы сравнения структур могут эффективно применяться везде, где речь заходит об анализе структур: в исследованиях внутригрупповых отношений, в исследованиях систем представлений, в исследованиях индивидуальных систем значений и др. Данный подход применялся в курсовой работе студентки факультета психологии СПбГУ О.Козиной. Работа была посвящена исследованию связи внутригрупповых отношений и

инструментальных ценностей сотрудников организации. Сравнивались структуры групповых отношений, выявленных с помощью социометрических методов, и схожесть ранговых рядов инструментальных ценностей по Рокичу. В результате была выявлена значимая связь между тем, кого испытуемые выбирали в качестве неформального делового лидера, и сходством их представлений об инструментальных ценностях идеального сотрудника организации. Это можно интерпретировать как тенденцию отождествлять представления об идеальном сотруднике организации с представлениями о неформальном деловом лидере.

Мордынский С.А.

МИР ХОМО САПИЕНС

Различные подходы к агрессии не касаются природы агрессивных действий, да и сам термин далек от совершенства. Одно дело – реактивная, эмоционально окрашенная агрессивность, другое дело – «работа» военных или «киллеров». В силу массовости прямо или косвенно вовлеченных в вооруженные конфликты людей можно снять и разделение на норму и девиацию.

Выделив покушения на людей в отдельный тип действий и назвав его «душегубство», рассмотрим картину становления будущих убийц. Оно происходит при практически ежедневном участии людей в «потреблении» животных (наиболее яркая аналогия гибрида фермы и бойни – концентрационный лагерь). Протоубийцы осваивают разделение живых существ на «своих» и «чужих», при котором «чужие» не имеют права на свободу и жизнь.

Вербально покушение на жизнь может сопровождаться бранью, полагающей жертв в виде животных – традиционных жертв человека. Например «фашистские гады», «русские свиньи», «вшивая интеллигенция» в пропаганде или «свинья», «козел», «скотина», «гадюка» и т.п. в уголовном жаргоне или при бытовых драках. В обследовании (совместно с Л.В.Чистовой) школьников с помощью проективных методик получено подтверждение прямой зависимости отношения к животным от агрессивности подростков.

Мороз О.М., Курбатова Т.Н.

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ И АДАПТИРОВАННОСТЬ

В научной литературе распространена точка зрения на когнитивный стиль как психологический механизм, определяющий индивидуальный способ организации и переработки информации, но нейтральный к успешности–неуспешности деятельности, в частности, ее адаптированности.

В нашем исследовании изучались две характеристики формирующегося когнитивного стиля студентов – понятийная и социальная дифференцированность, а также когнитивная сложность учителей-предметников. В качестве объекта исследования выступили студенты биологического, исторического, искусствоведческого и экономического факультетов ЛГОУ – 347 человек, 24 учителя, прошедших профессиональную переподготовку по психологии , и 27 учителей, не прошедшие такую подготовку.

Для изучения понятийной дифференцированности применялись адаптированные тесты «Аналогии» и « Пятый лишний». В тесты введены сложные многосмысловые понятия, которые необходимо классифицировать и обобщить по существенному признаку, учитывая специфику содержания (исторического, экономического, литературного и биологического). С целью изучения динамики изменения этого свойства эксперимент проводился в форме лонгитюда. Социальная дифференцированность измерялась один раз у тех же студентов 4 курса с помощью теста фотографий Синопальникова, Марицука. Когнитивная сложность исследовалась анализом школьных характеристик, составленных учителями, а также методом наблюдения.

Обнаружено, что адекватные способы переработки предложенных понятий у студентов 1 курса почти отсутствуют. В группе из 15 человек дают правильный ответ 1–2 студента, применяя синкретические приемы обобщения (по случайным связям). К 4 курсу наблюдается заметный рост числа студентов (от 20% до 40%), у которых неправильные ответы сочетались, с правильными. Эти правильные ответы имели прямую связь с осваиваемой специализацией, т.е. историки устанавливали адекватные родо-видовые отношения между понятиями исторического содержания и т.д.

Социальная дифференцированность традиционно увязывается с эффективностью профессиональной деятельности всех тех, кого можно назвать профессиональными коммуникаторами. Причем эмоциональная дифференцированность является одной из составляющих этого параметра. Результаты

по тестам фотографий показали, что все студенты различают противоположные по эмоциональным состояниям выражения человеческих лиц (печаль–радость, агрессия–доброжелательность, удивление–сарказм и т.д.), и только некоторые из обучающихся на искусствоведческом факультете адекватно воспринимали эмоционально близкие состояния (ирония–сарказм, недоверие–ирония, решительность–агрессия). Это были студенты, увлекающиеся портретной живописью и психологией.

Когнитивная сложность-простота учителей определялась по школьным характеристикам. Учителя, прошедшие психологическую подготовку, давали ученикам более объемные и индивидуализированные характеристики (10–15 свойств личности, в то время как обычные учителя – до 5). В этих характеристиках мало использовались стереотипы-шаблоны, носящие оценочный характер. Например, «неумный», «неряха». Чаще встречались попытки описания и анализа поведения. Одновременно в поведении этих учителей-психологов было существенно больше вдумчивости в ситуацию, в себя, в учеников. Они аутентичнее и эмпатичнее учителей-предметников, свободнее от оценок других, способны произвольно менять глубину и тонкость семантической обработки сообщений, менее склонны к проекции.

Итак, исследование показало, что стилевые свойства когнитивной системы личности формируются в процессе обучения и особенно в процессе освоения специализированной деятельности. Когнитивный стиль, являясь признаком адаптированности, обеспечивает ее эффективность.

Никандров В.В.

О СТАТУСЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Уже давно стал очевидным факт полной неопределенности экспериментальной психологии (ЭП) как научной и учебной дисциплины. В качестве науки она должна иметь свой собственный предмет исследования. Однако ни в научной, ни в справочной литературе на этот счет не дается никаких указаний. Обычно ЭП определяется как область психологических знаний, где применяются экспериментальные исследовательские процедуры. Отсюда следует, что предметом ЭП могут быть любые факты психической жизни, лишь бы они изучались с помощью эксперимента. Тем самым ЭП становится неотличима от психологии в целом. Особенно, если учесть, что понятие «эксперимент» трактуется весьма неоднозначно.

В узком смысле эксперимент понимается как один из эмпирических методов наряду с такими, как наблюдение, опрос, тестирование и другие. Его главное отличие заключается в активном, целенаправленном и строго регламентированном воздействии исследователя на изучаемый объект. Широкое значение эксперимента подразумевает включение в это понятие и других эмпирических методов, где контролируются условия исследования.

Поскольку у ЭП нет своего специфического предмета исследования, то она не может считаться самостоятельной научной дисциплиной. Это скорее бесконечный набор отдельных конкретных эмпирических исследований во всех сферах психологии. И в этом отношении характерно формирование в каждой психологической дисциплине своего экспериментального раздела, в рамках которого разрабатываются и совершенствуются соответствующие методы. Иллюстрацией такого положения может служить книга В.М.Мельникова и Л.Г.Ямпольского «Введение в экспериментальную психологию личности» (1985).

Видение ЭП как антологии эмпирических исследований формируется и немногочисленными изданиями под заглавием «Экспериментальная психология». Таковы классические сборники под редакцией С.Стивенса (1960), П.Фресса и Ж.Пиаже (1966-78), монография Р.Вудвортса (1950).

Не менее расплывчато положение ЭП и в учебной практике. Чаще всего ее рассматривают как экспериментальный раздел общей психологии. И тогда в курсе ЭП рассказывается о некоторых наиболее существенных (с точки зрения того или иного преподавателя) экспериментальных достижениях мировой психологии. Никакой общепринятой системы фактов, подлежащих освещению, нет. Не менее обычным делом является понимание курса ЭП как практического сопровождения теоретических курсов (чаще всего опять-таки общей психологии). Тогда он становится неотличим от «Практикума».

Анализ положения ЭП в системе психологических наук позволяет выделить три основных фактора, обусловивших неясность ее статуса: 1) различия в трактовке понятия «эксперимент»; 2) перманентная дифференциация психологии и усложнение отношений ЭП с остальными разделами психологии; 3) условность, зыбкость границ между теоретическими и практическими исследованиями и знаниями.

Во избежание дальнейшей путаницы настало время придать ЭП статус самостоятельной науки со своим предметом исследования. Тогда вполне естественно считать, что экспериментальная психология – это наука, разрабатывающая теорию и практику психологического исследования. Основным

предметом изучения ЭП в этом случае выступает система методов психологии, среди которых особое внимание уделяется эмпирическим методам. Подобный подход начинает признаваться научным сообществом, и в этом отношении знаменателен выход в свет таких работ как «Экспериментальная психология» В.Н.Дружинина (1997) и «Введение в психологический эксперимент» Т.В.Корниловой (1997).

Палей И.М.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛИЧНОСТЬ» И «ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ»

Формулировки понятий, упомянутых в заглавии, принадлежат, в одном случае, Б.Г.Ананьеву, в другом – Б.Ф.Ломову. Б.Г.Ананьев определяет индивидуальность как «глубину личности» («Человек как предмет познания»), а Б.Ф.Ломов – как «вершину личности» («Методологические проблемы психологии»). Противоречие между этими двумя формулировками внешнее, и возможности его преодоления содержатся в существе позиций авторов.

Так, Б.Г.Ананьев указывает, что «индивидуальность» всегда есть индивид с комплексом природных свойств, которые являются первичными по отношению к социальным характеристикам. В этом смысле индивидуальность действительно определяет исходную глубину в структуре личности. С другой стороны, эта же природная обеспеченность социально-значимых психологических черт повышает их качества по ряду критериев и потому формирует действительно высшие, «вершинные» характеристики в психологической структуре человека, в структуре его личности.

Очень важно, что в ряде направлений современной генетики («теория генно-обусловленной среды» С.Скарр) описываются некоторые условия и генетические механизмы такого формирования черт личности и индивидуальности. Общая особенность этих механизмов состоит в том, что индивид избирательно более интенсивно и широко реагирует на такие стороны среды, которые соответствуют его генотипу. Убедительным свидетельством этой закономерности является, в частности, результат лонгитюдного Луизвильского исследования динамики коэффициента наследуемости 50 пар монозиготных и 50 пар дизиготных близнецов в течение 15 лет, начиная с 9-месячного возраста. Парадоксальный на первый взгляд результат этого исследования заключается в том, что наименьшие величины коэффициент на-

следуемости имел в первые месяцы и годы (до трех лет), а наибольшие – с 6-ти лет и максимальный (0,68) – в 15 лет, когда, казалось бы, многолетнее влияние среды на интеллект должно было достичь максимума.

Патралова В.Б.

ВРЕМЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЦЕННОСТЬ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Важность изучения отношения ко времени определяется тем, что на всем протяжении онтогенеза временной фактор выступает важнейшей детерминантой в развитии личности. Время является одной из составляющих регуляционных возможностей человека и важнейшим компонентом, определяющим психическое здоровье и равновесие человека. Рассматривая время как психологическую категорию, важно отметить ее связь с особенностями личности. Личность и время находятся в неразрывной связи друг с другом.

На базе Городской психиатрической больницы №7 и ассоциации «Анима» нами было проведено исследование. Его цель исследования – выявить класс личностных характеристик, влияющих на отношение ко времени у здоровых и больных неврозом. Определились и задачи исследования: (1) выявить особенности отношения ко времени, к его основным структурным компонентам – прошлому, настоящему и будущему; (2) исследовать личностные особенности и ценностные ориентации, влияющие на отношение ко времени; (3) определить особенности отношения к себе как к важнейшей категории системы отношений, связанной с отношением ко времени жизни; (4) определить взаимосвязь уровня субъективного контроля личности с ее отношением ко времени.

В результате данного исследования установлено, что отношение ко времени у здоровых и больных неврозом, к его конкретным составляющим – прошлому, настоящему и будущему, существенно отличается. Здоровые люди ориентированы в настоящее, ценят его актуальность, модус прошлого для них не столь значим, но гармонично представлен в их картине жизни. Для больных неврозом характерна дискретность временных модусов будущее–прошлое–настоящее, что свидетельствует о том, что больные не ценят настоящее, склонны к идеализации своего будущего. При сопоставлении данных об отношении к себе оказалось, что здоровым свойственно адекватное, позитивное отношение к себе, высокий показатель удовлетворенности

своей жизнью в целом. Больным же присущи заниженная самооценка, неадекватное отношение к себе, неудовлетворенность своей жизнью в целом.

У больных неврозом выявилось низкое стремление к самоактуализации и развитию по сравнению со здоровыми, которым свойственны ценности самоактуализирующейся личности, такие как позитивный взгляд на природу человека, потребность в саморазвитии, творческое отношении к жизни, стремление к свободе, сформированность позитивной «Я-концепции».

Свобода, творчество, познание, развитие и время имеют гораздо более актуальное значение для здоровых испытуемых, чем для больных. Ценность времени среди пяти важнейших указывают 66% здоровых и только 31% больных неврозом. Здоровые люди, как правило, ощущают нехватку времени для реализации всех своих планов, что свидетельствует об их широком кругозоре и разнообразии увлечений. Для больных же характерны временные «пустоты» (до 76% незанятого времени).

Таким образом, анализ способности к организации времени жизни позволяет сделать заключение о том, что эффективное управление временем возможно лишь при активной жизненной позиции личности, и стремлении к самоактуализации. Активность как свойство личности превращает потенциальное время в реальное (актуальное или личностное), увеличивая таким образом возможность гармоничной организации времени жизни.

Репин Д.Н.

МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В качестве одного из объектов социального проектирования является формирование военно-профессиональной направленности обучающегося в ВВУЗе курсанта. В психологии для определения этой стороны личности применяется понятие *направленности*. К.К.Платоновым оно формулируется путем выделения ее основных качеств. Прежде всего это *уровень*, т.е. общественная значимость направленности человека. Только общественно значимые цели, побуждающие его к деятельности, могут обеспечивать высокий уровень направленности его личности. В общественной направленности проявляется его моральный облик. Вторым качеством определяется *широта* направленности. Следующее важное качество направленности – ее *интенсивность*, связанная с эмоциональной окраской. *Устойчивость* направлен-

ности личности характеризуются ее протяженностью во времени. Устойчивость как качество связана с настойчивостью как проявлением правильно развитой воли. В завершение определяется *действенность* направленности, понимаемой как активность реализации целей деятельности.

В целях систематизации понятийного аппарата индивидуальной воспитательной работы с курсантами было предпринято исследование, результат которого – новое построение иерархии форм направленности личности. За основу принята конструкция К.К.Платонова. В нее включались: влечение, желание, интерес, склонности, идеал, мировоззрение и убежденность. Семантическим и контент-анализом из этого набора была селектирована четырех-ступенчатая иерархия сознательных форм мотивации: желание, интерес, склонности, убежденность. Ее обоснованность и практическая целесообразность проверялась на репрезентативной выборке в течение учебного года.

Корректируя направленность личности указанные ступени мотивации положительно влияли на формирование у курсантов стремления к самосовершенствованию. Проявлялось стремление к сочетанию идеи о профессиональном совершенствовании с поддержанием готовности бороться за ее правомерность. Математическая статистическая обработка полученных экспериментальных данных показала, что сочетание мышления и воли в поступках человека действительно приводит к повышению вероятности формирования убеждений – высшей формы направленности личности.

Рудкевич Л.А.

ИНТЕЛЛЕКТ И СОМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Интеллект обнаруживает относительно слабую связь с типологическими признаками – соматотипом и латеральной асимметрией, но четко связан с признаками динамическими – скорость биологического созревания и особенно ювенильность. Эти данные подтверждают исследования невербального интеллекта, вербального интеллекта и школьной успеваемости.

Показатели вербального интеллекта (тест «Ассоциативная проба») оказываются выше у представителей эндоморфного соматотипа. Наиболее высокие показатели школьной успеваемости обнаружены у представителей эктоморфного церебрального типа, а наиболее низкие – у эндоморфов и мезоморфов. Невербальные задачи в «прогрессивных матрицах Дунаевского» более успешно выполняют подростки с доминирующей левой рукой. Иссле-

дования с помощью менее сложного теста – «прогрессивные цветные матрицы Равена» – также подтверждают данные о более высоком невербальном интеллекте лиц с доминирующей левой рукой.

Наиболее значимые зависимости были получены между параметром «функциональная асимметрия» и вербальным интеллектом по показателям теста «ШТУР». Более выраженные зависимости были выявлены между показателями по субтестам «словесно-логическое мышление», «обобщение» и «логический отбор». Более успешные результаты в выполнении этого теста показали лица с доминирующей левой рукой. По данным теста «Ассоциативная проба», оценивающего также вербальный интеллект, были получены противоположные данные: более успешно выполняли тест дети и подростки с доминирующей правой рукой. Школьная успеваемость оказалась выше в выборке лиц с доминирующей правой рукой.

Невербальный интеллект по данным «Теста интеллектуального потенциала» (ТИП) и «Теста прогрессивных цветных матриц Равена» выше у ретардированных подростков, чем у акселерированных. Также ретардированные школьники превосходят акселерированных по показателям школьной успеваемости, которые можно приравнять к выполнению тестов.

Ювенильные дети лучше выполняют тест на исследование невербального интеллекта («Тест прогрессивных цветных матриц Равена»). По «Тесту интеллектуального потенциала» (ТИП) у ювенильных детей и подростков также были существенно выше интеллектуальные показатели. При этом отметим, что для средней городской школы зависимость очень, что указывает на прямую связь изучаемых факторов. В выборке сельской школы связь невербального интеллекта с параметром «ювенильность» оказалась не столь большой, но значимой. Показатели вербального интеллекта (тест «Ассоциативная проба») были выше у детей с высокими показателями ювенильности. В выборке детского сада и младших школьников эта зависимость оказалась мало значимой, что указывает скорее на тенденцию, чем на закономерность, однако в выборке учащихся средней школы она существенно увеличивается, что указывает на формирующуюся закономерность связи показателей вербального интеллекта с ювенильностью. Исследования вербального интеллекта по вербальной части батареи Векслера выявили аналогичные данные. Школьная успеваемость в разных выборках оказалась существенно выше в группе ювенильных детей и подростков.

На основании этого можно сделать предположение, что тенденция прогрессивного развития человека как вида затрагивает не только его соматиче-

скую организацию, но изменяет психологические признаки человека, в частности, деселерация и усиление ювенильности влечет за собой повышение уровня невербального и особенно вербального интеллекта.

Рыбалко Е.Ф.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Разработка проблемы индивидуальности впервые была осуществлена Б.Г.Ананьевым, определившим научное содержание и специфику этого понятия, его значимость в системе синтетического человекознания. Единство человеческой индивидуальности и противоречивость ее множественных состояний составляют стороны одной и той же закономерности ее развития.

Индивидуальность является интегративным, сложным по своему составу образованием, объединяющим свойства личности, субъекта деятельности и индивида. Человек формируется как индивидуальность при условии, что он включен в деятельность. При этом для становления индивидуальности имеет существенное значение творческий характер деятельности, позволяющий мобилизовать все потенциальные возможности человека и активизировать его основные психологические подструктуры, имеющие как природное, так и социальное происхождение.

Целевое воспитание индивидуальности предполагает, таким образом, последовательное включение ребенка в различные виды деятельности, включая дошкольные и школьные занятия, которые ориентированы на творчество, направлены на активизацию его творческого потенциала. При этом существенное значение имеет одновременное и всестороннее развитие ребенка как личности и как субъекта деятельности, повышение его самостоятельности и активности в различных социальных сферах (семья, школа, спортивные заведения и др.) с учетом его возможностей и интересов.

Сафонов В.К.

ДИАЛЕКТИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нами уже была сформулирована диалектическая функция психического состояния, заключающаяся в том, что психическое состояние субъекта есть форма существования психики, функционально связывающая остальные категории психических явлений – психические процессы и психические свойства. Особенности функционирования психики в конкретный момент времени есть следствие психического состояния, а не наоборот. Конкретные проявление психической сферы человека есть характеристики его психического состояния. В психическом состоянии проявляется диалектика изменчивости и устойчивости, объективности и субъективности, непроизвольности и произвольности, прошлого и будущего.

В рамках разрабатываемой концепции детерминации психических состояний в деятельности рассматриваются «состояние объекта» и «состояние субъекта». На основании этого разводятся понятия «состояние психики» и «психическое состояние». Психическое состояние трактуется как единичное атрибутивное проявление диалектики природы. Таким образом, психическое состояние (состояние субъекта) детерминирует количественные и качественные характеристики психических процессов, выраженность проявления психических свойств (переменные состояния объекта). Интегральной же характеристикой психической сферы человека в конкретный момент времени является состояние психики (состояние объекта). То есть состояние как категория – причина конкретного функционирования психической сферы, а состояние как характеристика – следствие функционирования психики человека. В этом заключается диалектика психического состояния. Реализация же принципа детерминации психического состояния в конкретной ситуации деятельности заключается в механизмах самосохранения, удовлетворительности критериев достижения цели (по Месаровичу) и удовлетворенности (самореализация по Маслоу). Механизмы детерминации обладают всеобщими, единичными, частными особенностями, которые составляют предмет нашего экспериментального исследования. Так, экспериментально доказано, что пусковым моментом запуска механизмов детерминации являются субъективная оценка значимости ситуации и вероятности достижения цели.

Серов Н.В.

К СИСТЕМАТИКЕ ФОРМУЛ ПСИХОЛОГИИ

Сегодня вопрос о строгой формализации психических проявлений человека и введении адекватной системы их измерений стал весьма актуальным. Поскольку практически все свойства естественного интеллекта (ЕИ) могли изменяться (в зависимости от возраста, условий и т.п.), то они, следовательно, являлись и измеримыми величинами. Вообще говоря, для проведения таких измерений было необходимо формализовать основные характеристики, свойства и параметры ЕИ и определить допустимые логикой единицы измерения, по необходимости связанные с физическим миром в силу существования ЕИ в виде открытой системы.

Оптимальным вариантом адекватного представления и формул, и единиц измерения ЕИ оказалось бы использование свето-цветовых величин в силу того, что последние по своей природе физико-психо-физиологические и в этом отношении принципиально отличались бы от прочих единиц измерения оптимальной приближенностью к сущностным проявлениям ЕИ в заданных условиях реальной свето-цветовой среды.

Именно поэтому в хроматизме было использовано цветовое тело, которое позволяло количественно моделировать как внешнее, так и внутреннее цветовое пространство ЕИ. Помимо цвета в целях верификации получаемых формализованных высказываний были введены также два триадных критерия: планы и размерности величин, принципиально не зависящие от области знания в силу их обобщенно-семантического характера.

Тема настоящего сообщения – «размерность», «формализация» и «единицы измерения» психологических величин. Формула размерности производных единиц измерения традиционно определялась минимальным числом независимых единиц: в механике это были расстояние, масса и время, в термодинамике к ним добавлялась температура, в электромагнетизме – заряд, в фотометрии – видность и т.д. Поскольку в хроматизме анализу подлежали все без исключения аспекты объективного и субъективного мира, то мной была принята аксиома: помимо времени и пространства существует единственная независимая и обобщенная величина – информация.

Отсюда следовало, что и свето-цветовые величины должны быть связаны с информацией, но не с массой, зарядом и т.п. Поскольку же свето-цветовые измерения были основаны на сравнении яркостей получаемых глазом зри-

тельных ощущений, то считалось, что сравнение или оценку по признаку яркости невозможно выразить через длину, время и т. п., так как существовали не сводимые друг к другу разнородные явления: 1) физическое – измерение характеристик света как излучения; 2) физиологическое явление – преобразование лучистой энергии в сетчатке глаза и 3) психологическое явление – суждение ЕИ о зрительном впечатлении.

В силу этого, а также в целях устранения известного рода спекуляций, указанные разнородные системы измерений были *формализованы в единых кодах размерностей с помощью планов и автоматически воспринимаемого цветового алфавита*. Единицы же измерения при этих условиях оказались производными (дискурсивно выводимыми) от единиц измерения информатики и хроматизма (хроматической колориметрии).

Систематизация полученных таким путем формул основана на их семантически-размерностном соответствии планам ЕИ и выявила явную прогностическую ценность. Однако известное положение дел (дискуссионный характер, разночтения психологами некоторых понятий и т.п.) лишь в первом приближении позволило провести полную классификацию и систематизацию психологических формул, что потребует от специалистов различных областей психологии ее «непосредственной верификации».

Итак, хроматический анализ информационно-пространственно-временного континуума, с одной стороны, и психолологических объектов исследования, с другой, привел к логическому выводу единой с физическим миром системы единиц измерения, а также к систематизации формул психологии в целях адекватного построения информационной модели ЕИ, которая органично включила субъективные и объективные аспекты взаимодействия человека с внешней (свето-цветовой) средой.

Сидоренко Е.В.

ИСТОЧНИК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Психологическое знание традиционно выступает в трех ипостасях: (1). знание психологических понятий и теорий; (2). знание фактов и закономерностей, обнаруженных другими исследователями и описанных ими в литературе; (3). психологическое знание о конкретном человеке. Рассмотрим последовательно эти разделы.

Первый раздел можно было бы назвать теоретическим. Однако вряд ли мы можем говорить о единой международной или даже единой российской психологической терминологии. Знание психологических понятий можно сравнить со знанием языков – родного и иностранных. Родной язык будет составлять терминология, принятая в психологической школе, в которой сформировался данный психолог, иностранными – все остальные. Это не освобождает психолога, претендующего на определенную образованность, от необходимости знать и иностранные языки. Знание психологических понятий предполагает терминологическое многоязычие, то есть активное владение по крайней мере основными терминологическими языками. Знание психологических понятий – это умение дать им разные определения и проанализировать вытекающие из этих различных определений следствия. Таковыми следствиями являются определения других психологических понятий, связанных с первоначально определенным понятием.

Знание психологических понятий, таким образом, это всего лишь знание психологических языков. Обратимся теперь к психологическим теориям. Знание психологических теорий позволяет нам дать объяснение, толкование различным психическим явлениям. При этом разные теории могут давать разное объяснение одним и тем же явлениям, и остается неизвестным, какая из них позволила нам в большей степени приблизиться к истине. Более того, самое понятие психологической истины является до сих пор не определенным. Специфика психологического познания состоит в том, что знания могут существовать в нем отдельно от теоретических объяснений, и в то же время теории могут продолжать существовать и тогда, когда они уже опровергнуты фактами и новыми знаниями. Этот в лучшем случае параллелизм, а в худшем – внутренняя противоречивость психологического знания простирается еще и более широко. Психологические явления не предсказываются теориями и не вытекают из них. В то же время психологические теории основываются не всегда на фактах или на настоящих психологических фактах. Это противоречие является, по-видимому, следствием особой, лишь психологии присущей специфичности ее предмета. В отличие от всех остальных наук, психология имеет своим предмеом то же, что является средством познания этого предмета.

Один из способов преодоления этого противоречия состоял в отстранении психологии от собственного предмета, когда психолог делал вид, что он сам субъективно не участвует в процессе психологического обследования или что его личное участие не вносит никаких изменений в результаты об-

следования (или вносит минимальные искажения, на которые можно сделать впоследствии соответствующую поправку).

Переходя теперь к такой разновидности психологического знания, как выявленные в экспериментах закономерности, мы должны прежде всего обратить внимание на то, что многие из них были получены в искусственном вакууме психологического эксперимента, нарушающем реальные условия психической жизни и человеческого взаимодействия. В сущности, знание чужих экспериментальных результатов и выявленных другими исследователями закономерностей – это знание чужих интерпретаций того, что было объявлено этими исследователями экспериментальным фактом.

Мы приходим к тому, что психологическое знание – это знание, обобщающее знания о конкретных людях. Путь психологического познания – путь постижения сначала одного человека, выявления закономерностей, присущих одному этому человеку. Следующим шагом является изучение другого человека и установление присущих ему закономерностей психической жизни. Если какие-то из выявленных индивидуальных закономерностей совпадают, мы можем говорить уже о более общей закономерности. Единицей психологического исследования, таким образом, является не какой-то отдельный показатель или частная характеристика, а индивидуальная закономерность психической жизни.

Снетков В.М.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

В настоящей работе делается попытка описать предметную классификацию человекознания на основе ранее опубликованной модели человека как элемента социально-психологической системы. Предметная периодическая таблица дает нам возможность выделить в рамках человекознания четыре циклически связанных между собой подкласса наук о человеке. В каждом из них человек рассматривается во всем диапазоне своего внутреннего и внешнего существования, как субъект (созидатель) и как объект (потребитель).

1. Класс наук о внутреннем мире и природе человека.

1.1. Человек как цель. Предметом данного класса наук является исследование и разработка категории «человек-цель», формулирование ее свойств в измеримых, качественных и количественных критериях для оценки на основе нормативной модели человека.

1.2. Человек как результат. Предметом данной группы наук является человек как результат воздействия на него антропогенной, окружающей среды, социального, педагогического, медицинского и пр. воздействия.

2. Класс наук о человеке как инструменте, субъекте труда. Предметом исследования наук данного класса является способность человека преобразовывать предмет труда в соответствии с поставленными целями.

2.1. Человек как творец, как сознательный созидатель и хранитель предметного, растительного, животного, социального, психологического и духовного мира, т.е. человек как субъект труда, познания, общения и т.п.

2.2. Человек как инструмент. В данном случае предметом изучения является человек, который осознанно или не осознанно осуществляет воздействие на окружающий мир, на других людей, на себя, на свое развитие.

3. Класс наук о мире технологий и профессий. Предметом исследования в данном случае выступают физиологические, психологические, информационные и прочие технологии, с помощью которых человек как субъект труда преобразовывает самого себя и окружающий мир.

4. Класс наук об антропогенной среде. В качестве предмета здесь выступает антропогенная среда, во-первых, в аспекте ее влияния на человека, а, во-вторых, в аспекте использования ее ресурсов и преобразования.

Каждый из перечисленных подклассов человекознания включает в себя определенную совокупность наук о человеке и характеризуется: единством и своеобразием предмета научного исследования; внутренней общностью основных категорий и методологии исследования; сопоставимостью научных результатов и уникальностью вклада в общее человекознание.

Человековедение или управление развитием человека начинается с постановки цели (1 класс), формирования и подготовки человека как субъекта труда (2 класс), разработки адекватной технологии (3 класс), определении предмета воздействия (4 класс) и заканчивается результатом (1 класс). Так период за периодом строится логически непротиворечивая и целостная (системная) методология воздействия на человека на всех уровнях его существования и жизнедеятельности: от физического до духовного.

Таким образом, каждый из подклассов обладает достаточной уникальностью и автономностью, т.е. может рассматриваться как самостоятельное научное направление. В прикладном аспекте представленная таблица человекознания является методологической основой развития человековедения, т.е. проектирования и осуществления различных педагогических, психологических и прочих целенаправленных воздействий на человека.

Соловьева С.Л.

СВОЙСТВО АГРЕССИВНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема агрессивности как одной из фундаментальных детерминант функционирования человека является важнейшей проблемой современной науки. На психофизиологическом уровне агрессивность рассматривается в работах В.С.Мерлина как компонент в структуре темперамента. Существуют многочисленные исследования поведенческого уровня этого феномена, которые проводятся психиатрами в связи с психической патологией.

В психологической литературе вводится понятие агрессивности как личностной черты, выражающей склонность к агрессивному поведению. Нами предлагается концепция агрессивности как свойства личности, основанная на методологических принципах отечественной психологической науки.

К категории свойств личности агрессивность может быть отнесена на основании соответствия критериям, используемым в отечественной науке при описании свойств личности: выражение данным свойством некоторого отношения к определенным сторонам действительности, включающего в себя объектные характеристики этой действительности, формирование этого свойства в процессе социализации с образованием постоянного комплекса социальных связей, его относительная изменчивость, главным образом, под воздействием социальных условий, относительная устойчивость и постоянство, одинаковость при повторных проявлениях.

В качестве научно-методических принципов исследования свойства агрессивности адекватно применение центральных принципов отечественной науки, изложенных в работах Б.Г.Ананьева, В.Н.Мясищева, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.В.Петровского: принцип детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности, а также системного подхода и структурно-генетического подхода, предложенных Б.Г.Ананьевым применительно к проблеме индивидуального развития.

Внутренняя структура свойства агрессивности включает находящиеся с этим свойством в субординационных отношениях когнитивные, эмоциональные (эмоции раздражения, гнева, тревоги, переживание чувства вины) и волевые процессы. В координационных отношениях со свойством агрессивности находятся характеристики направленности, самооценка, уровень ин-

тернальности, уровень социализации личности со степенью интериоризации социальных запретов и морально-этических норм.

Суслов В.И.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Как подчеркивал Л.С.Выготский, соотношение психики, сознания, бессознательного не только является центральным вопросом психологии, но и в гораздо большей степени вопросом о принципах построения психологии как науки. Каковы же реальные факты, которые заставляют обратиться к понятию бессознательного?

Первое – психическая жизнь представляет собой отрывочные ряды явлений, которые требуют допущения, что они продолжают существовать и тогда, когда мы их больше не сознаем. Второе – сама сознательность явлений имеет различные степени. Одно мы переживаем ярко, более сознательно, другое менее ярко, третье находится на границе сознания. Наконец, есть элементы, не достигающие порога сознания. Третье – внутри психической жизни обнаруживается известная конкуренция отдельных элементов, борьба их за вступление в поле сознания, вытеснение одних элементов другими, тенденция к возобновлению, иногда навязчивое воспроизведение.

При анализе этих фактов нетрудно убедиться, что они отражают три аспекта бессознательного. Но более важным и менее очевидным является то, что они отражают три аспекта осознания. Во-первых, отрывочность психических явлений чисто феноменальна. По существу же мы, как правило, можем поставить задачу на осознание и мгновенно решаем ее. Решая задачу на осознание, мы решаем задачу вербализации. В этом плане бессознательное – это невербализованное психическое, но оно в любой момент может стать сознательным. Итак, бессознательное – как потенциально сознательное (невербализованное). Во-вторых, степень бессознательности явлений указывает на второй аспект бессознательного – бессознательное как подпороговое, подсознательное. Меняется ли порог сознания? Да меняется, достаточно заснуть и тем самым повысить порог сознания, не говоря уже о патологии. Значит, осознание в этом плане – это снижение порога сознания, это активация. В-третьих, конкуренция психических элементов указывает на такой аспект бессознательного, как вытеснение. В данном случае стать сознательным – это пройти своеобразный отбор, селекцию.

Таким образом, можно выделить три аспекта бессознательного: бессознательное как потенциально сознательное, как подсознательное и как вытесненное. Этим трем аспектам бессознательного соответствуют три направления осознания: вербализация, активация, селекция.

Суслов В.И., Федорова Л.К.

О ГРАНИЦАХ «EGO»

В западной психологии получила известность концепция Федерна (1952) о границах Ego. Ego рассматривается как имеющее две границы. Одна из границ между самим Ego и миром реальности и другая между Ego и внутренним миром бессознательного. В психологически хорошо функционирующем индивиде эти границы оптимальны по прочности и гибки настолько, чтобы могли должным образом осуществлять функции Ego, включая соответствующую репрессию и селективный впуск в сознание инстинктивных побуждений изнутри, а также адекватную оценку реальности и когнитивное восприятие внешнего мира. Основной задачей Ego является успешная интеграция потребностей изнутри с требованиями внешнего мира.

Основное предположение данной работы относительно границ сознания заключается в том, что граница «сознание–внешний мир» регулируется посредством когнитивного стиля, а граница «сознание–бессознательное» средствами когнитивного контроля. Основными параметрами как познавательного стиля, так и контроля являются жесткость-мягкость, аналитичность–синтетичность. Эти теоретические посылки применительно к шизофрении можно рассматривать следующим образом.

Во-первых, изменения, происходящие при паранойяльной и кататонической формах шизофрении обусловлены изменениями в границах сознания. При паранойяльной форме граница «Ego–внешний мир» чрезмерно жесткая, энергетически заряженная, в то время как граница Ego–бессознательное гибкая, проницаемая. При кататонической форме ситуация обратная. При этом при паранойяльной форме происходит расширение Ego, а при кататонической сужение, что, в частности, нашло отражение в концепции Szondi.

Суходольский Г.В.

О ПЕРСПЕКТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ

XX век привнес немало заблуждений в понимание психологии как науки. Поэтому новому столетию нужна новая психологическая парадигма. Эскиз ее положений предлагается ниже.

1. Историки считают психологию молодой наукой, получившей самостоятельность лишь в результате создания В.Вундтом Лейпцигской лаборатории экспериментальной психологии. Научная справедливость требует отказаться от этого заблуждения. Самостоятельность науки определяется наличием особого предмета и метода, определенных знаний. Все это было в трактате Аристотеля «О душе», в «Эмпирической психологии» и «Рациональной психологии» Христиана фон Вольфа, в «Психологии» И.Гербарта и публикациях задолго до В.Вундта.

2. Существует мнение, что на протяжении своей истории в психологии менялся предмет изучения (А.Н.Ждан). Но такая закономерность присуща, например, математике и физике. Сейчас в психологии в качестве предмета изучаются отдельные аспекты и проявления психики животных и человека. При этом психика трактуется как функция мозга, и хотя признается ее зависимость от биологических и средовых, социальных условий, их непсихологическое содержание в психике не учитывается. И то и другое ошибочно: психикой обладает целостный организм, а не изолированный мозг, причем содержание предметно и определяется множеством отношений, в которые вступает организм с реальным или воображаемым миром. Действительным предметом психологии должна служить психика животных и человека, взаимодействующих с миром. Объектами изучения в психологии не могут быть ни изолированная психика, ни изолированные субъекты, а должны быть системы отношений «субъекты и мир».

3. Типология системных объектов психологии имеет пять основных – «человек–природа», «человек–техника», «человек–человек», «человек– знаковая система», «человек–художественный образ». Эти пять отношений были предложены Е.А.Климовым для профориентации и позже обобщены для человекознания А.А.Крыловым и Г.В.Суходольским. Комбинацией базовых систем создаются более сложные системные объекты, например, «человек–техника–природа», «человек–художественный образ–техника–люди» и т.д.

Многообразные связи с миром обусловливают положение психологии среди других наук и ее собственное строение.

4. В «Очерке психологии» В.Вундт написал, что психология служит основой всех наук. С помощью психики человек создал и создает научные знания. Методическое мышление и создание теорий – это высший уровень развития умственных процессов (Н.Я.Грот). Поэтому современная психология так или иначе граничит с большинством других наук, и не только в рамках человекознания (Б.Г.Ананьев). Можно представить психологию в центре пересечения гуманитарных, естественных и технических наук. Из них психологи заимствуют идеи и методы и в них вносят посильный вклад. Это привело ко всевозрастающей дифференциации психологических отраслей и к потребности в интеграции психологических знаний.

5. Один из путей интеграции – взаимное отображение психологических наук *друг на друга. Например, построим из общей, экспериментальной,* инженерной и социальной психологии квадратную таблицу. Тогда в клетках на пересечениях строк и столбцов запишутся взаимные отображения: в клетке «общая психология – общая психология» запишется основная парадигма этой науки, в клетке «общая психология – экспериментальная психология» запишутся общие психологические знания в экспериментальной психологии, а в симметричной клетке «экспериментальная психология – общая психология» запишутся экспериментально-психологические знания, необходимые в общей психологии. Многие возможности таких отображений еще ждут своего осмысления и воплощений.

6. Немало заблуждений связано с попытками выделить исходные категории психологии на основе инонаучных редукционизмов и философии позитивизма. Так, вследствие механицизма и физиологического редукционизма появилась рефлексология, а исходными категориями стали «рефлекс» и «отражение» (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия, А.Н.Леонтьев, К.К.Платонов). А вследствие позитивизма появились бихевиоризм и «Психология без всякой метафизики» (А.И.Введенский). В результате обсуждалась проблема биологического и социального в человеке (Б.Ф.Ломов) и в психологических словарях отсутствует термин «психическая сущность». Но еще Сократ писал, что сущность человека – его душа, причем душа разумная, как об этом можно прочесть лишь в первом томе итальянского учебника по истории философии. Замечу, что привычные понятия – восприятие, память, мышление, личность, индивидуальность и другие выражают собой психические сущности, порождающие соответствующие психические явления и их внешние

проявления. Исходными для общей психологии должны быть такие категории, как «психика», «субъект», «психические сущности и явления», их «внешние признаки», «психическая жизнь и деятельность», «психическое отражение» и «самовыражение», а также «объекты» и «ситуации» внешней среды и «взаимодействия» с ней субъекта. В отраслях психологии могут быть свои исходные категории.

7. Историческая дискуссия о естественнонаучном или гуманитарном подходах (И.Е.Сироткина) сохраняется до сих пор, и учиться «на психолога» идут гуманитарно ориентированные абитуриенты. Но еще Б.Г.Ананьев относил психологию к числу естественно-гуманитарных наук. А сегодня, учитывая положение на пересечении гуманитарных, естественных и технических наук, можно приписать психологии статус комплексной гуманитарно-естественно-технической науки. Конечно, разные психологические отрасли имеют методологическую акцентуацию, например, психотерапия более гуманитарна, а инженерная психология более технична. Но и в общую психологию проникает техника, а с ней и технический подход (Л.И.Шагина). Наряду с системным подходом все больший вес приобретает антропоцентрический подход, противостоящий традиционному сциентизму.

8. Сейчас имеется «полифония» методов – общенаучный, как наблюдения, заимствованные из других наук, как эксперимент, биографический или математический методы. К числу собственно психологических методов относятся лишь интроспекция, психологические тесты и «психологические профили», с помощью которых визуализуются качественно-количественные свойства многомерных объектов исследования.

9. Математизация психологии возможна и необходима. И она происходит, преодолевая недопонимание и противодействие. В психологии уже освоили математико-статистические методы анализа данных, создали факторный анализ и психологические измерения. И.Гербарт (1824) и М.-В.Дробиш (1850) создали «Математическую психологию» и за полтора столетия до компьютеров применили численное математическое моделирование потока представлений в сознании, не понятое и осмеянное современниками (М.М.Троицкий, А.И.Введенский). Нельзя, однако, подменять психологию математикой, как полагали некоторые (Г.Е.Журавлев). Нельзя также ожидать, чтобы психологические задачи решали математики. Это должны делать сами психологи, осваивая или изобретая подходящие для психологических объектов математические методы и разрабатывая не «математические», а «математико-психологические» модели. Модели одного и того же объекта

могут быть разными и не только математическими. Наверно поэтому в психологии существует множество теорий и практических технологий.

10. Сложные объекты вообще недоступны человеческому познанию в целом (попробуйте увидеть сразу весь Исаакиевский собор). Тем более объекты внутреннего мира человека – психические сущности как интеллект, личность, индивидуальность, или как ментальность этнической общности – могут быть познаны фрагментарно в разных теориях, с разных позиций и подходов. Например, более полутора десятков теорий личности, рассмотренных в американских учебниках (за исключением российских теорий). Думается, это надо принять как факт и отказаться от выбора «истинной» теории, поскольку истина многолика. И вряд ли возможна синтетическая теория, отличающаяся от компендиума фрагментов разной степени детализировки, подобного техническим проектам. Поэтому возникает необходимость в «мультипортретировании» психологических объектов как особом методе исследования с помощью разных методических средств (Т.А.Верняева, Г.В.Суходольский). Аналогично положение в психологической практике. И в ней существует не корректное прогнозирование на основе однократной психодиагностики, а различные техники психотерапии, психокоррекции или рекламы не обобщены идеей психологического управления. Необходимость последовательной психодиагностики, психологического прогнозирования и управления впервые осознал Ю.М.Забродин (1980). Эта последовательность должна быть циклична. Но по сравнению с психодиагностикой психопрогностика и психологическое управление нуждаются в дальнейшей научной разработке.

Сырникова Н.А.

СИСТЕМНОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЕГО ИСКУССТВЕННЫХ ФОРМ

Анализ проблем, связанных с созданием систем искусственного интеллекта, со всей очевидностью указывает, что отсутствие трактовки самого понятия «интеллект» является одним из главных препятствий на пути их разрешения. Между тем в настоящее время психология подошла к системному пониманию этого явления. Ряд исследований позволяет сделать предположения относительно его структуры и функций. Так, разделение структурных элементов интеллекта на операционные и содержательные, на кото-

рые прямо указывает Гилфорд и в скрытой форме Терстоун, подтверждено в наших исследованиях и, на наш взгляд, является вполне обоснованным.

Представляет также несомненный интерес выделение Р.Стернбергом так называемое «метакомпонентов» интеллекта, под которыми понимаются управляющие процессы, используемые для интеллектуального планирования деятельности, коррекции ее результатов. Что касается «выходной» функции системы «интеллект» или как иногда принято говорить, системообразующей функции, то на этот счет наиболее известным является мнение, разделяемое Ж.Пиаже, Р.Стенбергом и другими, об интеллекте как «способности к адаптации». По нашему мнению, функция адаптации присуща субъекту в целом, а «выходной» функцией интеллекта является информационное обеспечение взаимодействия субъекта со средой.

Системное понимание интеллекта открывает пути для решения таких проблем, возникающих на пути создания искусственного интеллекта, как проблемы репрезентации информации, влияния мотивационно–эмоциональных факторов на реализацию интеллектуальной функции и др.

Филимоненко Т.Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К СВОЕМУ ВОЗРАСТУ

Нами проведено исследование психологических факторов, обусловливающих специфическое отношение человека к своему возрасту. Это отношение рассматривалось в качестве интегральной оценки нервно-психического благополучия человека. Практическое значение исследования состоит в увеличении возможностей прогнозирования уровня психологического благополучия отдельного человека или социальной общности по их психологическим качествам, влияющим на формирование представлений о своем возрасте. Результаты исследования позволяют нам сделать следующие предварительные выводы:

1. Можно констатировать существование в психике сознающего себя человека специфического переживания – переживания собственного возраста, которое в качестве ведущей тенденции характеризуется, как показало исследование, своим несоответствием паспортным данным.

2. В интервале возрастов от 19 до 21 года имеет место среднегрупповое совпадение оценок субъективного и объективного возрастов. В последую-

щих периодах жизни субъективный возраст начинает устойчиво и в нарастающей степени отставать от паспортного (в среднем примерно по 3 года на каждое последующее десятилетие жизни).

3. Завышение субъективного возраста над паспортным коррелирует с неблагоприятными оценками психофизиологического состояния, наличием дезадаптирующих личностных особенностей или особенностей реагирования на стрессовые ситуации. Поэтому субъективное занижение возраста представляется не только статистической, но и психологической нормой.

4. Закономерность несовпадения субъективного и объективного возрастов, как и закономерность изменения первого из них по ходу жизни человека, свидетельствуют от том, что в субъективном мире личности переживание ею своего возраста играет какую-то важную роль (предположительно, стабилизирующую или регуляторную).

5. Отсутствуют среднегрупповые отличия в переживании своего возраста мужчинами и женщинами. В отличие от обыденных представлений мужская подгруппа по всем показателям демонстрирует более высокие (при отсутствии статистически значимых различий) отклонения субъективного возраста от паспортного, чем женская.

6. Перечни психологических факторов, влияющих на самооценку субъективного возраста, в мужской и женской подгруппах принципиально расходятся и отражают тем самым специфику самовосприятия, обусловленную половой принадлежностью. Единственный «надполовой» фактор – тревожность, «увеличивающая» субъективного возраста в обоих подгруппах.

7. Для мужской выборки факторами, повышающими субъективный возраст, являются психологическая фиксированность на внутреннем мире в ущерб внешнему («интроверсия» по Айзенку и преобладание фактора «Е» над фактором «I» в методике Розенцвейга), а также недостаточное развитие словесно-логического компонента в структуре общего интеллекта. Для женской подгруппы такими факторами являются преимущественно отрицательные аспекты устойчивого психофизиологического состояния.

Интересным представляется исследование восприятия собственного возраста пожилыми людьми. Достаточных данных по выборке людей пожилого возраста в нашем распоряжении на данный момент не имеется. Поэтому, исходя из представления о защитных функциях подсознания, мы можем выдвинуть априорную гипотезу о том, что восприятие собственного возраста у пожилого человека должно изменяться в соответствии с его ведущими жизненными установками. Те, кто предпенсионный период жизни провел в

рамках мотивации нужды, после выхода на пенсию теряют источник для своей (пусть даже – вынужденной) активности, становятся пассивными, фиксируются на недомоганиях и болезнях. Их субъективный возраст, предположительно, должен быстро возрастать до паспортного или даже его обогнать. Альтернативную группу составляют люди, которые следовали в своей жизни прежде всего потребностям достижений, были спонтанно-активными потому, что процесс и результат деятельности были им интересны, а не потому, что «так было надо». В пенсионом периоде жизни такие люди находят возможности для реализации каких-то новых частей своего «Я», ранее подавлявшихся нагрузками семейной жизни и профессиональной деятельности. У них прогнозируется резкое отставание субъективного возраста, не укладывающееся в указанную выше статистическую закономерность.

Шалимова Г.А.

ИДЕИ Б.Ф.ЛОМОВА И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Достаточно противоречивые данные различных исследований в области психофизиологии эмоциональности не дают развернутого представления ни о значении полушарий головного мозга в регуляции эмоций, ни о других сторонах данной проблемы. Используемый нами подход по изучению роли механизма билатерального регулирования в проявлении эмоциональной сферы человека позволил выявить типологические различия в эмоциональности человека, которые определенным образом коррелируют с особенностями межполушарной деятельности. Для каждого из шести выделенных нами типов характерно своеобразное сочетание как базальных, так и более сложных эмоций, имеющих синусоидальную тенденцию.

Наиболее перспективным в разработке психофизиологической проблемы эмоций представляется подход, предложенный Б.Ф.Ломовым с опорой на теорию отражения и разработку общей концепции поведения, которая могла быть концептуальным мостом между психикой и физиологией.

Значимость идей Б.Ф.Ломова заключается в том, что он рассматривает отношение «психическое–нервное» через теорию отражения не в отдельных, независимых проявлениях и не статично, а как многоуровневое развивающееся целое, как систему. Изучение психических явлений Б.Ф.Ломов предполагает с позиции трех взаимосвязанных отношений:

•отношение отражения к отражаемому. Здесь имеется в виду не только мера адекватности образа к объекту, но и те процессы, которые обеспечивают превращение энергии внешнего воздействия в факт сознания;

•отношение отражения к его носителю – мозгу, или отношение психических процессов к нейрофизиологическим;

•отношение отражения к поведению и деятельности, иначе говоря, регулирующая функция психического.

Для понимания и объяснения действительной природы психического Б.Ф.Ломов нацеливает на изучение не изолированно взятых нейрофизиологических процессов, а их организации, их системного строения, вскрывая недостаточность их исследования только в плане отношения «психическое–нервное» без анализа отношения психических проявлений к отраженным в них явлениям внешнего мира. Такая концепция открывает реальную возможность синтеза данных и вместе с тем последовательной реализации принципов системного подхода к решению психофизиологической проблемы эмоций: дает возможность изучать эмоции и мозг как взаимосвязанные системы, организующие единую целостную систему.

Эмоции связываются с нейрофизиоологическим обеспечением через системные процессы, т. е. через способ организации нейродинамики. Данный способ рассматривается как детерминируемый не только внутримозговыми отношениями, но и взаимодействием организма со средой. Эмоции по отношению к нейрофизиологическому выступают как системное качество.

Обращаясь к творчеству Б.Ф.Ломова, мы, с одной стороны, проводим его идеи о сохранении всего ценного, что накоплено психологической наукой, через его активное использование и развитие; с другой стороны, реализуем это благодаря заслугам самого Бориса Федоровича, разработавшего системную концепцию психического отражения, использование «заложенного в ней эвристического потенциала, – по мнению В.А.Барабанщикова, – является одной из актуальных задач психологического исследования» и в настоящее время.

Глава 3. ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Августова Л.И.

К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Проблема продолжительности жизни волновала ученых разных наук на всем протяжении человеческой истории. Она и сегодня остается актуальной в современной геронтологии и, в частности, в одном из ее направлений – психогеронтологии. Продолжительность жизни определяется множеством факторов, начиная от биологических и заканчивая социально-экономическими. В их ряду можно выделить принадлежность человека к той или иной профессиональной среде, т.е. его включенность в какую-либо профессиональную деятельность. Проблему продолжительности жизни можно рассматривать как в общенаучном плане, так и в контексте решения вопросов профессионального долголетия.

Проблема профессионального долголетия является не столь простой, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, для некоторых профессий этот вопрос вообще не ставится, поскольку профессиональная деятельность в силу своей специфики прекращается достаточно рано. Это относится к большинству современных видов спорта. Во-вторых, необходимо иметь в виду этап выхода из профессии (выход на пенсию), который законодательно связан с определенным возрастом. Порой специалист вынужден заканчивать профессиональную деятельность по социальным причинам, хотя он соматически здоров, психически сохранен, а его творческие возможности еще далеко не исчерпаны.

В литературе содержится достаточно сведений относительно влияния профессии на продолжительность жизни. При этом общая тенденция состоит в том, что средняя продолжительность жизни увеличивается по мере роста образовательного уровня и оказывается выше у научных и творческих работников.

С целью решения вопроса о продолжительности жизни психологов были отобраны 146 ученых-психологов и представителей смежных наук, зарекомендовавших себя в области психологических исследований и внесших в них значительный вклад. Общая выборка состоит из мужчин, поскольку женщин оказалось несколько человек и при анализе результатов они не учитывались. Исходные данные по годам жизни были заимствованы из сборника «50 выдающихся психологов мира» и психологического словаря. Большинство ученых жили в XIX–XX веках, их чис-

ло составило 86% от выборки, причем подавляющее количество из них – это люди, родившиеся в XIX и умершие в XX веке (65%), 3% составили ученые, жившие до XVI века, и 11% – все остальные.

Минимальная и максимальная продолжительность жизни по всей выборке колеблется в диапазоне от 37 до 100 лет. Процентное распределение всей выборки по десятилетиям оказалось следующим: не дожили до 40 лет – 2%; прожили больше 40, но меньше 50 лет – 6%; больше 50, но меньше 60 лет – 14 %; больше 60, но меньше 70 лет – 21%; больше 70, но меньше 80 лет – 27%; больше 80, но меньше 90 лет – 26%; и наконец, прожившие более 90 лет – 4%. Примечательным оказывается тот факт, что с увеличением возраста увеличивается процент лиц, доживших до него. Так, 57% составляют ученые, которые прожили больше 70 лет.

Процентное распределение по периодам геронтогенеза выглядит следующим образом: пожилой возраст – 60–74 года составляет 34%; старческий – 75–90 лет – 40%; и долгожители – свыше 90 лет – 4%. Таким образом, по нашим данным 78% ученых-психологов дожили до пожилого возраста. Средняя продолжительность жизни по нашей выборке составила 70,5 года, что совпадает с мнением большинства ученых относительно продолжительности жизни в настоящее время, хотя в разные века, годы и в разных странах это число колеблется.

Таким образом, полученные результаты позволяют допустить, что продолжительность жизни ученых-психологов является достаточно высокой. Этот факт подтверждает данные других исследователей и еще раз свидетельствует о том, что насыщенная творческая жизнь и высокая активность во всех сферах обеспечивают долголетие.

Балин В.Д.

КРИТЕРИИ СУДЕЙСТВА В СПОРТИВНЫХ ТАНЦАХ

Процесс психического отражения окружающей среды в общих чертах состоит из двух этапов: синтеза «картины мира» по её объективным физическим признакам (конструирование «физического пространства») и её коррекции на основе субъективных критериев, которые в основе своей строятся на базе филогенетического опыта (конструирование «психологического пространства»). При конструировании психологического пространства решающее значение имеет процесс выявления в среде ее доминантных характеристик, которые выполняют функцию иерархизации предметов окружающей среды в интересах конкретного индивида. Доминантные признаки делают «психологическое пространство» неравновесным, акцентированным, а по этой причине и активизирован-

ным. Неравновесная картина мира уже сама по себе служит источником «энергии» для последующего поведенческого акта. Перечень доминантных характеристик среды можно выявить путем классификации рецепторных образований, путем выявления врожденных генетических программ, путем лингвистического анализа текстов.

Судейство как явление в спортивных (бальных) танцах интересно для психологов по целому ряду причин: бальные танцы занимают промежуточное положение между спортом и искусством, и по этой причине здесь действуют критерии обоих видов деятельности. Судья работает в дефиците времени, имея перед глазами 5–10 пар и 1,5–2 минуты на их оценку. Судья находится под постоянным давлением зрителей, которые вольно или невольно оказывают влияние на качество судейства, и т.п. Описанные условия вынуждают судей ориентироваться на наиболее фундаментальные свойства такого сложного и динамичного объекта, как совокупность танцевальных пар. В нашем исследовании был произведен опрос 20 судей (13 мужчин и 7 женщин). Их просили проранжировать индивидуальные критерии судейства и указать интервалы между ними (от 1 до 10 баллов) для пар средней квалификации (С – В класс).

Всего было названо 164 критерия. Первоначально они были классифицированы по значению и сведены к 42 классам. Далее указанное множество было свернуто до 24, в основном за счет объединения синонимов. Для каждого критерия был подсчитан средний ранг в соответствии с тем местом, которое отвели ему судьи: музыкальность (средний ранг 1,26), позиция в паре (2,46), чувство ритма (3,33), техническая база танца (3,48), характер танца (4,0), индивидуальность (5,0), артистизм (5,0), физическая форма (5,5), работа стопы (5,6), эмоциональность (5,67), движение (5,83), ведение (6,13), скорость (6,5), пространственно-временная ориентировка (6,5), свинг (6,5), корпус (6,5), внешний вид (6,55), стиль (вкус) (7,0), гармония в паре (7,56), композиция (7,71), элегантность (8,0), мелодичность (9,7), умение подать себя и партнера (9,71), имидж (10). Далее были применены методы статистической обработки (корреляционный и факторный анализ).

Корреляционный анализ показал, что критерии различаются по степени своего влияний на все остальные. На первом месте стоит *«чувство ритма»* (оно связано с пятью критериями: «музыкальность», «техническая база», «артистизм» (отрицательная связь), «пространственно-временная ориентация», «мелодичность», «умение подать себя и партнера»), *«скорость»* («характер танца», «ведение», «свинг» (отрицательная связь), «композиция», «мелодичность»), *«композиция»* («музыкальность» (отрицательная связь), «характер танца», «ведение», «скорость», «умение подать себя и партнера» (с мину-

сом)). По четыре связи имеют *«музыкальность»* («чувство ритма», «артистизм» (с минусом), «пространственно-временная ориентация», «композиция» (с минусом)), *«характер танца»* (*«*скорость», «свинг» (минус), «композиция», «мелодичность»), *«гармония в паре»* («индивидуальность», «ведение», «элегантность», «имидж»). Факторный анализ позволил выделить: I – техничность, II – ритмичность, III – индивидуальность, IV – «заметность», V – физическая форма, VI – имидж. После ротации: I – целостность, II – музыкальность и ритмичность, III – индивидуальность, IV – «заметность», V – эмоциональность, VI – имидж. На первый план выходят техничность, музыкальность, чувство ритма, целостность, а затем такие факторы, как индивидуальность, «заметность», эмоциональность.

Приведенные данные, а также результаты беседы с судьями, позволили предположить существование двух способов оценки пар – через целое (точнее его функции – как пара умеет показать свою индивидуальность), и через доминантные элементы целого, от которых зависят все остальные (эмоциональность, физическая форма, внешний вид, элегантность, некоторые элементы техники). Исследование позволило выявить такие доминанты: пространственно-временные характеристики среды и объекта (их «регулярность», организованность), целостность объекта, его отличие от всех остальных объектов (умение конкретной пары сделать себя «фигурой», а соперников, «фоном»).

Бочарова С.П., Землянская Е.В., Бандурка И.В.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОФЕССИОГЕНЕЗЕ ПАМЯТИ СПЕЦИАЛИСТА

В связи с дифференциацией профессиональной деятельности, компьютеризацией интеллектуальных компонентов труда заметно повысились требования к профессиональной памяти человека. Целью нашего исследования является разработка проблемы развития профессиональной памяти в системе специального высшего образования. Мы рассматриваем условия обучения будущего специалиста (юриста, психолога и др.) как естественный формирующий эксперимент.

На основе ранее проведенных нами исследований сформулированы следующие принципы системного анализа профессиональной памяти:

- единство функциональной организации мнемической системы, объединяющей преобразование сигналов разных модальностей;

• все виды и процессы памяти следует рассматривать не как изолированные образования, а как специфические и взаимосвязанные проявления единой полимодальной системы профессиональной памяти;

• профессиональная память – универсальный интегратор сигналов, объединяющий операционные и мотивационные аспекты преобразования информации на сенсорном, интеллектуальном и т.д. уровнях;

• единство трех функциональных специфических уровней памяти – сенсорной, кратковременной оперативной и долговременной, которые обеспечивают временную регуляцию профессиональной деятельности;

• отображение единства когнитивных и продуктивно-регулятивных функций памяти в структуре профессиональной деятельности;

• комплексный подход к изучению профессиональной памяти в единстве ее субъективных и объективных факторов эффективности;

• понимание взаимосвязи мнемических процессов с сенсорными, мыслительными и моторными процессами, по отношению к которым профессиональная память выступает как базовая функциональная система, обеспечивающая их интеграцию в едином контуре системы саморегуляции профессиональной деятельности.

Профессиональные качества личности тесно связаны с индивидуально-психологическими особенностями, которые в процессе освоения профессиональной деятельности подвергаются селекции в зависимости от требований деятельности и включаются в единую систему познавательной активности профессионала. Именно память определяет индивидуальный стиль профессиональной деятельности человека. Индивидуальный стиль – это индивидуально-своеобразная, типологически обусловленная система взаимосвязанных действий, направленных на наилучшее достижение целей в профессиональной деятельности (В.С.Мерлин, Е.А.Климов).

По нашему мнению, исследование роли индивидуально-психологических особенностей в профессиогенезе памяти позволит решить вопросы профессионального отбора не только на основании сведений о профессионально важных мнемических свойствах работников, но и предусматривать их психическую устойчивость, выносливость к монотонии и экстремальным условиям профессиональной деятельности.

Васильев В.Л.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ, ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Теневая экономика представляет достаточно сложное явление, в ко-

тором переплетается экономика и политика, право и мораль. Явления коррупции и теневой экономики имеют тесные взаимосвязи, а в некоторых случаях представляют социальную конгломерацию, включающую незаконные действия администрации и «теневые» экономические обороты, как, например, в случаях незаконного «прокручивания» предназначенных для выдачи зарплаты денег в коммерческих структурах.

Фактором, способствующим коррупции и теневой экономике, является психология так называемого «двойного стандарта» поведения. В первую очередь это относится к декларированию органами власти целого ряда мер, в том числе законодательных по борьбе с коррупцией. Размытая формулировка законов порождает беззаконие и способствует превращению честного чиновника в коррупционера.

Психологической предпосылкой развития теневой экономики и коррупции является манипулирование индивидуальным и общественным сознанием, которое способствует латентности этих явлений, их мимикрии и видоизменению. Теневая экономика и коррупция создают предпосылки для развития организованной преступности, которая представляют собой иерархически организованную систему с трехзвенным и более высокими уровнями руководства и управления, распределением сфер влияния и коррумпированными связями.

Первым источником развития социальной ситуации по криминальному типу явились экономические преступники и их капиталы, которые сформировались в период застоя и для которых характерно было получение прибыли в сфере теневой экономики. Вторым источником явились коррумпированные представители государственной и партийной номенклатуры. Наконец, третьим источником явилась профессиональная общеуголовная преступность, которая, с одной стороны, паразитировала на деятелях теневой экономики, а с другой, стороны эти деятели использовали уголовников в целях сокрытия следов хищения, преступного воздействия на нежелательных свидетелей и т.п.

Организованная преступность характеризуется следующими признаками, отличающими ее от общеуголовной. К ним можно отнести сложную структуру, многоступенчатую иерархию, наличие связей с коррумпированными представителями аппарата власти и правоохранительных органов, тесное взаимодействие с хозяйственной, экономической и общеуголовной преступностью, распределение сфер влияния по стране, в регионах, выход на зарубежные связи и координация деятельности с международным преступным миром, наличие третейских судов, которые берут на себя установление своего рода социальной справедливости внутри этой структуры и обеспечивают проведение своих «решений» в жизнь. Фактором, способствующим развитию организованной преступ-

ности, являлся и низкий уровень профессиональной компетентности большинства работников правоохранительной системы. Отчасти это было обусловлено уходом из ее рядов в коммерческие структуры значительного количества наиболее опытных работников.

Помимо отсутствия у них достаточно надежных и мобильных средств транспорта и связи следует иметь в виду низкий уровень психологической культуры. В первую очередь это относится к отсутствию соответствующей системы психологических знаний и навыков, которые могли бы обеспечить высокий уровень раскрытия и расследования преступлений, совершенных в сфере организованной преступности.

Вахин А.А.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ГРУППАХ (КОЛЛЕКТИВАХ)

Сегодня многие исследователи уделяют большое внимание теме организационных конфликтов и методам их разрешения. Безусловно, максимальные результаты по этой теме накоплены в социальной психологии, которая кроме исследований предлагает процедуры влияния на те или иные ситуации с целью их «оптимизации». По итогам своей консультативной практики мы выделили четыре группы методов, используемых в ситуациях разрешения организационных конфликтов.

1. Нормативно-приказной или административный метод. К этому методу относятся те организационно-административные меры, которые руководитель имеет право применить в рамках своих полномочий и профессиональной компетенции в ситуации конфликта. Это могут быть назначения на должности или же увольнения, изменения, касающиеся условий и оплаты труда, распределение обязанностей на рабочем месте и т.д. В этом случае руководитель может полагаться только на свои знания и авторитет, иногда рискуя своим местом в случае провала.

2. Метод ведения переговоров. Этот метод разработан лучше всех других и в литературе, и на практике. Он включает группу конкретных приемов, которые позволяют «выявить все причины отдельного конфликта и склонить стороны к компромиссу, добиваясь уступок в одном в обмен на уступки в другом аспекте» (Дж.Г.Скотт). Он состоит из нескольких этапов, каждый из которых характеризуется своими особенностями. При реализации метода на предприятии консультант в зависимости от ситуации определяет состав конкретных способов воздействия на конфликт, организуя такое взаимодействие сторон, которое должно привести к формированию взаимоприемлемых договоренностей.

3. Методы групповой психокоррекции. Традиционно большинство авторов здесь в качестве основных выделяют следующие методы: социально-психологический тренинг, бизнес-тренинг и терапевтическую группу. Они, как показывает практика консультативной деятельности и исследования последнего времени, оказываются одними из самых эффективных в решении организационных конфликтов и могут быть с успехом использованы для коррекции поведения личности. Базовыми методами СПТ являются групповая дискуссия, фасилитация и игровые методы. Тренинговые процедуры чаще всего направлены на отработку навыков конструктивного взаимодействия в ситуациях потенциальных или реальных конфликтов руководителей разного звена.

Терапевтическая группа предполагает проработку человеком проблем, спровоцировавших конфликт и «обеспечивших» участие в нем его самого. При этом используются различные приемы, позволяющие контролировать свое поведение и адекватно выражать свои эмоции. Основную роль здесь играет сама группа, в которой происходит проработка проблем; она помогает создать атмосферу доверия.

4. Метод индивидуального консультирования. В ходе психологического консультирования обеспечиваются позитивные изменения в конфликтном поведении людей и в восприятии ими окружающей действительности. В качестве примера его реализации можно привести «метод мысленной трансформации образа», «технику активного слушания» или «рационально-интуитивный метод». В любом случае основная задача терапевта или консультанта – помочь клиенту произвести анализ положительных и отрицательных сторон продолжения или прекращения конфликта, найти оптимальную линию поведения.

Для оценки консультативного воздействия на конфликтную ситуацию нами был выделен ряд критериев, характеризующих эффективность этого воздействия: временной, адекватность, универсальность, помехоустойчивость, наглядность полученных результатов, безопасность, устойчивость результата, информативность. Сегодня эта проблема разработана крайне недостаточно, что не позволяет сделать более строгой с научной точки зрения консультативную практику. И хотя это не является камнем преткновения на пути расширения и развития последней, тем не менее часто ставит под сомнения полученные в ее процессе результаты. Сейчас пока еще рано говорить об успехах на пути научного доказательства выдвинутых эмпирическим путем критериев, но работа в данном направлении активно ведется, в том числе в рамках исследований, проводимых лабораторией социальной и экономической психологии института психологии РАН.

Верещагина Л.А., Кухарь В.А., Худяков М.М.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОРТРЕТ ВЕДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА ТУРБИНОЙ БЩУ АЭС

Проблема безопасности АЭС, поиск путей повышения надежности работы оперативного персонала станций являются основными задачами психологов, работающих в сфере атомной энергетики. Несмотря на очевидные достижения в этой сфере, многое остается не изученным. Так, вне внимания психологов оказалась профессиональная деятельность и личность специалистов, занимающих одно из ключевых рабочих мест на блочном щите управления АЭС (БЩУ АЭС), а именно должность ведущего инженера по управлению турбиной (ВИУТ).

Цель нашей работы: профессиографическое и психологическое описание деятельности ВИУТа; оценка его рабочего места; выявление психологических и личностных особенностей ВИУТов; разработка системы, оценок их профессиональной успешности; разработка профессионально-личностного портрета «успешного» и «неуспешного» ВИУТа и подготовка рекомендаций по использованию результатов нашего исследования для целей профессионального отбора и подготовки ВИУТов.

Исследование проводилось на базе учебно-тренировочного центра Ленинградской атомной электрической станции (ЛАЭС). Было обследовано 28 человек, работающих в должности ВИУТа в среднем около 10 лет. Профессиографическое и психологическое описание деятельности проводилось на основании использования должностных инструкций, бесед с ВИУТами, наблюдением за их работой.

Психодиагностическое обследование включало в себя использование ряда личностных методик – опросник «Многостороннее исследование личности» Ф.Б.Березина и М.П.Мирошникова, 16-ти факторный опросник Кеттелла, методика Шуберта и др. (всего 13 психодиагностических методик). Прогноз профессиональной успешности осуществлялся путем сравнения результатов психодиагностического обследования конкретного работника со средними значениями и границами их статистической нормы для персонала АЭС, работающего в нормальных условиях.

Математико-статистическая обработка экспериментальных данных позволила нам разработать структуру профессионально важных качеств ВИУТа, наиболее значимыми из которых оказались: эмоциональная устойчивость, ответственность, осторожность и др. Выявлена повышенная тревожность и напряженность у этих специалистов, их предрасположенность к конфликтному поведению, что необходимо принимать во внимание при организации психологической помощи ВИУТам. Выявлены

определенные изменения личностных свойств по мере увеличения профессионального стажа и возраста работников.

Результаты исследования представлены руководству УТЦ ЛАЭС для их практического использования по психологическому сопровождению деятельности ВИУТа на этапе психологического отбора, профессиональной подготовки, организации психокоррекционных процедур.

Викентьева Е.Н.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Понятие организационная культура включает в себя совокупность составляющих, проявляющихся в поведении, мифах, ритуалах членов конкретной организации. Организационная культура воплощает в себе разделяемые всеми ценности, образцы, «предположения», являющиеся ориентирами для всех членов организации, представляющие собой набор ключевых характеристик, ценных для организации. Выделяют семь основных характеристик, в совокупности охватывающих сущность организационной культуры: инновации или принятие риска; внимание к деталям, направленность на результат, личностная ориентация, командная направленность, агрессивность, стабильность.

Организационная культура имеет функциональную нагрузку. Во-первых, она создает различия между организациями. Во-вторых, передает чувство идентичности членам организации. В-третьих, культура облегчает возникновение обязательств. В-четвертых, повышает стабильность социальной системы – помогает поддерживать организацию, обеспечивая соответствующие стандарты, которыми служащим следует руководствоваться при общении и действии. Наконец, культура служит смыслообразующим и контрольным механизмом, формирующим аттитюды и поведение служащих и управляющим ими. С точки зрения служащих, ценность культуры в том, что она уменьшает неопределенность.

Чем больше сотрудников принимают основные ценности, и чем больше их обязательство перед ними, тем сильнее культура. Сильная культура будет иметь большое влияние на поведение служащих, так как высокая степень разделяемости и интенсивности создает внутренний климат сильного поведенческого контроля. Организационная культура помимо названных функций призвана способствовать самоидентификации членов организации как части общности, обладающей традициями, стилем работы, спецификой взаимодействия с окружающими. Эта функция организационной культуры заключается в объединении людей через

личную включенность и в формировании самоценной общности, способной к существованию и противостоянию внешним переменам. Эффективность организационной культуры в этом случае определяется степенью личной веры в ценности данной культуры, спецификой репрезентации основных культурных составляющих в индивидуальном сознании. Ключевой проблемой, таким образом, является выявление основ эффективности организационной культуры.

В рамках совместного англо-российского проекта было проведено исследование, направленное на изучение организационной культуры тверских организаций. Одним из результатов данного исследования было выделение функционально значимых составляющих организационной культуры, которыми явились следующие: недостаток понимания управленческих компетенций и навыков; недостаточная эффективность организационных взаимодействий (как между подразделениями, так и внутри них); не вполне четко осознанная важность человеческого ресурса; недостаточными можно назвать обратную связь и систему мотивации, ориентированные на финансовые стимулы; интуитивный способ решения организационных проблем руководителями на различных уровнях из-за отсутствия достаточного профессионального обучения.

Наиболее распространенными управленческими компетенциями были: коммуникативные, навыки межличностного взаимодействия и навыки взаимодействия с клиентами. Большой акцент был сделан на знании как важной компетенции, необходимой менеджеру для выполнения его работы. К значимым компетенциям не были отнесены такие, развивающие и усиливающие организационную культуру компетенции, создавать команду, умение делегировать полномочия, навыки руководства в овладении инновациями и другие.

Наше исследование отразило две проблемы: с одной стороны, – недостаточное внимание управленцев к проблемам организационной культуры; с другой стороны, – слабость организационной культуры на уровне представлений членов организации о миссии руководства. Исследование позволяет сделать вывод о наличии потенциала в организациях и о необходимости внедрения организационных изменений, направленных на развитие и усиление организационной культуры.

Горскова В.В.

СТРЕСС У СОТРУДНИКОВ ПРОКУРАТУР

Работа следователя требует высокой профессиональной подготовки, оперативности при принятии решений, постоянного общения следовате-

ля с лицами, совершившими преступления. При этом следователь как должностное лицо, наделенное правом вершить фактически самостоятельно судьбы людей, должен обладать выдержкой, скрывать от посторонних свои эмоции и переживания, уметь наладить психологический контакт с лицами, совершившими преступление, какими бы не были как само преступление, так и лицо, его совершившее. Каждый из участников уголовного процесса (подозреваемый, свидетель, потерпевший) требует в каждом конкретном случае конкретного подхода со стороны следователя, и в работе с этими участниками следователь также подвержен стрессовым ситуациям, связанным с особенностями личности каждого конкретного лица, поведения, уровнем образования и контактности. При этом уровень психической восприимчивости следователя к различным обстоятельствам напрямую зависит от его опыта как профессионального, так и жизненного, степени подверженности эмоциям.

Ситуации, которые являются стрессогенными в работе следователя, на основании устного опроса и метода включенного наблюдения я условно разделила на 4 группы:

1. Стресс, вызываемый определенными следственными действиями: а) допросы, очные ставки и прочие следственные действия, проводимые в тюрьме; б) выезд на место происшествия. Некоторые следователи не могут сконцентрироваться, собраться и качественно проводить осмотр места происшествия, где имеются трупы; в) осмотр потерпевших от изнасилования (особенно при малом опыте работы следователя).

2. Стресс, вызванный взаимодействиями с участниками процесса: а) при работе с обвиняемыми. Как правило, молодые следователи испытывают стресс при работе с определенной категорией обвиняемых, которые пытаются оказывать психологическое давление, вызывающе себя вести, не отвечать на поставленные вопросы; б) со свидетелями. Среди людей, являющихся невольно свидетелями того или иного преступления, особенно если оно создает определенный общественный резонанс в обществе, встречаются такие, которые требуют от следователя, ведущего дело, немедленного раскрытия преступления, проявляют при этом агрессию и нетерпение. А есть и другая категория, с которыми работать не менее сложно, – они ничего не видели и не заметили. При допросе подобных лиц от следователя требуется огромная выдержка, терпение и много времени, которое вполне вероятно будет потрачено впустую; в) с потерпевшими. Сегодня среди потерпевших встречаются нежелающие делиться со следствием информацией о себе, своей деятельности и деятельности лиц, которых они подозревают в шантаже, совершении нападения на себя, свою фирму и пр. Таким образом, следователь очень часто оказывается в ситуации неведения, а в результате вероятность рас-

крытия преступления равна нулю; г) при работе с адвокатами. Например, при проведении ряда следственных действий адвокаты занимают активную, а зачастую даже агрессивную позицию и некоторые следователи чувствуют себя крайне дискомфортно.

3. Стресс, вызванный взаимоотношениями в коллективе. Подобного рода проблемы возникают на разных этапах существования коллектива. Межличностные конфликты внутри коллектива ведут к: а) явной неэффективности и сбоям в работе; б) воздействию общности на индивида; в) восприятию коллег и пониманию коллег друг другом; г) стрессу, возникаемому как следствие конфликта между следователем и начальником подразделения; 4) стрессу, возникающему из-за неумения (а зачастую и нежелания) следователей построить личную жизнь.

Таким образом, работа следователя полна стрессовых ситуаций. А для того, чтобы в раскрытии преступлений всех уровней участвовали профессионалы, умеющие совладать с собой и охватившими их проблемами, необходимо участие психолога.

Грищенко Н.А.

СЕНСОМОТОРНОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роль деятельности в формировании интеллекта определяется местом труда в общем становлении человека и специфики формирования механизмов его аналитико-синтатической деятельности. В процессе формирования субъекта труда, познания и общения основой становления интеллекта является сенсомоторная организация, которую академик Б.Г.Ананьев рассматривал как коренной феномен жизнедеятельности, связанный с «глубинными» особенностями личности.

К настоящему времени накоплен фундаментальный материал, доказывающий, что труд – это всеобщая универсальная форма жизнедеятельности, что дает полное основание сопоставлять труд с формами биологического приспособления. В сенсомоторном развитии субъекта труда наиболее полно отражается принцип общественно-исторической детерминации психического. Анализ микроструктуры рабочих движений разных видов деятельности свидетельствует о том, что технический прогресс усложняет регуляторные механизмы координатной системы. Микродвижения пальцев рук в трудовых действиях рук оказались сходными с микродвижениями рук в действиях гностических и с микродвижениями глаз. Микродвижения могут рассматриваться как одна из форм периферических процессов при умственной деятельности. Технический

прогресс преобразует целостную природу человека и регуляторную систему субъекта труда, познания и общения.

С процессом труда связано становление человека развитие мозга, сопровождающееся «усовершенствованием всех чувств вообще» (Ф.Энгельс). Созданные в процессе исторического развития труда многочисленные системы «орган–орудие» бесконечно повышают разрешающую силу анализаторов. В процессе исторического развития труда усиливаются, ускоряются, многообразно преобразуются нервно-психические потенциалы человека.

Дейнека О.С., Бояринцева Т.А., Близнюк Н.Э.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ СЛУЖАЩИХ НАЛОГОВОЙ ИНСПЕКЦИИ И ПОЛИЦИИ

В условиях системного кризиса и острейшего дефицита государственного бюджета усиливается значимость эффективной деятельности налоговой службы, отвечающей за пополнение государственной казны.

Наше исследование состояло в изучении психологических портретов налоговых инспекторов и налоговых полицейских. Комплексное исследование их личностных особенностей включало измерение профиля личности по Кеттеллу, акцентуаций характера по Леонгарду, социальных мотивов по Мехрабиану, уровня агрессивности по Бассу-Дарки, а также отношения к налогам в контексте справедливости с помощью специального вопросника. В обследовании приняли участие 50 служащих налоговых инспекций Тюмени и Санкт-Петербурга (средний возраст 30 лет, 90% женщин) и 21 сотрудник налоговой полиции Тюмени (средний возраст 32 года, все мужчины).

Результаты исследования показали, что психологические портреты служащих налоговой инспекции и налоговой полиции в целом соответствуют требованиям, предъявляемым спецификой их деятельности. Эмоционально-волевой блок качеств характеризуется высокой эмоциональной устойчивостью, развитым самоконтролем, выдержанностью, работоспособностью, настойчивостью, точностью, высокой нормативностью поведения. Налоговые полицейские отличаются от инспекторов высоким показателем жесткости, мужественности, хладнокровия.

Коммуникативные качества хорошо развиты в обеих группах, испытуемым присуща высокая социальная смелость, склонностью к риску. Инспекторы более общительны и тактичны. Оперативные сотрудники полиции более независимы, самоуверенны, авторитарны. Уровень и характеристики интеллектуального блока оправданы спецификой деятель-

ности обследуемых служащих. Им свойственна критичность и аналитичность мышления, внимание к мелочам, но у инспекторов более абстрактный, а у полицейских более практичный интеллект.

На фоне сбалансированности личностного профиля и невыраженности характерологических акцентуаций у налоговых полицейских проблемным звеном является высокий показатель чувства вины. В значительной степени чувство вины может провоцироваться недостаточной убежденностью в правоте своего дела из-за неоднозначности отношения к власти, государству (несовершенство законодательства, неправильное использование сборов и отсутствие отчетности со стороны властей). Проблемные элементы в психологическом портрете налогового инспектора связаны с высокой сензитивностью к отвержению и потребностью в социальном одобрении, что противоречит характеру деятельности.

Сравнительные результаты изучения отношения к налогам в контексте справедливости у служащих налоговой инспекции и полиции показали более выраженное стремление к социально-экономической справедливости у налоговых полицейских. Представители обеих профессий выразили единодушие по поводу того, что жизнь людей можно улучшить благодаря совершенствованию законодательной базы налогообложения, а также введением отчетности об использовании собранных властями средств. Сберечь экономику России и человека в ней можно только при установлении регулируемых рыночных отношений – такова хозяйственно-идеологическая установка служащих.

Дорожкин Ю.П., Малышев К.Б.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ФУНКЦИОНАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА

В разного рода методических материалах даются следующие перечни сфер деятельности специалиста-психолога: консультационная, психодиагностическая, коррекционно-развивающая, организационно-методическая, психопрофилактическая, культурно-просветительская или консультационная, диагностико-аналитическая, коррекционно-развивающая, организационно-методическая и т.д.

В практике замечено, что определенный тип личности психолога имеет определенные профессиональные предпочтения в своей работе. Используя системно-дедуктивный подход, теоретико-групповой базис сознания, полный личностно-профессиональный функционал, принцип семантической близости, спроецируем вышеперечисленные сферы деятельности психолога, используя наш модифицированный вариант, на

теоретико-групповой базис сознания (на типы личности по Д.Голланду): 1) культурно-просветительская – аффективно-мыслительный, социальный, 2) коррекционно-развивающая – аффективно-перцептивный, артистический, 3) организационно-управленческая – аффективно-волевой, предприимчивый, 4) научно-исследовательская – перцептивно-мыслительный, интеллектуальный, 5) консультационно-диагностическая – мыслительно-волевой, конвенциальный, 6) социально-психопрофилактическая – перцептивно-волевой, реалистический. Нами введена еще одна новая сфера деятельности (научно-исследовательская), которая связанна с научной работой психолога.

Гармонический профессиональный профиль встречается редко у психологов. Реально действующий специалист-психолог, как правило, «типичен» т.е. имеет негармонический профессиональный профиль личности. Нет «плохой» и нет «хорошей» сферы деятельности, а есть сочетание сфер, соответствующее индивидуальному профилю личностных профессиональных предпочтений специалиста-психолога. Всего можно построить 64 профиля (гексаграммы). На основе выделенных нами шести психологических сфер деятельности можно построить многомерную модель, состоящую из 720 (факториал числа 6) разных упорядоченных технологических цепочек, которые реализуются в деятельности специалиста-психолога, т.е. индивидуальных стилей деятельности. Каждый психолог имеет определенные доминанты в предпочтении сферы деятельности и стремится к определенному порядку по реализации себя в какой-то профессиональной сфере деятельности. Вопрос о ранжировании в предпочтении этих сфер будет решаться для каждого конкретного психолога по-своему и будет соответствовать его индивидуальному стилю деятельности. Поэтому для решения сложных, многогранных научно-практических задач в психологии необходима организация команды психолога, имеющая гармонический (коллективный) профиль профессиональных предпочтений.

В практике замечено также, что определенный тип личности психолога «тяготеет» в своей работе к применению определенных методов психологии. Используя вышеупомянутые системно-дедуктивное проектирование, можно установить следующее соответствие: 1) социальный – опрос (беседа, анкета); 2) артистический – проективные методы (анализ рисунков, графология и др.); 3) предприимчивый – наблюдение (сплошное, выборочное); 4) интеллектуальный – математическое моделирование, статистический анализ, контент-анализ; 5) конвенциальный – тесты (способностей, достижения, профпригодности и др.); 6) реалистический – эксперимент (лабораторный, естественный, формирующий). В итоге мы получаем некий функционал методов и можно говорить об

индивидуальном профиле предпочтений по применению определенных методов в деятельности специалиста-психолога.

Евграфов В.Г., Падерно П.И.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТНОСТИ НАПРАВЛЕНИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Предыстория. В 1982 году началась работа по созданию банка эргономических данных (головной исполнитель – ЛЭТИ, соисполнитель – факультет психологии ЛГУ). Совместные исследования показали, что интенсивное развитие исследований по инженерной психологии в СССР, их слабая координированность и направленность на решение конкретных задач создали с течением времени парадоксальную ситуацию: по некоторым показателям данные есть, по другим – нет, а по третьим не ясны условия их получения. Необходимо заметить, что имеющимися данными в ряде случаев невозможно пользоваться, так как отсутствует какая-либо информация о контингенте обследуемых.

Формулировка проблемы. Необходимо разработать единую технологию (комплекс правил, методов, методик), позволяющую осуществлять сравнение перспективности различных направлений исследований по набору выбираемых критериев, их комплексирование и ранжирование.

Требования к технологии. Основными требованиями являются: обеспечение преемственности используемых правил, методов, методик и результатов на различных уровнях иерархии; возможность наращивания и развития; простота и понятность для широкого круга пользователей; использование строгих математических моделей и методов, оперирующих с нестрогими лингвистическими сравнениями типа «намного лучше», «немного хуже» и др.; возможность учета рисков того, что результаты исследований не в полной мере соответствуют предъявляемым требованиям; возможность учета затрат и доходов, а также риска потребителей; возможность учета наработок в данном направлении.

Укрупненный алгоритм. Решение разделяется на следующие этапы: 1. Подбор экспертов (отбор, ранжирование, отсеивание); 2. Определение множества целей, критериев и ограничений; 3. Определение всего множества решаемых задач, достигаемых целей, глубины проработки результатов и ограничений и их ранжирование; 4. Определение оптимального подмножества задач, объемов и глубины их решения; 5. Проверка соответствия получаемых результатов и представлений экспертов.

На этапах 1, 2 и 3 эксперты (рабочая группа) реализуют попарное лингвистическое сравнение альтернатив, после чего производятся их

комплексная оценка, сравнение и ранжирование. На этапе 4 производится словесная формулировка, математическая постановка и решение задачи оптимизации или комплекса таких задач (при их различной постановке). Этап 5 позволяет в случае необходимости откорректировать представление экспертов и повторить процесс с любого места.

Предлагаемый подход к реализации. В системах организационного управления центральным моментом является выбор решения. Для повышения качества принимаемых решений нужны средства формализации на основе информационного и математического обеспечения. В настоящее время имеется ряд достаточно строгих математических методов, работающих с лингвистическими высказываниями и нечеткими переменными. Целесообразно создание автоматизированной системы поддержки проведения экспертиз, которая обладала бы способностью постепенной адаптации к мнениям экспертов.

Преимущества. Гибкость такого подхода, связанного с анализом предпочтений при нечеткости исходной информации, позволяет сократить расходы на информационное обеспечение процессов принятия стратегических решений, что является актуальным при ограниченности финансовых ресурсов. Возможна автоматизированная адаптация модели системы предпочтений экспертов к условиям нечеткости информации, что в дальнейшем обеспечит адекватность настройки системы поддержки принятия решений на конкретного пользователя.

Внедрение. Внедрение данной технологии представляется целесообразным начать с направлений инженерной психологии, так как инженерные психологи лучше других владеют различными математическими методами и, следовательно, не происходит априорного недоверия к применяемым правилам и методам.

Зайцева В.Б, Церкасевич Л.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТНЫХ

Переход нашей страны от командно-административной системы к рыночной принес целый ряд новых проблем, среди которых – регулирование рынка рабочей силы и социально-психологическая защита безработных. Вопросы, связанные с изменением структуры занятости в процессе продвижения к свободному рынку труда, в последние годы рассматриваются в практическом аспекте. Однако проблемы безработицы решаются прежде всего как социально-экономические. Отсутствуют исследования по оценке психологических последствий безработицы.

В условиях свободного рынка труда, без привычной гарантированной занятости люди оказались неспособны перестроить свои профессиональные ориентации и социальные ожидания. Состояние потери работы приводит к дефициту активного поведения, разрушению жизненных привычек, интересов, целей. Доминирование переживаний негативного характера ведет к возможности деструктивных изменений личности. Лишение работы является мощным стрессогенным фактором как для самих безработных, так и для членов их семей.

Психологические проблемы безработных усугубляются также отсутствием элементарных навыков общения с работодателем, неумением «подать себя» с лучшей стороны, плохой осведомленностью в правовых вопросах и закономерностях функционирования рынка.

Таким образом, одним из направлений работы службы занятости должна стать психокоррекция, направленная на нормализацию психического состояния людей, травмированных ситуацией безработицы, а также обучение их эффективным приемам поиска работы. Создание специальной службы психологической поддержки может стать важным звеном системы психопрофилактики и реальной помощи безработным и членам их семей.

Зинченко Т.П., Фрумкин А.А., Винокуров Л.В

АДАПТАЦИОННЫЙ СИНДРОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА

В настоящее время накоплено немало эмпирических данных, свидетельствующих о весьма широких психофизиологических возможностях живого организма. Разовое, импульсное напряжение организма – тема важная, но нас интересуют возможности человека, связанные с перманентным использованием его адаптационного потенциала.

Наша задача состояла в проведении психологической аттестации операторов ультразвукового контроля (УЗК), работающих в системе Министерства путей сообщения, и решалась с помощью технологии, разработанной Т.П.Зинченко и А.А.Фрумкиным и реализованной в автоматизированной системе профессиональной психодиагностики.

Была проведена психологическая аттестация 30 специалистов УЗК. Результаты обследования оказались достаточно неожиданными: 26 из 30 аттестуемых оказались психологически непригодны к своей профессии. С другой стороны, многие из них, по данным руководства, достаточно успешно справлялись со своими обязанностями.

Учитывая известные данные об адаптивных возможностях человека, в таком кажущемся несоответствии нет ничего удивительного. Но если в случае «импульсного» включения адаптационных резервов у организма есть возможность последующей релаксации, то в случае постоянного использования механизма адаптации требуется и постоянное наличие необходимого времени на релаксацию.

При психофизиологическом несоответствии требованиям своей профессии, с одной стороны, и необходимостью продуктивной и надежной работы, с другой, человек вынужден постоянно использовать дополнительные ресурсы организма. Другими словами, *дополнительные энергетические затраты*, действующие *как постоянный фактор*, приводят к возникновению адаптационного синдрома – «совокупности адаптационных реакций организма, носящих общий защитный характер и возникающих в ответ на значительные по силе и продолжительности неблагоприятные воздействия» (Г.Селье). Специальность операторов УЗК относится к категории профессий, стимулирующих развитие профессиональных заболеваний. Можно предположить, что их деятельность постоянно протекает в режиме второй фазы адаптационного синдрома. Если человек не соответствует психологическим требованиям свой специальности, то независимо от усилий по организации режима труда и отдыха неизбежно развитие «болезней стресса».

В обследованной выборке многие из операторов (независимо от возраста) жаловались на состояние здоровья и указывали на наличие у них серьезных нейрогенных заболеваний: язвенная болезнь желудка, хронический гастрит, астма, гипертония, кардиосклероз и т.д.

По результатам тестирования 19 из 26 обследованных операторов имеют акцентуацию по шкале *психоастении*, причем для 2-х человек по данной шкале диагностируется пограничное с патологией состояние. У 10 человек выявлена акцентуация по шкале *психопатии*. У трех человек имеется акцентуация по шкале *шизоидности*. У восьми человек выявлена акцентуация по шкале *гипомании*. Естественно, речь идет не о клинических нарушениях, а лишь о личностных акцентуациях.

Вполне возможно, что далеко не у всех обследуемых перечисленные акцентуации явились следствием производственной деятельности. Не исключено, что некоторые из них уже к началу работы операторами УЗК имели пограничные или близкие к пограничным состояния. Тем более очевидна необходимость психологического отбора и, что не менее важно, периодического контроля работающих с последующей коррекцией состояний по результатам проверки.

Можно ли рассчитывать на высокую надежность профессиональной деятельности специалиста, постоянно находящегося в состоянии близ-

ком к границе стресса и дистресса вообще, а при наличии выраженных личностных акцентуаций тем более? В итоге растет как производственный, так и личный риск, снижается общая надежность специалиста. Учитывая все вышеизложенное, мы полагаем, что есть все основания говорить о необходимости психологического лицензирования и постоянного медицинского контроля операторов производств потенциально опасных технологий, а также проведения научно-исследовательских работ, посвященных очерченным в настоящей статье проблемам.

Ильин Е.П., Нгуен Ки Тыонг

СКЛОННОСТЬ К СТИЛЮ РУКОВОДСТВА И СВОЙСТВА НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Склонность в качестве психологического феномена была обозначена А.Ф.Лазурским и подробно проанализирована в связи со способностями человека В.Н.Мясищевым. В наших работах (Е.П.Ильин) было показано, что имеющаяся у человека склонность к тому или иному типу деятельности (быстродействию, смене ситуаций или, наоборот, монотонности) обусловлена особенностями свойств нервной системы, их определенным сочетанием. Было выявлено также, что стихийный выбор человеком стиля деятельности также обусловлен определенными типологическими комплексами. Исходя из этого, мы предположили, что и склонность человека к тому или иному стилю руководства может быть тоже обусловлена особенностями проявления свойств нервной системы.

На 167 студентах 1–4 курсов РГПУ им. А.И.Герцена выявлялись склонность к авторитарному, демократическому или либеральному стилю руководства по разработанному нами на основе методики А.Л.Журавлева опроснику и типологические особенности проявления свойств нервной системы (сила–слабость, подвижность–инертность возбуждения и торможения по «внешнему» и «внутреннему» балансу) по двигательным экспресс-методикам (Е.П.Ильин).

Полученные результаты. Существенные различия между лицами, склонными к различным стилям руководства, выявились только по свойству силы нервной системы. Среди «автократов», лиц с большой и средней силой нервной системы, оказалось значительно больше (60%), чем среди «либералов» (43%) и «демократов» (26%). У «либералов» оказалось несколько меньше, чем у «автократов» и «демократов», лиц с преобладанием торможения по «внешнему» и «внутреннему» балансу, а также с инертностью возбуждения, и больше лиц с инертностью торможения. Типологический комплекс боязливости значительно сильнее вы-

ражен у «демократов» (93 условных единицы против 30 «автократов» и 20 у «либералов»). Это согласуется с выявленным нами фактом меньшей агрессивности «демократов» по сравнению с «автократами» и меньшей их конфликтностью по сравнению с «либералами».

Проведенное исследование дает основание полагать, что склонность к тому или иному стилю руководства определяется не только личностными особенностями человека, но и природными предпосылками – типологическими особенностями проявления свойств нервной системы.

Килошенко М.И.

ИНДУСТРИЯ МОДЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Сегодня в индустрии моды заняты представители самых разных профессий. Но главная роль по-прежнему принадлежит авторам моделей одежды. Среди них принято различать дизайнеров, кутюрье и стилистов. Такое различие основано прежде всего на специфичности целей деятельности каждого из них. Деятельность дизайнера является по сути ремеслом, которое нацелено на создание функциональных моделей при соответствии изделия эстетическим требованиям потребителя. Кутюрье часто называют творцами, так как цель их работы – поиск новых идей, решение художественных аспектов костюма, создание высокоэстетичных, но заведомо нефункциональных моделей. Их деятельность ассоциируется с ручной работой, изысканной роскошью, ограниченным числом клиентов и одеждой, сшитой по мерке, а не по базовому лекалу.

Последнее десятилетие XX века ознаменовано появлением еще одной профессии в мире моделирования одежды – стилист, становящейся наиболее востребованной. Цель стилиста заключается в определении собственной линии моделирования одежды на основе тщательного анализа и синтеза имеющихся модных направлений.

Не смотря на различия в целях и результатах, деятельность и дизайнера, и кутюрье, и стилиста носит творческий характер. Но если в работе дизайнера или стилиста для решения поставленной задачи допустимо использование известных схем и алгоритмов, то для кутюрье разработанные ранее способы часто оказываются несостоятельными.

Создание промышленных коллекций моделей одежды подчинено ряду жестких требований: экономичность, технологичность, унификация деталей, технологическая и конструктивная однородность, трудоемкость. Предусмотрены приемы достижения разнообразие моделей. И создается впечатление, что уже все придумано, невозможно привнести

что-либо новое. Продолжительность разработки модных направлений ограничивается и сезонностью моды. По этому поводу Ив Сен-Лоран с грустью заметил: «Я хочу делать коллекцию, когда приходит вдохновение, когда есть такая возможность, но сезонность ограничивает меня».

Многочисленные материалы о жизни и творчестве известных кутюрье (мемуары, автобиографии, биографические романы, интервью, публицистические заметки) позволяют высказать предположение о моде как некоторой нише, укрытии для людей с неординарными способностями, свойствами и даже судьбой.

Пресса окрестила кутюрье «безумцами моды», так как многие из них «берут потенциального покупателя не только тем, что они вершат в рамках специальности, но и собственной экстравагантностью и скандальным образом жизни» («АиФ», 1998). Диор, Сен-Лоран, Готье, Дольче и Габбана, портной королевы Великобритании Х.Эймс – далеко не единственные в мире моды представители сексуальных меньшинств. Гомосексуалисты делают моду для женщин. Еще один парадокс, исследование которого, несомненно, обогатит представление не только о моде, но и о людях, ею занимающихся. Вероятно, отсутствие сильного эротического влечения к женщине позволяет творцу сконцентрировать внимание на ее внешних и внутренних свойствах, создать целостный неповторимый образ. Такое отвлеченное видение женщины, свободное от многочисленных табу, создает условия для экспериментирования с женским телом, обнажая его или облачая в изысканные наряды.

В индустрии моды работает немало истинных профессионалов. Они стали таковыми благодаря индивидуальной системе навыков, методов, приемов и способов моделирования одежды. Изучение особенностей формирования индивидуального стиля деятельности создателя модной одежды как основы неповторимости и востребованности результатов его творческой работы в модном бизнесе – еще одно перспективное направление психологических исследований.

Клиорина Е.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕШНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА–СИНХРОНИСТА

Цель нашей работы – экспериментально выявить психологические предпосылки успешности данной деятельности. Анализ литературы позволил нам сформулировать следующие *гипотетические ее предпосылки*: расстояние между «Я–образом» и образом другого, эмоциональная чувствительность и гибкость, аналитическое мышление, интерес к но-

вому и самостоятельность в принятии решений. В исследовании участвовали студенты кафедры английской филологии и перевода филологического факультета, учащиеся по специальности «синхронный перевод».

В работе с ними мы использовали следующие методики: 16-факторный опросник личности Кеттелла, модифицированную методику Лири, которая позволила нам измерить расстояния между «Я-образом», «идеальным Я» и образом другого человека, а также адекватность проекции образа другого у испытуемых.

Для объективной оценки успешности студентов мы использовали их места в рейтинге, составленном преподавателем, ведущим практические занятия по специальности. Рейтинги составлялись по шести параметрам, характеризующим разные аспекты овладения иностранным языком: точность перевода устной речи, владение беспереводной вербализацией, объем речевой продукции, семантическая точность речи, мотивация практического овладения языком и прогресс в овладении языком.

Для математической обработки мы избрали метод сравнительного анализа крайних групп с помощью t-критерия Стьюдента.

Нами выявлены значимые соответствия с успешностью для ряда характеристик. Близость того, как переводчик описывает себя и как, по его мнению, описывает себя другой, а также его описания себя и предполагаемого описания его другим. В этом мы видим эффект уменьшения психологического расстояния. Как нам кажется, у переводчиков он способствует, во-первых, пониманию другого человека через «примерку» его образа, а, во-вторых, овладению устной речью через подражание.

Далее мы перечислим эффекты, полученные при сравнении результатов по опроснику Кеттелла у успешных и неуспешных испытуемых. Фактор конформности связан с успешностью овладения беспереводной вербализацией. Мы полагаем, что беспереводная вербализация требует принятия норм референтной группы носителей языка, идентификации с этой группой. Общительность. связана с успешностью во всех упомянутых нами аспектах овладения языком. Как мы считаем, механизмы влияния экстраверсии на успешность овладения иностранным языком – это интерес к общению, ориентация на другого, способность присоединяться к другому человеку, к другой семантической системе.

Мы предполагаем, что связь эмоциональной чувствительности и гибкости с речевой продуктивностью переводчика опосредована легкостью присоединения и подражания. Следующая характеристика – тревожность (влияет на успешность перевода, беспереводную вербализацию и мотивацию овладения языком). Как нам кажется, она воздействует на успешность через требовательность к себе и восприимчивость как тонкость и точность понимания и поиска эквивалентов.

Самоконтроль влияет на прогресс в овладении языком как последовательность в работе, он важен в переключении между процессами каждого из собеседников и собственным процессом «надъязыкового» поиска эквивалентов у переводчика. Саморегуляция. В связи с тревожностью помогает субъекту быть одновременно критичным к себе и уверенным. А в сочетании с творческими способностями, как правило, ведет к высоким достижениям. Свободомыслие связано с прогрессом в овладении языком как аналитическое мышление.

Таким образом, мы заключаем, что значимые психологические свойства в деятельности переводчика – это коммуникативные, свойства эмоциональности, самоконтроль и такие предпосылки творчества, как самостоятельность в принятии решений и свободомыслие.

Кулешова Л.Н.

ТИПЫ ПОСТПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЖИЗНИ

Как известно, жизненный путь человека не имеет линейного характера. В течение жизни вторгаются критические события, которые ставят перед субъектом новые цели и задачи. Такая критическая ситуация неизбежно возникает перед человеком, поставленным перед фактом необходимости реализации права на прекращение профессиональной деятельности в связи с достижением установленного законодательством возраста. Критичность этой ситуации выражена в названии «пенсионная болезнь», возникающей при отсутствии необходимой подготовки.

Подготовка человека к постпрофессиональному периоду требует, помимо экономических затрат, научно обоснованных программ. Перенос программ подготовки выхода на пенсию, используемых зарубежом на отечественную почву, не может быть эффективным, поскольку не учитывает не только сложившуюся на данный период ситуацию в стране, но и оставляет в стороне особенности российского менталитета.

Дефицит точных знаний обнаруживается в представлениях об оптимальных жизненных стратегиях человека, практически отсутствует типология постпрофессиональных стратегий жизни психически здоровых людей. Наиболее известна типология, описанная в работе Д.Б.Бромлея, о которой автор говорит, что одна треть обследованных не вписывалась в эти модели частично потому, что они отражали больше американские, чем британские модели приспособленности и обстоятельств.

В нашей работе совместно с В.И.Тарасовой была предпринята попытка продолжить исследования в этой области. На основании концепции направленности активности, нами был разработан специальный оп-

росник, с помощью которого обследовались лица, в возрасте от 59 до 67 лет, оставившие основную работу не более чем 4 года назад, т.е. по мнению большинства исследователей, проходящие период адаптации.

Обнаружились несколько вариантов прохождения адаптации. Первая группа условно названа группой «преодоления» – адаптант принимает изменившуюся жизненную ситуацию, расширяет привычную жизненную сферу, изменяет окружение. Следующая группа была определена как «пассивная растерянность». Адаптант растерян, не может определить линию своего поведения, предпочитает не действовать, не понимает своих проблем. В группе «избегания» адаптант преднамеренно закрывает глаза на необходимость решения проблем. В следующей группе адаптант осознает свои проблемы, однако не испытывает удовлетворения существующим положением вещей, своими действиями обостряет ситуацию, не принимает изменившуюся жизненную ситуацию («конфронтация»). В группу «приспособления» вошли лица, которые принимают изменившуюся ситуацию, строят свою жизнь в соответствии с новыми условиями, но не ведут поиски новых сфер реализации.

В выделенных группах была рассмотрена структура характеристик на разных уровнях психической организации, которая показала существенные различия лиц с индивидуальными типами жизненных стратегий. Полученные результаты дают основание для прогноза ожидаемых постпрофессиональных стратегий жизненного пути.

Меденков А.А.

ЭРГОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ В АВИАЦИИ

Эргономические исследования и разработки в авиации направлены на повышение профессиональной надежности летчика и обеспечение безопасности полетов, сохранение здоровья летного состава и продление летного долголетия за счет учета человеческого фактора в процессе создания и эксплуатации авиационной техники.

Анализ авиационных инцидентов показывает, что они во многом связаны с недостатками эргономического обеспечения проектирования и эксплуатации авиационных комплексов, организации летной работы и управления полетами. Обобщение эргономических причин снижения профессиональной надежности летного состава позволило определить актуальные направления учета человеческого фактора в авиации:

- совершенствование методологии учета психофизиологических характеристик и возможностей человека в авиации;

- психофизиологическое уточнение требований к средствам, методам и организации летной деятельности в современных условиях;
- уточнение методов и организации учета человеческого фактора при создании, испытании, эксплуатации авиационной техники и в ходе учебно-боевой подготовки летного состава;
- обоснование методов, показателей, критериев и средств эргономической экспертизы летной деятельности в современных условиях;
- совершенствование профессионального отбора и комплектования экипажей, расчетов и дежурных смен в авиации;
- обоснование и внедрение новых технологий психофизиологической реабилитации и коррекции функционального состояния летчика.

За счет проведения комплекса мероприятий по восстановлению функционального состояния и профилактики заболеваний работоспособность летного состава повышалась на 15–20%, при этом на 10–20% возрастала переносимость неблагоприятных факторов полета и на 10–15% снижалась заболеваемость. Учет человеческого фактора при разработке информационного обеспечения летчика повышал эффективность его действий в сложной обстановке на 10–40%, при этом ошибочные действия регистрировались в 2–3 раза реже.

Участие авиационных врачей, психологов и эргономистов в процессе проектирования авиационного комплекса снижало число эргономических недостатков, выявляемых на этапе его испытаний, на 80%. Внедрение современных методов психолого-педагогического воздействия на процесс обучения курсантов повышало качество их профессиональной подготовки на 20–30% и снижало отчисляемость по летной неуспеваемости в 2,5 раза. В целом при условии комплексного учета человеческого фактора эффективность деятельности летного состава повышалась на 20–40%, летное долголетие продлевалось на 2–3 года, а аварийность по причине человеческого фактора сокращалась в 1,5–2 раза.

Все это свидетельствует о том, что проведению эргономических исследований и разработок в авиации должен быть придан статус государственной программы.

Меклер А.А.

ЭКСПЕРТИЗА ЗВУКОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙ АППАРАТУРЫ

При проектировании и построении звуковоспроизводящих систем большую роль играет субъективная экспертиза. Отказаться от субъективных экспертных оценок невозможно, т.к. физические характеристики звуковоспроизводящей аппаратуры и создаваемого с её помощью аку-

стического поля не могут исчерпывающе описать создаваемый слуховой образ. Существующие методики экспертной оценки звуковоспроизводящей аппаратуры обладают рядом недостатков, главным из которых является слабая концептуализация понятия «качество аппаратуры».

Согласно существующей концепции качества, процедура применяемых методик включает в себя прослушивание экспертами музыкальных программ при помощи тестируемой аппаратуры с последующим изложением ими своих впечатлений в форме заполнения соответствующих анкет закрытого типа. При этом принимаются во внимание только когнитивные ощущения. Здесь оценка аппаратуры осуществляется либо по одномерной шкале «качество звучания» («общее впечатление», «верность воспроизведения» и т.п.), либо по нескольким шкалам, которые, по мнению их авторов, дают представление о качестве аппаратуры.

Необходимо заметить, что звуковоспроизводящая аппаратура в подавляющем большинстве случаев применяется для прослушивания художественных, чаще всего – музыкальных программ. Поэтому, согласно нашей концепции, одним из главных требований к аппаратуре является максимально полная и неискаженная передача художественного содержания произведения. Непосредственная операционализация понятия «художественное содержание музыкального произведения» затруднительна. Однако известно, что произведение искусства является эмоциогенным объектом и его художественное содержание связано с характером его эмоционального воздействия. Таким образом, одним из требований к звуковоспроизводящей аппаратуре можно назвать правильную передачу эмоционального содержания художественного произведения.

Существующие методики экспертной оценки не позволяют определить, насколько тестируемая аппаратура удовлетворяет данному требованию. Более того, никакие методики, построенные на анализе когнитивных ощущений экспертов, не могут дать такого рода информацию. Причиной этому служит тот факт, что когнитивные и эмоциональные ощущения относятся к разным классам психических процессов, между которыми существует так называемый «терминологический барьер», т.е. эмоции не поддаются описанию в терминах вызывающих их когниций.

Нами был поставлен эксперимент, в котором эксперты (студенты 2-го курса факультета психологии СПбГУ, 71 валидная анкета) производили оценку своего эмоционального состояния при прослушивании двух музыкальных произведений. Каждое произведение прослушивалось при помощи двух различных звуковоспроизводящих трактов. Оценка производилась по 10 базовым эмоциям К.Изарда согласно методике, описанной в работе «Практикум по общей и экспериментальной психологии» (1987). В результате эксперимента было обнаружено, что эмоциональ-

ная реакция слушателей очень сильно зависит от типа применяемой аппаратуры. Особенно сильные различия проявились в качественном составе эмоций. Это говорит о том, что тип звуковоспроизводящей аппаратуры может влиять не только на силу музыкального впечатления, но и на оценку смыслового содержания произведения.

Результаты эксперимента подтверждают справедливость нашего предположения о необходимости модификации существующей концепции, применяемой при оценке качества звуковоспроизводящей аппаратуры. Системы экспертных оценок должны включать в себя методики, отражающие способность аппаратуры передавать музыкальные эмоции («экстериоризованный эмоциональный гештальт») без искажений. Отбор аппаратуры поэтому критерию особенно необходим в случае ее применения в исследовательских целях или в медицине.

Мирошниченко М.А.

КОМАНДНАЯ РАБОТА ФИРМ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Одной из характерных черт «деловой России конца 90-х годов» стало появление большого числа мелких компаний, количество работников на которых не превышает 10–15 человек. В большинстве своем это частные предприятия либо компании, базирующиеся на западном капитале и являющиеся совместными. В ситуации экономического кризиса важным условием для выживания небольшой фирмы является командная работа, взаимоотношения в команде, групповая сплоченность и психологическая жизнеспособность команды. Иными словами, командная работа фирмы – это один из важных компонентов преодоления кризиса.

Психологические исследования групповых взаимодействий, проводящиеся в этот период времени, позволят понять, что же происходит в группах, оказавшихся в реальных экстремальных условиях, какие изменения происходят в структуре ролей, установках, стиле взаимоотношений руководителя и подчиненных. Многими исследователями делается вывод о том, что в экстремальных условиях авторитарный стиль руководства в России представляется наиболее предпочтительным. С другой стороны, коллективизм рассматривается как наиболее типичный для России стиль руководства. Коллективизм и авторитаризм являются основными компонентами патерналистской структуры организаций. Возвращение к патерналистской модели командной работы может быть интерпретировано как шаг назад в демократическом развитии организаци-

онной культуры России. Однако это может быть также рассмотрено как эффективный путь преодоления кризиса.

Результаты нашего исследования командной работы фирм малого бизнеса позволяют говорить об определенных закономерностях.

Особенностью фирм малого бизнеса современной России является то, что большинство работников набирается из числа знакомых и родственников, что изначально вносит в деловые отношения неофициальный контекст. Работа фирм признается всеми сотрудниками как работа команды. Причем подчеркивается важность этого в построении работы. Нет четкого, заданного заранее, распределения обязанностей. Иными словами, одной из характерных черт современного состояния организационной структуры в России является недостаток строго регулируемой структуры организации с четко определенными обязанностями работников и недостаток регулярного менеджмента – «Все делают всё». Четко заданная функциональная структура должна появиться на определенном этапе жизни организации. Раннее насаждение регламентированной структуры обязанностей приводит к ранней бюрократизации фирмы. Однако российские фирмы проходят длительный период, прежде чем функциональная структура естественным образом становится принятой.

Анализ того, какие основные шаги предпринимаются командой в условиях кризиса, показал, что: (1) структура фирмы становится более простой, оптимизируется; (2) команды фирм малого бизнеса существуют на основе патерналистской модели командной работы; (3) для эффективного преодоления кризисной ситуации большинством сотрудников отмечалась важность, усиления контроля и жесткости со стороны руководства; (4) возможность взаимозаменяемости сотрудников, когда у каждого есть своя узкая специализация, но в тоже время, каждый достаточно компетентен в любой другой области работы; (5) ролевой репертуар команды изменяется, и это напрямую связано с эффективностью работы и показателями уровня «ощущения стабильности» сотрудниками фирмы. Он становится более широким и гибким, в тех командах, где члены команды имеют высокий уровень «ощущения стабильности».

Проблема командной работы фирм малого бизнеса в современной России нуждается в глубоком анализе. Сделанная нами попытка является первым этапом масштабного исследования, призванного оказать психологическую помощь фирмам, оказавшимся в подобной ситуации.

Николаев А.Н.

САМООЦЕНКА И УСПЕВАЕМОСТЬ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Ценностные ориентации представляют собой относительно устойчивую, социально обусловленную направленность личности на цели и средства деятельности. Они тесно взаимосвязаны с самооценкой личности. Предполагалось, что в процессе обучения в институте и изучения психологии у студентов произойдет переоценка собственных качеств, что может найти отражение в успеваемости.

Целью работы явилось определение динамики ценностных ориентаций, самооценки и успеваемости студентов академии физической культуры, которые по результатам предварительного опроса имеют твердое намерение работать по специальности, конкретно – тренерами.

Определение самооценки и ценности отдельных качеств у 79 студентов осуществлялось дважды: на втором курсе перед началом изучения психологии и на четвертом курсе (через 2 года), после ее изучения. Предлагалось ранжировать 20 качеств включенных в методику определения самооценки в порядке убывания их значимости для успешной учебы студента, а так же в порядке их выраженности у самого испытуемого. Отдельно анализировались энергичность, настойчивость, терпеливость, смелость, увлекаемость, энтузиазм и упрямство.

При обработке данных первого опыта все испытуемые были разбиты на три группы по уровню их успеваемости (по средней экзаменационной оценке за две последние сессии). «Преуспевающие» (37 человек) – средний бал от 4 до 5, «успевающие» (22 человека) – от 3 до 4 баллов и «неуспевающие» (20 человек) – от 2 до 3 баллов. Для анализа данных второго опыта деление на группы было подобным, но уже по результатам двух других экзаменационных сессий. Оценка предпочтения качеств осуществлялась по наименьшей сумме рангов.

Студентами второго курса наиболее высоко оценена энергичность, на втором месте – настойчивость и на третьем – увлекаемость. Самооценка испытуемых оказалась достаточно высокой. Выбор как значимых, так и имеющих преобладание у себя качеств во всех трех группах не обнаружил существенных различий.

Однако через два года картина изменилась. Предпочтение качеств стало более однозначным по настойчивости, энергичности и терпеливости. Уровень самооценки при этом снизился статистически достоверно ($p < 0,01$). Обнаружено отсутствие консолидации мнений при оценке качеств у себя в группе «преуспевающих». Установлено даже разделе-

ние мнений. Часть студентов (21 человек) считают присущими себе качества: настойчивость, терпеливость, упрямство, а другие (16 человек) – увлекаемость, энтузиазм и смелость. Все это указывает на наличие двух индивидуальных стилей учебной деятельности и достижения в ней успеха за счет труда, усидчивости и за счет высокого интереса к учебе.

Таким образом, полнее стала осознаваться роль некоторых качеств в процессе учебы. Высокая самооценка, вероятно, мешает раскрытию побуждений направленных на самоорганизацию учебной деятельности и самовоспитание.

Одерышева Е.Б.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ ВРАЧЕЙ-ХИРУРГОВ

Деятельность врача, особенно врача-хирурга, протекает в условиях умственного, психоэмоционального и физического напряжения. Неумение управлять своим состоянием, может привести к дезадаптации личности, профессиональным деформациям, что выражается либо через агрессию и гнев, либо через эмоциональную холодность и отчужденность, отчего страдает не только личность врача, но и личность больного.

В данной работе приводятся данные, иллюстрирующие особенности копинг–поведения врачей хирургического профиля СПбГМА и ряда вузов СНГ. Под копинг–механизмами понимаются процессы конструктивного приспособления личности, в результате которых человек оказывается в состоянии справиться с ситуацией таким образом, что трудности преодолеваются и возникает чувство собственной значимости.

Было обследовано 30 человек: 18 мужчин и 12 женщин в возрасте от 23 до 50 лет, со стажем работы по специальности от 5 до 20 лет. Была использована методика Э.Хайма, изучающая формы поведения, охватывающая когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы.

В поведенческой сфере чаще всего выбираются конструктивные формы реагирования типа «сотрудничество» («Я использую сотрудничество со значимыми для меня людьми для преодоления трудностей – 12 %) и «обращение» («Я погружаюсь в любимое дело» – 13 %). Данные способы поведения подразумевают сотрудничество, общение с окружающими, что дает возможность анализировать проблему, рассмотреть ее с разных точек зрения, анализировать вербализацию собственных чувств и получение обратной связи, эмоциональную разгрузку, сопоставление собственной проблемы и проблем окружающих.

Очень редко врачи-хирурги прибегают к неконструктивным формам реагирования типа «активное избегание», «изоляция», использование которых лишь усугубляет сложность, стрессовость ситуации, увеличивая при этом эмоциональное напряжение. В целом для врачей-хирургов свойственно активно действовать, используя помощь окружающих для разрешения ситуации, пытаться преобразовать обстоятельства для реализации собственных потребностей и снятия напряжения.

В когнитивной сфере на первом месте (11 %) стоит такая форма реагирования, как «проблемный анализ». Он подразумевает не только владение комплексом многообразных мыслительных операций, но и корректировку этих процессов. Можно сделать вывод, что врачи-хирурги способны не только анализировать ситуацию, но и учитывать собственные психологические особенности, влияние стереотипов и т.д.

Достаточно часто выбирается такая форма реагирования как «сохранение самообладания» (9 %), что может быть связано с особенностями профессиональной деятельности, когда ситуация требует от врачей-хирургов сохранения спокойствия, демонстрации самообладания, т.е. они обязаны с помощью волевого усилия сдерживать эмоции. Требования со стороны общества к личности врача-хирурга высоки, постоянное подавление эмоционального напряжения может привести к его росту и возникновению потребности снять напряжение другими способами, например, часто врачи-хирурги выбирают себе такой способ как «компенсация» (вкусная еда, алкоголь, успокоительные средства – 9 %).

Наиболее типичным способом эмоционального реагирования являются «оптимизм» (11 %), предполагающий положительный прогноз, веру в лучшее будущее и «эмоциональную разгрузку», в результате чего достигается уменьшение эмоционального напряжения, наблюдается активное стремление к установлению социальных контактов. Готовность принять помощь свидетельствует об отсутствии мощных психологических защит, готовности поделиться своими потребностями.

Прохоров А.О., Сережкина А.Е.

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЭВМ

Использование ЭВМ в самых различных сферах человеческой деятельности породило ряд проблем, связанных с взаимодействием человека с компьютером. При этом за рамками исследований остались специфика и структура состояний пользователей, динамические особенности, закономерности их взаимоотношений с психическими процессами и

психологическими свойствами личности, влияние психических состояний пользователей ЭВМ на продуктивность деятельности и др.

Проведенное нами исследование показало, психические состояния пользователей ЭВМ характеризуются спецификой (номенклатурой, структурой и пр.), актуализация которых обусловлена ситуациями компьютеризированной деятельности: началом, окончанием, нестандартными ситуациями, длительной работы и др. Так, начало работы характеризуется актуализацией заинтересованности, азарта; окончание работы отличается удовлетворением, спокойствием, облегчением; смена кадра обусловливает эмоциональные состояния; нестандартные ситуации – отрицательные эмоциональные и волевые состояния. Пользователи, начинающие работу в состоянии заинтересованности, как правило, завершают ее в состоянии удовлетворенности.

Типичные состояния пользователей ЭВМ характеризуются своеобразием структурно-функциональной организации, зависящей от компьютеризированной деятельности, а также от пользовательского стажа и интенсивности работы за ЭВМ. Для состояния сосредоточенности структурообразующими элементами являются последовательность и напряженность поведения, активность переживания; в заинтересованности – уверенное поведение, легкость, живость переживаний. Для отрицательных состояний характерна тенденция возрастания их частоты, для положительных – снижение. В начале компьютеризированной деятельности характерна активность поведения и переживания в структуре состояний, по окончании – переживаний и психических процессов.

Психические состояния влияют на продуктивность компьютеризированной деятельности. Продуктивность деятельности также зависит от особенностей саморегуляции психических состояний. В положительных состояниях наблюдается большая продуктивность, заинтересованность и большая потребность в выполнении поставленной задачи. Актуализация отрицательных состояний приводит к возникновению ошибок и снижению продуктивности работы. При этом выявлено, что пользователи, как правило, не умеют, не знают и не применяют специальные методы саморегуляции психических состояний.

Данное системное описание психических состояний углубляет существующие представления о психических состояниях пользователей ЭВМ. Выявленные закономерности представят возможность для прогнозирования специфики состояний и их особенностей в различных ситуациях и этапах деятельности пользователя.

Редькина М.В.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ КУРСА ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА ДЛЯ МЕНЕДЖЕРОВ

Деловой этикет – важнейшая сторона профессиональной подготовки менеджера. К сожалению, большая часть неудач в российском бизнесе связана с отсутствием знаний и навыков делового этикета у наших бизнесменов. Необходимость разработки новой программы курса «Деловой этикет» для менеджеров вызвана необходимостью:

1. не только теоретического изучения правил и норм делового поведения, но и выработки навыков их применения в реальной жизни;
2. согласования курса делового этикета со смежными дисциплинами (организационное поведение, управление персоналом), а также создания теоретической и практической базы для их изучения;
3. повышения рейтинга курса «Деловой этикет» у студентов, формирования активного подхода к изучению дисциплин психологического блока, преподаваемых кафедрой менеджмента.

Существует большое число пособий по деловому этикету, в которых подробно изложены принципы и нормы этикета, даны рекомендации по эффективному поведению в типичных ситуациях и созданию положительного делового имиджа. Достаточная структурированность и простота изложения делает их вполне доступными для самостоятельного изучения. Проблемой является разрыв между доступностью этих знаний и отсутствием мотивации их усвоения и последующего использования.

Среди причин этого разрыва можно отметить социальную незрелость учащихся, достаточно низкий уровень общей культуры, отсутствие навыков социальной и психологической рефлексии, а также сформированный под действием различных социальных факторов излишне утилитарный подход к бизнесу. Немаловажную роль играет низкий статус данного курса, который до последнего времени преподавался в традиционной лекционно-семинарской форме преподавателями кафедрами философии и воспринимался студентами в отрыве от реальной жизни.

Предлагаемая программа курса «Деловой этикет» предусматривает изучение правил и норм этикета в контексте основных закономерностей психологии общения и выработки определенной нравственно-этической позиции. Задачами курса являются: формирование психологической и нравственной культуры делового общения, улучшение социальной адаптации учащихся, повышение психологической компетентности и практическое освоение поведенческих навыков как основы для изучения смежных дисциплин и успешной профессиональной деятельности.

Принципиальным отличием предлагаемого курса является то, что большое внимание уделяется этике и психологическим механизмам регуляции поведения. В курсе затрагиваются вопросы нравственных ценностей, социальной ответственности, проводится анализ ситуаций морального конфликта и способов их разрешения. Вопросы этики излагаются в непосредственной взаимосвязи с практическим изучением психологических закономерностей общения. Слушатели знакомятся с психологическими причинами происходящих в настоящее время изменений в нравственном сознании путем сравнения психологических типов личности различных культур: русской и сменившей ее советской, западной и современной постсоветской российской культуры. Также рассматривается связь православного мировоззрения и этики предпринимательства в традиционной русской культуре.

Использование активных методов обучения (дискуссии, демонстрации, ролевые игры) способствует более глубокому усвоению теоретического материала и выработке практических навыков эффективного делового общения. Повышение привлекательности курса для студентов достигается его практической направленностью, ориентацией на их запрос при выборе материала для практического освоения, а также эмоциональным вовлечением в процесс обучения за счет обращения к понятиям совести и нравственных ценностей.

Розум Е.В.

ПСИХОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ И КОМПЬЮТЕРНАЯ КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ

В последние два-три года процессы компьютеризации общества все чаще приобретают характер не только глобальных, но и тотальных, зачастую агрессивных процессов. Одновременно телекоммуникационные технологии становятся влиятельными движущими силами образования.

В связи с этим известный ряд проблем психологии компьютеризации дополняется новыми, такими как эффективная организация телекоммуникационного диалога в образовании, изменения аффективно-мотивационной, личностной составляющей учебной деятельности, опосредованной компьютерной техникой и т.п. В области психологических последствий компьютеризации сдвиг происходит как в сторону формирования новых познавательных и эпистемологических стилей, так и в сторону изменений личности и межличностных отношений (феномены «компьютерного фетишизма», «хакерства», «геймерства» могут быть интерпретированы как изменения и морально-этического плана).

Только наличие в структуре профессиональных знаний психолога элементов компьютерной культуры позволяет распознать зарождение как позитивной, так и негативной феноменологии психологических последствий компьютеризации-информатизации. Формирование компьютерной культуры возможно на базе так называемого «глубокого уровня применения» современных ПК. Концепция «глубокого уровня применения» предполагает два направления в преподавании общеобразовательных и специальных компьютерных дисциплин: линию информационно-логических моделей и линию информационных технологий.

В профессиональном психологическом образовании зачастую находит реализацию только технологический подход: студентами осваиваются универсальные компьютерные технологии и небольшая часть специализированных (в основном, компьютерная психодиагностика). Элементы программирования даются в курсе информатики до, а не после осмысления всей информационно-технологической цепочки решения профессиональных задач с помощью компьютера, что, конечно, затрудняет освоение программирования. Это приводит к «неглубокому уровню применения» компьютеров в профессиональной деятельности.

Вот как представляется концепция «глубокого уровня» в применении к профессиональному психологическому образованию. Во-первых, предполагается освоение студентами теоретических представлений, лежащих на пересечении понятийных областей психологии и информатики. Базовый общеобразовательный курс делает, как правило, основной акцент на технических и пользовательских аспектах. Во-вторых, предполагается освоение студентами информационных технологий: универсальных, психологических и технологий программирования.

Универсальные и специализированные психологические информационно-компьютерные технологии (чаще всего это технологии сбора и обработки психодиагностической информации) хорошо известны. Укажем только, что развиваются и такие специализированные компьютерные технологии, как коррекция когнитивных дефицитов памяти, внимания, мышления, расстройства (письменной) речи, коррекция поведенческих проблем на бессознательном уровне.

Разработка специализированных психологических компьютерных технологий – это последовательная технологическая цепочка, заключительными звеньями которой являются построение информационной модели психологической задачи, разработка алгоритма ее реализации, кодирование этого алгоритма в выбранной системе программирования.

Участие психолога в подобной разработке заключается прежде всего в грамотной постановке психологической задачи перед алгоритмистом или программистом. Однако, как показывает опыт, для проведения по-

добных работ психолог, как и постановщик любых профессиональных задач, должен быть на определенном уровне знаком с третьим видом компьютерных технологий – технологиями программирования.

Сапельникова Т.С.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ОШИБОК В РАБОТЕ ОПЕРАТОРА НА НАДЕЖНОСТЬ КРАТКОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ

Роль оператора особенно велика в процессе ликвидации аварийных ситуаций, возникающих внезапно в процессе повреждения или сбоя в работе какого-либо ответственного технологического оборудования. В этой связи одной из наиболее сложных и напряженных является профессия оператора блочного щита управления атомной электрической станции (АЭС), который должен обеспечивать общую, ядерную и радиационную безопасность работы станции, бесперебойную выработку электроэнергии и максимальную экономичность работы всех установок, участвующих в этом технологическом процессе.

Практика работы операторов АЭС показывает, что у них в целом ряде случаев возникают негативные психологические состояния, которые отрицательно сказываются на надежность их работы. Часто при стационарных режимах станции, когда функции управления всеми механизмами энергоблоков полностью выполняют автоматические устройства регулирования, у операторов из-за однообразия информационной и эмоциональной нагрузки быстро развивается состояние монотонии, которое сопровождается потерей бдительности, снижением готовности к действию, нарастанием апатии и сонливости. В таком состоянии операторы иногда пропускают важные сигналы или не всегда своевременно реагируют на них. Особенно часто это происходит в ночную смену, когда в поле зрения оператора отсутствуют посторонние раздражители.

Сознание ответственности оператором за последствие своих действий особенно в процессе наиболее сложных режимов, связанных с пуском и остановкой оборудования, переходом на новый уровень мощности, сбросом и набросом нагрузок, могут приводить к состоянию нервно-психического напряжения, при котором сильно снижаются показатели памяти, внимания, волевой регуляции поведения.

Напряженная работа оператора АЭС в период ликвидации аварийных ситуаций связана с необходимостью производить почти одновременный контроль 5–6 текущих параметров, которые носят визуальный характер. Одновременно он контролирует ряд параметров резервного механизма, производя при этом действия по вводу его в работу.

В этой ситуации происходит значительное увеличение объема зрительной памяти и увеличение нагрузки на оперативную кратковременную память, а также возможно понижение точности оперативной памяти при воспроизведении уровней контролируемых параметров в связи с возникающими на пульте звуковыми и световыми помехами.

Многочисленные исследования, проводимые на АЭС, показали, что у операторов, работающих на щитах управления возникают ошибки, влияющие на надежность их работы. Особенно много ошибок у операторов отмечается в предаварийных и послеаварийных ситуациях. К ним относятся возможные ошибки при выполнении инструкций и при неправильных логических решениях. Если рассматривать ошибки оператора в целом, то их условно можно разделить на две группы – ошибки упущения и ошибки действия. Их спектр достаточно широк, как и причин, с которыми они связаны. Вместе с тем все ошибки в той или иной мере связаны с нарушением надежности долговременной и кратковременной памяти. Особенно это касается оперативной кратковременной памяти, через которую долговременная память осуществляет постоянную связь со всеми другими функциональными блоками деятельности.

Сатикова С.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Трудовое поведение как комплекс человеческих поступков и действий, которые соединяют работника с трудовым процессом, является важнейшей составляющей организационного поведения. Менеджеры и психологи современных предприятий столкнулись с неадекватностью трудового поведения работников новым условиям.

Факторы, детерминирующие трудовое поведение, можно условно разделить на три группы: социокультурные факторы (системы ценностей, норм и установок по отношению к труду, принятые в обществе и/или в отдельных социальных группах); трудомотивационные факторы (важнейшие среди них – оплата, организация и условия труда), которые функционируют как результат целенаправленных усилий органов управления, побуждающих работников удовлетворять свои потребности посредством трудовой деятельности; социальная идентичность личности, которая складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из рассмотрения индивидом себя как члена определенных социальных групп или категорий («Мы – учителя»).

Становление личности, формирование ее поведения во всех общественных сферах и формирование ее идентичности тесно связано между собой. Человек при быстро меняющейся социальной действительности должен одновременно менять свои психологические свойства, свою идентичность. Процесс смены идентичности и поиска оснований для новой самоидентификации всегда крайне болезнен. Существует три пути преодоления кризиса смены идентичности: 1) отказ от признания необходимости смены идентичности; 2) стремление придерживаться прежнего образа себя и мира, ожидание помощи и поддержки для определения новой идентичности; 3) активные самостоятельные действия выходу из кризиса, по изменению самоидентификации.

Данные, полученные в различных социально-психологических и социологических исследованиях в России в 1994–1998 гг., показывают, что около 50% трудоспособного населения, выбрали первый путь и стараются не замечать происходящих изменений, их трудовое поведение характеризуется низкой адаптивностью, что не осознается самой личностью. Всего около 10% взрослых людей сами активно ищут выход из сложной для них ситуации, чувствуют себя р новых социальных условиях уверенно, их трудовое поведение адаптивно и адекватно современным требованиям. Около 40% трудоспособного населения не может самостоятельно сформировать свою социальную идентичность в новых условиях, их трудовое поведение отличается нестабильностью, неустойчивой системой ценностей и норм. Для этой группы необходима квалифицированная помощь в формировании идентичности и самоидентификации личности и, таким образом, – нового трудового поведения.

Процесс формирования и изменения идентичности тесно связан с существованием в культуре положительных (нормативных) и отрицательных (ненормативных) моделей личности и социальной категории, к которой принадлежит личность. Специалисты (K.Davis, J.W. Newstrom и др.) показывают необходимость отрицательных и положительных образцов для формирования трудового поведения.

Негативный образец трудового поведения, характерный для современной России, подробно показан в работах В.Герчикова, Б.Туткумского. Люмпенизированный работник – человек, обладающий очень слабой мотивацией к работе, безответственен, не проявляет никакой активности и негативно относится к активности других; основное стремление – минимизировать свои трудовые усилия. По разным оценкам в России люмпенизировано от 36 до 65% трудоспособного населения.

Позитивная модель трудового поведения личности в новых социокультурных условиях еще формируется. Нам удалось выявить некото-

рые ее черты: чувствительность к социальным изменениям и способность предвидеть их; умение вести себя в соответствии с ожиданиями окружающих; выраженная диспозиция к успеху, стремление занять высокий социальный статус; хороший самоконтроль своего поведения, высокая социальная рефлексия; ориентация на самосовершенствование, профессиональное и личностное развитие; адекватная самооценка; развитый социальный интеллект, отношение к сложным ситуациям как к вызову; ориентация на будущее, уверенность в завтрашнем дне. Большинство этих черт поддается тренировке и развитию.

Смирнова Н.П.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ОБ ИДЕАЛЬНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

В ряде недавно выполненных исследований установлено, что социально-экономические изменения существенно влияют на психологию исполнителей и в первую очередь на систему их требований к личности руководителя, изменяя приоритеты критериев оценивания его авторитета со стороны подчиненных (А.Л.Журавлев). Одно из перспективных направлений эмпирического исследования данной проблемы лежит через анализ представлений подчиненных об идеальном руководителе с учетом их индивидуально-психологических особенностей.

В теоретическом плане наше исследование опирается на работы социальных психологов, изучающих процессы восприятия руководителя подчиненными, в которых, в частности, отмечается, что представления человека о другой личности отражают не все качества этой личности, а только наиболее значимые для «оценщика» (Р.Б.Гительмахер). В этой связи представляется возможным предположить, что в процессе жизнедеятельности у членов различных групп, занятых совместной деятельностью, вырабатываются представления об идеальном руководителе, служащие своеобразным эталоном при восприятии и оценке деятельности конкретного руководителя. Степень соответствия поведения руководителя групповым выступает в качестве одного из ведущих факторов, регулирующих процессы взаимодействия в группе, определяет успешность достижения её членами поставленных целей.

Целью нашего исследования явилось изучение психологических особенностей представлений подчинённых об идеальном руководителе во взаимосвязи с их личностными характеристиками. *Предметом* исследования выступали представления об идеальном руководителе, под которыми понимаются субъективные оценки, относящиеся к различным де-

ловым и личностным качествам идеального руководителя. Мы предположили, что группы курсантов, имеющие различные представления об идеальном руководителе, отличаются друг от друга по индивидуально-психологическим характеристикам. В качестве *объекта* исследования выступили курсанты одного из военных вузов Москвы, чья деятельность протекает в условиях высокой регламентированности. Объём выборки составил 106 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

В исследовании использовались следующие *методики*: для изучения индивидуально-психо-логических характеристик использовался 16-факторный опросник Кеттелла (форма В); для изучения представлений об идеальном руководителе подчиненных и их самооценки применялся модифицированный вариант методики Ф.Фидлера. Анализ данных проводился стандартизированной компьютерной программой Statistika 5.0.

Была установлена *факторная структура представлений* подчиненных об идеальном руководителе, включающая шесть факторов: требовательность, жизнерадостность, уравновешенность, организованность, трудолюбие и доброжелательность. Среди выделенных факторов ведущими выступают отношенческие критерии оценки. Выделены три группы подчинённых: *«ориентированные на отношения»*, ведущими критериями выступают «доброжелательность» и «уравновешенность» руководителя; *«ориентированные на дело»*, ценящие «организованность» и «трудолюбие»; *«высокотребовательные»*, ориентированные как на отношенческие, так и на деловые критерии в оценке руководителя при приоритете первых. Выделенные нами группы имеют различия в индивидуально-психологических характеристиках. «Ориентированные на отношения» имеют самую низкую, среди двух других групп, самооценку, менее общительны и более прямолинейны. «Ориентированные на дело» достаточно рассудительны и практичны, им свойственна самостоятельность и некоторая внутренняя напряженность. «Высоко требовательные» характеризуются высокой самооценкой, открытостью для общения, они социально активны и обладают развитым самоконтролем.

Таким образом, гипотеза об особенностях индивидуально-психологических характеристик подчинённых, имеющих различные ориентации на критерии оценивания идеального руководителя, подтвердилась.

Тетёркина Г.Ю.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОТБОР МЕНЕДЖЕРОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Сегодня крайне необходимы специалисты, способные формировать в обществе цивилизованные, эффективные нормы и ценности (новую культуру), определять приоритетные направления развития общества и отдельных групп населения, территорий и учреждений, выбирать, в том числе разрабатывать эффективные механизмы формирования культурных отношений и способов деятельности. Это цели, которые должны стать основными в работе менеджера социально-культурной сферы.

Социально-культурная сфера (СКС) как одна из ведущих областей деятельности не может эффективно функционировать, не имея соответствующего слоя профессиональных руководителей. Социально-экономические реформы в значительной степени усложнили круг проблем, с которыми сталкиваются руководители учреждений СКС. Работники организаций сферы культуры столкнулись со сложностями, ранее не возникавшими и не имеющими аналогов в традиционной практике.

Целью данной работы являлась разработка программы профессионального отбора менеджеров социально-культурной сферы. В качестве объекта в исследовании приняли участие 96 абитуриентов, поступающих на специальность «Менеджер СКС» культурологического факультета Челябинского колледжа культуры.

В работе использовался метод наблюдения: составлена схема наблюдения и разработаны творческие задания, выявляющие профессионально важные качества менеджеров СКС. В программу вступительного экзамена, после длительной апробации, вошли задания: «Экспресс–выступление», «Игра», «Качества менеджера», «Фирма», «Распределение должностей», «Увольнение», «Анализ последствий управленческих решений», «Проблема в сфере культуры». В исследовании использовались психологические методики: «Личностный опросник Кеттелла» (форма С), опросник «Автономность–зависимость» на определение стиля регуляции деятельности, «Школьный тест умственного развития», опросник «Коммуникативные и организаторские способности». Группа экспертов оценивала абитуриентов и студентов 1 курса по отобранным критериям, значимо важным для успешного обучения в колледже культуры. При математической обработке результатов использовался корреляционный анализ и критерий различий t-Стьюдента.

Анализ средних значений тестовых показателей, полученных абитуриентами и студентами-менеджерами, доказал прогностическую воз-

можность методики «Автономность–зависимость» и некоторых шкал теста Кеттелла, методики ШТУР. В ходе исследования были выявлены важные профессиональные качества, необходимые студентам, обучающимся в колледже культуры: автономный стиль регуляции деятельности, коммуникативные способности, высокий творческий потенциал, развитое воображение, независимость, склонность к экспериментированию, высокий интеллект, уверенность в себе.

Проведенное исследование доказало возможность улучшения профессионального отбора менеджеров социально-культурной сферы путем сочетания различных методов исследования личности. Это позволяет улучшить качество обучения будущих специалистов. Полученные результаты могут быть использованы в качестве основных ориентиров по разработке программ подготовки и повышения квалификации руководителей учреждений социально-культурной сферы, ориентированных на перспективное совершенствование и развитие.

Фетискин Н.П.

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ К ОДНОТИПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Многие психологические переменные, связанные с монотонной деятельностью (эмоционально-деятельностные состояния – монотония, фрустрация, пресыщение, личностные изменения и др.), обусловлены состоянием фоновой или процессуально–деятельностной мотиваци. Видимо, не случайно базовую сущность указанных состояний составляет направленность и «мотивационный вакуум».

Настоящее исследование заключается в определении влияния разновидовой мотивации на устойчивость к однообразию и ряд деятельностных показателей (объем работы, вариативность действий, временная продолжительность отвлечений или пауз). В лабораторном исследовании было занято 48 студентов Костромского государственного университета. Суть эксперимента заключалась в разработке четырех мотивационно-задающих инструкций на выполнение однотипной деятельности на фоне нейтральной, развивающей, творческой и санкционирующей (мотив долга) мотиваций. Содержанием работы испытуемых было написание вертикальных черточек на листах бумаги (по типу А.Каратен).

В ходе анализа экспериментальных данных было выявлено, что наименьшая устойчивость к однотипной деятельности наблюдалась в группах с нейтральной и развивающей мотивацией. На наш взгляд, отсутствие должного влияния мотива саморазвития, видимо, обусловлено не-

значимым задающим мотивационным акцентом (очевидно, для студентов развитие психомоторики с помощью предложенного задания является личностно не значимым). В силу этого, в данных группах оказался самый низкий объем работы. Самые низкие показатели (за исключением частотности пауз) наблюдались в группе, мотивированной на развитие. Самые высокие показатели объема и продолжительности работы наблюдались в группе, ориентированной на обязательность и долг. У них отмечался самый высокий коэффициент деятельностной включенности (КВД) – 96%. Вероятно, мотив долга, подкрепленный ясностью цели, оказывается наиболее оптимальным при выполнении однотипной деятельности. Что же касается группы, творчески ориентированной, то по всем показателям деятельности, она была достаточно продуктивной (КВД составил 87%). Самая низкая эффективность наблюдалась в группе с нейтральной мотивацией (КВД = 54%, продолжительность пауз была в 4 раза меньше по сравнению с другими группами).

Таким образом, полученные нами данные, подтвердили не только значимость влияния мотивации на эффективность однотипной деятельности, но и специфику воздействия ее отдельных разновидностей.

Фетискин Н.П., Блохин Н.В.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В ПРОЦЕССЕ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В профессиональном обучении модульному подходу отводится существенное место среди других образовательных инноваций. Однако большинство исследователей не выходят за рамки его экономичности, вариативности и управляемости. Слабое внимание к развитию профессионально-личностных качеств значительно сужает его возможности. Восполнению этого пробела и посвящена данная работа. Суть ее заключалась в сравнительном анализе развития профессионально важных качеств у учащихся в условиях модульного и традиционного обучения.

Исследование проводилось в профессиональных лицеях № 6 и № 9 г. Костромы в течение трех лет. В ходе эксперимента было занято четыре группы учащихся (две – экспериментальные, обучающиеся по модульному обучению, и две – контрольные, обучающиеся в традиционном режиме) общей численностью 92 человека. В ряду профессионально важных качеств (ПВК) изучались как специальные, так и общие качества. Среди первых были: пространственный и линейный глазомер, образная память, распределение и переключение внимания, гибкость мышления, а среди вторых – самостоятельность и ответственность.

В ходе фоновых исследований было выявлено преимущественное опережение по всем показателям у исследуемых экспериментальной группы. В последующих тренинговых занятиях, направленных на формирование вышеуказанных ПВК с помощью апробированных и профессионально-ориентированных нами методик была выявлена общая тенденция для обеих групп: у всех исследуемых в завершающей фазе тренинговых занятий наблюдалось заметное повышение по всем качествам, за исключением деловой ответственности. В контрольных группах временной самоконтроль, собранность, помехоустойчивость и др. проявлялись в значительно меньшей степени. В некоторых случаях учащиеся контрольной группы показывали результаты, уступающие в 1,5 – 2 раза сверстникам из экспериментальной группы.

В заключение следует отметить, что модульное обучение, базирующееся на самообучении и высоком самоконтроле, в большей степени способствует развитию как общих, так и специальных профессионально важных качеств по сравнению с традиционным.

Хамков В.И., Прохоров А.О.

ШУМОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Ситуация в самом общем смысле представляется, как система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность. Ситуация сложна по составу элементов ее образующих, динамична и обладает определенным уровнем значимости для субъекта. Принимая во внимание только внешние условия жизнедеятельности человека и его взаимодействие с окружающей средой, можно сказать, что ситуация – это определенное сочетание элементов среды в данную единицу времени, центрированное относительно субъекта.

Одним из постоянных элементов внешней среды является шум, который всегда сопутствует человеческой деятельности. Шум представляет собой совокупность различных звуков, оказывающих вредное влияние на организм человека. Поскольку взаимодействие человека с окружающей средой и разными жизненными обстоятельствами происходит на фоне шума, представляется необходимым выделить шум из числа элементов, составляющих ситуацию и ввести понятие «шумовая ситуация».

Шумовая ситуация, а точнее ее образ, обладает высокой степенью представленности в функционировании психического. Шумовая ситуация ухудшает психическое состояние субъекта. Ухудшение состояний влияет на всю систему психического функционирования. В психических

состояниях формируется образ шумовой ситуации, который представляется «индикатором» прочности связей между подсистемами единого психического. Состояние же несет в себе признак степени уравновешенности системы. На уровне состояния реализуется пространственный аспект взаимодействия шумовой ситуации и психического.

Влияние шумовой ситуации на состояния были исследованы на базе Казанского филиала военного артиллерийского университета. Эксперименты проводились в течение двух лет как в лабораторных, так и в естественных условиях. Испытаниям были подвергнуты более 300 человек – курсантов различных курсов обучения, а также офицеров.

Результаты испытаний показали, что шумовая ситуация, на фоне которой происходит деятельность субъекта, влияет на его психические состояния так, что устойчивость адекватного восприятия окружающей среды ухудшается, нарушаются сенсомоторные реакции, перцептивно-когнитивные процессы, эмоции приобретают отрицательную окраску, снижается волевой контроль в поведении личности. Шумовые ситуации, представляющие угрозу личной безопасности или обладающие высоким уровнем значимости для субъекта, вызывают высокую степень нервно-психического напряжения, резко снижают эффективность деятельности.

Шумова И.П.

ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В БАНКЕ

Современная российская банковская система, пережив недолгую и но бурную историю возникновения, завершает этап количественного роста и переходит на качественно новую ступень развития. Сейчас акцент ставится на профессионализме и универсальности не только в оказании услуг банками, но и в работе с персоналом банка. В связи с этим возникла необходимость комплексного социально-психологического обеспечения деятельности банка. Такое обеспечение невозможно без учета специфики банковской сферы. Работа в банковской сфере характеризуется следующими особенностями:

1. банки отличаются разветвленной структурой и жесткой иерархией, здесь более развита система делегирования полномочий;

2. высокая конкурентность банков, применение новых информационных технологий, жесткие требования к квалификации персонала;

3. исключительная опасность «брака» при найме сотрудников из-за высокой стоимости затрат на их содержание и необходимости обеспече-

ния банковской тайны, предъявляет повышенные требования к социально-психологическому климату коллектива;

4. ответственность за принимаемые решения и перегрузки характеризуют банковскую сферу как работу с высокой стрессогенностью;

5. в связи с неразглашением коммерческой информации принимаются меры к удержанию ряда сотрудников, следовательно, в банковской сфере более развита система стимулирования труда.

Учитывая данную специфику банковской деятельности и опираясь на общие функции психолога в организации рассмотрим задачи социально-психологической службы в банке.

1. Работа с персоналом банка: подбор, оценка и расстановка кадров; профессиональная ориентация; психологическое и управленческое консультирование; социально-психологическое обучение и переподготовка кадров; адаптация банковских работников.

2. Организация работы в банке: аттестация должностей; анализ личности работника банка; анализ личности и деятельности руководителя в банковской системе (имидж руководителя, анализ стилей руководства).

3. Организационное управление, социальное прогнозирование: регулирование социально-психологического климата; социально-психологическое обеспечение нововведений и коммуникационной системы банка; социально-психологический анализ конкурентной борьбы и банковского риска; профилактика и разрешение конфликтов; социально-психологическое обеспечение маркетинговой и рекламной деятельности, социально-психологическое обеспечение включения банковских работников в компьютеризированные комплексы.

Таким образом, из перечня задач видно, что в них отражены и те функции, которые традиционно решались психологами в различных организациях, назовем их общими, и те, которые характерны для работы социального психолога в банке, то есть специфические задачи. И в общих и в специфических задачах находит отражение социально-психологический аспект, изучение влияния которого на повышение эффективности труда и является центральной проблемой социального психолога в любой организации.

Яковлева В.А.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Активизация человеческого фактора является одной из важных задач, стоящих перед обществом. На решение этой задачи огромное влияние оказывает мотивационная сфера личности. В связи с этим большую

значимость приобретает исследование таких форм мотивации, которые, проявляясь в различных сферах жизнедеятельности человека (профессиональной, научной, учебной и т.п.), определяют творческое, инициативное отношение к делу и влияют как на характер, так и на качество выполнения труда. Одним из основных видов такой мотивации выступает мотивация достижения, определяющая стремление человека быть успешным, выполнить дело на высоком уровне качества везде, где предоставляется возможность. Эффективность деятельности человека предполагает использование в деятельности определённых стратегий.

Стратегиальный подход к изучению мотивации, начиная с работ Д.Брунера, Ж.Гуднау и Д.Остина, получил к настоящему времени достаточно многообразное развитие: от изучения стратегий решения в несложных проблемных ситуациях до их исследования в условиях интерперсонального научения и познавательного конфликта.

В рамках мотивации достижения можно выделить две основные рациональные стратегии: «ожидание успеха» и «избегание неудач». Использование (осознанное, в отличие от неосознаваемой установки) той или другой стратегии позволяет человеку приближать деятельность к высоким показателям эффективности. В зависимости от уровня притязаний и своих представлений об успешности человек расценивает себя как успешного или неуспешного. В своей деятельности человек может использовать как одну, так и другую стратегию, но использование одной из них в сочетании с определённым набором личностных свойств может сделать деятельность более эффективной по сравнению с использованием другой стратегии в сочетании с этим же набором личностных свойств. Поэтому актуальным становится вопрос изучения взаимосвязи эффективности деятельности (на основе самооценки) с личностными особенностями и преобладанием той или иной стратегии.

Для реализации поставленной задачи были использованы 16PF-опросник (форма А), методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности, модификация тест-опросника измерения мотивации достижения А.Мехрабиана (М.Ш.Магомед-Эминов) и разработанная анкета для оценки собственной успешности, эффективности своей деятельности и удовлетворённости сферами работы, общения и семьи. Экспериментальную группу составили взрослые испытуемые (22–52 года), всего 64 человека.

В процессе эксперимента было выделено две полярные группы. Испытуемые из первой группы (26 человек) считали свою деятельность эффективной и оценивали себя как успешных («успешные»), а во второй группе (38 человек) считали себя неуспешными («неуспешные»). Среди успешных испытуемых у 9 человек преобладала стратегия «ожидание

успеха» и у 6 человек – стратегия «избегание неудач» (остальные 11 человек имели промежуточный вариант).

В результате обработки полученных данных оказалось, что к эффективной деятельности может приводить как использование стратегии «ожидание успеха», так и применение стратегии «избегание неудач». В обеих подгруппах отмечается высокие показатели эмоционального тонуса и интереса. Важно отметить, что удовлетворённость такими сферами жизнедеятельности человека, как работа, общение и семья не оказывают существенного влияния на оценивание своей успешности.

Для подгруппы успешных испытуемых с преобладанием стратегии «ожидание успеха» характерны эмоциональная устойчивость (C), высокая нормативность поведения (G), и социальная смелость (H). При этом отмечается определённая жёсткость (I), уверенность в себе (O), наблюдаются низкие показатели напряжённости (Q4). Для подгруппы успешных испытуемых с преобладанием стратегии «избегание неудач» характерны высокая нормативность поведения (G), дипломатичность (N), высокие показатели тревожности (O), эмоциональная неустойчивость (C), подчиняемость (E) и практичность (M). Высокая нормативность поведения в обеих подгруппах обеспечивает настойчивость в достижении цели, ответственность и деловую направленность, нивелируя значение фактора эмоциональной устойчивости (неустойчивости).

Таким образом, можно говорить о том, что определённые личностные свойства в сочетании с той или иной стратегией образуют «личностно-стратегиальный комплекс», создающий предпосылки для эффективной деятельности человека. Это даёт возможность корректирования «личностно-стратегиального комплекса» с целью достижения успешности, повышения эффективности деятельности человека.

Глава 4. ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Авидон И.Ю.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Феномен интеллектуальной миграции имеет большое социально-экономическое значение, однако психологическое изучение его причин ведется в недостаточном объеме. В нашей работе объектом исследования выступили студенты, выпускники и аспиранты Санкт-Петербургских вузов (средний возраст – 23,5 года). Основное внимание уделялось особенностям их мотивационной сферы.

Зарубежные исследования (Bochner; Bochner and Furnham; Klineberg and Hull) выявили, что большинство студентов интересуется главным образом перспективой получения диплома или степени и/или профессионального опыта, а не возможностью научения другой культуре или личностного роста. Мы же предположили, что в структуре мотивации образовательной поездки за границу помимо «деловых» мотивов будут значительно выражены психологические мотивы, в том числе те, что присущи туристскому поведению в целом. Мотивы материальной направленности будут выражены в меньшей степени.

На основе анализа продукции СМИ и интервью с потенциальными респондентами был составлен список возможных мотивов. Затем было проведено пилотажное исследование методом интервью для выявления неучтенных вариантов ответа. В окончательный вариант вошли 16 суждений, объединенные в 4 категории, условно названные как «деловые», «материальные», «туристические» и «психологические».

Для численной оценки использовалась пятибалльная шкала ответов, где 1 балл соответствовал наименее значимому, 5 баллов – наиболее значимому мотиву. Чтобы снизить вероятность выбора социально желательных ответов, использовалась проективная форма. Для увеличения информативности результатов в анкету был введен дополнительный 17 пункт для перечисления мотивов, не вошедших в основной список, но значимых для данного респондента.

Для анализа результатов были построены иерархическая и факторная модели мотивации. В иерархической модели были выделены четыре уровня значимости мотивов. В наиболее значимый блок вошли мотивы, имеющие выраженную деловую направленность: это стремление к активному использованию своего коммуникативного и интеллектуального потенциала. Второй блок распадается на три слабо взаимосвязанных

мотива. Третий и четвертый блоки гетерогенны по своему составу. Итак, с увеличением значимости блоков их внутренняя согласованность возрастает, и мы можем говорить о наличии ведущего генерализованного мотива – стремления к реализации своего потенциала в деловой сфере.

Факторный анализ привел к построению четырехфакторной модели. Первый фактор был проинтерпретирован как фактор деловой самореализации, подразумевающей расширение социального и информационного пространства личности. Второй фактор был назван фактором стремления к социальным гарантиям. Конфигурация третьего фактора позволяет интерпретировать его как фактор эмиграции. Четвертый фактор – стремление к эмоциональной насыщенности жизни.

Таким образом, ведущим мотивом для продолжения образования за рубежом является стремление к самореализации, к максимальному использованию в деловой сфере своего интеллектуального и коммуникативного потенциала. Наряду с этим восприятие ситуации образования за рубежом не только с точки зрения практической пользы, но и как источника новых впечатлений и эмоциональной насыщенности жизни свидетельствует о более гуманистической направленности личности, о преобладании в ее структуре таких ценностей, как сохранение мира, дружеские отношения, возможность творчества.

Выраженность «туристических» мотивов в мотивационной структуре говорит о большей «свободолюбивости» личности. Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась – в мотивационной структуре интеллектуальных мигрантов наряду с деловыми мотивами значительно выражены мотивы психологические (стремления к самореализации и событийной и эмоциональной насыщенности жизни).

Алейникова С.Г.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Среди многочисленных исследований в области психологии СМИ и культурологии важное место занимают исследования политической рекламы. Авторы полагают, что сообщения политической рекламы (ПР) с высокой степенью отражают культуральные ориентации (J.Tak, L.Kaid, S.Lee). Таким образом, реклама, показывающая значимые различия в моделях, проявляется в качестве индикатора культуральных ценностей. Базовые модели западной и восточной культур являются хорошо описанными и имеют признание в научном мире. Российская модель куль-

туры считается отличающейся от других, но экспликаций, подтверждающих эту «инаковость» либо опровергающих ее, недостаточно.

Лаборатория социальной психологии НИИКСИ СПбГУ попыталась восполнить этот пробел, проведя пилотное исследование ПР на примере видеоматериалов выступлений кандидатов в депутаты Законодательного собрания С.-Петербурга. В качестве метода был выбран контент-анализ, как наиболее адекватный к целям исследования. Подвергались анализу 4-минутные рекламные ролики кандидатов в депутаты, показанные на ТРК «Петербург» в период с 29 октября по 4 декабря 1998 г.

Главная функция ПР – убеждение голосующих. С другой стороны, вербальная и невербальная составляющие любого сообщения ПР должны отражать уникальность и специфичность местной культуры. Невербальное поведение является менее осознанным и менее поддающимся изменениям и контролю. Вместе с вербальным и другими контекстуальными сигналами, невербальные сообщения помогают интерпретировать целостно коммуникационный опыт (W.Gudukunst). Наше исследование ограничилось невербальными аспектами культуры: жестами, стилем одежды и доминирующей окружающей обстановки. Эти ограничения дали возможность первого пилотного кросс-культурного сравнения российской модели с западной (США) и восточной (Южная Корея).

Полученные данные в разбивке по трем контент-аналитическим категориям (жесты, стиль одежды и обстановка) показали следующее.

Жестикуляция. Среди российских кандидатов в депутаты отмечен чрезвычайно низкий уровень использования жестов. Только 39% использовали руки и кисти рук, в то время как американские кандидаты показали более высокий процент – 72, корейцы, традиционно относимые к представителям сдержанной культуры, жестикулировали достаточно оживленно – 62%. Такое явное подавление открытых телесных реакций не может быть объяснено только недостаточным опытом.

Стиль одежды. Российские кандидаты поровну использовали официальный и неофициальный стиль одежды, показав значительные отличия как от формализованной культуры Востока – 87,8% у корейцев были одеты официально, так и от считающейся открытой культуры Запада – официального стиля одежды придерживалось 78,5% американцев.

Обстановка. Здесь российские кандидаты использовали официальную (офис, рабочее место) обстановку значительно реже корейцев (46% против 65,7%) и чуть реже американцев (у них – 50, 3%).

Полученные данные, естественно, не позволяют делать обширных выводов, но открывают собой одну из первых страниц в исследовании места российской культуры в современном многомерном мире.

Андреева Т.В., Мусакина А.П.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАМУЖНИХ И РАЗВЕДЕННЫХ ЖЕНЩИН

В нашем исследовании мы попытались рассмотреть социально-психологические особенности замужних и разведенных женщин, чтобы понять, какие психологические свойства и социальные навыки помогают или мешают женщинам в семейной жизни.

Сравнивались замужние и разведенные женщины, стаж семейной жизни которых не превышает пяти лет. Средний возраст в обеих подгруппах составил 25 лет (от 19 до 33 лет). Использовались следующие методики: «Тест-опросник удовлетворенности браком» В.В.Столина, Т.Л.Романовой и Г.П.Бутенко, тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях», тест описания поведения К.Томаса, «Методика диагностики межличностных отношений» Т.Лири.

Средний возраст вступления в брак женщин в нашей выборке составил 22,2 года; разведенных – 19,5 лет. Эти данные перекликаются с мнением некоторых авторов (Е.В.Фотеева, М.Яффе, Ф.Фенвик), рассматривающих раннее вступление в брак как фактор риска для его устойчивости. Как мотив вступления в брак подавляющее число замужних женщин назвали любовь (90%), разведенные женщины, кроме любви (60%) называли добрачную беременность, желание уйти из родительского дома и другие мотивы. Причинами расторжения брака разведенные молодые женщины назвали (по убывающей): разницу во взглядах с мужем, несходство характеров; далее в равной степени: проблемы с родственниками, любовь к другому, измену и супружеские конфликты.

Обнаружились социально-психологические различия между замужними и разведенными женщинами. Замужние женщины более дружелюбны и менее эгоистичны, более зависимы и склонны к подчинению, менее подозрительны. В то же время их оценки собственной агрессивности и авторитарности превышают в среднем оценки разведенных женщин. Доминирование молодых замужних женщин не связано с их удовлетворенностью браком (корреляция близка к нулю).

Наиболее характерной формой поведения в конфликтной ситуации и для замужних и для разведенных женщин является избегание, далее идет сотрудничество, компромисс (у разведенных женщин значимо ниже), приспособление и соперничество. Приспособление положительно коррелирует с удовлетворенностью браком в обеих подвыборках.

Сравнение уровня общей конфликтности показало, что разведенные склонны более агрессивно отстаивать свою позицию почти по всем се-

мейным вопросам. Однако различия между ними не являются значимыми, а отрицательное значение индексов в обоих случаях говорит о негативной реакции женщин в конфликтных ситуациях. Наиболее конфликтогенной для женщин обоих подгрупп является такая сфера семейной жизни, как отношения с родственниками и знакомыми. Причем разведенные женщины склонны реагировать в ситуациях разногласий с мужем значительно более бурно ($p<0.05$). Замужние склонны конфликтовать с мужьями при нарушении ролевых ожиданий и при проявлении ими доминирования. Наибольшие различия между подгруппами выявилось по показателю «расхождение в отношении к деньгам» ($p<0.01$), а также в отношении «проявления стремления к автономии». Замужние женщины склонны чаще соглашаться с мужьями в этих вопросах.

Можно отметить тенденцию различий в отношении к конфликтам, связанным с вопросами воспитания детей у выделенных подгрупп. Средний балл по конфликтности у замужних – 0,125, у разведенных – 0,425. Это говорит о том, что в неблагополучных семьях родители чаще расходятся во мнениях по поводу воспитания ребенка. Замужние женщины в нашей выборке были склонны присоединяться к мнению мужа.

Относительно благополучными сферами семейной жизни оказались для молодых женщин ситуации «рассогласование норм поведения» и «проявление ревности супругом». Как замужние, так и разведенные женщины в проективных ситуациях по этим вопросам принимают точку зрения мужей, считая, что они в основном правы.

Анисимова Т.В., Белова А.Б., Никифорова Л.Ю.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Важным средством политической деятельности является речь. Политическая коммуникация реализует социальную власть над большой аудиторией, что вынуждает политика организовывать собственную речь так, чтобы управлять процессом её восприятия другими людьми. С другой стороны, власть аудитории над политиком заключается в том, что она заставляет его проявлять себя публичной персоной, демонстрировать себя через речь. Не случайно поэтому одно из направлений риторической критики связано с интерпретацией психологических особенностей людей на основании анализа их устных и письменных текстов.

Это особенно важно, когда циркулирующая информация избыточна, противоречива и пр. В этих условиях возрастает значение средств анализа и прогноза действий политиков на основании изучения их публич-

ных выступлений. Парадокс заключается в том, что сегодня роль политической коммуникации как фактора, определяющего электоральное поведение людей, незначима. Поэтому не удивительно, что политики не придают политическим выступлениям большого значения и, как следствие, считают возможным выходить к аудитории неподготовленными, в результате их речь содержит избыточное количество ошибок.

Это наглядно показано в исследовании А.Беловой и Л.Никифоровой выступлений кандидатов в депутаты Законодательного собрания С.-Петербурга 11 созыва во втором туре выборов. Эксперты наблюдали видеозапись выступления и фиксировали два аспекта политической коммуникации: речевые ошибки и намерения (интенции) политика.

1. *Допущенные во время выступления речевые ошибки.* Были проанализированы часто встречающиеся речевые ошибки: правильность речи с точки зрения произношения и словоупотребления, точность и ясность, краткость (многословие, пропуск слов) и некоторые другие. В результате не выявлены значимые различия (по t-критерию Стьюдента) между средним числом таких ошибок в речи победивших и проигравших на выборах политиков. Подтвердились данные об отсутствии однозначной связи между правильностью речи и ее действенностью в период предвыборных кампаний. Однако вопрос о допустимой мере засоренности языка политиков значим, поскольку влияет на массовую языковую культуру, а также характеризует субъективный мир самого политика.

2. *Представленность в выступлении целей, намерений политика.* Политическое выступление и текст далеко не всегда предполагает явную презентацию целей ритора. Более того, за явно представленными целями часто подразумеваются совсем другие. Существует мнение, что воздействие политического текста тем более эффективно, чем больше реальные цели скрыты от аудитории. Цели, интенции политика очевидны в случае предвыборных дебатов. Но общая цель – равнодействующая частных намерений, или подцелей. Поэтому был выполнен также интент-анализ (модифицированный нами вариант) выступлений кандидатов в депутаты. Эксперты наблюдали выступления кандидатов и с помощью таймера фиксировали время, в течение которого в выступлении присутствовала та или иная интенция. В результате сравнения интенциональных стратегий выступлений победивших и проигравших кандидатов значимые различия подтвердились по интенции «положительная оценка» – в целом демонстрация намерения давать позитивные оценки себе, электорату, оппозиции вызывает симпатию избирателей.

Таким образом, использование полученных экспериментальных данных в практике современной политической коммуникации может способствовать повышению её эффективности.

Баканова А.А.

РЕСУРСЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Отбывание наказания в местах лишения свободы, особенно в первый раз, является для большинства людей сильным психологическим стрессом. В то же время такое кардинальное изменение жизненной ситуации является для многих еще и экзистенциальным кризисом.

Любой кризис перемещает человека в маргинальное положение (Э.Йоманс); когда привычные стереотипы мышления и поведения уже не работают, а новых – еще нет. Поэтому кризис предполагает, как минимум, два выхода. Либо человек рискует, открываясь новым возможностям, преодолевает страх изменений, и тогда он переходит на следующую ступень развития. Либо, выбирая безопасность (Ф.Перлз) и не желая двигаться дальше, остается на месте, зачастую разрушая себя.

Экзистенциальный кризис, переживаемый человеком в местах лишения свободы, можно рассматривать как ресурс, как возможность научиться чему-то новому, переосмыслить, а иногда и впервые осознать свой жизненный путь, собственные цели, ценности, отношение к себе и к другим людям. Многих заключенных, особенно перед освобождением, экзистенциальный кризис подводит к вопросу о выборе дальнейшего жизненного пути. Это выбор между тем, чтобы продолжать криминальный образ жизни или изменить его на некриминальный. Какое решение заключенный примет, во многом зависит только от него самого – от его ответственности, от смысла, придаваемого этому испытанию.

Некоторые люди, находясь в заключении, имеют достаточно внутренних сил, чтобы использовать эту ситуацию как возможность для своего дальнейшего роста и развития. Но очень часто у человека появляется много вопросов, ответить на которые в одиночку бывает очень трудно. Обращение к психологу, работающему в пенитенциарном учреждении, – это шанс найти ответы хотя бы на некоторые из них.

Для того, чтобы принять решение, куда в своей жизни двигаться дальше, заключенным предстоит сделать выбор. Но наличие выбора между ситуациями говорит о том, что внутри личности также существует выбор. Говоря языком психосинтеза, заключенный сталкивается со своими субличностями (Р.Ассаджиоли) – с различными, иногда противоположными частями (потребностями) своей личности. В процессе психологического консультирования многие заключенные отмечают, что в них борются две силы человеческой души – «темная» и «светлая».

Вместе с психологом заключенные имеют возможность познакомиться с этими разными частями себя и обратиться к ним «здесь и сейчас».

«Темная» сторона – это то, что привело их на криминальный путь и что помогает, а иногда и заставляет совершать преступления. Эта часть описывается в категориях зла и представляется в виде таких архетипических образов как тень, монстр, демон, темный силуэт, стоящий за спиной. Часто, особенно у рецидивистов, это очень сильная и могущественная часть, которая обладает большой властью, а потому не только оказывает своему «хозяину» покровительство, но подчас и подавляет его, делает зависимым, жестоко наказывает за непослушание.

Но в любом человеке, даже в преступнике, есть и «светлая» часть, олицетворяющая доброту, любовь, сострадание, способность быть щедрым, заботиться о других. Часто во время сессий эта часть предстает очень маленькой и беззащитной. Но все же она, порой негромко, но настойчиво, обращает на себя внимание, заявляет о своем праве на существование. Эта часть ищет выход из кризиса. В визуализациях она предстает в виде светлого шара, креста, сверхчеловека, сияния.

Психотерапевтические сессии создают необходимое пространство для встречи этих двух миров, во время которой у них есть возможность выразить друг другу свои желания, потребности и опасения. Часто именно на этих встречах происходят инсайты и удивительные открытия.

Разрешение экзистенциального кризиса, выбор своего дальнейшего жизненного пути – решение сложное и ответственное. Для заключенных – это шанс уйти из криминального мира. Очень часто люди, находящиеся в заключении, называют этот выбор «борьбой за душу». И хотя каждый из них совершает этот выбор по-своему, главное, о чем они могут узнать – *они выбирают сами.* Совместная работа с психологом в этих случаях способна создать условия для нахождения и актуализации внутренних ресурсов, которые помогут заключенным в изменении криминального сознания, в выборе дальнейшего жизненного пути, в профессиональном самоопределении, а также в их духовных поисках.

Бардиер Г.Л., Голубева В.В.

ФЕНОМЕН «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В попытках определить психологическую сущность феномена «культурного шока» мы останавливаемся на точке зрения Морриса, который считает, что культуры кажутся нам разными, если их нормы отличаются от тех, к которым мы привыкли. Часто «разные» смешивается

с «неправильные» просто потому, что незнакомые образцы поведения вызывают у нас чувство дискомфорта. Ситуации дискомфорта могут быть связаны с самыми разными факторами: со спецификой бытовых условий, с местными традициями и обычаями, с индивидуальными особенностями поведения и общения представителей другой культуры. Культурный шок – это эпизод из жизни человека, изменяющий его дальнейшее поведение, отношение, понимание в подобных ситуациях. То, как происходят эти изменения, и составляет психологическое содержание адаптации этого человека как личности к другой культуре.

Финскими исследователями В.Раутеном и М.Коксиненом (1991) были выделены 4 последовательных фазы (стадии) таких изменений на примере адаптации иностранцев к жизни в другой стране: фаза первой реакции (внутриличностный диссонанс, формирование защитных механизмов, снижение социальной активности и работоспособности), фаза социальной апатии (возрастание автоматизма в выполнении жизненно необходимых функций, снижение внимания к новой информации, ощущение ирреальности происходящего, ухудшение памяти, желание прожить начавшийся день поскорее), «контрастная фаза» (затянувшаяся апатия либо агрессия; продолжаются регрессивные процессы; преобладают потребности поесть, поспать, ни о чем не думать), фаза реабилитации (интенсивное удовлетворение социальных потребностей, возрождается социальная активность и способность к креативной деятельности, понимание и принятие традиций и стереотипов другой культуры).

Если исходить из того, что шок – это некоторое «неравновесное» состояния, то можно предположить следующую логику его развития. Если это состояние не осознается, не анализируется, не получает адекватного эмоционального отреагирования, то оно усиливается, болезненно переживается, и, в конечном счете, ведет к социокультурной дезадаптации. В этом случае культурный шок выступает как негативный социально-психологический фактор. Напротив, если социально-психологические компоненты межкультурных связей осознаются, анализируются и получают адекватное эмоциональное отреагирование, то открываются пути к принятию человеком иной культуры при сохранении своей культурной идентичности. Здесь можно говорить о позитивном влиянии культурного шока на развитие межкультурных связей и на самого человека.

Исследование житейских и литературных описаний развития культурного шока подтвердило это предположение. В качестве иллюстрации позитивного влияния культурного шока на психологическое развитие человека, приведем пример, взятый из статьи А.И.Копытина (1998) о многообразии культурных проблем в арт-терапии. Речь идет об американском арт-терапевте M.Haeseler, которая описывает свой опыт работы

с ветеранами Вьетнамской войны. Описания глубины пережитого ею потрясения от встречи с новой для себя культурой (мы фиксируем испытанный ею культурный шок), приобретают особую художественную выразительность и силу переживания: «Мне представляется, что, работая с этими людьми, я переживаю встречу со своим отцом, с частью самой себя, я открываю в себе потенциал войны и безумия, заключенного во мне самой. Возможно работая с этими «изгоями», я открываю в себе свое собственное право на отчуждение…». Как мы видим, испытанный ею сильный культурный шок, способствовал очень серьезной внутренней работе, что явилось ценным опытом для нее как врача и человека.

С целью выявления примеров культурного шока, мы провели свободное нестандартизированное интервью со знакомыми людьми и зафиксировали их воспоминания о таких ситуациях (имевших место во время пребывания за границей), которые в их сознании ассоциировались с феноменом культурного шока. Оказалось, что можно получить достаточно примеров культурного шока, разных его психологических эффектов: от мимолетных конфузов до сильных психологических стрессов, которые вполне могли привести к психотравме и которые понижали эффективность межличностных и межкультурных коммуникаций.

Дмитриев В.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

При оценке этнической идентичности важно определить, на каком уровне социальной стратификации этноса культивируется оппозиция «свои–чужие». Для ряда северокавказских этносов таким уровнем исторически был субэтнический. Можно полагать, что развитие данной оппозиции внутри этнической идентичности повышает реактивность ее членов при межэтническом контакте. Этносы северокавказской общности отмечены особой активностью в межэтнических контактах, высокой адаптивностью к условиям иноэтничной среды и сохранением традиционной соционормативной культуры в условиях современного общества.

При синхронном наблюдении этнокультурные поведенческие установки выступают в смазанном виде, что вынуждает обратиться к их образцам, зафиксированным в прошлом. Одним из важнейших поведенческих стереотипов бытовой культуры северокавказских народов было существование индивида в рамках патронимической общности.

Между группами патронимий существовали отношения конкурентности в пользовании природными ресурсами, стимулированной кон-

фликтности (что особо достигалось деятельностью молодежных союзов) и тщательно регулируемых отношений брачности. Кооперация между группами патронимий чаще всего имела место в рамках территориальной общины, ситуативного сплочения, отношений кровного и искусственного родства. Вне этих отношений патронимия занимала оборонительную позицию по отношению к внешнему миру.

Любой обмен членами патронимических группировок, включая брачный, проходил по принципу адопции, т.е. включения представителя «чужого» коллектива (или одиночки) в пространство «своей» патронимии, что требовало ритуала принятия нового члена родственного коллектива. Мы предлагаем распространить понятие адопции не только на принятие члена другой семьи, обозначаемое как усыновление, но также на включение в семью жен и детей, рожденных в браке.

Основанием для данного подхода является существование в прошлом обычая избегания, согласно которому члены брачной пары должны были реально или в расчете на стороннего наблюдателя избегать контактов между мужем и старшими родственниками жены, между женой и старшими родственниками жены, между мужем и женой и между отцом и детьми. Женщина часто сохраняла принадлежность к роду ее отца, что могло выражаться в том, что по ее смерти тело захоранивалось на участке кладбища отцовской фамилии.

Адопция–усыновление осуществлялась в основном по отношению к лицам мужского пола. На усыновление шли одиночки, представители слабых фамилий. Также оно осуществлялось в целях предотвращения вражды между фамилиями. Ритуальными действиями при этом были имитации акта деторождения, кормления грудью, проникновение в центральную часть семейного пространства принимающей фамилии с прикосновением к сакральным предметам (центральный опорный столб, очажная цепь). Усыновленные занимали позицию младших членов принимающей фамилии. Возраст усыновляемого значения не имел.

Адопция–брак сопровождался сложным свадебным брачным ритуалом, кульминацией которого были обрядовые поединки при пересечении границ пространства семьи невесты и жениха, а также введение молодой в пространство очага жилища семьи мужа и в пространство принадлежавшего ей водного источника.

Адопция детей имела место по достижении ими совершеннолетия. По отношению к девочкам проводилась в редких случаях. Ритуалом адопции сыновей можно считать завершающий обряд аталычества (практики отдачи детей на воспитание в другие семьи, зафиксированный у народов северо-западного Кавказа). Одним из моментов обряда была схватка при пересечении свитой воспитанника границ пространства се-

мьи отца. Адопция нового члена способствовала социальному развитию принимающей патронимии, не изменяя ее психологического единства.

Елохина Т.П.

ПРОБЛЕМА СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОЛИТИКЕ

Конфликты самой разнообразной природы пронизывают все сферы жизни постсоветского общества. Серьезные разногласия имеют место в отношениях между государством и обществом в целом, о чем свидетельствуют отчуждение большинства населения от власти, потеря уважения к государственности как таковой. На разных языках, почти не понимая друг друга, говорят представители различных политических субкультур: коммунистической, радикально-либеральной, национально-патриотической. Известная напряженность существует в отношениях регионов с федеральным центром. Привычным фоном нашей жизни стали межэтнические конфликты, несущие серьезную угрозу общественной стабильности. Голос вражды все чаще звучит и внутри этнически однородных групп, что обусловлено усиливающимся процессом экономической поляризации населения. Сходная картина обнаруживается и при анализе индивидуальной психики человека переходной эпохи: привычные формы поведения вступают в неврозогенный конфликт с новой реальностью. И наконец, в глубинный экзистенциальный конфликт вовлекается общинно-солидарная основа российской духовности с привносимой Западной культурно-ценностной моделью развития общества.

Итак, конфликтуют *все со всеми*: коммунисты с демократами, бедные с богатыми, русские с чеченцами, западники со славянофилами, прошлое с настоящим. Многочисленные инициативы по примирению, исходящие от разных ветвей власти и православной церкви, не воплощаются в жизнь. Общество расколото и невротизировано.

Одним из средств социальной терапии такого общества может служить стратегия *сотрудничества*, понимаемая как способ индивидуального и общественного бытия. Сотрудничать могут отдельные подструктуры личности, и тогда мы говорим о внутриличностном сотрудничестве, итогом которого является личностная гармония, позволяющая жить в ладу с собой и миром. Отдельные люди, вступая в отношения сотрудничества, становятся уже субъектами межличностного сотрудничества. В межгрупповое сотрудничество вовлекаются различные организации, партии, классы и т.п. Сотрудничающие между собой государства дают пример межгосударственного или, привычнее, международного сотрудничества; такими примерами изобилует наша сегодняшняя жизнь.

Невзирая на смену субъектов взаимодействия, суть многогранного и многоуровневого феномена сотрудничества остается неизменной. Отличительными чертами обсуждаемой стратегии являются: добровольность, равноправие, ответственность, активность, кооперация, партнерство, взаимовыгода, а также надежность, стабильность, долгосрочность.

Анализ сотрудничества как общественно-политического, культурно-исторического и, наконец, психологического феномена способствует созданию целостного представления о нем. «Погружение» в архетипическую природу российского человека позволяет наметить пути реализации этой стратегии в сложный для нашей страны период. Выделение отдельных – от иррационального до духовного – уровней иерархической структуры этого феномена, выявление механизмов его функционирования, определение средств осуществления конкретизируют намеченные пути. А разработка психотехнологии сотрудничества и организация обучения политических лидеров тактическим приемам ее реализации закладывают основу взаимопонимания субъектов общественной жизни.

Елохина Т.П., Цветкова М.А.

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Настойчиво звучащие отовсюду призывы к гражданскому миру находят эмоциональный отклик во всех слоях российского общества, однако не получают практической. Общество по-прежнему пронизано глобальным непониманием, расколото как по вертикали, так и по горизонтали. Отсутствие понимания между обществом и государством дополняется поляризацией самого общества, а также диссоциацией индивидуальной психики его отдельных представителей. В палитре проблем, поднимаемых политической психологией, все более острое звучание приобретает проблема политического сотрудничества.

Взгляд на сотрудничество как на многомерный и многоуровневый феномен способствует его целостному познанию. Структура этого феномена представлена четырьмя основными уровнями: иррациональным, эмоциональным, рациональным и духовным. В норме она характеризуется полифоничностью взаимодействия составляющих ее уровней и иерархическим механизмом регуляции. В ее фундаменте находится «иррациональность» как безусловное, основополагающее начало человеческой психики, требующее нетрадиционного для отечественной психологии глубинно-психологического подхода к своему изучению.

Анализируя круг интересов современной психологической науки, мы обнаруживаем в нем явный примат сознательного, рационального измерения психического. За пределами научных построений остается целый пласт иррациональных психических проявлений. Но еще Гете писал: «Сущее не делится на разум без остатка». Господствующее в идеологии тоталитарного общества представление о человеке как о разумном и безгрешном существе не прибавляло порядка в этом обществе. Не способствовало тому и подавление не отвечающих «моральному кодексу» неосознаваемых побуждений человека. Усиливаясь от этого, они несли угрозу психическому здоровью нации и ее общественному спокойствию.

Все это приложимо и к реалиям сегодняшней «демократической» жизни, в которой мы наблюдаем, по образному выражению московского психоаналитика А.И.Белкина, «тотальное ослабление позиций разума, теснимого разбушевавшейся стихией бессознательного». Следовательно, актуальные проблемы, стоящие перед политической психологией, не могут быть решены без апелляции к бессознательным подструктурам человеческой психики. Расплатой за пренебрежение ими становятся массовые неврозы, социальные конфликты, политические протесты.

Исследование иррациональной основы политического поведения требует выхода за пределы господствующей ныне экспериментальной парадигмы. Только феноменология и герменевтика, в сердцевине которых созерцание и переживание, интуиция и эмпатия, рефлексия и искусство толкования, позволят нам заглянуть за грань «разумного». Все перечисленное составляет арсенал средств различных школ глубинной психологии. Без их использования мы рискуем оказаться перед альтернативой: либо проигнорировать роль иррационального начала в политике, либо признать его непознаваемым. Непознанное же (а тем более непознаваемое), как известно, вызывает страх. Этот страх (например, страх перед властью или перед непредсказуемым поведением масс) порождает, по терминологии психоанализа, «отреагирование» (действие, заменяющее осознание и неадекватное ситуации) или «вытеснение» (игнорирование ситуации). И то и другое ведет к нарастанию опасности и, как следствие, усиливает страх и психотизируют общество.

Исследуя иррациональное начало в политике, глубинная психология не просто восполняет дефицит информации в этой области, но и дает научное объяснение тому, что долгое время вызывало мистический ужас и сопровождалось «понижением ментального уровня» народа (К.Г.Юнг). В таком состоянии разум уступает место аффекту и тогда важнейшие политические решения, определяющие судьбу нации, принимаются на основе «аффективной логики».

Все это убеждает в необходимости исследования проблемы иррациональности в политике, поиска путей и средств учета, профилактики и коррекции иррациональной детерминанты политического поведения.

Казанская В.Г., Бабурин С.В., Баканова А.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ К МЕСТАМ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Проблема адаптации заключенных к местам лишения свободы и их реадаптации после освобождения занимает внимание социальных, педагогических и пенитенциарных психологов (Л.А.Высотина, В.Г.Деев, А.И.Капунник, В.Д.Лутанский, А.В.Пищелко). Ее актуальность диктуется необходимостью диагностики психологических причин совершения преступления, а также профилактикой рецидивной преступности.

Обобщение опыта работы пенитенциарных учреждений убеждает нас в необходимости проведения специальной работы не только по психологической помощи заключенным в период их адаптации к местам лишения свободы, но и по психологической подготовке осужденных к жизни в новых условиях после отбытия наказания (реадаптации).

Задачей нашего исследования было изучение механизмов адаптации и реадаптации заключенных. Под адаптацией к местам лишения свободы мы понимали способность заключенных выполнять режимные требования, распорядок дня, ориентироваться в различных службах исправительного учреждения. Реадаптация понималась как умение подготовиться к жизни на свободе по окончании срока наказания.

Гипотеза исследования состояла в утверждении возможности реадаптации осужденных с помощью специальной психологической работы, основанной на выявлении адаптационных механизмов личности.

Исследование проводилось на базе следственного изолятора № 6 (ИЗ-45/6 ГУИН МЮ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) в течение 1998–1999 годов. Добровольное анонимное участие в исследовании приняли 217 заключенных–мужчин от 18 до 35 лет.

В соответствии с целями нашей работы был подобран комплекс психодиагностических тестов, который проверялся и дополнялся в ходе пилотажного исследования. Основное исследование мы проводили, используя различные личностные тесты (межличностных отношений Т.Лири, «Социально-психологическая адаптация» К.Роджерса и Р.Даймонда, методика форм агрессии Басса-Дарки, методика «Смысложизненные ориентации» Д.Н.Леонтьева), а также специально разработанную авторскую анкету для определения уровня адаптации.

Данные, полученные в ходе исследования, обрабатывались с помощью математической статистики. Для этого были использованы: количественный анализ данных, t-критерий Стьюдента, параметрический коэффициент корреляции Пирсона и факторный анализ.

Было выявлено несколько факторов, положительно или отрицательно влияющих на адаптацию и реадаптацию. На адаптацию к местам лишения свободы кроме наличия семьи и детей, а также наличия прошлых судимостей положительно влияют два фактора:

1) жизненная философия, которая может определяться принятием себя и ответственности за свою жизнь, эмоциональным комфортом, видением смысла и целей в будущем. Это согласуется со взглядами экзистенциально-гуманистического направления в психологии и подтверждается в наших исследованиях (А.А.Баканова, Н.В.Бриль, П.В.Суров);

2) определенный стиль межличностных отношений, который выражается в уверенности в себе и энергичности, а для заключенных из камер – в напористости, повышенной агрессивности и скрытности.

Одними из самых сильных компонентов реадаптации заключенных являются наличие конкретных жизненных планов после освобождения, направленность на будущее и наличие внутренних ресурсов. Основные внутренние ресурсы состоят в упомянутой выше концепции жизни.

Таким образом, успех адаптации к местам лишения свободы и реадаптации после освобождения во многом зависит от смысложизненных ориентаций, наличия конкретных целей, от умения брать ответственность за свою жизнь, сотрудничать с другими людьми. Целенаправленные психологические воздействия могут помочь заключенным поддержать и ускорить процессы адаптации и реадаптации, подготовиться к освобождению, справиться с личностным кризисом.

Караваев Б.С.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОДРОСТКОВ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЕМ СМИ

Средства массовой информации (СМИ) – это один из основных институтов социализации, следовательно, подростки, хотят они того или не хотят, подвержены определенному их воздействию. Направленность этого влияния зависит от репертуара, предлагаемого СМИ. Репертуар же сейчас изобилует сценами насилия над личностью, негативными героями, асоциальными моделями поведения. Вызывает опасения несформированность у некоторой части подростков четкой системы социальных ценностей. Поэтому возрастает возможность негативного влияния про-

дукции СМИ на некоторых подростков в силу особой способности влиять на чувства, суждения, а также на нормы их поведения и общения.

Американские ученые давно поставили вопрос: не являются ли СМИ фактором, непосредственно влияющим на рост преступности несовершеннолетних; не несут ли передачи, начиненные насилием, особого «криминогенного» заряда, нацеленного на подрастающее поколение?

Существуют две точки зрения на эту проблему:

1) демонстрация жестокости разрушающе действует на психику, притупляет чувствительность подростков и формирует тенденцию к насилию там, где ее не было, или усиливает там, где она была ослаблена;

2) демонстрация насилия в СМИ действует благоприятно на психику подростка, давая выход скопившейся у него агрессивности.

При анализе социально-психологических исследований аудитории, специального внимания заслуживает проблема показа в СМИ сцен насилия и их воздействие на подростков. Психолог У.Бронфенбреннер, специально анализировавший эту проблему, считает, что средства массовой информации играют значительную роль в порождении насилия в американском обществе и поддержании его на высоком уровне. Этот и многих исследователей к выводу о том, что восприятие сцен насилия на телеэкране повышает агрессивность, по крайней мере, части аудитории.

В своем исследовании мы обратили внимание на конкретные социально-психологические особенности подростков (система ценностей, способы проведения досуга, интроверсия–экстраверсия, невротизм). К работе также были привлечены их родители и учителя, для рассмотрения данной проблемы с разных точек зрения. Цель исследования состояла в выяснении того, оказывают ли СМИ воздействие на подростков и в чем оно заключается в рамках рассматриваемых характеристик.

В результате исследования была отмечена существенная разница в выборе способов проведения досуга между телезависимыми подростками и контрольной группой. Телезависимые подростки ориентированны на развлечения и просмотр телепрограмм. Наблюдались существенные различия в ценностных ориентациях этих двух групп. Это объясняется тем, что подростки, подверженные воздействию телевидения, подавляют эмоции, становятся безразличными к окружающей действительности, уходят в себя, чего нельзя сказать об их антиподах.

С помощью методов математической статистики было установлено, что часть подростков действительно подвержена телевоздействию. Результатом этого воздействия является то, что эти подростки в отличие от своих сверстников из контрольной группы, склонны к подражанию, черствы по отношению к другим людям. За внешним благополучием в их семьях скрывается серьезные межличностные конфликты.

Таким образом, установлено, что СМИ формируют не только способы проведения досуга, но и определенный социальный стандарт поведения, оказывают воздействие на эмоциональные проявления подростка.

Кирюхина Е.В.

САМООЦЕНКА ОТЪЕЗЖАЮЩИХ В ГЕРМАНИЮ НЕМЦЕВ

Самооценка является важнейшим регулятором поведения, от нее зависит взаимодействие человека с окружающими, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Освобождение индивида от социальных связей, поиск нового места в жизни и профессии вынуждают человека, чтобы выжить материально, ставить себя в центр собственных жизненных планов. Так как общественные ломки проявляются в индивидуальных кризисах, важным является изучение самооценки личностных свойств человека, решившего эмигрировать за границу.

В качестве испытуемых в эксперименте приняли участие лица немецкой национальности, проживающие в Алтайском крае, отъезжающие в Германию и остающиеся в России, а также русские, проживающие в данной местности. Общий объем выборки составил 108 человек (53 мужчины и 55 женщин). Средний возраст – 36 лет.

Методы сбора данных были следующими: тест ценностных ориентаций в модификации Е.В.Васиной, методики на определение социальной и групповой идентичности, самооценки В.Н.Куницыной, тест Айзенка на определение мотивации и новый вариант измерения самоотношения В.Н.Куницыной (СОТКУ). Для обработки и интерпретации использовались среднее арифметическое и корреляционный анализ.

Сравнивая данные по самооценке личностных свойств в настоящее время и 5–10 лет назад по всем группам испытуемых, мы заметили тенденцию повышения общей самооценки. Самая высокая общая самооценка наблюдалась у женщин, собирающихся эмигрировать. У группы отъезжающих за границу немцев повысился уровень самообладания, уверенности, предприимчивости и коммуникативной компетентности, а также знание себя и жизни. Мужчины, собирающиеся эмигрировать, не критичны к себе, выше других групп они оценивают такие свойства своей личности как альтруизм, оптимизм, личный контроль. По методике СОТКУ у них отмечаются высокие показатели самоуверенности, по тесту Айзенка – автономность и ответственность ниже, чем у других групп, что говорит о недостаточной их самокритичности и высоком уровне психологической защиты. Потенциальные эмигрантки немецкой нацио-

нальности выделяют такие свои качества, как коммуникативная компетентность, уверенность, самообладание, влиятельность и знание себя.

У остающихся в России немцев и русских ниже стал показатель оптимизма, чем 5–10 лет назад, в то же время знание жизни и себя улучшилось. Оседлые мужчины менее уверены, они более догматичны, ответственны и склонны к самообвинению. Мужчины немецкой национальности обладают адекватным уровнем притязаний, способны побуждать других к принятию решения, изменению точки зрения. Для них характерна большая ответственность и надежность в отношениях. Женщины немецкой и русской национальности отмечают у себя повышенную выносливость, знание жизни, им свойственно самообвинение, что свидетельствует о повышенном внимании к внутренним переживаниям и тревожности и об определенных депрессивных тенденциях. Изменчивость, т.е. разница между самооценкой тогда и сейчас, преобладает у немцев, собирающихся эмигрировать за границу, особенно у мужчин. Самая низкая изменчивость у русских мужчин.

В нашем исследовании нашла подтверждение гипотеза о том, что у отъезжающих за границу немцев наблюдается осознание ценности своей личности, вера в свои силы, их взгляд на самих себя претерпел значительные изменения, а также повысился уровень общей самооценки по всей выборке по сравнению с уровнем 5–10 лет назад.

Ковалев Ю.Т., Левин С.Ф.

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ И АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ-ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Исследование когнитивных искажений у подростков с криминальным поведением проводилось в рамках работы по адаптации опросника Гиббса и Барриги «Как я думаю?» (1992). Полученный от разработчиков опросник и руководство позволили создать пилотный вариант российского опросника когнитивных искажений и провести предварительное исследование на российской выборке. Разработчики постулировали наличие у подростков-делинквентов четырех типов когнитивных искажений – центрация на собственных потребностях, а также склонности к обвинению других, к минимизации наносимого ущерба и к предположению худшего варианта развития событий. Эти искажения хорошо соотносятся с четырьмя категориями антисоциального поведения по DSM-IV – воровство, лживость, физическая агрессивность и неуважение к закону – и образуют восемь субшкал опросника. Девятая субшкала – шкала аномальных ответов – оценивает неискренность или неточность респон-

дента. В американских исследованиях виды когнитивных искажений коррелировали с явными (нанесение телесных повреждений) и неявными (мошенничество) видами антисоциального поведения.

Первая группа в российской выборке состояла из 40 подростков мужского пола, в возрасте 15–16 лет, обвиняемых либо осужденных по ст.158 ч.2 УК РФ (кража). Вторая группа в российской выборке состояла из 40 подростков мужского пола, в возрасте 15–16 лет, обвиняемых или осужденных по статьям 105 (убийство), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) УК РФ. Все подростки находились в изоляторе временного содержания. Сбор данных проводился одновременно в группах по 10 человек. При этом исследователи имели возможность контролировать понимание респондентами текста каждого вопроса. Для обработки данных исследования была разработана программа обсчета индивидуальных данных, результаты работы которой обрабатывались стандартными статистическими пакетами.

В соответствии с гипотезой разработчиков предполагалось установить в российских выборках корреляции между вариантом когнитивного искажения и видом антисоциального поведения. Поскольку же виды антисоциального поведения связаны с выражением агрессии по отношению к окружающим, нами для кросс-тестовой валидизации была дополнительно использована методика Розенцвейга.

В исследовании были получены значимые различия между выборками как по шкалам когнитивных искажений, так и по типам реакций обвинения методики Розенцвейга. Значимые показатели корреляции между группами шкал подтвердили исходную гипотезу о связи между видом когнитивного искажения и категорией антисоциального поведения.

Полученные результаты могут быть использованы в рамках применения когнитивно-бихевиоральных подходов Эллиса, Бека, Бандуры в коррекционной работе с подростками в соответствии с определенными в исследовании видами когнитивных искажений. Другим направлением работы с опросником является его применение при ранней диагностике антисоциального поведения у подростков и выборе мер воздействия.

Когаловская А.С.

АДАПТАЦИЯ УВОЛЬНЯЮЩИХСЯ ИЗ АРМИИ ОФИЦЕРОВ К УСЛОВИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

Нами исследуется проблема адаптации офицеров, выходящих в отставку, к условиям гражданской жизни. Актуальность этой проблемы объясняется происходящим сегодня сокращением армии, влекущим

массовые увольнения офицеров. Ситуация отставки связана с отрывом от референтной группы, от дела, которому были посвящены годы, от привычного физического и социального окружения. Ситуация отставки обладает весьма сильным влиянием на личность и, не смотря на свои негативные аспекты, может способствовать личностному росту.

Проблемам, связанным с ситуациями жизненных перемен посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако специфика изучаемой нами проблемы состоит в следующем: армейский коллектив является замкнутой целевой группой с жесткой иерархической структурой, которая порождает тесные и многосторонние связи между представителями одного и того же уровня иерархии. Все это накладывает заметный отпечаток на привычки, установки и ценности военнослужащих и делает их весьма устойчивыми. Изменение жизненных условий офицеров, уходящих в отставку, происходит в переломный период жизни общества, сопровождающийся кризисными явлениями, безработицей. Все это говорит о многоаспектности рассматриваемой проблемы и необходимости ее междисциплинарных исследований.

Включение увольняющихся из армии в новое социальное окружение, принятие ими этого окружения влечет изменение образа жизни, мировосприятия, а иногда и мировоззрения. Это не просто процесс адаптации, это – социализация личности, т.е. включение в новую реальность не только на уровне привычек, но и установок, ценностей. Социализация происходит под влиянием как малого, так и большого социума, с учетом ближайших и дальних перспектив. Проделанное нами исследование приводит к следующему выводу: при изучении рассматриваемой проблемы, даже если ограничиться рассмотрением психологических регуляторов поведения увольняющихся офицеров, в качестве центральной концепции естественно рассматривать концепцию социализации.

Личность может, внешне следуя нормам и требованиям среды, внутренне не принимать их. Необходимым компонентом полнокровной социализации является ее внутреннее преобразование, т.е. пересмотр и изменение не только норм поведения, привычек, но и установок, системы ценностей. Какими средствами осуществляется такое преобразование? Мироустановка личности, ее ценности – это ведущие, определяющие регуляторы ее жизнедеятельности. Они существенным образом влияют на «низшие» уровни мотивационной структуры. Однако верно и то, что низшие уровни могут способствовать преобразованию высших, путем создания соответствующего эмоционального настроя на изменения. Социально-психологический тренинг может служить средством управления мотивацией, а значит, средством, способствующим адаптации, более того социализации и развитию личности в новых условиях.

Социализация увольняющихся офицеров в отрыве от прежних значимых контактов, как правило, более затруднена, чем у представителей других социальных групп, т.к. в условиях жесткой корпоративности индивидуальная социальная адаптивность снижается. Создание групп поддержки позволит сделать этот процесс более успешным.

Кузьменкова Л.В., Иванова С.П.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Профессиональная подготовка специалистов предполагает получение ими знаний, приобретение умений, навыков. Не менее важно формирование у будущих работников определенного отношения к специальным правилам, правовым нормам, с которыми они будут иметь дело в практической деятельности. В процессе реализации законодательства у людей, как у субъектов права, складывается определенное отношение к нему, преимущественно отрицательное.

Для проверки этих данных был проведен опрос среди учащейся молодежи (127 человек, средний возраст 17,5 лет). На вопросы о характере их отношения к законодательству 36% респондентов дали отрицательный ответ, 48% не определили своей позиции. Анализ литературы выявил основные причины отрицательного отношения к законодательству: 1) отсутствие действительного правового равенства субъектов; 2) несовершенство и низкая эффективность законов и деятельности государственных органов; 3) запаздывание принятия новых законов (гарантии прав вкладчиков были предусмотрены ч.2 Гражданского кодекса РФ уже после того, как миллионы вкладчиков были обмануты); 4) запаздывание изменения действующих законов (например, Уголовно-процессуального кодекса РФ); 5) непринятие необходимых законов в течение длительного времени (Земельный кодекс РФ, Основы законодательства о труде РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ); 6) принятие новых законов, ухудшающих правовую защищенность граждан (в первоначальной редакции УК РФ не была предусмотрена уголовная ответственность за задержку выплаты заработной платы, это изменение внесено только в 1999 г., смягчены меры наказания за преступления в сфере экономики, за взяточничество); 7) понимание невозможности повлиять на правотворческий и право-применительный процессы; 8) отсутствие в законодательстве надежных гарантий защиты нару шенных прав, в результате чего нарушитель закона оказывается зачастую в более выгодном положении, чем законопослушный субъект праваи т.д.

Данные опроса показали, что кроме отрицательного отношения к законодательству респонденты высказывают отрицательное отношение к государственным органам (63%), допускают возможность в случае нарушения ими законодательства, причинение вреда государству (60%), и некритично относятся к своему противоправному поведению (77%).

Анализ результатов опроса выявил совпадение некоторых причин (п.1,2,7,8) с вышеуказанным перечнем и позволил дополнить его следующими: несправедливость законодательства, возможность неоднозначного толкования нормативных актов, отсутствие реальной защищенности граждан. Обобщение литературных и практических данных позволяет сделать предположение, что нарушение законодательства имеет психологические корни. Очевидно, человек, воспринимающий мир беззаконным, будет стремиться восстановить, как он считает, нарушенную справедливость также беззаконным способом.

Представляется интересным исследовать процесс формирования психологически оправданного нарушения законодательства для того, чтобы выяснить, возможно ли воздействовать на этот процесс с целью изменения его направленности.

Лабковская Е.Б., Артеменко О.А.

ИСТОЧНИКИ МОТИВАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ

Основная цель нашего исследования состояла в изучении ведущих психологических закономерностей поведения избирателей в ситуации политических выборов. Первый этап исследования был проведен во время референдума о доверии президенту Б.Н.Ельцину (апрель 1993 г.). Затем опросы проводились в периоды выборов в Городское собрание Санкт-Петербурга (март 1994 г. и октябрь 1994 г.); в Государственную думу (ноябрь 1995 г.) и в Городское собрание Санкт-Петербурга (декабрь 1999 г.). Были опрошены две группы респондентов: те, кто реально участвовал в выборах (референдуме), и отказавшиеся от голосования. Общее количество респондентов составило 3800 человек. Опросы проводились непосредственно в дни выборов: «участвовавшие» опрашивались при выходе с избирательных участков после голосования, «не участвовавшие» – на улицах Санкт-Петербурга.

Среди факторов, определяющих поведение избирателей, были выделены: политическая идентификация, политическая активность, политическая вера, чувство гражданского долга (внутренние источники мотивации) и политическая реклама, деятельность «производителей социаль-

ного давления», «эффект присоединения к большинству», нормативное регулирование выборов (внешние источники мотивации). Все названные факторы внутренней мотивации участия в выборах оказались состоятельными и «работают» с учетом некоторых поправок в условиях российских политических выборов.

Фактор политической идентификации определяет стремление избирателя присоединиться к тем политическим движениям, партиям и политическим лидерам, взгляды и пристрастия которых совпадают с его собственными взглядами и пристрастиями. Для российского избирателя оказалось чрезвычайно важным определить насколько его собственные политические позиции и установки совпадают с предъявляемыми позициями и установками кандидата или блока (партии, движения).

Фактор политической активности отражает меру вовлеченности индивида в политическую жизнь (локальную или в масштабах государства). Политическая активность предполагает деятельность, проявляющуюся в поисках и обсуждении политической информации, а также деятельность, выражающуюся в членстве в партии, осуществлении различных политических действий (участие в политических шествиях, митингах, демонстрациях, участие в выборах и др.). Результаты исследования показали отсутствие «инерционности» в политической активности, стремлением внести свой вклад в развитие политической жизни

Фактор политической веры показывает насколько избиратель доверяет политическим лидерам, их программам. Избиратели, участвовавшие в голосовании верят в то, что представительный орган, которой они избирают надежен и способен к длительному существованию. Избиратель не будет голосовать за то, что воспринимается им как недолговечное, ненадежное. Лица, пренебрегшие участием в выборах вообще не задумываются над тем как долго просуществует избираемый орган. Лица, принимающие участие выборах верят в значимость своего голоса и, следовательно, в свое влияние на развитие политических процессов на местном или государственном уровнях.

Выраженность чувства гражданского долга также влияет на решение и поведение избирателя. Данный фактор выражает осознание своей принадлежности к государству и обществу, которое мотивирует на реализацию «гражданского» поведения. Этот фактор оказался наименее значимым для российского электората. Выявлена большая значимость личностных отношений, чем общественных гражданских установок.

Наше исследование достоверно подтвердило проявление внутренних источников мотивации как стимулов к участию в выборах. Влияние названных внешних источников мотивации также в основном нашло подтверждение в результате проведенного экспериментального исследова-

ния. Оказались значимыми для участия в выборах факторы политической рекламы, деятельности «производителей социального давления», «эффекта присоединения к большинству». Вместе с тем было обнаружено, что особенности восприятия и отношения российских избирателей к законодательным положениям по выборам не играют существенной роли в формировании модели поведения потенциального избирателя.

Лабковская Е.Б., Попов А.В., Лопатко В., Зубкова Ю.

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТНОШЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

Целью настоящего исследования, проведенного в преддверие выборов в Государственную думу в Санкт-Петербурге в период с 20 по 25 июня 1999 года, послужило выяснение того, что является важным при формировании отношений избирателей и какие элементы существенны и оцениваются избирателями (имплицитно или эксплицитно).

Факторный анализ позволил определить, какие факторы являются значимыми при формировании политических отношений и моделей электорального поведения. При объеме выборки N=122 и выбранном интервале доверительной вероятности $p<0,01$, удалось обозначить следующие факторы: идеологическая ориентация партии/движения, активное самоутверждение на политической арене, характеристика организационной структуры партии/движения (жестко определенная – размытая), умение находить эффективные политические решения, отношение к непопулярным решением, субъективная эмоциональная оценка партии/движения, следование программным заявлениям. Существенным в формировании отношений избирателя является эмоциональный компонент. Его изучение производилось с помощью цветового теста Люшера.

Результаты исследования позволяют отметить низкую информированность граждан об истории, структуре, составе партии, дате ее образования и пр. Эти факторы не являются важными и не проявляют себя при формировании электоральных отношений. Собранные материалы и полученные после обработки результаты позволили выделить существенные для оценки признаки и составить собирательные «портреты» привлекательной и непривлекательной для избирателя партии (движения).

Привлекательная партия имеет умеренно жесткую организационную структуру, демократический стиль управления, способность противостоять внешнему давлению и принимать решения в соответствии с собственной идеологией, принимать непопулярные решения только в край-

них случаях, никогда не допускаются неэтичные действия по отношению к другим партиям, стремится к компромиссу и сотрудничеству с другими политическими силами, достаточно активно проявляет себя на политической арене, идентифицируется с новым, развивающимся, оценивается как спокойная, вызывает чувство общности у избирателя.

Непривлекательная партия имеет жесткую организационную структуру, для нее характерны авторитарный и попустительский стиль управления, неадекватность оценки политической ситуации, невыполнение предвыборных обещаний, отсутствие стремления к компромиссу и сотрудничеству с другими политическими силами, а также значительные изменения в заявленном ранее курсе, невысокая активность на политической арене. Действия партии в отношении других партий носят недопустимый характер с нарушением всех этических норм.

Результаты проведенного исследования позволяют заявлять, что потенциальные избиратели в большей мере склонны поддерживать партии достаточно жестко структурированные, вместе с тем, ориентированные на демократический стиль управления внутри партии, имеющие разработанную идеологию и принимающие самостоятельные решения независимо от давления извне. Избиратели стремятся голосовать за партии, имеющие, с одной стороны, достаточный опыт, а с другой – предлагающие новые оригинальные политические решения.

Представленный анализ позволяет делать прогнозы в отношении предстоящих выборов и следующего состава Российского парламента, а также обеспечивает возможность оценить массовые политико-психологические состояния и ожидания населения.

Родионова А.В.

ПЕРЕДАЧА ИНФОРМАЦИИ СМК И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Среди факторов, поддерживающих или изменяющих представление индивида об окружающем мире, центральное место принадлежит средствам массовой коммуникации (СМК). В настоящее время в компонентах коммуникационной сети наблюдаются новые тенденции передачи информации. СМК находятся под мощным воздействием компьютерных технологий, влияет на процессы сбора, обработки и хранения информации, позволяет работать на более высоком организационно-техническом уровне. Новым видом СМК становится Интернет. Ведущие газеты, журналы, информационные телепрограммы дублируются в сети и регулярно обновляют выпуски, редакции СМК имеют свои сайты. Стремление к кооперации между различными видами СМК проявляется во взаимодей-

ствии между телевидением и прессой (анонсы), прессой и радиостанциями (информационный обмен), радио и телевидением. Развитие материально-технической базы обеспечивает возможность проводить теле- и радиопередачи в интерактивном режиме.

Психологическая структура передаваемых сообщений основана на закономерностях человеческого мышления. Последовательность информации в тексте строится с учетом базовой позиции, воспринимаемой интуитивно. В основе информационной структуры сообщений газет, радио и телевидения – модели с акцентированными сущностными или несущностными признаками событий. Информация, предназначенная для непроизвольного запоминания, выделяется по форме и содержанию. Для того чтобы оказать воздействие, осознаваемое адресатом коммуникации, используются стилистически нейтральные слова, оценочные выражения, эмоциональная или сниженная (разговорная) лексика. Описание второстепенных деталей события при отсутствии главных применяется для неосознаваемого воздействия. Утратили актуальность пространственно-повествовательные сообщения, содержащие готовую ментальную модель и узкий круг одобряемых стилей. В большинстве случаев информация представлена короткими модулями, и реципиент может самостоятельно формировать ментальную модель, роли и ценности.

Коммуникатор в зависимости от индивидуальных особенностей может выступать в качестве проводника различных идей и стилей жизни, используя соответствующую лексику, мимику, жесты. Практикуется создание программ «под ведущего». Нередко коммуникатор выражает интересы редакции, либо политических и финансовых групп – заказчиков информации. Для устных сообщений характерно увеличение темпа речи, что обеспечивает передачу большего объема информации и усиливает ощущение ее справедливости и надежности.

Адресат коммуникации получает открытый доступ к информации, возможность самостоятельно моделировать ситуацию, ставить проблему, высказывать свою точку зрения и оказывает влияние на ход информационных программ, выходящих в интерактивном режиме. Однако особенности передачи информации позволяют оказывать на адресата коммуникации неосознанное воздействие, формировать заданное эмоциональное состояние, манипулировать им.

Сафонова М.В.

КАРЬЕРНО-УСПЕШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ

В настоящее время является общепризнанным тот факт, что женщины все чаще стремятся реализовать себя в профессиональной сфере, сделать карьеру. Тем не менее женщины-руководители остаются скорее исключением, чем правилом, несмотря на то, что они прочно обосновались в мире деловых отношений. В исследованиях, посвященных изучению женской карьеры, высказываются различные точки зрения на типы и этапы развития карьеры женщины–руководителя, но основной акцент при этом делается на сочетании женщинами профессиональной и семейных ролей, различные варианты которого являются основанием для построения типологии женской карьеры. В своем исследовании мы попытались проследить социально-психологические характеристики, связанные с выбором женщинами карьерных стратегий, позволяющих достичь успеха в карьерном продвижении.

В исследовании приняли участие 75 женщин в возрасте 26–46 лет, достигшие различного уровня в служебной иерархии и занятые как в традиционно «женских», так и в традиционно «мужских» профессиональных сферах. В качестве инструментария мы использовали методы опроса (интервью, анкета), личностный опросник Р.Кеттелла, опросник «Якоря карьеры» Э.Шейна, «Тест руки» Э.Вагнера, методику незаконченных предложений, субтесты из методики Дж.Фланагана.

Факторный анализ результатов исследования позволяет описать пять выделенных нами типов карьерно-успешных женщин:

1. *«Кандидаты в мастера».* Это молодые женщины, начинающие карьерное продвижение. Они отличаются энергичностью, склонностью к новаторству, самостоятельностью в принятии решений, легко занимают лидирующую позицию. Вместе с тем молодые женщины бывают небрежными при выполнении обязанностей и недостаточно дипломатичны, искусны в стратегии и тактике карьерного продвижения. Эти женщины обладают хорошим потенциалом для построения карьеры, но им необходима помощь в управлении карьерным процессом.

2. *«Успешные управляющие».* Это женщины зрелого возраста, поднявшиеся на самые верхние ступеньки служебной лестницы. Для карьеры этих женщин характерно постепенное продвижение, сочетающее профессиональный и служебный рост, что находит отражение в карьерных ориентациях на профессиональную компетентность и управление. Они отличаются эмоциональной зрелостью, стабильностью, реалистич-

ным настроем; они организованны, ответственны, обладают хорошим самоконтролем, силой воли; проницательны и умеют выстраивать отношения с различными людьми. Данные качества, рассматриваемые во всем мире как инварианты профессионализма, позволяют женщинам занимать верхние ступеньки управления в различных организациях.

3. *«Свободные художники».* Женщины этого типа общительны, смелы, склонны к творчеству, их привлекает нестандартность, они не теряются в неожиданных обстоятельствах, любят соперничество. Из карьерных ориентаций они выбирают предпринимательство. Женщины с такими психологическими характеристиками предпочтительны на административных постах в организациях, деятельность которых связана с конкуренцией и определенным риском, где они смогут преодолевать сложные ситуации и создавать что-то свое, воплощая творческие усилия. Это могут быть сферы СМИ, рекламного бизнеса, моды, туризма.

4. *«Сестры милосердия».* Отличительной чертой этих женщин является карьерная ориентация на служение людям. Для них характерна развитая способность к сочувствию, эмпатия, стремление работать с людьми. Продвижение по служебной лестнице они рассматривают как возможность направлять работу организации в соответствии с собственными ценностями. Добавим, что наибольшее влияние на этих женщин оказали матери. Сферы профессиональной деятельности эти женщины выбирают традиционно «женские»: образование, медицина, культура.

5.*«Жрицы науки».* Эти женщины отличаются аналитичностью, логичностью мышления, эрудированностью. Они уверены в себе, эмоционально стабильны, реалистично настроены, работоспособны, настойчивы в достижении целей, умеют управлять ситуацией. Такие особенности психологического склада личности определили сферу науки как область развития карьеры и способствовали их академическим достижениям. Эти женщины выбирают интеграцию стилей жизни, что позволяет им гармонично сочетать карьеру, семью и саморазвитие.

В целом, анализируя особенности каждой группы, можно сказать, что карьерный успех связан не только с наличием определенных личностных качеств, но в большой степени с органичным их сочетанием с профессиональной направленностью, широкими социальными установками и жизненными ценностями.

Харитонов М.В.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кризис, пережитый Россией в августе 1998, принято называть экономическим. Между тем есть все основания считать, что причины случившегося много глубже и лежат в сфере национальной идеологии. Национальная идеология – это комплекс идей и представлений легитимизирующих действия Государства в лице его властных институтов, а также консолидирующих нацию на достижение поставленной цели. Тип национальной идеологии тесно связан с типом цивилизации.

Исследования в Гарвардской школе бизнеса (1987) показали, что существуют всего два типа цивилизации. В первом из них, традиционном для православно-исламской России человек социализируется, формируется как член некой группы, чаще – ряда групп. Второй тип цивилизации рассматривает одиночного человека как некий строительный материал, из которого формируется государственная целостность.

В общественное сознание на протяжении последних 10–12 лет настойчиво внедрялся целый ряд мифологем, призванный создать иллюзорный образ нынешней власти как рациональной, взвешенной в решениях, смелой. Одновременно формировался облик предшествующей власти как неразумной, иррациональной, пугающей. Между тем есть все основания считать, что уровень иррациональности в обществе за последнее десятилетие только повысился. Это нарастание нерационального в общественном сознании шло одновременно на трех уровнях.

На уровне государства приросту иррационального способствовал тип изменения социальных институтов, выбранный ныне правящей элитой. К.Поппер описал два варианта подобных изменений: (1) институциональный, когда осуществляется гласная и последовательная работа по смене одних управляющих органов другими; (2) авторитарный, когда вождь и его приближенные производят изменения, не информируя социум ни о причинах, ни даже о самом факте подобных изменений.

В России был избран второй путь, неминуемо приводящий, по мнению К.Поппера к обвальному нарастанию иррациональности. На уровне общества иррациональность нарастала вследствие политической борьбы между партиями разной ориентации. В конце 80-х годов так называемым демократам удалось породить массовое недоверие к центральным органам печати, в меньшей мере – к центральному телевидению. В разгар августовского кризиса это обернулось против общества, так как органы СМИ не могли погасить начавшуюся панику.

Способствовал росту иррациональности и разрыв временных и пространственных информационных связей между регионами, замыкание населения на местных проблемах. Искусственная накачка уровня иррациональности осуществлялась органами СМИ за счет перемешивания и уравнивания значимости освещаемых событий, когда, с одной стороны, пустяк раздувался до уровня факта; а с другой стороны, действительно значимое событие подавалось как пустяк, либо вообще замалчивалось.

На уровне индивида тем самым была активизирована внушаемость. Последняя имеет биосоциальное происхождение, поскольку обеспечивала выживание отдельной особи, способной повторить без раздумий и колебаний действия вожака первобытного стада. Исследования показывают, что 15 процентов населения земного шара обладают повышенной внушаемостью, всего же внушаемо 96% людей. Именно поэтому за последние 10–12 лет у отдельно взятого индивида активизировались стадные законы поведения, описанные еще Г.Тардом. Напомним, что главный из них – это иррациональность человеческого поведения в толпе.

Для коррекции сложившегося положения нужна долгая и планомерная работа на всех уровнях: государство, общество, человек. Оздоровление общества возможно лишь при наличии волевого координирующего субъекта. Им может стать как отдельный индивид, так и некая социальная или национальная группа, способная предложить национальную идеологию, соответствующую российскому типу цивилизации.

Шмелева И.А.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

По прошествии многих лет несомненно, что одна из ведущих теоретических проблем, которыми занимался выдающийся отечественный психолог Б.Ф.Ломов, проблема антиципации, выражала и одну из его наиболее ярких способностей как ученого. Щедрость научных идей, предвидение и предсказание многих новых поворотов и направлений отечественной психологической науки до сих пор поражает при обращении к его трудам и исследованиям. Не потеряла актуальность и идея Б.Ф.Ломова о том, что современный этап развития науки требует переосмысления ее категориального и в целом понятийного аппарата.

К числу понятий, исключенных в отечественной психологии из круга основных и настоятельно требовавших переосмысления, им было отнесено и понятие «поведение». В 1984 г. Б.Ф.Ломов отмечал, что после резкой и справедливой критики бихевиоризма понятие исчезло из отече-

ственной психологии, в случаях его использования его содержание трактовалось либо слишком узко, либо слишком широко, и что наступила пора восстановления понятия поведения в правах и определения его места в системе других психологических понятий.

С другой стороны, анализируя отечественные прикладные психологические исследования середины 80-х годов, как наименее изученную, Б.Ф.Ломов выделил относительно самостоятельную область распределения и потребления продуктов труда (общественного и индивидуального). Данная область, отражая взаимосвязь психологии, социологии и экономики, в качестве центральной психологической проблемы выдвигала проблему исследования соотношений между потребностями, интересами и вкусами людей, изучение микропроцессов изменения потребностей под влиянием различных социальных условий и социально-психологических феноменов таких, например, как мода. Специальных исследований, по мнению ученого, требовали такие явления как потребительские отклонения и извращения, неразумные потребности.

Фактически Б.Ф.Ломовым была очерчена принципиально новая для отечественной психологии область – психология потребительского поведения и сформулированы ее основные теоретические и прикладные проблемы. Сегодня, в период «бесконечно» длящегося перехода к рыночной экономике, актуальность и насущная необходимость разработки проблем психологии потребительского поведения очевидна как никогда.

Научная область «поведение потребителей» на пересечении психологии, экономики, социологии и маркетинга существует в США с конца 60-х годов. Психологические исследования играют в ней ведущую роль. Опубликовано много результатов исследований, выпущено большое число учебников, дисциплина изучается в большинстве университетов.

Однако анализ учебников и монографий показывает невозможность, в большинстве случаев, переноса выявленных закономерностей на российскую почву в силу специфики социально-экономических условий нашей страны, этнопсихологических особенностей российских граждан, особенностей российского менталитета.

В последние годы в отечественной прикладной психологии наметился устойчивый интерес к психологии рекламы, сфере, в которой человек-потребитель выступает в роли основного субъекта взаимодействия. Фактически психология рекламы базируется на психологии потребительского поведения, и решение основных теоретических и прикладных задач этой области невозможно без знания основных закономерностей поведения российского потребителя.

Ведущей проблемой здесь выступает проблема принятия решения, поскольку ситуация, включающая неопределенность, предполагающая

несколько возможных исходов является типичной ситуацией в структуре потребительского поведения. И здесь представляется необходимым снова обратиться к трудам Б.Ф.Ломова и его учеников и последователей в области эргономики и инженерной психологии, где к началу 90-х годов был накоплен колоссальный научный и методический потенциал.

Достаточно успешно развивающаяся в последние годы такая прикладная сфера, как психология продаж также базируется на закономерностях психологии потребительского поведения. Однако и здесь однозначный перенос западного опыта приводит к нарушению нравственных и этических норм по отношению к российскому потребителю и усугублению у него диссонансных и негативных эмоциональных состояний.

Таким образом, представляется назревшей и необходимой постановка вопроса о разработке психологии потребительского поведения как самостоятельной прикладной области исследования на базе системного подхода и достижений отечественной психологии.

Шмелева И.А., Петюшкин А.В.

ИСЛЕДОВАНИЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

В исследовании была поставлена задача анализа когнитивных компонентов рекламных сообщений с позиции теории когнитивного диссонанса Л.Фестингера, выявления психологических закономерностей восприятия рекламы потребителем и особенностей эмоционального отношения российских потребителей к наружной рекламе на улицах Санкт-Петербурга. Была разработана и апробирована методика, основу которой составило индивидуальное фокусированное интервью с потенциальными потребителями рекламной продукции, которым последовательно предлагались для восприятия фотомакеты образцов наружной рекламы. В соответствии с теорией когнитивного диссонанса в сознании индивида может возникать психологически противоречивое состояние, вызванное вступлением в рассогласование двух или нескольких когнитивных элементов. Элементами могут быть знания, отношения, мнения и т.д.

Анализ полученных нами результатов показал следующее:

1. Информационное содержание, основная идея рекламы и способы художественной интерпретации и пространственной компоновки отдельных текстовых и изобразительных элементов сообщения зачастую не понятны, чужды или лишены логики для потребителя.

2. Потребитель в большинстве своем по-прежнему придерживается собственного опыта и личных предпочтений в вопросах, касающихся приобретения товаров, независимо впечатления, вызваного у него рекламным сообщением, и переживавшегося состояния в тот момент.

3. Стремление донести идею рекламы до части целевой аудитории часто является причиной того, что другая ее часть, менее многочисленная, оказывается перед выбором: либо не обращать внимания на непонятную рекламу или все же постараться разгадать задумку художника.

Из этого нами был сделан вывод о том, что в процессе просмотра потребителем рекламного сообщения состояние когнитивного диссонанса может возникнуть по причине: (а) логического рассогласования образных и смысловых элементов рекламного сообщения; (б) понятийного и образного содержания рекламы и культурных традиций потребителей; (в) содержания рекламного сообщения и прошлого опыта респондента.

Преобладающее большинство продемонстрированных рекламных образцов вызвало неприятные ассоциации и негативную оценку, а также способствовало возникновению таких отрицательных эмоциональных состояний, как раздражение, недоумение, смущение, и др., что несомненно влечет за собой понижение степени заинтересованности потребителя рекламируемым товаром. Контент-анализ ответов, раскрывающих отношение респондентов к структуре рекламного сообщения, показал, что большая часть внутренних компонентов рекламы непонятна, неприятна потребителю или не может быть принята им в силу определенных причин. Оценки, данные рекламным образцам по методу семантического дифференциала, подтвердили устойчивое негативное отношение респондентов к большинству рекламных образцов. Все это позволило сделать вывод о том, что реклама в России на сегодняшний момент является носителем элементов, приводящих к понижению заинтересованности потребителя товаром и возникновению сильных отрицательных эмоциональных состояний, составляющих основу для формирования у потребителя негативной психологической установки, в конечном итоге влияющей на решение о приобретении товара.

По результатам исследования предложен ряд практических рекомендаций по улучшению технологии разработки рекламных сообщений:

1. При моделировании рекламного сообщения нельзя допускать логического противоречия между компонентами рекламного образца;

2. Общая идея рекламы должна лейтмотивом проходить через все информационное содержание рекламы, нельзя допускать неверного истолкования потребителем того или иного компонента или возникновения негативных, либо не относящихся к тематике рекламы ассоциаций;

3. Необходимо не допускать наличия информационных компонентов, противоречащих общепринятым морально-этическим нормам;

4. Не допускать возможности двойного толкования потребителем значения текстовых элементов и изобразительного материала рекламного сообщения, за исключением случаев, когда это специально предусмотрено для достижения большего эффекта.

Глава 5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Акулина Н.Н.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА И МОТИВАЦИИ НА УСПЕШНОСТЬ УСВОЕНИЯ ЗНАНИЙ

Обучаемость или индивидуальные различия в скорости и качестве усвоения знаний многие психологи объясняют с помощью фактора общего интеллекта или общих умственных способностей. Нами была предпринята попытка изучить влияние общего интеллекта и мотивации на успешность усвоения знаний старшеклассниками.

Работа проводилась в 1995 г. В качестве испытуемых были взяты три группы. Первая группа – одаренные дети, учащиеся 10–11 классов, углубленно изучающие химию в Академической гимназии СПбГУ; вторая – учащиеся 10 класса химической направленности инженерно-технического лицея при институте инженеров железнодорожного транспорта; третья – учащиеся 11 класса общеобразовательной школы.

Диагностика общего интеллекта и мотивации проводилась с помощью теста структуры интеллекта Амтхауэра, теста мотивации достижения Хекхаузена, опросника Энтвистла, адаптированного для старшеклассников Н.Е.Кузьминой, методик В.С.Юркевич по определению уровня и интенсивности познавательной потребности. Для диагностики знаний и умений по химии были использованы химические тесты трех уровней сложности, составленные В.П.Беспалько. Познавательный интерес к химии не диагностировался. Предполагалось, что у учащихся химических классов Академической гимназии и инженерно-технического лицея он явно выражен.

Результаты и обсуждение: 1. Данные исследования структуры интеллекта по методике Амтхауэра показали, что все три выборки отличаются как по уровню, так и по структуре интеллекта. 2. Интеллект учащихся Академической гимназии – интегрированная структура, где основную роль играет как вербальная подструктура, так и невербальная. Интеллект учащихся инженерно-технического лицея и учащихся школы менее интегрированная структура по отношению к классам Академической гимназии. 3. Результаты корреляции между общим интеллектом, мотивацией и успешностью в Академической гимназии подтвердили, что он влияет на успешность обучения ($r=0,47$) и на мотивацию ($r=0,43$).

В инженерно-техническом лицее на успешность влияет техническая и естественно-научная одаренность ($r=0,55$), а также мотивация дости-

жения (r=0,5). В школе интеллект влияет на мотивацию (r=0,60), на успешность влияют только мнемические способности (r=0,56).

Поскольку интеллектуальное развитие идет неравномерно, но под влиянием познавательной потребности, мы сочли необходимым исследовать влияние познавательного интереса на успешность усвоения знаний. Применив множественный регрессионный анализ, мы получили следующие результаты: в Академической гимназии вклад общего интеллекта высок и составил 0,57, а уровня познавательного интереса – 0,16; у учащихся инженерно-технического лицея на успешность влияет только сила познавательного интереса – 0,38; в школе влияет и интенсивность (0,29) и уровень познавательного интереса (0,25).

Алексеева Е.Е.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГОВ И ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Дошкольный возраст характеризуется сильнейшей зависимостью от взрослого и прохождение этого этапа становления личности определяется тем, как складываются отношения ребенка с наиболее референтными для него лицами: родителями и воспитателями. Установленным считается факт, что в основе патогенеза невроза у детей лежит деформация системы отношений развивающейся личности. Начало возникновения невроза чаще всего отмечается в дошкольном возрасте.

Задачей исследования является изучение взаимоотношений детей дошкольного возраста и педагогов с выделением критериев оценки этих взаимоотношений и влияние их на возникновение и протекание невротических расстройств личности детей. Прикладной целью исследования была разработка оптимальных путей психологической коррекции взаимоотношений педагогов и детей. Приемы исследования включали в себя перцептивную оценку ребенком воспитателей методом масок; опрос воспитателей и детей в стандартизированных и нестандартизированных формах интервью, предложенных А.И.Захаровым (1998); метод клинической беседы и наблюдения; проводилась социометрия. Выборка содержала достаточно равномерное распределение по полу – 27 мальчиков и 32 девочки 5–7 лет четырех групп детского сада.

Асимметричность во взаимоотношениях педагогов и детей выражается в «социальном доминировании» педагога. С целью конкретизации отношений испытуемым предлагалась выбрать маску, которая соответствует лицу (ИО воспитателя). Из 49 % воспринимали отношение к одному из своих педагогов как отрицательное доминирование, сопровож-

дая комментариями: «злая», «обижает меня», «очень строгая». Полученные данные можно считать одним из показателей авторитарного стиля руководства. Опрос детей проводился перед прогулкой, чтобы избежать конформных ответов. Детям задавались два вопроса: «Если бы ты мог остаться дома и не ходить в детский сад, что бы ты предпочел – ходить в детский сад или остаться дома?» и «Ты бы захотел, чтобы вместо (ИО воспитателя) у тебя был другой воспитатель или нет?».

Среди 32 детей, которые предпочли бы остаться дома, нас интересовали 6 детей, обозначившие в причинах нежелания ходить в детский сад, отношения к педагогу. 66 % отдали предпочтение при опросе одной из воспитательниц, поясняя свой отказ от взаимоотношений с другой: «злится на детей постоянно», «все время ругается». Из них 5 детей не принимали ни одну из воспитательниц при конфликтном поведении в группе сверстников и нежелании ходить в детский сад. Сами педагоги отмечали проблемы отношениях с 22 детьми. Нами было выделено 10 мальчиков и 19 девочек, нуждающихся в психокоррекционной и психопрофилактической помощи, на основе следующих критериев отбора: (1). Нежелание ходить в детский сад из-за отношений с педагогом. (2). Отказ от взаимоотношений с одним-двумя педагогами. (3). Восприятие ребенком педагога как отрицательно доминирующего.

Нарушения в семейных отношениях выявлены у 89% детей: инверсия ролей с доминированием матери, сибс-конфликты, нарушение полоролевой идентификации, взаимоотношений с матерью (83%). Различные проявления неустойчивости были у 86 % детей, подверженность страхам у 69 %, социальная тревожность у 52 % детей. Нами был проведен цикл коррекционных занятий: «Обида на педагога», консультации родителей, анализ совместно с педагогами причин нарушения взаимоотношений с детьми. Занятия включали подвижные игры для вербального раскрепощения и снятия эмоциональных блоков; беседу в кругу про обиды; проигрывание психотравмирующих ситуаций, где сверстниками предлагались варианты позитивного выхода из сложной ситуации; изотерапию. В конце занятия обиды отправлялись в «мусорное ведро», которое вытряхивалось по инициативе детей в печку к Бабе Яге.

Все это позволяет сделать следующие выводы:

1. У детей, имеющих проблемы во взаимоотношениях с педагогом, в большинстве случаев наблюдаются нервно-психические нарушения. Девочки более чувствительны к взаимоотношениям с педагогом.

2. При нарушениях во взаимоотношениях с педагогом у ребенка имеются нарушения в семейных отношениях, особенно с матерью.

3. Необходимым условием успешности психологической коррекции взаимоотношений педагогов и детей является нормализация семейных отношений и нервно-психического состояния детей.

Англинов К.А.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Социальное проектирование отечественной истории XX века вызвало к жизни потребность научного осмысления сущности человеческой природы и ее педагогичности. Исследования Б.Г.Ананьева (1977) позволили В.И.Гинецинскому (1992) предложить структурные модели индивидных, личностных и субъектных признаков человека как составляющих его индивидуальности. На этой основе появилось новое направление научной систематики – педагогическое проектирование (ПП). Первым в его рамках обозначился теоретический аспект (В.А.Жуков, Е.С.Заир-бек, В.И.Радионов и др.), выявивший внешние и внутренние взаимосвязи элементов и другие атрибуты ПП как научной теории. Однако теоретические разработки и практические инновации оставались параллельными, мало взаимодействующими линиями деятельности, с одной стороны, педагогов-практиков, с другой – ученых персонологов.

К середине 90-х годов разрыв получил зримое проявление. В связи с этим обозначился методологический аспект. Его назначение определялось необходимостью научно обоснованного и практически целесообразного разрешения внутренних противоречий педагогического проектирования типа «теория-практика» (Т-П). Последовательное использование методологического аппарата материалистической диалектики, системного личностно-деятельного подхода позволило выявить основные процессуальные компоненты, позволяющие эффективно разрешать противоречия «Т–П». Оптимальная последовательность методологических построений ПП включила: инфологию, концепцию, технологию и систему управления. Инфология (замещение реальных объектов образами) в объект-субъектных отношениях приводит теоретические абстракции к их предметному определению в моделях определяющих предмет проектирования. Концепция через целезадачные отношения приводит предметные определения к их постметному моделированию.

Полученные таким образом исходное и итоговое состояния индивидуальности позволяют перейти к технологической разработке (разметке). В ее методологическом определении это разметные (структурно-содержательные) схемы и алгоритм функционирования. С

нахождением механизмов трансформации индивидных, личностных и субъектных признаков человека в его индивидуальную целостность педагогическое проектирование обретает фундамент для гарантирования результатов обучения и воспитания. Гарантии эффективности педагогического проекта образуются системой управления. Система управления делает практические действия по преобразованию биофизических, социальных и профессиональных детерминант человека в его целостную индивидуальность измеряемым и воспроизводимым. Регулирование образовательного процесса организационно-методическими отношениями создает определенные методологические инструменты поддержания эффективности педагогической системы на стандартном уровне.

Таким образом, разработка методологического аспекта педагогического направления социального проектирования определяет новый этап в цивилизованном подходе к развитию человека. При этом его актуальность со временем будет только повышаться. Даже если клонирование человека из теоретической гипотезы станет практическим фактом, то формирование homo sapiens все равно останется в области педагогического проектирования. Определяется это очевидной разницей между Энштейном-индивидом и Энштейном-индивидуальностью.

Арбузова Е.Н.

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Увеличение в последнее время количества школ, с учебными программами, рассчитанными на расширение школьниками диапазона знаний, поставило ряд прикладных задач, наиболее важной среди которых является задача наблюдения за эмоциональным фоном школьников, сопровождающим подобные учебные ситуации. Центральным звеном исследования при этом становится эмоциональная напряженность как фактор, в котором находит свое выражение эмоциональное отношение школьника к той или иной учебной ситуации. Можно предположить, что определенный уровень эмоциональной напряженности является своеобразной нормой активности личности. Эмоциональная напряженность при таком подходе проявляется, как правило, в любой ситуации и отражает работу активационных механизмов человека.

Важность исследования уровня эмоциональной напряженности в младшем школьном возрасте в том, что состояние психического дискомфорта нарушает физическое и психическое здоровье человека, понижает жизненный тонус, формирует отрицательные черты личности,

способствует разрушению целостности психики. Исследованная на предмет наличия определенного уровня эмоционального напряжения учебная программа Л.В.Занкова предполагает повышение ее уровня, особенно в начальный период адаптации к школе – в первых классах.

Особое значение для диагностики уровня эмоциональной напряженности имеют отношения личности, формой выражения которых и является эмоциональная напряженность.

Архипова М.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Диагностика, коррекция, консультирование, реабилитация, поддержка, исследование – вот традиционные направления работы школьного психолога с учащимися, их семьями и персоналом школы. Последнее время в обиход вошел термин – сопровождение, который объединил под иной мировоззренческой позицией существовавшие ранее направления.

Ниже речь пойдет о технологии, возникшей в недрах концепции психолого-педагогического сопровождения и практиковавшейся в частной школе Петербурга в течение четырех лет. Эта технология основана на ведении аудиодневников (АУ). Сотрудники школы (учителя, воспитатели и т.д.) в индивидуальном режиме в виде монологов или диалогов друг с другом или психологом наговаривают на магнитофон свои наблюдения и впечатления о конкретных детях, особенностях их поведения, событиях школьной жизни и др. Технология предполагает исключительно добровольное участие желающих работать таким образом сотрудников с сохранением авторства человека, ведущего запись.

В целом АУ – это технология многоуровневой непосредственной и опосредованной работы с личностью и группой. АУ позволяет работать (для авторов – непосредственно, всех других – опосредованно) практически со всеми структурными компонентами и свойствами личности: с когнитивными (убеждения, стереотипы, установки, мировоззрения, профессиональные знания, рефлексивные обобщения, житейские и профессиональные представления и др.); с аффективными (эмоции и чувства, сфера актуальных переживаний, психологические напряжения, стрессы и др.); с конативными (потребности, мотивы, планы деятельности, намерения, постановка и решение профессиональных задач и др.).

Технология АУ предполагает несколько уровней глубины психологической обработки и погружения в тексты. В нашей практике мы пользовались текстами трех уровней. Тексты первого уровня – транскрипты.

Обработанные методом контент-анализа тексты этого уровня предоставляют материал как об особенностях профессионального сознания учителей в целом, так и авторов конкретных записей.

Тексты второго уровня – отредактированные авторами транскрипты. Записи редактируются по определенным правилам, которые позволяют сохранить авторскую лексику и запрещают сокращение текстов по содержанию. Тексты второго уровня обрабатываются методом контент-анализа и ситуационного анализа и позволяют получить, во-первых, психологическую информацию о конкретных детях; во-вторых, психологическую информацию о специфике, особенностях структуры и динамики детских групп; в-третьих, интереснейшие факты, относящиеся к соответствующим периодам детства в целом.

На наш взгляд, одной из сильных сторон АУ-технологии является то, что материалы второго уровня могут ложиться в основу описаний жизни школьников, т.е. особым образом подобранные записи АУ выступают как вариант анамнестического исследования (life history). И если эти спонтанные впечатления разных людей об одном ребенке на протяжении длительного периода времени дополняются еще какими-либо материалами, например, результатами психологического тестирования, продуктами детской деятельности и т.д., то картина получается удивительно объемной. Тексты второго уровня становятся поводом для глубокой рефлексии учителями собственной профессиональной деятельности, и что особенно ценно, это происходит без вмешательства психолога.

Тексты третьего уровня – открытые дневники. Авторы отбирают из текстов второго уровня те, которые могут быть преданы огласке безусловно. Все реальные имена участников зашифровываются. В нашем случае, открытые дневники хранятся в школьной библиотеке на правах рукописи и доступны любому посетителю школы. Они способствуют сохранению преемственности школьных традиций и включению новых сотрудников в русло профессионально-педагогических установок в школе. Накопление описаний реально происходящих стрессовых для учителей ситуаций и выходов из них выполняет определенную психотерапевтическую функцию. В дальнейшем, при аналогичном стечении обстоятельств, уже обнародованный опыт коллег позволяет более трезво и «опытно» взаимодействовать с участниками событий, выйти за рамки данного конкретного случая, взглянуть на него со стороны.

Баранник О.С.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Проблема детской тревожности не потеряла своей актуальности в связи с тем, что тревожность выделяют в качестве фактора, предрасполагающего к неврозам, количество которых растет. В свете проблемы тревожности у детей особое значение приобретает изучение факторов, влияющих на формирование тревожности. Установлен факт, что в значительной степени на уровень тревожности ребенка влияет семья, ее структура и атмосфера, т.к. семья является самым главным социальным окружением ребенка-дошкольника. Но почти нет исследований, посвященных изучению влияния особенностей всех членов семьи в целом.

Таким образом, *целью* исследования, проведенного на базе трех детских садов Санкт-Петербурга, являлось изучение влияния семьи на формирование тревожности у дошкольников. При проведении исследования детей использовались следующие методы: «Цветовой тест отношений», проективные методы «Дом–Дерево–Человек», «Моя семья в образах животных», «Мой страх», а также блок методик для изучения психологической готовности к школе. Для исследования родителей использовались «Самооценочная шкала Спилберга-Ханина» и опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» Марковской.

В исследовании получены следующие результаты. Матери дошкольников в целом проявляют высокий уровень тревожности, а отцы – средний, причем родители девочек более тревожны, чем родители мальчиков. В целом родители дошкольников отличаются повышенным уровнем контроля по отношению к детям, причем больше всего контролируют своих детей отцы мальчиков. Матери более строги и требовательны по отношению к мальчикам, чем к девочкам, зато девочек они гораздо больше контролируют. В семьях дошкольников выявлен высокий уровень конфронтации по вопросам воспитания, причем больше всего разногласий отмечается у отцов девочек. У отцов эмоциональная близость с детьми находится на низком уровне.

У дошкольников выявлен высокий уровень тревожности, причем у девочек уровень социальной тревожности выше, чем у мальчиков. Очень высокий уровень тревожности отмечается у дошкольников в повседневных ситуациях (одевание, уборка игрушек, укладывание спать), что, по-видимому, связано с поведением родителей в этих ситуациях.

В дошкольном возрасте дети чаще всего боятся различных сказочных персонажей, т.е. агрессии, которую символизируют эти герои ри-

сунков. Девочки чаще боятся животных и стихий, а мальчики – темноты, т.е. по сути дети боятся смерти и одиночества. Цвета, используемые в рисунках, свидетельствуют о неблагополучии эмоционального состояния детей, о напряжении, которое они испытывают каждый день.

У дошкольников выражено чувство неполноценности, ощущение незащищенности, тревожность, а также отмечаются трудности общения, причем тревожность и незащищенность больше выражены у девочек, а враждебность, чувство неполноценности, конфликтность и проблемы общения – у мальчиков. Треть детей эмоционально себя не принимают или относятся к себе амбивалентно. Цвета, чаще всего выбираемые для рисования образа себя, свидетельствуют о депрессивном, подавленном состоянии, заблокированности детей и самообесценивании.

К матери большинство дошкольников привязаны и зачастую хотят «владеть» ею единолично, чтобы она всегда была рядом. Маму дети чаще всего воспринимают как внешне мягкую и добрую, а внутренне напряженную и готовую «выпустить коготки» в любой момент. Цветовое исполнение образа матери указывает на чувство страха и недоверия по отношению к ней на фоне достаточно сильной привязанности к ней.

К отцу у детей очень противоречивое отношение, которое колеблется от глубокой привязанности до отвержения. Выбираемые цвета для изображения отца также указывают на отвержение доминантной фигуры отца, на страх перед его вербальной и невербальной агрессией.

В своих братьях и сестрах дошкольники в основном видят источник беспокойства и тревоги, поэтому большинство детей отвергают своих братьев и сестер или относятся к ним амбивалентно, что может быть связано с борьбой за любовь и внимание со стороны родителей.

Баранов А.А.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ УЧАЩИХСЯ ПОСЛЕ СИТУАЦИИ «ЗАЛОЖЕННОГО ВЗРЫВНОГО УСТРОЙСТВА»

Различные проявления асоциальной направленности становятся неотъемлемой чертой текущего этапа развития общественных отношений в нашей стране. К сожалению, увеличение числа подобных фактов наблюдается и в таком государственном институте, как общеобразовательная школа. За последние годы в городе Ижевске спецподразделениям нередко приходилось выезжать на вызовы по поводу заложенной бомбы и подвергать полной эвакуации коллективы ряда школ, а некоторые из них и не по одному разу. Выяснение психологических причин подобных поступков учащихся и разработка профилактических мер по

их предупреждению является актуальной проблемой, требующей безотлагательного решения. Но мы сосредоточили внимание на том, как сказывается феномен «заложенной бомбы» на эмоциональном состоянии школьников начальных классов. Сразу заметим, что представляемые нами данные получены эмпирическим путем – в реальных условиях, но как сопутствующие диагностическому эксперименту.

Индикатором эмоционального состояния в нашем случае служил выбор школьниками одного из трех предложенных схематических рисунков солнышка: грустного, безразличного и веселого. Эта методика разработана на основе схематических изображений эмоций человека, предложенных в работе М.В.Гамезо и И.А.Домашенко (1986), а так же в учебном пособии под редакцией В.Ф.Сафина (1989).

Из данных, полученных в нашем исследовании, следует, что 25% учащихся первых классов переживают негативное эмоциональное состояние, спровоцированное фактом «заложенной бомбы» в течение 2–3 последующих за ним дней. Можно считать, учитывая принцип системности в развитии целостного функционального состояния, что четвертая часть учеников-первоклассников подвергается психотравмирующим воздействиям при каждом подобном случае.

Таким образом, очевидна необходимость специальных программ по коррекции посттравматического эмоционального стресса и их незамедлительному внедрению в практику школьных психологических служб.

Васильков А.М., Иванов С.С.

МЫШЛЕНИЕ И УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Профессионально медицинское мышление – это умственная деятельность врача, обеспечивающая решение диагностических, лечебных, профилактических и других задач путем анализа генезиса и развития заболевания и его этиологических факторов. При этом профессиональная деятельность врача может основываться и на рассудочно-эмпирическом (репродуктивном) мышлении. Врач с репродуктивным типом мышления может быть блестящим исполнителем, но только в типических ситуациях. Нестандартные же случаи требуют нестандартного, творческого мышления. Работа врача требует не рассудочного, а разумного (продуктивного) мышления. Приблизительная модель диагностической деятельности врача имеет два уровня: синдромный и нозологический, который в процессуальном плане представляет собой два последовательных этапа. Реализация деятельности на каждом уровне осуществ-

ляется с помощью мыслительных механизмов суммации и активного поиска.

Гибкое использование мыслительных механизмов зависит от ряда личностно-психологических качеств врача. Наибольшая взаимосвязь успешности обучения у курсантов разных курсов выявлена с уровнем мышления (образное, логическое, репродуктивное, понятийное) и памятью (зрительной и вербальной). Выявленные корреляционные связи успешности обучения с уровнем развития познавательных психических процессов определили различия в успешности обучения в полярных группах в зависимости от психического развития. Различия у курсантов с высокой и низкой успеваемостью по общему интеллектуальному развитию колеблются от 18% до 23%. Наибольшие различия у курсантов с высокой и низкой успеваемостью выявлены по вербальной и зрительной памяти, репродуктивному и понятийному мышлению на 3–6 курсах.

Исследование показало, что в ходе обучения в медицинском ВВУЗе происходит развитие интеллектуальных функций. Наибольший прирост общего интеллектуального развития у курсантов отмечается на 1–3 курсах (на 23%). На более старших курсах прирост общего интеллектуального развития происходит несколько медленнее (в среднем на 13%).

Врачебное мышление представляет собой тесный сплав мыслительных и практических действий в их взаимосвязях и взаимопереходах. Выделяют два интегральных образования врачебного мышления: теоретико-практический и понятийно-образный. Если расхождение между теоретическими и практическими действиями в основном обусловлены просчетами в обучении и недостаточным опытом, то взаимоотношение между понятийным и образным мышлением в значительной мере предопределяются степенью развития первой и второй сигнальной систем и взаимоотношениями между ними.

Проведя анализ структуры интеллекта преподавателей теоретических, терапевтических и хирургических дисциплин, мы пришли к выводу, что наиболее развитой оказалась структура интеллекта у теоретиков. Системообразующим элементом структуры у них является умение проводить аналогии, способность устанавливать логические закономерности, что обеспечивает наибольшую гибкость и подвижность всей познавательной деятельности. Наименее развитыми эти качества оказались у хирургов, деятельность которых во многом алгоритмизирована. Терапевты заняли промежуточное положение.

Можно сделать вывод о детерминирующем влиянии на диагностическое мышление такой характеристики когнитивных процессов, как аналитичность–синтетичность. Поэтому при проведении профессионального психологического отбора кандидатов для обучения в медицин-

ском ВУЗе особое внимание должно уделяться аналитическим и синтетическим характеристикам мышления.

Выявленная закономерность прослеживается при анализе результатов по всем методикам, входящим в батарею интеллектуальных тестов т.е. несмотря на специфику обучения в медицинском ВУЗе происходит совершенствование всех видов мышления и других познавательных психических процессов во время обучения.

Василькова А.П.

ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМПАТИИ С ЛИЧНОСТНЫМИ СВОЙСТВАМИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕДИКОВ

Труд врача – один из наиболее сложных видов профессиональной деятельности. Медицинская практика всегда тесно связана с судьбой человека, его здоровьем и жизнью. Она требует от специалиста не только глубоких профессиональных знаний, но и определенных индивидуально-психологических качеств, одним из которых является эмпатия – способность к постижению эмоциональных состояний другого человека в форме сопереживания, проникновения в его внутренний мир.

Исследование, проведенное с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Кеттелла, позволило выявить некоторые психологические закономерности, характерные для студентов медицинского ВУЗа на различных этапах овладения профессией, а также определить связь эмпатии с различными психологическими свойствами и ее место в структуре личностных свойств будущих врачей.

При проведении сравнительного статистического анализа психологических свойств всех групп испытуемых не было выявлено отчетливой динамики по большинству факторов 16-ФЛО в зависимости от этапа овладения профессией. Однако наблюдаемые изменения, происходящие в личностных характеристиках по мере обучения и приобретения опыта общения в системе «врач-больной», демонстрируют переход от беспечности, расслабленности безмятежного состояния первокурсников к повышенной тревожности, напряженности и большой душевной мягкости третьекурсников и представителей остальной выборки. При изучении соотношения личностных характеристик и уровня эмпатии было определено, что высокоэмпатийные испытуемые демонстрируют мягкость, доброжелательность, стремление к общительности, эмоциональность, интеллект, а низкоэмпатийные – замкнутость, недоброжелательность.

Результаты проведенного корреляционного анализа показали, что связь уровня и степени выраженности эмпатии с коммуникативными

свойствами не является случайной. Фактор А, характеризующий склонность к общительности, коррелирует не только с уровнем и степенью выраженности эмпатии ($p<0.001$), но и практически со всеми ее составляющими (6 корреляционных связей из 7 возможных при $p<0,05$).

Таким образом, анализ всех совокупных данных позволяет сделать вывод, что в структуре личностных качеств эмпатия является ведущим фактором и интегрирует такие показатели, как общительность, душевная мягкость, эмоциональность, интеллект. Высокий показатель уровня эмпатии является прогностичным фактором в определении успешности установления контактов и общения в системе «врач-больной».

Виноградова Г.А.

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗДОРОВЬЕ УЧИТЕЛЕЙ

Педагогическая деятельность входит в группу профессий с большим присутствием стресс-факторов. Она изобилует множеством не только положительных, но и отрицательных эмоций, имеющих свои отличительные особенности: повышенную способность к генерализации по нервному субстрату, длительную задержку метаболических сдвигов на основе гуморальных факторов (адреналин, норадреналин, тираксин, АКТГ и др.). Кроме того педагогические коллективы в большинстве своем женские, а потому в них наблюдается повышенная эмоциональная возбудимость, динамическое заражение настроением друг друга, в том числе отрицательным. Не менее существенную роль в изменениях состояния организма педагогов играет структура личностных свойств. Для лиц, имеющих направленность на педагогическую профессию, характерен особый набор личностных свойств: низкая эмоциональная устойчивость, склонность к чувству вины, тревожность, низкая стрессоустойчивость и т.д. Все эти факторы приводят к возникновению у учителей психосоматических заболеваний, то есть таких заболеваний, при которых одним из этиологических факторов является психотравмирующее переживание, чаще действующее длительно, хронически.

Проведенное нами исследование среди учителей двадцать одной школы показало, что 97% педагогов независимо от возраста больны психосоматическими заболеваниями. Среди заболеваний «лидируют» гипертония и гипотония, неврозы, остеохондроз и язва желудка. Почти каждый (2 из 3) имеет гипертонию или гипотонию. Каждый второй страдает от остеохондроза. В среднем одного педагога из пятнадцати беспокоит язва желудка. Пик заболеваемости приходится на возраст до

тридцати лет. Один человек в большинстве случаев имеет несколько заболеваний. Объяснить это можно, вероятно, следствием проблем начала профессионально-педагогической деятельности, адаптации в этой деятельности и в коллективе, появлением новых социальных ролей.

Полученные данные о состоянии здоровья педагогов настораживают, поскольку психосоматические заболевания влекут за собой и определенные психические изменения. Так, например, психические нарушения, связанные с гипертонической болезнью, могут приводить к затруднениям во взаимоотношениях с окружающими и к конфликтам, которые, в свою очередь, вызывают обострение заболевания. При прогрессировании гипертонической болезни нарастают психоорганические расстройства, которые выражаются в утомляемости, нарушениях памяти, колебаниях настроения. При этом больные становятся обидчивыми, придают большое значение мелким неприятностям, житейским неудачам, склонны фиксировать на них свое внимание.

Таким образом, накопление отрицательных эмоций в ходе педагогической деятельности создает условия для возникновения психосоматических заболеваний у учителей школ. Попав в «ловушку» (отрицательные эмоции – заболевание – психические изменения – отрицательные эмоции) педагог подчас не в состоянии самостоятельно, без помощи врача и психолога, выбраться из нее.

Гайдаржи С.Г., Ковалев Ю.Т.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕНА ВЫБОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Исследование влияния педагогических инноваций на психическое состояние учащихся проводилось в г. Тюмени в течение 1990–1999 годов. Комплексное лонгитюдинальное исследование было проведено в два этапа. *Первый* этап психодиагностики проводился перед началом специализированного обучения для выявления исходного интеллектуального и личностного уровня развития младших школьников. В исследовании участвовали первоклассники, которые начали обучение по традиционной (ТО) и развивающей (по Занкову – РО) программе обучения. Классы сформированы педагогами случайным образом, без учета индивидуальных личностных и интеллектуальных особенностей детей.

На *втором* этапе (окончание обучения в начальном звене школы) изучалась динамика интеллектуальных и личностных показателей, а также – через динамику эмоционального состояния оценивалась психологическая «цена» обучения в выбранной педагогической технологии.

Были использовали данные психодиагностики детей, прошедших оба этапа эксперимента. Классы ТО (5 классов) – 130 человек, РО (5 классов) – 132 ребенка из пяти школ города Тюмени (по одному классу каждого типа). Влияние внешних по отношению к цели исследования факторов, таких как социально-демографические, этно-культурологические и социально-экономические было редуцировано подготовкой однородных по данным факторам выборок. Результаты исследования обрабатывались с помощью стандартных статистических пакетов. Исследовалась статистическая значимость различий, полученных между контрольной и экспериментальной выборками. Обработка полученных результатов показала высокую статистическую достоверность полученных данных.

По возрастным показателям интеллектуального развития между классами ТО и РО выявлено существенное отличие (в РО значимо выше, чем в ТО), соответствующее различиям на стадии формирования этих классов. Собственно динамики развития интеллектуального развития (невербальный компонент) в зависимости от обучающей технологии не выявлено. Предложенные процедуры оценки интеллектуального развития показали свою надежность и прогностичность.

На *первом этапе* исследования выявлены достоверные различия в личностных особенностях школьников. Дети, собранные в классах ТО, оказались более эмоционально устойчивы, более решительны, самоуверенны, слабо организованны. Различий по ситуативным эмоциональным показателям между ТО и РО на первом этапе не выявлено.

На *втором этапе* также выявлены достоверные различия в личностных особенностях развития школьников. Дети в 3-х классах РО стали более эмоционально устойчивы, у них возросла склонность к лидерству, настойчивость, напористость, они стали более беспечными, жизнерадостными. Они стали личностно более рациональными, у них логика стала больше преобладать над чувствами. Они сохранили высокую работоспособность и комфортность эмоционального состояния. У детей в 3-х классах ТО также повысилась эмоциональная устойчивость, уверенность в себе, жизнерадостность, ответственность, добросовестность по сравнению с первым классом. Они стали более рациональными, увеличилась непродуктивная напряженность, утомляемость, возросла непродуктивная активность, резко упала работоспособность. У детей в классах РО значимо усилился вербальный компонент интеллекта по сравнению с детьми классов ТО, у них выше стала ответственность за порученное дело, добросовестность, стойкость моральных принципов. Дети классов ТО превосходят детей РО напористостью, склонностью доминировать, напряженностью, наличием стрессового состояния.

В общепсихологическом контексте полученные результаты могут

быть использованы при модернизации образовательных технологий в целях оптимизации учебного процесса. В прикладном аспекте выявленные закономерности интеллектуального и личностного развития младших школьников могут быть использованы в практике консультирования и психологической помощи при решении коррекционных задач.

Гейжан Н.Ф., Жиров В.М.

ВЛИЯНИЕ ФОРМАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ

Большинство исследований, посвященных формированию социально-психологического климата в группах и коллективах, отмечают ведущую роль формальных и неформальных лидеров, регулирующих взаимоотношения и взаимодействие в группе. Формальный лидер имеет официальные права и ответственность. В нашем исследовании, проведенном в СПбУ МВД России, изучалось влияние младших командиров курсантских подразделений. Выявилось, что формирование СПК учебных групп в условиях подготовки в ведомственном вузе имеет особенности, которые определяются более жесткой иерархией служебных отношений, во-вторых, взаимоотношения в группах более жестко регулируются младшими командирами учебных групп (взводов и отделений).

Прослеживались взаимоотношения формальных лидеров и курсантов в 16 учебных группах. В процессе профессионального отбора абитуриентов было получено более 50 личностных и индивидных характеристик на каждого курсанта, в том числе по методике Р.Б.Кеттелла и социометрии. Повторные срезы проводились в конце первого и второго курса. Выявилось, в частности, что более трети младших командиров, которые в начале первого года обучения оценивались группой, курсовыми офицерами и психологом самыми высокими баллами, практически по всем показателям через год теряли свое влияние. Оценки курсовых офицеров, выборы по социометрическому опросу снижались в два, пять, а по некоторым показателям в десять раз.

Сравнительный анализ причин этой ситуации показал:

1. Развитие взаимоотношений в учебных группах проходит несколько стадий, каждая из которых определяется изменяющимися потребностями курсантов в коммуникациях и профессиональном становлении.

2. По мере снижения неопределенности первоначального периода, адаптации к учебной и служебной деятельности курсанты в меньшей степени нуждаются в авторитарном организаторе. Более высоко начи-

нают цениться служебно-профессиональные качества лидеров. По этой причине меняется оценка прежде успешных формальных лидеров.

3. На каждой стадии развития учебной группы роль формальных лидеров имеет свою специфику. Если лидер не приспосабливается гибко к изменившимся потребностям группы, он, сохраняя свои прежние качества, становится неуспешным. На этом фоне проявляется невротизация личности, усиление попыток решать проблемы более авторитарными методами или проявление эмоциональных реакций.

4. Если формальные лидеры не меняют методов взаимодействия с курсантами, социально-психологический климат ухудшается, что требует смены командиров и целенаправленной деятельности офицеров, преподавателей и психологов по налаживанию взаимоотношений в группах.

Есть основания утверждать, что эти выводы касаются не только младших командиров, но и старших офицеров. В выявленном нами факте проявляется, по-видимому, более широкая закономерность, определяющая связь этапов становления личности и коллектива с новыми потребностями в характере руководства и управления.

Еремеев Б.А.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УЧАЩИХСЯ

При обсуждении развития часто разводят и даже противопоставляют интеллект и культуру. Это может иметь смысл при некоторых условиях. В общем же то и другое суть различные грани личностных проявлений. Интеллект проявляется в связи с определенным предметом, в частности, в познавательной сложности при осознании предмета. Самый общий, генетически первичный показатель такой сложности – это *активный словарь*, или перечень актуальных субъективных категорий.

Интеллектуальный творческий потенциал во взятой предметной области проявляется в приращении познавательной сложности за счет активизации воображения. Естественный эмпирический показатель здесь – *приращение* словаря при фантазировании на заданную тему.

В общем случае культура человека есть обладание социальным опытом. С педагогической точки зрения – это соответствие эталонам, носителями которых для учащихся являются учителя. Поэтому психологический механизм культурного развития учащихся – это уподобление их учителям. Соответственно показателем культуры является *общность* активного словаря у учащегося с эталонным, учительским вариантом.

Коммуникативная культура характеризует включенность в совмест-

ную деятельность: принятие ее условий, учет позиции партнера. У учащегося она проявляется в следовании указаниям учителя. Традиционный показатель здесь – *отсутствие отклонений* от предложенного образца: дисциплинированность, организованность, грамотность.

При диагностике развития в четырех названных отношениях актуальны индивидуальный и групповой уровни обобщения. В первом случае используется лонгитюд, во втором – метод возрастных «срезов».

Межгрупповое сравнение учащихся с 1 по 11 класс дает следующие результаты. Устойчиво растет активный словарь, растет приращение его за счет воображения, растет общность между учащимися и учителями по устойчивому ядру словаря, актуального при ответах на одни и те же вопросы. Причем связь у трех названных показателей с длительностью обучения (с классом) близка к функциональной: коэффициент ранговой корреляции по Спирмену находится в пределах от +0,93 до +0,98. Коммуникативная культура на групповом уровне не связана с образованием. У учителей отклонения от инструкции при оформлении ответов на вопросы более вероятны и многочисленны, чем у младших школьников.

При повторных испытаниях через полгода или год оказывается, что показатели у учащихся изменяются по-разному. Межличностное обобщение сдвигов вскрыло их структуру. Сдвиги по количеству отклонений от инструкции и сдвиги по приращению словаря за счет воображения оказались не связанными с другими. Сдвиги по длине активного словаря и сдвиги по общности индивидуального ответа с эталонным (учительским) ответом коррелирует между собой отрицательно. Коэффициент ранговой корреляции при полугодовом интервале находится в пределах от –0,83 до –0,87, а при годовом – в пределах от –0,61 до –0,68.

В данном случае обобщены материалы, полученные в 1996–99 гг. в трех учебных заведениях: общеобразовательной школе, специализированной языковой школе с пришкольным интернатом и гимназии. Охвачено около полутора тысяч учащихся и свыше 110 учителей. Обобщение полученных данных дает основание для следующих выводов:

1. общий рост интеллекта и культуры с 1 по 11 класс, фиксируемый при сравнении групповых результатов, обеспечивается за счет цикличности индивидуального развития. При вхождении предметную область последовательно сменяются (а) рост познавательной сложности, или «горение», и (б) рост подобия учителю, или «наполнение»;

2. Коммуникативная культура обнаружила свою самостоятельность. Она не зависит от сроков обучения и формы учебного заведения. Это самое слабое звено петербургской школы; здесь учителя для учащихся оказываются «отрицательным образцом»;

3. Суждения педагогов и публицистов о перекосах в развитии современных учащихся могут быть справедливыми в отдельных случаях, но не при характеристике общего положения дел. В общем учащиеся всего лишь уподобляются старшим;

4. Проблемы практической педагогики усугубляются там, где не учитывается естественная динамика «разности потенциалов» между учителем и учащимися: по познавательной сложности, по выраженности творческого начала, по общей и коммуникативной культуре.

Жданова С.Ю.

ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К СТИЛЮ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА

Проблемы стиля имеют давнюю историю, но вместе с тем они сохраняют свою актуальность. Особый интерес в контексте проблем стиля представляет в настоящее время проблема его развития. Один из ее аспектов может быть рассмотрен с точки зрения особенностей освоения деятельности. Приспособление к требованиям деятельности и овладение ею, как отмечает В.Толочек (1998), идут поэтапно. В связи с этим возможно предположить, что существует три способа дальнейшего развития стиля при переходе к обучению в вузе: актуализация раннее усвоенных навыков и их использование в новых условиях обучения; коррекция сформированных навыков применительно к новым условиям обучения и формирование принципиально новых навыков, несвойственных ранее осуществляемой учебной деятельности.

Рассматривая проблему формирования стиля, можно говорить о том, что большинство исследователей в этой области в основном акцент делают либо на изучение индивидуальности человека, породившего стиль, либо анализируют требования той деятельности, в которой он возник. Так, например А.А.Леонтьев (1997) считает, что формирование стиля осуществляется двояким образом: либо путем подражания, «проб и ошибок» на основе поисковой деятельности, либо путем сознательного и произвольного осуществления данной операции на уровне актуального сознания с последующей ее автоматизацией и включением в более сложное действие. Однако следует отметить, что взаимодействие человека с миром предполагает направленность не только на объекты этого мира, в качестве которого может выступать деятельность, но и на конкретного субъекта, опосредующего отношения человека с миром. В связи с этим особый интерес представляет изучение роли других лиц в процессе развития стиля, его функционирования и совершенствования.

Исследования в этой сфере являются крайне малочисленными и касаются в основном стиля в спортивной деятельности. В отношении учебной деятельности данная проблема остается практически неизученной. В связи с этим нами было организовано специальное исследование, целью которого было выявление отношения преподавателей к стилевым проявлениям учебной деятельности студентов. В исследовании приняли участие преподаватели филологического и механико-математического факультетов, а также преподаватели общественных дисциплин общеуниверситетских кафедр (всего 25 человек). В процессе исследования использовался метод экспертных оценок. Студентов каждого курса оценивали 3–5 преподавателей. Вопросы, по которым предлагалось оценить особенности учебной деятельности студентов, были составлены в соответствии с уже известными в литературе приемами и способами учебной работы, а именно: рассматривались особенности ориентировочных, исполнительных действий, степень их развернутости; создание субъектом удобных условий и предпочтения в деятельности. Кроме того, изучались регулярность и систематичность учебной работы, были выделены такие характеристики как активность и самостоятельность.

Анализ результатов позволяет говорить о том, что преподаватели в большей мере ориентированы на исполнительский компонент, характеризующий внешние проявления учебных действий студентов и поэтому является для них наиболее информативным. Так, в своих ответах преподаватели фиксировали: основательно ли подготовлен студент к семинару; при ответе во время семинара или экзамена пользуется ли он знаниями, полученными только из лекций или же использует дополнительную литературу; активно и часто ли выступает на семинаре; при подготовке доклада, реферата ориентирован на один источник или же использует специальную литературу. Кроме того, преподаватели могут делать выводы о систематичности учебной работы студентов на основе регулярного посещения лекций, семинаров и активной работе на них.

Исследование показало, что в наименьшей степени преподавателям удается считывать ориентировочные и контрольные действия, а также такой прием, как создание удобных условий учебной работы. Так, трудности у преподавателей вызвали вопросы о том, сколько времени было затрачено студентом на подготовку к данному занятию, каким образом студент фиксирует лекции – подробно или в виде тезисов.

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о том, что преподаватели способны считывать особенности проявления стиля учебной деятельности студентов, при этом более информативным для них является исполнительский компонент.

Засекина Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Происходят значительные изменения социально-культурной действительности, распад иерархии социальных ценностей. В связи с этим возрастает роль поиска новых подходов к обучению и воспитанию будущих учителей, новых стратегий и технологий переориентации педагогического процесса на человека как самую большую ценность общественного развития. Предпосылки осуществления такого процесса могут возникнуть на основе акмеологического подхода к формированию личности будущего учителя, его профессионально-творческого мышления.

Акмеология (от греческого akme – вершина и logos – познание) – наука, которая изучает психологические закономерности периода зрелости человека, а также достижения им вершин творческой деятельности, самореализации (Н.В.Кузьмина). Впервые понятие акмеологии ввёл в науку Н.А.Рыбников в 1928 г. Благодаря Б.Г.Ананьеву началось становление акмеологии как нового раздела возрастной психологии, который изучает более продуктивный период жизни человека, когда имеет место его творческая реализация. Как отмечает Н.В.Кузьмина, основное задание акмеологии есть снабжение субъекта деятельности знаниями и технологиями, которые обеспечивают формирование профессионально-творческого мышления этого субъекта. Поскольку наше исследование посвящается конструированию технологии формирования профессионально-творческого мышления будущего учителя иностранного языка, оно может быть отнесено к ряду исследований акмеологии.

Теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы о мышлении учителя дали возможность сделать следующие выводы.

1. Профессионально-творческое мышление учителя определяется «сверхзадачей» деятельности, её, которая состоит в том, чтобы, включая ученика в общение, сделать его субъектом этой деятельности.

2. Интегративная система категорий педагогической деятельности, комплексность педагогических целей и разнообразие интеллектуальных операций определяют особенности предметного, процессуально-операционного и целе-мотивационного аспекта мышления.

3. Функции профессионально-творческого мышления учителя иностранного языка разнообразны. Основными из них являются понимание педагогических целей, антиципация, оценка результатов деятельности, языковая рефлексия, языковое прогнозирование и кодирование.

4. Профессионально-творческое мышление учителя имеет многокомпонентную структуру и включает общий, професионально-практический, индивидуально-личностный компоненты.

5. К основным особенностям профессионально-творческого мышления учителя иностранного языка принадлежат: проблематичность мышления; комплексность процесса мышления, которая обусловлена сложностью и разнообразием педагогических целей; конструктивность мышления; самостоятельность, оригинальность мышления, которая определяется новизной ситуации; критичность, которая обусловлена высокой ответственностью, постоянным ростом требований к педагогическому труду; интеллектуальные особенности, влияющие на усвоение специальных лингвистических знаний: интеллектуальная восприимчивость, аналитичность интеллекта, понимание, творческое воображение, доминирование вербального интеллекта.

Иванов Е.С.

МЕЖДУНАРОДНОЯ КЛАССИФИКАЦИЯ В КЛЮЧЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

За последние десятилетия в мировой психиатрии произошли концептуальные изменения. Выражением этих изменений является МКБ–10. Появились новые термины, которые уже вошли или входят в специальную и медицинскую психологию. В новой классификации реализовано антинозологическое направление. Понятие «психическое заболевание» отсутствует. Оно заменено термином «расстройство» и представлено в основном психопатологическими синдромами и даже симптомами. Для такого подхода есть серьезные основания. Крепилиновский нозологизм, просуществовавший более 100 лет, уходит в историю.

В классификации отсутствует традиционное деление на неврозы и психозы, но сохранено понятие «невротическое расстройство» очень широко понимаемое и содержащее около 30 наименований (вместо традиционных трех форм неврозов). Критерии для такого объединения не очень четкие. Однако следует вспомнить И.М.Балинского, который возражал против деления заболеваний мозга на нервные и душевные.

В рассматриваемой классификации есть рубрика, объединяющая более 19 наименований – «Поведенческие и эмоциональные расстройства начинающиеся в детском и подростковом возрасте». В эту рубрику включены: гиперкинетические расстройства, расстройства социального поведения, расстройства социального поведения ограниченные рамками семьи, неорганический энурез, заикание, поедание несъедобного в дет-

ском возрасте, мутизм и др. Видимо расстройства, представленные в этой рубрике, объединяет их функциональная природа.

Близкой по патогенезу являются расстройства, объединяемые рубрикой – «Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами». В частности сюда включены: нарушения сна неорганической природы (бессонница, гиперсомния, расстройства режима сна и бодрствования, ночные ужасы, кошмары), синдромы расстройства приема пищи, синдромы половой дисфункции и др.

Как и следовало ожидать, термин олигофрения, продержавшийся с 1915 года и термины обозначавшие три степени олигофрении уходят в историю. Утверждается термин «умственная отсталость» и четыре (а не три) степени умственной отсталости. Кроме того, в этой рубрике значится «Другая умственная отсталость» и «Неуточненная умственная отсталость». Очень ограниченная информация о формах умственной отсталости (генетических, хромосомных др.) имеется только во введении к этой рубрике. Создатели ее пишут, что «адекватная систематика умственной отсталости нуждается в специальной разработке». Масштабно в новой классификации представлена деменция. Эта рубрика содержит 14 терминологических наименований обозначающих формы деменции.

В МКБ–10 отсутствует понятие «Задержка психического развития». В рубрике «Нарушения психологического развития» оно подменено формулой «Специфические расстройства развития школьных навыков», которые включают: специфические расстройства чтения, спелленгования, счета и синдромы – другие расстройства школьных навыков, расстройство развития школьных навыков неуточненное. Создается впечатление, что у нас в России задержки психического развития более четко определены и разработаны. В этой же рубрике рассматриваются специфические расстройства речи: расстройства артикуляции, экспрессивной речи, расстройства рецептивной речи, приобретенная афазия (синдром Ландау-Клеффнера), «другие расстройства речи», «расстройства речи неуточненные». В отечественной логопедии, невропатологии и психиатрии учение о расстройствах речи (даже в терминологии) во многом расходится с МКБ–10. Рубрика «Нарушения психологического развития» имеет семь подразделов. Каждый из подразделов состоит из большого количества традиционных терминов (часть этих терминов имеет иное содержание) и новых терминов. Эта общая закономерность, касающаяся всех 10 рубрик новой классификации.

Чтобы не оказаться в изоляции и чтобы было взаипонимание, надо найти консенсус между традиционным и тем, что содержит МКБ–10.

Казанская В.Г.

СУБЪЕКТНЫЙ ОПЫТ ШКОЛЬНИКА КАК ОСНОВА ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Несмотря на кажущуюся очевидность и традиционность изучения отдельных сторон субъектного опыта школьника (готовность к обучению, знания и умственное развитие, неуспеваемость и т.д., – Е.Н.Кабанова-Меллер, Н.С.Менчинская, И.С.Якиманская и др.), до сих пор не выяснены структура и механизмы процесса его образования.

Исследование субъектного опыта школьника, проводимые под нашим руководством в школе № 5 г. Гатчины Ленинградской области, опираются на концепцию онтогенеза и жизненного пути личности Б.Г.Ананьева. Мы полагали, что субъектный опыт ученика включает в себя психофизиологические (индивидные), личностные и деятельностные свойства, а также характеризует избирательный, активный характер его учения и обусловливает отношения с окружающими.

Он формирует индивидуальность ученика в учении только при определенных условиях: не только в максимальном учете индивидных и личностных особенностей, но и в построении обучения на основе индивидуальных корректив учебных программ. Однако следует иметь ввиду, что в обучении должны быть сохранены базальные, требуемые государственным стандартом, знания, умения и навыки. Таким образом, предметные программы по обучению гомогенных групп учеников должны быть вариативными, потому что они максимально учитывают субъектный опыт школьника и особенности учителя. Субъектный опыт в этом случае становится содержательно-процессуальной характеристикой индивидуальности в учебной деятельности.

Доказательством этого являются разработанные М.А.Вишталюк, Е.Н.Салтыковой и И.С.Хомутниковой в контексте личностноориентированного обучения карты индивидуально-психического развития на протяжении всего школьного обучения. Вектор этого психического развития – от индивидных особенностей субъектного опыта к творческому проявлению индивидуальности в профессии.

Калмыкова И.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИГРЫ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ

Объем общечеловеческих знаний о мире увеличивается с такой скоростью, что происходит обесценивание знаний, полученных человеком

не только в средней, но и в высшей школе. В связи с этим я считаю целесообразным разработку и применение новых программ, целью которых является активизация познавательных процессов и развитие творческих способностей учащихся. Одну из таких программ я разработала в 1995 г. и применяю на практике на базе Харьковской областной санаторной школы-интерната для детей больных диабетом.

Теоретически данная программа опирается на концепцию гуманистической теории личности, признающей приоритет творческой стороны в человеке. А.Маслоу указывал, что творчество является наиболее универсальной чертой людей, которых он изучал или наблюдал. Описывая ее как неотъемлемое свойство природы человека, он рассматривал творчество, как черту потенциально присущую всем от рождения.

Б.М.Теплов в работе «Способность и одаренность» указывает на то, что способность не может возникнуть вне соответствующей конкретной деятельности. Занятия, на которых построена программа, в качестве основной используют игровую деятельность. Это вызвано необходимостью создания и закрепления эмоционально положительного настроения во время решения задач, направленных на развитие мышления.

Программа составлена на основании учебно-методического материала по возрастной и педагогической психологии Е.В.Заики, рекомендованного кафедрой психологии ХГУ в 1992 г. Программа состоит из 12 занятий, которые проводятся с группой 9–12 человек один раз в неделю в течение 40 минут после проведения психодиагностики с учетом полученных данных. Большинство игр являются авторскими разработками.

В связи с тем, что программа была использована на базе Харьковской областной санаторной школы-интерната для детей больных сахарным диабетом, по объективным причинам невозможно было точно рассчитать число упражнений, которые входили бы в занятия так, чтобы соблюдался временной регламент – 40 мин. Поэтому в программу были включены небольшие сказки, рассказы, которые либо дополняли занятия, либо проводились вместо занятий (по состоянию детей). Однако в любом случае на занятии проводились краткие упражнения, направленные на развитие мышления, а так же работа с текстовым материалом («Рассказы для детей» Л.Н.Толстого). По окончании тренинга детям была предложена необычная задача, написать музыку на стихи любимого поэта. Все дети успешно справились с поставленным заданием, став авторами новых песен (никто из детей ранее не обучался в музыкальных классах). Отметим, что про связь музыкальных способностей и развития интеллекта человечеству известно со времен Пифагора.

В настоящем перед моим исследованием поставлены следующую вопросы: влияет ли разработанная программа на развитие творческих

способностей в области изобразительного искусства; не является положительный результат особенностью детей, больных сахарным диабетом.

Киреева Н.Н., Матвеев В.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА У СТУДЕНТОВ

Понятие когнитивного стиля первоначально было введено в качестве глобального психологического параметра, трактуемого как «стиль изучения реальности». В более узком смысле данный термин использовался для описания особого рода индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности. Анализ сложившихся к началу 80-х гг. дефиниций показывает, что когнитивный стиль можно определить как способы восприятия, мышления и действия субъекта, задающие индивидуально устойчивые и в этом смысле личностные характеристики решения познавательных задач в разных ситуациях.

Понятие акцентуации характера означает дисгармоничность развития характера, чрезмерную выраженность отдельных его черт, что обусловливает уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняет ее адаптацию в некоторых специфических ситуациях.

Задача нашего исследования состояла в выявлении взаимосвязи проявлений той и другой характеристики. Обследованы 41 студент старших курсов СПбГУ, для чего использовались тест Г.Шмишека для диагностики акцентуации характера; тест Дж.Кагана для диагностики стилевого параметра «импульсивность–рефлексивность»; тест Дж.Р.Струпа для диагностики ригидности-гибкости познавательного контроля; тест свободной сортировки (вариант В.Колги) для диагностики узости–широты диапазона эквивалентности.

Интерпретация полученных результатов позволяют утверждать:

1. Определенному типу акцентуаций характера свойственны определенные особенности когнитивных стилей. Подтверждением тому являются различия в значениях фиксировавшихся показателей, которые являются индикатором своеобразия когнитивного функционирования.

2. Когнитивные стили типа акцентуации зависят от преобладающих черт данного типа. Например, высокая интерференция при педантичном типе; большое количество ошибок в тесте Дж.Кагана у эмотивного типа и малое – у застревающего, «синтетичность» гипертимного типа.

3. Для противоположных типов акцентуаций характерны более существенные различия в когнитивных стилях. Например, импульсивность эмотивного типа – рефлексивность застревающего типа.

4. В рамках данного исследования не смогло найти подтверждения предположение о том, что большая выраженность акцентуации характера будет обуславливать большее своеобразие стилевых особенностей. Это связано с тем, что подавляющее большинство испытуемых имело скрытую форму акцентуаций, сила которой была примерно одинаковой.

В наших данных нашло подтверждение положение о том, что устойчивые индивидуальные особенности познавательной активности (когнитивный стиль) согласуются с особенностями характера человека.

Колеченко А. К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛЕ

Можно выделить основные виды психологического обеспечения:

I. Исследование. Исследовательская деятельность включает в себя: 1) психодиагностику; 2) исследовательско-экспериментальную работу; 3) экспертизу коммуникативной культуры педагогов; 4) психологический анализ урока; 5) психолого-медико-педагогический консилиум.

II. Помощь. Психологическая помощь учащимся в школе оказывается только первичная. Психолог не занимается лечением глубоких проблем, когда требуется длительное вмешательство узких специалистов. Выделяются виды помощи: 1) психопрофилактика; 2) психологическое консультирование; 3) психологическая коррекция; 4) психотерапия; 5) психологическая реабилитация; 6) психологическое развитие.

III. Организация. Организаторская деятельность включает в себя такие основные мероприятия: 1) информация; 2) психологическое обеспечение педагогического совета; 3) психологическое обеспечение психолого-медико-педагогического консилиума; 4) организация родительских конференций, родительских групп поддержки и т.п.

IV. Обучение психологии по следующим направлениям: 1) познание себя и управление собой; 2) общеучебные умения; 3) социальная компетентность; 4) подготовка к карьере; 5) формирование семьянина.

V. Познание. Изучение работы школьных психологов показало, что они должны постоянно участвовать в повышении своей квалификации, участвовать в работе методических семинаров по освоению передового психолого-педагогического опыта в образовательном учреждении.

Принципы психологического обеспечения сводятся к следующему:

1. Психологическое обеспечение должно способствовать гуманизации педагогического процесса в школе.

2. Комплексность психологического обеспечения включает в себя обеспечение индивида, субъекта деятельности/личности/в итоге индивидуальности. Кроме этого под комплексностью понимается обеспечение ученика, педагогов, родителей и педагогических технологий.

3. Первичное психологическое обеспечение направлено на всех учащихся. Диагностическая, профилактическая работа по наиболее важным проблемам проводится со всеми учащимися.

4. Обеспечение должно быть спланировано на 11 лет.

5. Обеспечение должно быть последовательным, гибким, адаптироваться к потребностям школы, конкретных учеников.

6. Оно является частью всего педагогического процесса в школе.

7. В обеспечении участвует весь школьный персонал, родители. Центральной фигурой в психологическом обеспечение является психолог.

8. В педагогический процесс включаются различные занятия по психологии, которые распространяются на всех учащихся.

9. Индивидуальное планирование – для всех учащихся составляется непрерывный индивидуальный, систематический план.

Кудрявцева Е.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ПРОЦЕСС ОСВОЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Опора на предложенный Л.С.Выготским подход, определяющий письменную речь как высшую фазу развития знаково-символической функции, позволяет рассматривать текст, как особый знак, имеющий отличительные черты. Впервые подобную трактовку текста предложили Н.Л.Мусхелишвили и Ю.А.Шрейдер (1997). Они указали на то, что текст не является интеграцией знаков предыдущего уровня (слов и предложений), а представляет собой цельное знаковое образование, значением которого служит тот образ, который субъект выражает в тексте.

Проведенное нами исследование учащихся вторых–третьих классов показало, что процесс формирования письменной речи на начальных этапах происходит за счет развития механизмов реорганизации ментальных образов, выражающихся в возможности их развертки в конкретную структуру. Эта структура соответствует одной из четырех когнитивных схем построения текста (фрейм, скрипт, схема истории, схема комментария). Процесс реорганизации связан с направленностью мотивации субъекта на содержание ментального образа (рефлексивная ориентация), на продукт (нормативная ориентация) или на коммуникативную задачу (коммуникативная ориентация). Конкретная мотивационная

ориентация предполагает как направление реорганизации образной структуры (развертка или редукция), так и уровень преобразований текста (орфографическая или текстовая коррекция).

Выраженная нормативная ориентация приводит к ограничениям в использовании когнитивных схем построения текста даже в тех случаях, когда эти схемы освоены в устной речи или в импрессивном варианте письменной речи. Выявленное когнитивное сдерживание выражается в тенденции к использованию самых простых вариантов знаков каждого знакового уровня (элементарные предметные изображения в рисовании, тексты простой семантико-синтаксической структуры).

Четыре вида когнитивных схем, используемых как модели построения текста, лежат в основе текстов четырех типов: текстов-перечислений, текстов-уточнений, текстов-объяснений и текстов-доказательств. Схема сцены (фрейм) позволяет описать объект через перечисление открытого набора фрагментов, связь между которыми устанавливается произвольно. Текст, созданный на базе фрейма, состоит из простых распространенных предложений, степень семантической связности которых может быть различной. Схема события (скрипт) позволяет описать действие через строго заданный набор предикаций (время, место, субъект, итог). Текст, созданный на основе скрипта, отличается жесткой структурой и компактностью; предложения текста семантически связаны, а их количество строго ограничено (3–5). Схема истории позволяет составить описание последовательности действий через набор движущих сил, который может быть открытым (схема обычной истории) или заданным (схема волшебной сказки). Текст, созданный на базе схемы истории, отличается большим объемом и предикативной стереотипией, создающей впечатление лексической избыточности при семантической простоте. Предложения в тексте семантически связаны, их число превышает 10. Схема комментария, выделенная в нашем исследовании в качестве самостоятельной когнитивной схемы, позволяет описать рефлексию продуцентом самого коммуникативного процесса посредством оценочной предикации. Текст, созданный на базе схемы комментария, отличается большим объемом и сложной семантической организацией, производит впечатление законченного произведения.

Анализ диапазона когнитивных схем, освоение которых является возрастной нормой, позволяет понять, почему многие учащиеся начальных классов имеют большие трудности в обучении. Выявленная особенность ментальной сферы, названная когнитивным дефицитом, блокирует пониманит учащимися сложных текстов. В частности, тексты учебных задач представляют собой текст-уточнение или текст-объяснение, а по-

пытки прочитать их как текст-перечисление приводят к неверному их пониманию, а, следовательно к ошибочному решению.

Рассмотрение процесса формирования письменной речи как процесса перенесения когнитивного опыта из другой семиотической системы, представляющей предыдущий этап развития знаково-символической функции, в новое семиотическое пространство позволяет обосновать динамику эмпирических показателей, отражающих изменение не только синтаксической, но и семантической структуры текста в процессе формирования письменной речи у младших школьников.

Курганский Н.А., Федорова Л.К.

О ВЛИЯНИИ ОБУЧЕНИЯ НА УМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Взаимосвязь между школьным обучением и интеллектуальным развитием традиционно рассматривается как одна из центральных проблем психологической науки. При этом более изученным оказывается направление, где интеллект выступает в роли фактора успешности обучения, а анализ дифференцированного влияния особенностей обучения на интеллектуальное развитие, отходит как бы в тень.

Одной из причин последнего, по крайней мере в нашей стране, до недавнего времени можно было считать отсутствие необходимого инструментария для отслеживания умственного развития учащихся. Существовавшие же критерии умственного развития были весьма разнородны и использовались разными авторами весьма произвольно, на что в свое время указывал Б.Г.Ананьев (1977), считавший, что поскольку системы школьного обучения, предлагаемые Д.Б.Элькониным, В.В.Давыдовым и др., значительно отличаются друг от друга, суждение об их сравнительной ценности по главному эффекту – влиянию обучения на умственное развитие детей – не может быть достаточно обоснованным без применения одних и тех же психодиагностических средств. Мы можем только присоединиться к точке зрения Б.Г.Ананьева, полагавшего, что для определения эффективности обучения явно недостаточно показателей успешности обучения по уровню знаний, навыков и умений.

Современная психология позволяет говорить о существовании единого сущностного уровня психического развития, по отношению к которому особенности знаний, умений и навыков, особенности психических процессов и способностей выступают как его отдельные видимые проявления. Одним из центральных в психологии становится понятие о репрезентативных когнитивных структурах, т.е. внутренних психологических структурах, которые складываются в процессе жизни и обучения в

голове человека и в которых представлена сложившаяся у него картина мира, общества и себя самого. При формировании таких структур различные информационные потоки сопоставляются друг с другом в самых разных отношениях и аспектах, обобщается и дифференцируется, входят в разные цепочки причинно-следственных связей, обусловливая эффективность образовательного процесса и развитие интеллекта.

Разработанный авторами публикации (совместно с И.М.Дашковым и Н.А.Батуриным) диагностический комплекс из восьми независимых тестовых батарей для измерения уровня и структуры интеллекта предоставляет возможность отслеживать динамику умственного развития школьников с учетом особенностей образовательного процесса в различных школах и учебных группах. Некоторые исследования в этом направлении уже проведены. Они показали, что различные профили обучения не только предъявляют разные требования к структуре интеллекта учащихся, но и сами оказывают существенное влияние на когнитивные структуры, вовлекая в процесс усвоения знаний и умений и тем самым возвышая одни интеллектуальные функции и ослабляя за счет недостаточной вовлеченности другие.

Кутейников А.Н.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧАЕМОСТИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Анализ литературы, посвященной диагностике обучаемости, показывает, что наиболее продуктивно данная проблема разрабатывается специалистами ленинградской психологической школе. Это представляется закономерным, так как начало указанному направлению положили работы Б.Г.Ананьева, давшего развернутую трактовку этого явления и предложившего методы его диагностики. Б.Г.Ананьев подчеркнул, что обучаемость характеризуется ростом готовности к дальнейшему обучению и выявляется в приростах, сдвигах успешности.

Наше исследование посвящено обучаемости иностранному языку, являющейся частным случаем общей обучаемости. Предметом нашего исследования являются личностные детерминанты обучаемости, т.е. свойства личности, способные выполнять функцию прогнозирования успешности обучения иностранному языку (в структуру личности мы, согласно А.Г.Ковалеву и К.К.Платонову, включили показатели темперамента, характерологических черт и способностей).

Для диагностики обучаемости широкое применение нашло тестирование: измерение показателей успешности на этапах начального и ко-

нечного срезов, разделенных фазой психолого-педагогического воздействия. Наше исследование предполагало измерение исходного уровня лингвистической успешности, проведение формирующего эксперимента и измерение конечного уровня лингвистической успешности. В качестве психолого-педагогического воздействия применялся тренинг развития мнемических навыков, состоявший из набора практических упражнений, ориентированных на развитие памяти и обучение приемам продуктивного запоминания. В контрольной группе стимульное воздействие не применялось: ее показатели использовались лишь для констатации факта, что сдвиг успешности в экспериментальной группе возник в результате стимульного воздействия, а не был обусловлен другими факторами. Вместе с тем были исследованы структура темперамента (ОСТ В.М.Русалова) и показатели личностных черт (16PF).

В результате стимульного воздействия было зафиксировано повышение уровня лингвистической успешности. По результатам расслоения выборки было выделено три уровня обучаемости языку: высокий (с высоким приростом успешности), средний (с менее значительным приростом) и низкий (с минимальным, нулевым и отрицательным приростом).

Типологический анализ показал, что представители каждой из выделенных групп отличаются определенными свойствами личности (темперамента и личностных черт), что позволяет соотнести выделенные свойства со значимыми для изучения иностранного языка качествами. Было установлено, что представители высокого уровня обучаемости характеризуются высокими показателями социальной пластичности, социального темпа, темпа и социальной эмоциональности. Для них характерны высокие значения по факторам B, G, Q_1, Q_3 и низкие – по фактору O. Представители низкого уровня обучаемости характеризуются противоположными показателями по всем указанным выше параметрам.

Анализ результатов исследования позволил прийти к следующему выводу: уровень выраженности определенных показателей темперамента и личностных черт имеет количественное и качественное различие у студентов разных уровней обучаемости, что может выполнять в отношении обучаемости иностранному языку прогностическую функцию.

Лиознова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И ОБЩЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Особенности нервной системы влияют на стиль различных видов деятельности. Причем, чем жестче требования этой деятельности, тем

более сильное влияние свойств нервной системы мы наблюдаем. В своих развитых формах человеческое общение является гибким процессом, ориентированным на многообразие свойств партнера. Однако в младшем школьном возрасте в силу несформированности ряда личностных структур (таких, как адекватная самооценка, интернальность, осознанность и т.д.) субъект общения находится лишь в стадии своего начального развития. Поэтому мы предположили, что свойства нервной системы могут сказаться на результатах общения младшего школьника.

Для выяснения этих влияний было (совместно с Е.Жуковой) проведено измерение силы нервной системы (методом теппинг-теста), подвижности (методика «Сложение с переключением») и уравновешенности (методика «Отмеривание временных интервалов») нервных процессов у учащихся 1–3 классов. Полученные данные сопоставлялись с результатами социометрии как показателя результативности социальной адаптации (выделялись три группы успешности адаптации).

Анализ полученных данных показал, что успешность выполнения тэппинг-теста увеличивается с возрастом от 1 к 11 классу (для сравнения по данному показателю были дополнительно взяты учащиеся 10–11 классов). Мы относим это как за счет увеличения силы нервной системы (ее устойчивости к внешним раздражителям), так и за счет роста организованности детей, умения собраться в короткий период. Сравнение успешности выполнения тэппинг-теста с успешностью общения показывает, что как в начальной, так и в старшей школе наиболее успешны дети с сильной нервной системой. Но более слабая нервная система не является абсолютным препятствием для успешного общения: в начальной школе наиболее слабая нервная система у детей со средней успешностью, причем влияние этого фактора уменьшается после 2-го класса.

Подвижность нервной системы по нашим данным также растет с возрастом от 1 к 3 классу. Анализ связи подвижности с успешностью общения показал, что во всех возрастах начальной школы наиболее успешны в общении дети с подвижной нервной системой и наименее успешны – с низкой подвижностью. Также в начальной школе с возрастом растут проявления уравновешенности. Максимальная успешность общения наблюдается у наиболее уравновешенных детей. Это общая тенденция для начальной школы (однако она не выполняется во 2 классе). Наиболее явная связь уравновешенности и успешности общения наблюдается в 1-м классе (там неуравновешенные дети наименее успешны).

Поскольку известно, что в начальной школе на результат общения со сверстниками сильно влияют сложившиеся отношения с учителем, которые формируются и проявляются в связи с успешностью обучения, нас заинтересовали тенденции связи исследованных свойств нервной

системы с успешностью обучения. Было установлено, что дети со слабой нервной системой во всех возрастах начальной школы имеют более низкие показатели успеваемости (это особенно сильно выражено в 1-м классе).

Из полученных данных можно сделать следующие выводы:

- от 7 до 10 лет происходит активное созревание нервной системы, что ведет к улучшению результатов выполнения методик на силу, подвижность и уравновешенность нервной системы;
- традиционная программа обучения детей во всех возрастах начальной школы ставит в более выгодные условия детей с сильной, уравновешенной и подвижной нервной системой;
- сильные, уравновешенные и подвижные дети имеют преимущества в результативности общения со сверстниками, особенно в 1-м классе. В начальной школе влияние этого фактора ослабевает;
- социальная самооценка имеет общую тенденцию к занижению, и ее адекватность растет от 7 до 17 лет нелинейно;
- тип темперамента влияет на адекватность самооценки, создавая различные условия для социальной адаптации детей в начальной школе.

Таким образом, можно сказать, что свойства нервной системы оказывают влияние на развитие субъекта общения в младшем школьном возрасте, что необходимо учитывать учителю в его работе.

Ляхович Н.В.

СЕМЬЯ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКА

В семье люди заботятся друг о друге, формируя атмосферу любви и привязанности, делятся радостями, переживаниями, воспитывают детей. Какие же представления о семье сложились у нынешних школьников, какими они видят себя, свою семью в будущем? Вопросы задавались 200 школьникам в возрасте от 14 до 17 лет.

Опрос показал, что большинство из всех опрошенных – 47% – считают, что вступать в брак надо в период между 21–23 годами, причем 69% девушек предпочитают супруга на 3–5 лет старше, а юноши считают, что супруга должна быть одного возраста с ними. Типичная современная семья (папа, мама и ребёнок) не выполняет всех своих функций. Известно, что для простого замещения родительского поколения на 100 брачных пар должно рождаться не менее 265 детей. В 70-х годах семья состояла из 2–4 человека. Сейчас, судя по всему, эта цифра ещё меньше. Современные школьники (74% опрошенных) считают, что в семье

должны быть два ребёнка, юноши (7%) ответили, что можно обойтись без детей, у девушек таких ответов не было.

Мы знаем, что раньше во главе семьи стоял мужчина. Его первейшей обязанностью было обеспечивать семью. Обязанность жены – блюсти очаг, рожать и растить детей, сохранять верность мужу. Резкие социальные перемены привели к гибели патриархальной семьи. Наш закон признаёт за супругами равные права, равные обязанности, равную ответственность. По свидетельству социологов теперь люди довольно часто характеризуют свою семью как семью без главы.

Сейчас многие мужчины, предлагая женщине «руку и сердце», не имеют в виду, что они будут экономически содержать жену. Думается, что сейчас глава семьи – это уже не глава «по закону», а лидер, т.е. человек, чьё психологическое влияние признаётся добровольно. Так кто же должен быть главой семьи по мнению наших учеников? Юноши: муж – 35%, жена – 0%, биархат – 65%; девушки: муж – 23 %, жена – 4%, биархат – 73%. Современные школьники в редких случаях хотят видеть главой семьи женщину, для них предпочтительнее «биархальная» семья.

Семейная жизнь требует обуздания крайностей характера, сознания ответственности, взаимной снисходительности и терпимости к ошибкам, умения приспосабливаться друг к другу. Семейная жизнь не обходится без конфликтов. Что же думают опрошенные, кто должен быть инициатором разрешения конфликтов в семье? Юноши: муж – 53%, жена – 6%, родственники – 6%, оба – 12%, у нас не будет конфликтов – 23%. Девушки: муж – 27%, жена – 15%, родственники – 0%, оба – 27%, у нас не будет конфликтов – 31%. Таким образом, большинство считает, что первый шаг навстречу друг другу должен делать мужчина.

Учащимся был задан и такой вопрос: «Хотели бы вы перенять опыт в семейных отношениях у своих родителей?». Ответы распределились следующим образом. Юноши: да – 17%, нет – 35%, частично – 48%. Девушки: да – 4%, нет – 54%, частично – 42%. Учащимся предложили из множества ответов выбрать те, которые наиболее подходят под определения «хорошая жена» и «хороший муж». Интересно, что мнения юношей и девушек почти совпали. Хороший муж должен, во-первых, любить жену, во-вторых, любить детей, в-третьих, понимать жену, считаясь с её мнением. На 4-м месте девушки предпочли, чтобы хороший муж не употреблял спиртного, а юноши – чтобы хорошо зарабатывал. На 5-м месте – хороший муж должен заботиться о семье. Какой же должна быть хорошая жена? Мнения совпали по 4-м пунктам. И юноши и девушки отмечают, что хорошая жена должна: 1) любить мужа; 2) быть доброй, ласковой, нежной; 3) понимать и уважать интересы мужа; 4) много заниматься воспитанием детей. По 5-му пункту мнения разде-

лились. Девушки считают, что хорошая жена должна уметь вкусно готовить, а юноши – что она должна быть здоровой.

Итак, по мнению современных школьников, семья должна состоять из 4-х человек (папа, мама, 2 ребёнка) и быть «биархальной». В семейных конфликтах мужчина первый делает шаг к примирению и в идеале обладает следующими чертами: любящий и понимающий жену и детей, заботящийся о благе всей семьи, хорошо зарабатывающий и непьющий. Идеальная жена, по мнению школьников, – женщина, любящая мужа, понимающая и уважающая его интересы, умеющая хорошо готовить, добрая, ласковая, нежная, здоровая и много времени отдающая детям.

Марищук В.Л.

ВОПРОСЫ УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И УМСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Умственное развитие, рассматриваемое как определенное состояние, характеризуется объемом накопленных знаний и умениями оперировать этими знаниями – осуществлять анализ, синтез, сравнения, обобщения, абстрагирование, классификацию и систематизацию различной информации. Исходя из диалектического положения о переходе количественных изменений в качественные, накопление знаний, важных методических положений и др. должно предопределять развитие способностей к эффективному осуществлению мыслительных операций. Но в реальной жизни такое случается далеко не всегда. Известны многочисленные случаи как в школьной, так и в вузовской практике, когда человек предельно наполнен разносторонними общими и специальными знаниями, но является беспомощным на практике. Ему не достает потребных умений.

В связи с вышеизложенным, можно напомнить, что еще И.Г.Песталоци различал умственное образование (рассматриваемое в контексте умственного воспитания) и умственное развитие. Нам представляется, что термин «умственное воспитание» более приемлем, чем «умственное образование». Во-первых, любое образование не может быть «не умственным». Во-вторых, поскольку формируются соответствующие убеждения и привычки поведения, то следовательно, речь идет именно об умственном воспитании (убеждения и привычки поведения относятся к прерогативам воспитания, а не обучения или образования). С другой стороны, умственное воспитание имеет своим итогом достижение определенного уровня умственного развития. Таким образом, умственное воспитание органически включает в себя не только процесс накопления знаний в виде фактов, концепций и др., но и усвоение необ-

ходимых алгоритмов мыслительных действий, умений оперировать аргументами, применять знания в практической деятельности.

В то же время и умственное воспитание, и умственное развитие (рассматриваемое как процесс) безусловно включает в себя также и накопление потребной учебной информации (фактов, заключений и др.), которые переходят в новое, более высокое качество в том случае, когда одновременно с ними усваиваются приемы их анализа, обобщения, систематизации, т.е. построения определенных систем.

В экспериментах, проведенных нами совместно с Н.В.Романенко, Л.В.Марищук и А.О.Фиалко-Ваграновым, несколько сотен абитуриентов, студентов разных вузов и курсантов высшего военного учебного заведения были проанкетированы специальным опросником, отражающим познания в объеме программы образовательной школы (общая осведомленность). Затем было осуществлено тестирование с помощью референтного теста Равена и нескольких других методик, характеризующих логичность, критичность мышления, способность к ассоциациям. Интеркорреляционный анализ результатов анкетирования и тестирования показал естественную зависимость между ними, но не столь высокую, как хотелось (всего на уровне $r = 0{,}30–0{,}41$).

В военном учебном заведении был организован формирующий эксперимент, в ходе которого курсантам давалась практика в решении задач на анализ, классификацию и систематизацию учебного материала, принятие решений о способах его реализации в последующей военно-профессиональной деятельности. Повторное обследование через семестр показало, что экспериментальные группы лучше выполнили психологические тесты, характеризующие логичность и критичность мышления ($P<0{,}05$). Корреляции между показателями этих тестов и результатами заданий на общую осведомленность выросли до $r = 0{,}40–0{,}52$.

Таким образом, имеется подтверждение целесообразности обучения алгоритмам мыслительных операций, что будет в русле умственного воспитания и достижения более высокого уровня умственного развития.

Марищук Л.В.

О СПЕЦИАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

По вопросу о способностях к овладению иностранным языком, иноязычной речью однозначного ответа пока еще нет. Представления о грамматических, стилистических и ряде других способностей, рассматриваемых в психологии обучения иностранным языкам, сводятся к

оценке преимущественно накопленных знаний, соответствующих навыков и умений, но ведь это не способности, это в лучшем случае предпосылки к их развитию. Кроме того, следует различать достаточно высокий уровень рассматриваемых способностей (например, у полиглотов) и вполне умеренные способности к овладению обычной программой обучения в общеобразовательной школе и неязыковом вузе. Интеркорреляционный анализ показывает, что у школьников, курсантов, обладающих развитыми общими способностями, имеются значимые связи между оценками по всем учебным дисциплинам, а у студентов, профессионально освоивших иностранный язык, таких связей нет.

Важно определить, кого целесообразно обучать иностранному языку как специальности, а кого просто в плане ознакомления с иностранной лексикой. Таким образом, вопрос о специальных языковых способностях прямо касается и специальных языковых вузов. В наших исследованиях разработаны и апробированы соответствующие психодиагностические методики. В смысле прогноза успешности овладения языком данные методики могут быть лишь вероятностными. Прогноз неуспешности выше и связан с низкими общими способностями к обучению.

По материалам проведенных исследований, способности к овладению и школьной, и вузовской (в неязыковых вузах) программой по иностранному языку определяются прежде всего мотивацией к его изучению (r=0,49–0,52), достаточным прилежанием, а в военно-учебных заведениях также и дисциплинированностью (r=0,45), умениями организовывать самостоятельную познавательную деятельность (r=0,50). Это при вполне средних показателях развития памяти, внимания, мышления.

Было выявлено, что успешность освоения иноязычной лексики связана такими показателями, как общие способности (r=0,60–0,70), развитие оперативной памяти (r=0,40–0,50); ассоциативного мышления (r=0,39) и др. Значимая связь с отметками по иностранному языку определилась также с показателями эмоциональной возбудимости (r=0,40), чувствительностью нервной системы (r=0,32), развитием чувства ритма (r=0,39). Успехи в изучении иностранного языка в вузах вероятностно совпадают со школьными отметками по родному языку (r=0,48–0,63).

При овладении иноязычной речью, помимо высокой значимости мотивации, организованности в учебной работе, развития ряда высокозначимых психических процессов, в том числе памяти, мышления, чувства ритма и др., очень большое значение, как показали наши эксперименты, имеет эмоциональный фон передачи лексической информации. Нами трижды в разных экспериментах были получены необычные на первый взгляд сведения. Более высокие показатели запоминания иноязычной лексики определились не только при положительных, но и при негатив-

ных эмоциях, отражающих неудовольствие учащихся самим процессом многократного повторения лексических единиц. При выражении безразличия к проводимому эксперименту всегда определялись более низкие результаты, чем в случаях негативных эмоций.

Мартынова А.В.

ОБУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В ШКОЛЕ

Предлагаемая система работы с учащимися в этом направлении основана на положении, что одним из эффективных приемов, используемых в психологии (практической), являются разнообразные формы активного социально-психологического обучения. Групповая работа продуктивна для личностного развития и интеллектуальных изменений подростков, т.к. отвечает насущным потребностям возраста, соответствует внутренним механизмам, определяющим развитие в этот период.

Первая встреча с учащимися происходит в 7 классе, т.к. в этом возрасте, когда проблема выбора профессии и подготовки к ней становится актуальной, учащиеся начинают более серьезно задумываться о готовности к трудовой деятельности, пытаются оценить свои психологические и психофизиологические «ресурсы». На этом этапе проводится профдиагностика с использованием методик ДДО, «Карта интересов» и др. Затем – индивидуальные беседы с учащимися, родителями, педагогами с обсуждением результатов и рекомендациями. На базе этих данных оказывается помощь в выборе предметов для углубленного изучения с учетом индивидуальных интересов и способностей.

Вторая встреча – 8 класс. Основная задача – адаптация к новым условиям и создание команды. Теоретический блок содержит основные сведения о темпераменте, характере, способностях, представление о структуре личности, понятие об одаренности. Практический блок знакомит с особенностями самопознания, самовоспитания, саморегуляции, отрабатываются коммуникативные умения.

Следующая встреча – 9 класс, который занимает особое место в системе школьного обучения. Во-первых, это заключительный этап получения неполного среднего образования, что обеспечивает успешное осуществление ближайших жизненных перспектив. Во-вторых, это начало самоопределения личностного и профессионального. После окончания 9 класса современному подростку необходимо сделать первичный профессиональный выбор или продолжить свое обучение. Как в первом, так и во втором случае подростку необходимо определить направление своего дальнейшего пути и собственные возможности к этому.

Исходя из этого, предлагается теоретическое информирование на более глубоком уровне, чем в предыдущем классе (знакомство с требованиями, предъявляемыми к человеку профессиями и определение путей самовоспитания в соответствии с личностными интересами, склонностями, знакомство с основами трудового законодательства). Практический блок предполагает развитие навыков самоанализа и анализа личностных свойств одноклассников, самооценки. Формулируются рекомендации по развитию и профессиональному самовоспитанию.

Четвертая встреча – 10 класс. Основы взаимодействия с элементами тренинга. Феномен парного взаимодействия, формы группового общения, обратная связь, проблема оценки, условия установления контакта между людьми, партнерская дискуссия, аргументация своей позиции, разрешение конфликтов, социально-психологическое взаимодействие в семье, стратегия родительского воспитания.

Пятая встреча – 11 класс: 1) планирование жизненного пути и профессиональное самоопределение. Информация об учебных заведениях города, выбор альтернативы при неудаче, постановка целей и путей их достижения, основные положения закона о труде; 2) визуальная психодиагностика. Психологические различия полов, возрастные особенности, типы людей и их характерные отличия, темперамент и его внешние проявления, невербальное поведение человека, получение психологической информации, психологическое наблюдение личности.

Обобщая данные исследования по эффективности данной программы можно утверждать, что психологическая подготовка позволяет решать следующие задачи: ориентация в мире профессий, осознание возможностей реализации своих индивидуальных особенностей, видение альтернативных путей достижения поставленных перед собой целей, помощь в планировании будущей профессиональной деятельности.

Меньщикова А.Л.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Ценностные ориентации – одна из важнейших характеристик личности. Ценностные ориентации (ЦО) выражают сознательное отношение человека к социальной действительности, определяют мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его жизнедеятельности. Юношеский и подростковый возраст является наиболее благоприятным периодом для образования ЦО как устойчивого свойства личности. Материалом для анализа ЦО подростков послужили результа-

ты анкетного опроса, который является частью проекта кросскультурного исследования чувства беззащитности, развернутого факультетом социальных наук университета Куопио (Финляндия). В опросе участвовали подростки г. Пскова, всего опрошено 315 человек в возрасте от 13 до 17 лет: учащиеся школ (251), трех ПТУ (45), а также 19 трудных подростков, временно находившихся в детском приемнике-распределителе.

Для определения содержания типов ЦО мы использовали факторный анализ, позволяющий выделить ряд обобщенных факторов, упорядоченных по убыванию их собственных чисел. Факторизации подверглись следующие параметры: самоуважение, интересная приключенческая жизнь, безопасность России, зрелая в половом и духовном смыслах любовь, красота природы и искусства, мир на земле, материальное благополучие, счастье, спасение и вечная жизнь, безопасность семьи, внутреннее равновесие, мудрость жизни, общественное уважение, собственная безопасность, здоровье, свободное время, незагрязненная природа.

Эти показатели были подвергнуты корреляционному анализу, затем полученная корреляционная матрица подверглась факторизации, при этом выделились шесть факторов. Название фактору дается по ведущему параметру, который определяется большим весом. На основе предложенной обработки и анализа данных мы получили типологию ценностных ориентаций учащихся, отличающихся по содержанию системы входящих в них ценностей: удовольствие, безопасность, свобода. А также дополнительные типы ценностных ориентаций: равноправие, интересная приключенческая жизнь, самоуважение.

Анализ содержательной стороны иерархической структуры ЦО, выделение на основе взаимосвязанных ценностей факторов (типов), сравнение их со структурой ценностей, характерной для учащихся 1985–1988 гг. позволяет нам сделать заключение об изменении значимости ценностных ориентаций, важных для становления социальной и гражданской зрелости молодежи. Прежде всего изменилось отношение к работе и ориентации на интересную работу, как раз в тот период, когда они теоретически становятся ведущим видом деятельности. Показатель «работа» входит в 1 и 2 факторы с незначительным весом, корреляционный анализ также показывает небольшое количество взаимосвязей (слабых) с другими ценностями. Настоящая дружба и товарищество также не являются для современных школьников ведущими в системе ценностных ориентаций. На смену этим важным для становления личности ценностям пришли другие, такие как удовольствие и приятная жизнь, материальное благополучие, богатство, свободное время, свобода, которые 10 лет назад считались второстепенными.

Работникам образования необходимо принять во внимание данный факт с целью предупреждения дальнейшей деформации ценностей подростков, которые будут определять их активную жизненную позицию, направленность на определенный род занятий, который может стать разрушительным как для личности, так и для общества в целом. Но вселяет надежду то, что не изменились за эти 10 лет абсолютные ценности – мир на Земле и безопасность России, они по-прежнему доминируют в системе ценностей подростков, отражая базовые потребности человека в безопасности как основное условие существования каждого.

Москвичева Н.Л.

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Семья занимает особое место в системе ценностных ориентаций личности в силу уникальности ее роли в реализации многообразных личностных потребностей. Процесс формирования ценностных отношений личности к семье и интеграции их в единую систему ценностных ориентаций берет начало в родительской семье, в условиях определенной модели родительских взаимоотношений. Впоследствии сильное влияние на него начинают оказывать ценностные структуры референтных групп. Изучение отношения молодежи к семье, формировавшегося в условиях усиливающейся дифференциации общества и противоречивого общественного сознания, представляет актуальный научный интерес и позволяет прогнозировать развитие этого института.

Целью проведенного исследования являлось изучение положения ценности «семья» в системе терминальных ценностей студентов и анализ типичных представлений студентов о семье. Иерархия терминальных ценностей определялась по методике М.Рокича, а представления о семье исследовались в два этапа. На предварительном этапе использовались проективные техники (модифицированный вариант методики незаконченных предложений, свободные ассоциации), позволяющие выявить те характеристики, которые, по мнению личности, являются наиболее важными для описания понятия «семья». Контент-анализ эмпирического материала по категориям, выделенным в результате обобщения научной психологической литературы по семье, привел к выявлению четырех основных типов представлений. В основном исследовании полученные данные были переработаны в закрытые вопросы. Объектом исследования выступили студенты СПбГУ в возрасте 19–21 года, не имевшие опыта собственной супружеской жизни.

В общей иерархии терминальных ценностей студентов «счастливая семейная жизнь» оказалась в срединной зоне ценностей, в не актуализированных в сознании, значительно уступая таким ценностям как «любовь», «уверенность в себе», «хорошие и верные друзья», «здоровье» и др., вместе с тем важнейшим результатом мы считаем высокую поляризованность мнений респондентов в отношении семьи. Около 10% опрошенных поставили ценность «семья» безусловно на 1 место.

Выделены следующие типичные представления о семье:

1. Теплый, уютный круг общения, взаимопонимание, безусловное принятие (ассоциативные образы респондентов: круглый стол, изобилие, беседа в мягких креслах вокруг камина); – 40,4% студентов;
2. Единый естественный организм, сообщество помогающих друг другу родственников (муравейник, дерево с корнями и кроной) – 19,9%;
3. Убежище от внешнего мира (крепость, норка) – 24,8%;
4. Взаимная ответственность членов семьи (чистый лист бумаги, где фиксируются все позитивные и негативные события) – 14,1%.

Представления о семье достоверно связаны с полом респондентов. Женщинам более близок образ «теплый круг общения» и «убежище», а у мужчин значительно чаще встречается представление о семье как «организме». Обнаружены тесные корреляционные связи образа семьи с типом родительской семьи студентов. У студентов, родители которых пережили развод, значительно чаще встречается образ «взаимная ответственность». Студенты, выросшие в семьях, где один из родителей умер, и неполных семьях, чаще выбирают представление о семье как «теплом круге общения». Образ семьи связан с некоторыми чертами личности. Для студентов с высоким уровнем тревожности характерно представление о семье как «убежище» и «взаимной ответственности». При этом последнее чаще встречается у личностей с высоким уровнем субъективного контроля (интерналов), а образ «убежище» более близок экстерналам.

Новоселов В.Н.

ОБ ИЗУЧЕНИИ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ УЧАЩИХСЯ

Изучение феномена манипуляции важно именно в наше время, когда страна резко вошла в рыночные отношения, отказавшись от привычных духовных ценностей, не обретя новых. Разлагающее воздействие массовой культуры, возрастающая коммерциализация жизни подталкивают

россиян к борьбе за выживание любыми способами. «Вечный» феномен манипулирования получает особо благоприятные условия для развития.

В 1994–1998 гг. нами было проведено изучение манипулятивных установок у петербургских школьников, в котором приняло участие 708 учащихся в возрасте 10–16 лет трех петербургских школ. Для изучения степени выраженности манипулятивных установок использовался, состоящий из 20 утверждений, детский вариант опросника макиавеллизма Р.Кристи (где манипулирование и макиавеллизм – синонимы), переведенный на русский язык С.Л.Братченко и модифицированный нами.

Минимальные средние показатели по шкале манипулирования – 8,1 были получены среди учащихся 10 лет. Постепенно средние значения манипулятивных установок возрастают и достигают уровня – 12,1 у четырнадцатилетних учащихся. В пятнадцать лет мы видим тот же показатель – 12,1, а в шестнадцать достигается максимальный уровень выраженности манипулятивных установок – 12,6. Среди десятилетних ребят нет ни одного, кто был бы «большим манипулятором», то есть набрал бы по опроснику баллы от 14 и выше. При этом 31% учеников этого возраста имеют низкие показатели (0–6 баллов) по шкале манипулирования. Прямо противоположные данные получены у шестнадцатилетних школьников. Каждый третий получил баллы от 14 до 20 и лишь 2% учащихся этого возраста получили баллы 0 до 6.

Таким образом, проявилась очевидная тенденция к росту манипулятивных установок учащихся петербургских школ от 10 до 16 лет включительно. Такая тенденция в основном совпадает с тенденцией выявленной в ходе исследования американских психологов. На американской выборке пик манипулятивности был достигнут в 14 лет, а затем наступил определенный спад. У нас в 15 лет произошло лишь замедление роста манипулятивных установок учащихся.

Данные, полученные нами в ходе изучения манипулятивных установок, совпадают с теоретическими представлениями о том, что в процессе социализации учащиеся, постепенно наращивая свой коммуникативный потенциал, наращивают и манипулятивные составляющие. При этом, авторитарная педагогическая система подкрепляет ситуативно эффективные установки и техники. Интересным представляется сравнение показателей учащихся специализированных, обычных и коррекционных классов. Наиболее высокие показатели манипулирования были получены у учащихся прошедших конкурсный отбор и обучающихся в специализированных классах. Несколько ниже были показатели учащихся коррекционных классов и самые низкие показатели были в обычных классах. Вероятно, такое распределение результатов свидетельству-

ет о том, что школьники, поставленные в условия острой конкурентной борьбы, более склонны к развитию манипулятивных установок.

Исключительно большое значение в исследовании мы придавали результатам работы экспертов педагогов и экспертов учащихся. Педагоги ранжировали учащихся тех классов, в которых они работали, по признаку манипулятивного поведения. Эксперты-педагоги практически безошибочно ставили в верхнюю часть списка учащихся, получивших высокие баллы по шкале манипулирования. Сопоставление данных опросника и результатов ранжирования позволяет предположить, что шкала для диагностики манипулятивных установок, позволяет выявлять учащихся с явно выраженным манипулятивным поведением.

Постдиагностическая работа с учащимися-манипуляторами показала, что возраст 10–11 лет является благоприятным для профилактики и предупреждения развития манипулятивных установок и поведения. Учащимся с ярко выраженными манипулятивными установками и поведением противопоказаны бихевиоральные тренинги коммуникативных умений, так как они только усовершенствуют инструмент манипулятивного воздействия. Действительное снижение манипулятивных проявлений достигается при использовании индивидуальных и групповых методов психокоррекции и терапии с нравственной доминантой. Небольшой опыт работы с учащимися манипуляторами показал определенную эффективность рациональной терапии.

Первицкая А.А.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБУЧЕНИЯ

Целью данной работы стало выявление особенностей совместной работы шведов и россиян в международной бизнес-школе. В качестве методов данного исследования были выбраны включенное наблюдение в сочетании с интервью и контент-анализом документов. Остановимся на следующих аспектах международного обучения: интерактивность, сравнительный анализ российского и шведского стилей преподавания, отношение ко времени и контракту, отношения внутри бизнес-школы.

1. Интерактивное обучение подразумевает интенсивное взаимодействие преподавателя и учащегося. Ответственность за обучение преподаватель делит с учащимися посредством включения их в дискуссии, выступления, работы с поступающей информацией.

2. Мы провели сравнительный анализ стиля преподавания шведов и россиян (на основе высказываний участников и анализа программ кур-

сов). Основные тенденции в преподавании российских лекторов: академичность, обобщенность материала, большой объем курсов, сложность изложения, ориентация на передачу информации, стремление научить, убедить, традиционность. Основные тенденции в преподавании западных лекторов: использование практических примеров, конкретность материала, разбиение материала на модули, наглядность изложения, ориентация на взаимодействие с учащимися, методы командной работы. Независимо от культурной составляющей наиболее эффективный стиль преподавания обладает такими характеристиками, как профессионализм, сочетание теории и практики, использование реальных фактов, хорошая организация материала, уважение к слушателям, академичность. Хотелось бы отметить шведскую установку супервизоров по отношению к своим подопечным: «Я доступен. Если учащемуся нужна моя консультация, то он меня найдет». Российские супервизоры относятся к этому несколько иначе: «Я за него отвечаю. Куда же он пропал?»

3. В шведской школе бизнеса наряду с методом командной работы введен такой способ оценки успеваемости, когда каждый участник команды получает тот же бал, что и вся команда. В соответствие с нашим исследованием, командная оценка свидетельствует не столько об умении и способности решать проблемы, сколько об умении организовать совместный поиск решения, правильно распределить роли, координировать процесс. Этот способ оценки вызывает споры среди учеников. На наш взгляд, это связано с тем, что опыт учебы в школе и в высшем учебном заведении формирует представление, что оценивается индивидуальная работа, а здесь акцент смещен на групповую работу.

4. Контракт – это документ, в котором оговариваются условия взаимодействия сторон. В представлении шведов подписание контракта дает обеим сторонам определенные гарантии. В представлении русских подписание контракта – это еще только начало переговоров о его выполнении. В повседневной работе русские склонны действовать спонтанно и ориентироваться на взаимодействие с ближним, а шведы – следовать инструкциям.

Как шведы относятся к своим русским коллегам (с точки зрения русских): с недоверием, что проявляется в усиленном контроле (подробное объяснение каждого поручения, подробные отчеты); снисходительно, ведут себя с позиции учителей, предполагая свою большую компетентность в умении вести работу (письменные и устные рекомендации); считают их (не всегда) недостаточно организованными (сами начинают заниматься организацией повседневной работы); признают среди них профессионалов; считают их трудолюбивыми, выносливыми и исполнительными (оставляют просьбы и поручения на выходные).

Как русские относятся к своим шведским коллегам: с легкой иронией (дают им имена или прозвища между собой); стараются избегать дополнительных рабочих контактов; ограждают от некоторых реалий; испытывают недовольство как реакцию на «снисходительность» шведов.

Результаты данного исследования могут оказаться полезными для формирования кросс-культурного тренинга, например, для уезжающих за границу учиться или работать россиян.

Петанова Е.И.

ПРОГРАММА ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Необходимость в обучении личностному развитию, точному обозначению цели и нахождению адекватных методов достижения этих целей можно считать важными составляющими профессионального становления психолога-практика. В связи с этим курс или специальная дисциплина, знакомящая с концептуальными и практическими схемами развития определенных личностных качеств или гармонизация аспектов личности, обязательна в рамках психологического образования. Однако, как и во всяком обучении, только приобретение определенных навыков в методичной работе по достижению определенных проявлений личностного роста может помочь сделать эти абстрактные знания практически работающими. Эти задачи, с нашей точки зрения, оптимально решаются посредством составления индивидуальных программ личностного роста.

Изучение индивидуальной этапной направленности в развитии личности проведено на 62 студентах (58 девушки и 4 юноши 20-21 года), учащихся четвертого курса факультета педагогики и психологии ЛГОУ.

После ознакомления с идеями классиков психологии о целях, задачах и способах развития личности (в лекционно-практическом курсе) студентами были самостоятельно составлены программы, ориентированные на решение наиболее актуальных для них задач посредством психологических упражнений. Анализ указанных в программах коррекционных задач позволяет сделать следующее обобщение. У 16 из 62 (26%) наиболее значимыми оказались потребности в снижении уровня в ситуационной и фоновой тревожности, стремление к уравновешенности в переживаниях и поведенческих проявлениях эмоций. Методы, посредством которых они намеривались достигнуть желаемого состояния, были преимущественно релаксационные психомышечной техники, медитационные приемы с элементами самогипноза.

Следующую по популярности позицию занимают задачи, связанные с развитием в себе чувства уверенности в своих силах – 18%. Способы достижения в этом случае преимущественно сводились к когнитивно-поведенческим программам и освоению ролевого поведения.

Далее по частоте в целях коррекции указывались следующие задачи: стремление к личностной гармонии посредством осознания диалектики в конфликтных взаимоотношениях субличностей; стремление к адекватному восприятию себя, достижение конгруэнтности идеального и реального образа своего «Я»; улучшение отношений со значимыми близкими. Эти цели оказались главными для личностного развития у 8 % студентов. Наиболее задействованными в этих целях в студенческих программах оказались модификации известных по литературе техник из психосинтеза и гештальт-терапии. Индивидуальность в осознании того, что необходимо для развития себя как личности проявилось в обозначении таких целей, как: развить воображение и интуицию; развить волю, самодисциплину, организованность и ответственность; научиться позитивно относиться к критике; улучшить свое самочувствие; актуализировать в себе качества, соотносимые с индивидуальным образом женщины; избавиться от вредных привычек (каждая из перечисленных целей не превышала 3% популярности в данной группе). Несколько программ (4 из 62) посвящены работе с переживаниями страха смерти.

С нашей точки зрения, решающим фактором в успешности обеспечения личностного благополучия и развития является поисковая активность студентов, деятельно использующих свои знания, навыки и умения в организации личностного и профессионального становления.

Петанова Е.И., Красавина Т.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПСИХОГЕНИЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В последние годы резко увеличилось обращение родителей к школьному психологу в связи с постоянными интенсивными страхами и устойчивой тревожностью у учащихся младших классов. Психологические исследования этих детей свидетельствуют о значительном нервно-психическом напряжении. Возросло количество соматически ослабленных детей. Такая удручающая ситуация может быть объяснима непосильными учебными нагрузками и напряженным ритмом в школьной деятельности. Однако риск возникновения психогенных расстройств увеличивается при наличии одного или нескольких из следующего ряда факторов, создающих благоприятную почву для развития психогении:

биологический фактор (тип конституции и темперамент); нейродинамический (минимальная мозговая дисфункция, нарушения нервной системы); социальный фактор (дисгармония воспитания, эмоциальная депривация, педагогическая запущенность); личностный фактор (патохарактерологическое формирование личности ребенка). Между тем раннее выявление нарушений в психологических состояниях и поведении способствует эффективной профилактике и коррекции психогении.

В современной практической психологии основное внимание уделяется психокоррекции и психотерапии уже возникших расстройств, в то время как у школьных психологов есть возможность профилактики нарушений еще на ранних стадиях их проявления.

Нами было разработано и проведено экспериментальное исследование эффективности воздействия специальных упражнений и психологических игр на позитивное изменение психологического состояния младших школьников. Исследование проводилось на двадцати учащихся третьего класса сельской школы Киришского района.

По результатам наблюдения и контрольного тестирования было показано, что разработанная нами программа позволила устранить ситуационные нарушения состояния и поведения и имела позитивное влияние на личностное развитие детей, что отражено в результатах выполнения детьми проективных методик.

Пинчук Н.В.

ШКОЛЬНЫЙ ШУМ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Существуют многочисленные исследования, выявляющие воздействия шума на человека, большинство из них посвящено шуму техногенного характера. Однако существуют шумы и другого происхождения, оказывающие весьма существенное влияние на психику человека. Имеются исследования, в которых работники офисов и магазинов находятся под влиянием средних уровней шума 50 дБ (А) (Nemecek, Sust), при которых уже возникают нежелательные воздействия, особенно в случае выполнения испытуемыми когнитивных задач (Sust).

Разнообразные шумы, связанные с процессом обучения оказывает постоянное воздействие на педагогов школы. Соответственно у учителей школы формируется определенное отношение к постоянно воздействующему на них шуму, а с ним и отношение к тем, кто производит этот шум. Задачей исследования стало изучение личностных характеристик педагогов в связи с их отношением к различным школьным шумам

и его динамика в связи со стажем работы в школе, преподаваемым предметом, доминирующей ориентацией перцептивной сферы.

В качестве объекта исследования выступали учителя средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Возраст педагогов от 22 до 68 лет, исследуемые учителя (60 человек) являются преподавателями младшего, среднего и старшего звена школы по различным предметам со стажем работы в школе от нескольких месяцев до 48 лет.

На начальном этапе осуществлялась запись естественных школьных шумов: шум школы во время урока, шум детей на перемене, шум в классе во время урока. После соответствующей обработки и компоновки была сформирована мастер-запись для предъявления аудитории. На кассету также был добавлен шум моря как образец для сравнения, заведомо не вызывающий негативного отношения. В соответствии с рядом цветовых предпочтений по М.Люшеру была проведена оценка степени неприятности шумов по цветовому тесту отношений в зависимости от порядкового номера цвета в выборе испытуемого.

Шум школы во время урока был воспринят большинством педагогов как «рабочий» шум безотносительно к стажу работы в школе. Шум детей на перемене для учителей со стажем более 10 лет из неприятного переходит в безразличный. Шум типа – скрежет мела, «бубнение» в классе – при небольшом стаже может быть как приятным, так и безразличным, но с возрастом начинает все больше досаждать. Шум моря был воспринят большинством как наиболее приятный и приятный (67%).

Наибольший процент среди исследуемых учителей составляют представители доминирующей аудиальной сферы восприятия (71%). Для этой группы в 60% случаев самым неприятным является шум перемены, на втором месте – шум школы во время уроков. Испытуемым, с ведущей визуальной репрезентативной системой (16%), наиболее неприятен шум скрежета мела, а затем шум перемены. Остальные 13% исследуемых относятся к синтетическому типу по доминирующей модальности и демонстрируют неудовлетворенность шумом школы во время урока.

Интересным фактом исследования является также то, что 71% исследуемых отождествляют предъявляемый шум с возрастом детей, которых они обучают. Наличие такой взаимосвязи говорит, прежде всего, об отрицательном восприятии педагогами возрастного периода своих обучаемых, т.е. этот возраст, также как и шум, является обременительным для педагогов в силу постоянного общения с ним. В ходе анализа полученных данных выявлена взаимосвязь между восприятием шума и преподаваемой педагогом дисциплиной. Преподавателям блока гуманитарных дисциплин наряду с шумом перемены неприятен скрежет мела о доску, а учителям блока естественных наук – только шум перемены.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что школьный шум оказывает негативное воздействие на педагогов школы, что свидетельствует об актуальности выявления путей снижения нежелательного воздействия школьного шума на учителей.

Портная Н.Л.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ «Я-ОБРАЗА» МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

В зарубежной психологической литературе, посвященной изучению «Я-образа», поступление ребенка в школу и первые годы обучения относятся к одному из важнейших критических периодов развития личности (A.Alexander, H.Helmke, M.Krupitschka). Именно в младшем школьном возрасте наиболее интенсивно проявляется рост когнитивной составляющей «Я-образа» путем восприятия и переработки информации о себе. В качестве основных источников этой информации выступают воспринимаемая оценка другими лицами и процессы социального сравнения. Было выявлено, что вступление ребенка в классный коллектив раскрывает новые возможности для развития «Я-образа». Здесь он приобретает новое содержание для своего «Я-образа» и представления о своих способностях. Одноклассники выступают в качестве источника оценки, социального признания и партнеров для социального сравнения.

Эмпирически было выявлено, что значение одноклассников для формирования «Я-образа» возрастает к концу обучения в начальной школе (H.Petillon, D.Ruble). Другим важнейшим фактором является роль и место ребенка в неформальных структурах класса. Дети с положительным «Я–образом» находятся в «узлах», а дети с негативным образом – на периферии данных структур, что в свою очередь оказывает длительное положительное или негативное влияние на «Я-образ» ребенка (R.Pekrun, H.Helmke). Ожидания одноклассников, проявляющиеся в присуждении друг другу определенного типа поведения (ябеда, хвастун и т.д.) и приписывании некого ярлыка, отличающегося обычно достаточной стабильностью, также оказывают значительное влияние на «Я-образ» и чувство собственной значимости.

В ряде исследований были выявлены факторы, влияющие на популярность детей среди одноклассников (A.Baacke, M.Krupitschka), установлена взаимосвязь между социальным признанием и успеваемостью. L.Kemmler установил, что аутсайдерами являются часто дети, чья успеваемость находится намного ниже норм, которых они могли бы достичь.

Было выявлено и взаимовлияние между популярностью ребенка, его успеваемостью и «Я-образом» (H.Petillon, M.Krupitschka).

Значимым источником информации о себе для младших школьников является учитель. Он выступает также в качестве партнера по взаимодействию и модели для поведения. Оценки учителя содержат информацию, которая касается непосредственно достижений и возможностей ребенка. Исследования влияния личности учителя (J.Staines, H.Davidson, A.Combs, J.Garvey) показали, что учителя с положительным «Я-образом» устанавливают с учащимися отношения поддержки, что оказывает влияние на «Я-образы» детей. Была установлена и взаимосвязь ожиданий учителя, характера взаимодействия учителя с учеником и оценивания (M.Krupitschka, J.Brophy, Good). Влияние климата на уроке на развитие «Я-образа» изучали J.Jerusalem и R.Schwarze.

В младшем школьном возрасте происходит развитие представлений о собственных способностях как составляющей части «Я-образа». Выявлено, что дети при поступлении в школу имеют преимущественно положительную картину своих талантов, причем у мальчиков она несколько выше, чем у девочек (N.Eltwisle, R.Oerter). Дальнейшую картину развития способностей (подъем в оценке своих способностей в 1 классе и понижение к концу обучения в начальной школе), а также факторы, влияющие на этот процесс демонстрируют результаты лонгитюда, проведенного исследовательским институтом психологии Max–Planck–Institut. В общем виде в развитии «Я-образа» во время обучения от 1 к 3 классу прослеживается тенденция перехода от нестабильного к более стабильному и точному оцениванию себя (H.Helmke).

Таким образом, для развития «Я-образа» ребенка опыт первых лет обучения в школе означает расширение пространства для самовосприятия. Зарубежные исследователи выделяют следующие факторы, влияющие на развитие «Я-образа» в младшем школьном возрасте: принятие новой роли, знакомство с новыми референтными группами, открытие новых форм социального сравнения в рамках классного коллектива, личность учителя, взаимодействие учителя с учеником, форма проведения занятий, климат на уроке. Однако преимущественное влияние на развитие «Я-образа» оказывают одноклассники и учитель.

Посохова С.Т., Семенова З.Ф.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕРВОКЛАССНИКА

Психологический портрет первоклассника основывается на результатах комплексного исследования 190 школьников Санкт-Петербурга.

Программа исследования предполагала изучение структурной организации психики по модели, предложенной В.Н.Парферовым. Были проанализированы 92 показателя, характеризующие такие психические образования, как сенсомоторные, мнемические, интеллектуальные, речевые, мотивационные, креативные, психодинамические и рефлексивные.

Анализ полученной факторной модели в данной группе показал, что роль различных психических образований в психическом развитии детей этого возраста неодинакова. Особо выделяются такие психические образования, как самосознание, мнемические и преобразовательные. Самосознание, основанное на самооценке и отношении к себе, к своим социальным функциям и ролям, занимает ведущее место в структуре психического развития. Ортогональность фактора самосознания по отношению к другим позволяет предполагать существование особых механизмов формирования самооценочных компонентов самосознания, основанных на интериоризации внешних оценок значимых других.

Не менее важное значение принадлежит преобразовательным (креативным) психическим образованиям. Ярко выраженная познавательная потребность, а также способность преодолевать свойственные мышлению взрослых стереотипы создают неповторимое своеобразие психического развития каждого ребенка. Творческие способности, как показали результаты факторного анализа, могут проявляться не только самостоятельно, но и во взаимосвязи с другими образованиями.

Факторная модель психического развития младших школьников показывает двойственность проявлений мнемических психических образований. Референты памяти образуют как самостоятельный фактор, так и оказываются включенными в структуру факторов других психических образований. Возможно, в этом выражается интегрирующая роль памяти в процессах возрастного развития и школьной адаптации. Существование факторов, объединяющих различные психические образования, позволяет предполагать возможность интеграции психики в системы с качественно иным содержанием и особым адаптационным значением.

Особенности психологического портрета первоклассника связаны с обретением новой социальной роли – роли ученика. Они стремятся в школу, их притягивает необычная атмосфера урока, общение с учителем. Познавательная активность детей растет. Воображение позволяет младшим школьникам создавать целостные оригинальные композиции. Накопление понятийного опыта фиксируют память и речь. Речь младшего школьника приближается к нормам русского литературного языка. Она все активнее включается в организацию взаимодействия со сверстниками и взрослыми. На смену импульсивным реакциям приходят рефлексивные, отражающие возросшую способность к саморегуляции.

Культура поведения более ярко проявляется у девочек-первоклассниц. В предметно-практической деятельности уровень волевого контроля младших школьников практически такой же как у дошкольников, что затрудняет для них преодоление внутреннего сопротивления при ослаблении интереса к занятиям. Принятие роли ученика приводит к первым попыткам сопоставления самооценки с объективными достижениями в учебе и оценками значимых взрослых. Именно с этим связано снижение у первоклассников оценки себя как умного и хорошего ученика, нередко сопровождаемое ощущением нарастания эмоционального дискомфорта.

Реан А.А., Андреева Т.В., Киреева Н.Н., Москвичева Н.Л.

О ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЕ СТУДЕНТОВ-УНИВЕРСАНТОВ

Изучение ценностно-мотивационной сферы студенчества имеет особую научную актуальность, так как духовное состояние молодежи является показателем развития общества в целом. Студенты являются резервом передовой высокообразованной части общества.

В ходе пилотажного исследования, проведенного авторами в 1998–99 учебном году, изучались ценностные ориентации и мотивация выбора специальности студентами разных факультетов СПбГУ. Для исследования мотивации разработана специальная анкета, в которой учитывались устойчивость эмоциональных предпочтений, степень осведомленности о будущей работе, профессиональные планы студентов, а также другие аспекты. Собраны данные о студентах шести факультетов университета: математико-механического, журналистики, медицинского, экономического, философского и психологии (всего 287 человек).

Структура мотивов выбора специальности у студентов университета различных факультетов в целом сходна. Так, основным мотивом выбора специальности студенты указывают «соответствие специальности способностям и склонностям», на втором месте стоит мотив «возможность творческой работы и самовыражения», далее следует престиж СПбГУ.

Существуют, однако, особенности мотивов выбора, характерные для студентов различных факультетов. У студентов факультета журналистики, а также у экономистов дневного отделения (100% !) главным оказался мотив творческой работы, самовыражения. Для тех и других характерно признание своей специальности современной и престижной (4 ранг). Характерной особенностью студентов-медиков и психологов является подчеркивание полезности выбранной профессии для общества и

упоминание семейной традиции, при этом они крайне редко указывают на престижность своих специальностей.

Студенты математико-механического факультета значительно чаще других указывают на случайность выбора факультета. Однако они считают свою специальность современной и престижной. Достаточно часто упоминается совет родителей при поступлении, реже говорится о семейной традиции. Для сравнения можно указать, что на медицинском факультете не было ни одного студента со случайным выбором места учебы. Характерно, что стремление выбрать высокооплачиваемую профессию не являлось мотивом выбора студентов ни на одном факультете.

Студентов-философов и психологов характеризует, наравне с общеуниверситетским мотивом «соответствия способностям», мотивы познания себя и окружающего социума. Их привлекает сам процесс учебы. Некоторые из студентов-философов (в особенности, политологи) отмечают, что их специальность имеет большие перспективы в будущем.

В усредненной ранговой иерархии терминальных ценностей по выборке наиболее важными для опрошенных (в порядке убывания) оказались ценности: «любовь», «уверенность в себе», «хорошие друзья», «здоровье», «активная жизнь», «свобода», «интересная работа».

В срединной зоне ценностей, в настоящее время не актуализированных, находятся: «материально обеспеченная жизнь», «счастливая семейная жизнь», «жизненная мудрость», «развитие», «творчество». В зоне отвергаемых ценностей оказались: «общественное признание», «красота природы и искусства», «счастье других», «удовольствия».

Анализ гендерных различий показал, что для юношей важнее такие ценности, как «здоровье», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «свобода» ($p<0.05$). У девушек-студенток более высокие места в иерархии занимают: «уверенность в себе», «активная, эмоционально насыщенная жизнь», «счастливая семейная жизнь» ($p<0.01$).

Анализ различий ценностей у студентов разных факультетов показал, что существуют особенности, характерные для разных специальностей. Так, например, для студентов-медиков более, чем для других, значимы: «интересная работа», «уверенность в себе», «продуктивная жизнь» (1% уровень). Студентам философского факультета очень важна ценность «познание», студентам-математикам – «развитие». Форма обучения (коммерческая или бюджетная) и место проживания студентов до обучения не были связаны с системой ценностных ориентаций студентов.

Результатами проведенного исследования явились не только выявление ценностных ориентаций студентов, их гендерных и профессиональных особенностей, но также данные о чрезвычайном индивидуальном многообразии ценностных структур студентов университета.

Реан А.А., Дандарова Ж.К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМ СООТНОШЕНИЕМ САМООЦЕНКИ И ОЦЕНКИ

Исследование психологических особенностей подростков с различными типами строения самооценки и оценки с использованием методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) выявил меньшие, чем мы ожидали, различия, но безусловно указывающие на неблагоприятные тенденции в социально-психологической адаптации подростков в группах, где соотношение самооценки и оценки имеет конфликтное строение (1 и 3 группы), в сравнении с группой, где самооценка гармонирует с оценкой референтной группы (2 группа).

Сходство групп с дисгармоничными типами соотношения самооценки и оценки (1 группа – самооценка выше оценки и 3 группа – самооценка ниже оценки) проявляется прежде всего в повышении общего профиля ММИЛ, которое можно рассматривать как чувствительный индикатор нарушений психической адаптации. Наряду с этим усредненные профили различных групп отражают и частные характеристики, определяющие психическое состояние в сопоставляемых группах.

Анализ данных с помощью критерия Стьюдента выявил существенные различия между группами по шкале «Тревога и депрессивные тенденции», которые подтверждает наше предположение о том, что конфликтное соотношение самооценки и оценки независимо от вектора направленности значимо влияет на уровень тревожности, не выявляемый однако по профилю ММИЛ, который не имеет пиковых образований и не превышает границ нормы во всех группах по этому показателю. Различие между 1 и 2, а также 2 и 3 группами достигает достоверного уровня ($p=0,05$). Группы 1 и 3 по этому критерию не различаются.

Рассмотрение различий по 4 шкале предусматривает обращение к механизмам интрапсихической адаптации. Выделяемый авторами методики как один из видов психологической защиты механизм реализации эмоционального напряжения в непосредственном поведении позволяет уменьшать тревогу путем ее отражения в поведенческих актах. Достоверная разность показателей по этой шкале между 1 и 2 группами равна $p=0,01$ и между 1 и 3 – $p=0,05$. Этот факт показывает то, что подростки с конфликтом самооценки и оценки социума, где самооценка превышает оценку, склонны реагировать поведенчески более эмоционально.

В противоположность подросткам 1 группы, у которых был более выражен механизм реализации эмоционального напряжения в непосред-

ственном поведении, в 3 группе преобладает действие механизма фиксации тревоги и ограничительное поведение; показатель по этой шкале высокозначимо отличает эту группу от двух других (p=0,001). Этот факт указывает на наличие низкой способности к вытеснению и повышенном внимании к отрицательным сигналам у испытуемых вошедших в эту группу. В деятельности они руководствуются главным образом не потребностью достичь неуспеха, а стремлением избежать неуспеха и поведение строится так, чтобы свести к минимуму возможность неудачи в результате ошибки, что подтверждается и многочисленными данными о людях с низкой самооценкой в отечественной и зарубежной литературе.

Высокий показатель по шкале «Аутизация» и ярко выраженный пик профиля по ней у испытуемых 3 группы значимо отличает ее от подростков вошедших во 2 группу (p=0,05). Низкая самооценка и вышерассмотренные особенности психологии испытуемых этой группы в большой степени способствуют и предопределяют развитие аутистических тенденций. Неспособность правильно оценить отношение к себе окружающих, повышенная критичность по отношению к себе отражается в уровни их самооценки и отличает этих подростков от тех, у которых наблюдается более или менее адекватное представление о себе.

Савенышева С.С.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ ПРИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ

В школьной педагогике, педагогической и возрастной психологии одной из важных проблем является обучение одаренных детей и подростков. Интересным вопросом в данной тематике является изучение влияния дифференцированного обучения на интеллектуальное развитие подростков, т.к. именно при дифференцированном обучении детей создаются предпосылки для раскрытия их способностей, реализации потенциала и активизации познавательной деятельности.

В 1998–99 гг. было проведено комплексное исследование 150 одаренных подростков, обучающихся в 10-х классах Академической гимназии при СПбГУ. В данной работе рассматриваются интеллектуальные особенности учащихся в 10-х классах в условиях гуманитарной, физико-математической и естественно-научной специализации. Исследование проводилось с помощью теста структуры интеллекта Амтхауэра.

В ходе исследования было выявлено, что в целом у учащихся данной гимназии показатели успешности выполнения тестов интеллекта выше средних по всем параметрам. Также можно отметить высокий уровень

интеллектуальной лабильности у одаренных подростков. Однако данная тенденция соблюдается не у всех классов.

Учащиеся классов физико-математического профиля значительно превосходят по всем параметрам средние показатели для возраста. Наименьшие показатели интеллектуального развития среди одаренных подростков отмечаются у учащихся в классах естественно-научного профиля, но при этом они все равно выше средних для возраста. Здесь также можно отметить огромный разброс результатов у учащихся естественно-научного профиля, что может говорить об отсутствии связи показателей общего интеллекта с успешностью в данном профиле обучения.

Наиболее высокие показатели по вербальному интеллекту наблюдаются у учащихся физико-математического и гуманитарного профиля, наименьшие показатели – у подростков биолого-экологического профиля. Наибольшие оценки невербального интеллекта отмечаются у учащихся физико-математических классов, наименьшие – химико-биологического профиля. Минимальные различия между вербальным и невербальным интеллектом – в классах физико-математического профиля, наибольшие – гуманитарного и химико-биологического профиля. Можно также отметить, что в целом подростки данной гимназии значимо отличаются по специализациям, скорее по показателям вербального интеллекта, а не по показателям невербального интеллекта.

Таким образом, в заключении можно отметить, что уровень интеллектуального развития у учащихся данной гимназии выше средних показателей по возрасту, с более высокими показателями в сфере вербального интеллекта. Также следует добавить, что при этом наблюдаются значимые различия в структуре интеллекта у одаренных подростков, обучающихся в условиях различных специализаций, и, возможно, специализированное обучение усиливает эти различия, но это необходимо проследить в динамике, что и предполагается в данном исследовании.

Санникова М.Ю.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

По статистическим данным правоохранительных органов в России 1,5 млн. бездомных детей, так называемых «детей улицы». Уровень детской преступности растет большими темпами, опережая показатель преступности взрослых. Анализ правонарушений, совершенных несовершеннолетними, показывает, что в основном правонарушителями являются педагогически запущенные подростки. Данная проблема в настоящее время чрезвычайно актуальна для нашего общества в целом. Мно-

гие науки рассматривают проблемы взаимодействия личности и социума. Что касается педагогики, то центральными вопросами здесь все-таки будут вопросы о том, как и почему формируются те или иные образцы просоциального и асоциального поведения личности? что лежит в основе такого поведения? каковы внутренние (субъективные) и внешние социальные условия воспитания законопослушной личности?

Личность формируется в процессе всей ее жизни и деятельности и не может проходить без обучения способам поведения. Свой первый опыт общественного существования ребенок приобретает в семье. В этой микросреде он усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия, социальные и культурные ценности. Семья является основным фундаментом, с которого начинается строительство правового воспитания ребенка. Мы согласны с мнением В.Л.Васильева о том, что процесс социализации личности включает и воспитание активной социальной ответственности, осознание личностью своего долга перед обществом, понимание необходимости соблюдения социальных норм, что обеспечивает нормативное поведение, высокую степень социальной воспитанности, предупреждение антисоциальных проявлений.

Однако воспитание нормативной системы отношений не будет эффективным, если оно осуществляется «вообще», без учета конкретных реалий, состояния реальной системы отношений «объекта» правового воспитания. Справедливым оказалось правило, которое сформулировал К.Д.Ушинский, «...если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна узнать его тоже во всех отношениях». В профилактике преступности несовершеннолетних большое место занимает правильно организованный досуг, свободное время подростка. Большое значение в предупреждении преступности несовершеннолетних также имеет воспитание правосознания подростка. При несоответствии правосознания несовершеннолетнего индивида и правосознания общества, которое его окружает, возникают условия для совершения правонарушений и преступлений подростками.

Исключительную роль в формировании и воспитании законопослушного человека, – как считает И.С.Кон, – играет искусство. И мы полностью разделяем его точку зрения. Искусство, понимание его и приобщенность к нему способствуют формированию ребенка как личности. У подростков происходит непроизвольная идентификация себя с положительными героями произведения. Если ребенок с детства научился понимать красоту и гармонию, то вряд ли у него могут возникнуть проблемы взаимодействия с социумом, который его окружает.

Сафонова П.В.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Под правовой компетентностью понимается не только знание своих прав, социальных структур и социальных институтов общества, но и представление о функционировании социальных групп, социокультурном разнообразии социальных ролей и способов взаимодействия, а также умение адекватно использовать свои права. В качестве основных понятий правовой компетентности мы рассматриваем правовую зрелость, правовое сознание и самосознание, т.е. правовую социализацию.

На основе анализа литературы можно выделить следующие компоненты правовой компетентности: информированность – знание правовых норм и обязанностей; осознание правовых норм – понимание правовых норм как возможность той или иной социальной деятельности; состояние психологической готовности к социальной активности по защите прав; социальный опыт – опыт продуктивного поведения в ситуациях, нарушающих права человека.

В рамках исследования правовой компетентности российской молодежи нами проведено обследование школьников младшего и старшего подросткового возраста, как они понимают «права», «свободу», «справедливость» и «готовность к защите своих прав». На основе метода «незаконченных предложений» была разработана опросная методика. Анализ ответов осуществлялся по 7 шкалам: отношение к правам человека; отношение к свободе; отношение к справедливости; действия по защите своих прав; перспективы на будущее; люди, которые нарушают права; люди, которые помогут в трудной ситуации. В обследовании приняло участие 60 подростков от 9 до 16 лет, 38 девочек и 22 мальчиков. Отметим наиболее типичное по основным шкалам.

1. Шкала «действия по защите своих прав» позволяет выделить три поведенческих реакции: пассивное поведение (23 человека), типичные высказывания – «расстраиваюсь, но адаптируюсь», «сержусь и ухожу», деструктивное поведение (9 человек) – «нарушаю их права», «наказываю виновного»; конструктивное поведение (23 человека) – «отстаиваю, защищаю свои права», «обращаюсь в соответствующие органы».

2. Шкала «отношение к защите прав» (представление о том, что значит защищать свои права) позволила выделить две категории ответов: активные конструктивные действия (54 человека) – «отстаивать свою свободу», «не давать другим людям запрещать тебе то, что разрешено

законом», «защищать себя от незаконных действий общества и людей»; неконструктивные действия (5 человек) – «нагрубить тому, кто нарушил мое право», «бороться за свои права физически». При сравнении понимания «защиты прав» и «поведенческие реакции в ситуации нарушения прав» видно, что все понимают защиту своих прав как активные действия, хотя реально защищать свои права готовы лишь 30% испытуемых.

Из ответов школьников всех возрастных групп выделяется главное – это понимание подростками «прав человека» как возможности и свободы социальной активности, на языке подростков «то, что можно делать», а не ограничения поведения в социальном мире, т.е. «то, что нельзя». Интересно, что, по мнению школьников, педагоги в воспитательном процессе больше обращаются к категориям ограничения поведения, а не к возможностям. Причины этого лежат в идеологии педагогического процесса, нацеленного на «удобного ребенка».

Таким образом, восприятие мира и процесс социализации проходит в большей степени через призму ограничений, «того, что нельзя», что, с нашей точки зрения, в значительной мере препятствует реализации и раскрытию своих способностей и возможностей. Поэтому в понимании и осознании подростками «прав человека» как категории свободы и возможности, мы видим основу такой правовой компетентности, которая способствует формированию своей социальной позиции.

Сиверс О.Е.

МОТИВАЦИЯ В ОСНОВЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Эффективность педагогического труда во многом определяется функцией обучения в процессе получения студентами знаний: пассивного или активного восприятия, а также усвоения полученной информации. Одной из задач преподавателя является достижение максимальной активизации познавательной деятельности студентов, развитие их активного творческого мышления соответствующими методами.

Всякая деятельность, в том числе и учебная, содержит в себе определенные мотивы и направлена на достижение определенных целей. *Мотив* есть потребность, побуждающая индивида действовать с определенной целью, то есть внутренний аспект деятельности. Цель является ее внешним аспектом. Образованный указанными аспектами своеобразный вектор задает интенсивность и направленность деятельности.

Всякая целенаправленная деятельность человека, в том числе и познавательная, должна иметь мотивацию, то есть совокупность потребно-

стей и мотивов. *Мотивационная сторона процесса обучения* в вузе включает три группы мотивов: внешние (поощрение–наказание), соревнование (успех в сравнении с кем-то или с самим собой), внутренние (раскрываемые как поле плодотворной деятельности личности). Наиболее стойкий интерес к обучению имеют внутренние мотивы.

В *познавательном процессе* у студентов можно различить три наиболее общих этапа. На первом этапе присутствует познавательный ситуативный интерес, который возникает на основе новизны предмета, его изначальной неопределенности для студента. Второму этапу характерен устойчивый интерес к конкретному предметному содержанию деятельности. На третьем этапе происходит включение познавательных интересов в общую направленность личности, в систему ее жизненных целей и планов. Очень эффективным средством активизации познавательной деятельности студентов является новизна методов обучения, вовлечение студентов в его экспериментальную форму. Познавательную мотивацию студентов можно формировать в на основе следующих положений: (1) познавательная мотивация проявляется не столько устойчивой личностной чертой, сколько отражением заданных условий деятельности; здесь открывается возможность для ее формирования с помощью специально организованных дидактических воздействий; (2) познавательная мотивация возникает в проблемной ситуации, это показывает ее внешнюю обусловленность; (3) применение в подготовке специалистов форм и методов активного обучения, в которых реализован принцип проблемного образования; (4) возникновение и развитие познавательной мотивации во многом обусловлено типом взаимодействия и общения преподавателя со студентами и студентов между собой; (5) развитие познавательной мотивации студентов во многом зависит от педагогического мастерства преподавателя, его умения правильно организовывать деятельность студентов, побуждать их к развитию познавательной мотивации.

Опытный преподаватель целенаправленно развивает и углубляет познавательный интерес студентов к изучаемому предмету. Формирование познавательной мотивации специфической направленности проявляется в постановке и решении мыслительных задач, в результате выполнения определенных поисковых действий, направленных на выяснение изначальной задачи и вариантов ее решений. Это относится к работе преподавателей на младших и средних курсах. Преподавателю на старших курсах приходится параллельно с ведением основного курса невольно решать задачи профориентации и самооценки среди неопределившихся в жизненной позиции студентов.

Смолова Л.В.

ЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ ОТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОТЫ В ШКОЛЕ

Многие исследователи отмечают, что деятельность учителя является одним из наиболее напряженных в психологическом плане видов социальной деятельности. Педагоги для выполнения своих профессиональных обязанностей прилагают значительные интеллектуальные и эмоциональные усилия. Профессиональная роль, предъявляя к учителю определенные требования, может преобразовать весь его облик.

В процессе изучения личностных особенностей учителей на репрезентативной выборке (176 человек) нами были выявлены такие психологические особенности присущие современному учителю как способность контролировать себя и умение подчинять правилам других, стремление быть как все, не высовываться, догматическая приверженность правилам и инструкциям, стремление быть наготове, чтобы первыми ответить на неблагоприятный раздражитель.

Для более глубокого анализа формирования этих характеристик в структуре личности учителей нами был использован метод поперечных срезов. При анализе влияния профессионального стажа на личность учителя было выявлено, что наибольшие изменения происходят в следующие периоды работы в школе: до 3 лет, от 6 до 10 лет, более 25 лет. Эти периоды могут рассматриваться как своего рода рубежи, основные этапы пребывания в профессии: вхождение в работу, начало профессиональной социализации личности (стаж работы – до 3 лет); процесс формирования профессиональной идентичности, где значение имеет принятие учителем социальных норм и осуществление самоконтроля и контроля за окружающими (стаж от 6 до 10 лет); процесс накапливания эмоционального стресса, который может характеризоваться эмоциональным сгоранием и личностной деформацией (стаж – более 25 лет).

Выделение и анализ периодов пребывания в профессии сделало возможным отследить существование и динамику развития указанных специфических характеристик учителей в зависимости от времени пребывания в профессии. В периоде «профессиональной социализации» наблюдаются изменения личности, которые свидетельствуют о росте нормативности, об увеличивающейся значимости групповых норм, о формировании механизмов самоподавления (самоконтроль) и росте внутренней напряженности – изменения личности в направлении отказа от себя в угоду профессиональным групповым нормам.

Период «профессиональной идентификации» характеризуется усилением самоконтроля, а также формированием механизмов, способствующих удерживанию этого контроля во времени, таких как усиление эго-напряжения, тенденция к смещению локуса субъективного контроля в область интернальности, выражение самодостаточности и независимости, усиление в использовании механизмов психологических защит.

Создается впечатление, что личность за счет этих изменений становится как бы более активной и сильной. Однако эти изменения способствуют также усилению внутриличностного конфликта, определенного нами как конфликт между потребностью в независимости и уникальности и потребностью выжить в условиях профессии (мы здесь имеем в виду школу как институт с жесткой иерархией).

Период, условно названный нами как «период выхода из профессии» и характеризующийся накопленным стрессом, описывает кризисный отрезок, отличается бедностью репертуара в способах преодоления стресса, где преобладающее место занимают психологические защиты. Снижается эмоциональный ресурс, прослеживается отказ от индивидуальности, стремления к творчеству, самопонимания.

Выявленный процесс является демонстрацией поступательного отказа учителя от собственных желаний и потребностей и отождествления себя с социальной ролью учителя, отделяющей личность от собственной сущности. Таким образом, можно сделать вывод, что эти изменения демонстрируют процесс профессиональной деформации, где собственные вкусы и оценки, подменяются внешними социальными стандартами.

Сорина С.Л.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКА

В экспериментальной инновационной культуротворческой школе №44 города Тольятти Самарской области разработана и внедряется программа социально-психологической адаптации подростков – «Подросток в изменчивом мире». Программа включает работу с учителями, подростками и родителями. Положительный результат достигается созданием атмосферы сотрудничества, открытости, взаимопонимания и творчества в педагогическом коллективе; специальной технологией работы с современными подростками в условиях переживания изменений экономической, политической, социальной системы. Эта технология призвана решать такие задачи как: (1). развитие личностного роста и эффективное взаимодействие с агрессией подростков; (2) развитие са-

моопределения, целеполагания и жизненной стратегии; (3) сокращение разрыва семьи и школы в условиях, когда духовная жизнь подростков подвергается насильственному воздействию со стороны социума, следствием чего являются алкогольная и наркотическая зависимость, а также некритическое восприятие средств массовой информации.

На первом этапе работы этой программы было проведено исследование степени социальной адаптированности и внутренней гармонии подростков, соотношения желаемого и доступного в ценностном мире подростка. В исследовании приняли участие 103 девушки и 87 юношей.

Исследование показало, что общая картина построения системы ценностей подростками представлена широким разбросом предпочтений в разных возрастных группах. Выявлены актуальные и болезненные взаимоотношения с будущим. Так, современные подростки менее ориентированы на профессиональное становление, у них ярко выражена направленность на счастливую обеспеченную материально жизнь. Прослеживаются такие ценности, как любовь (особенно у 8-классников), интересная денежная работа (у 9-х и 11-х классов), а также друзья, уверенность в себе. Повышенная тревожность отмечена у 9-классников. Устойчиво доминирующие мотивы, наличие жизненных целей у подростков положительно коррелируют с их успеваемостью, коэффициентом интеллекта, высокой самооценкой, низким уровнем тревожности.

С другой стороны, у «трудных» подростков (неуспевающих, делинквентных) отмечены обеднение мотивации, деформация картины мира.

Результаты анкетирования показывают увеличение позитивной установки к алкогольной и наркотической зависимости. Согласно этим результатам, 62% опрошенных проявляют положительное отношение к семье; только 38% опрошенных подростков, попав в сложную жизненную ситуацию, обращаются к родителям. Это свидетельствует о доверие подростков к своей семье. Каждый третий подросток из полной семьи испытывает эмоциональное отвержение со стороны обоих родителей.

Исследования коммуникативных проблем подростков говорят о трудностях адаптации в таких областях мотивации как контакт с людьми, особенно с людьми противоположного пола. Подростки теряются в угрожающих ситуациях, выбирая либо подчинение, либо агрессивное поведение. Высшие оценки рейтинга ценностей подростков получили: счастливая, материально обеспеченная жизнь; любовь.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: специальная работа по социально-психологической адаптации особенно актуальна сегодня именно в подростковом и юношеском возрасте.

Тарасов С.В., Тимофеев Ю.Т.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ШКОЛ И ПРОБЛЕМА ЕЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Современная ситуация в среднем образовании России характеризуется развитием самых различных образовательных учреждений. Они отличаются набором образовательных и учебных программ, концептуальными основаниями (как широко известными в нашей стране и мире, так и оригинальными), уровнем преподавания и т.д. – той совокупностью всевозможных условий обучения и воспитания, которые принято называть образовательной средой. Помимо школы, социальные, культурные условия жизнедеятельности индивида также являются пространством и условием его становления. Во многих зарубежных исследованиях образовательная среда определяется как понятие, включающее эмоциональный климат, особенности микрокультуры, качество учебно-воспитательного процесса и т.д. Отмечается как уникальность образовательной среды каждой школы, так и наличие инварианта, обусловленного социальными и культурными особенностями региона или страны.

Образовательная среда может мыслиться как совокупность специально организованных в образовательном учреждении педагогических условий, а также условий социальных и культурных, в результате воздействия которых происходит становление социального индивида (личности). Известно, человек и среда всегда взаимодействуют, происходит взаимопроникновение миров; активность человека и среды взаимообусловлены. Поэтому «среда» – это возможное название для слитного образа «себя в мире», характерного для мировосприятия ребенка, у которого деление на «внешнее» и «внутреннее» весьма условно.

Следует различать образовательную среду учебного заведения и образовательную среду вообще. Школьная среда – это достаточно стабильный поток ситуаций, повторяющихся во времени и пространстве. Школьная среда – это контекст восприятия себя и остальных значимых компонентов мира, в том числе произведений культуры, исторических событий, близких людей, страны, мира. Школьную среду необходимо рассматривать как целостное явление, в котором происходят взаимопроникновение различных компонентов: архитектура, живопись, скульптура, звук, цвет, слово – все, что составляет текст жизни. Познание закономерностей существования жизненной среды, ее конструирования, особенностей влияния среды на мировосприятие позволяет оптимально организовать жизненную среду ребенка, эффективнее решать образовательные задачи. Примеры создания особой образовательной

среды можно увидеть в широко известных психолого-педагогических и философских концепциях построения школы М.Монтессори (Италия), школы С.Френе (Франция), Вальдорфской системы образования и воспитания (Австрия, Германия и др.) и т.п.

Вопрос о путях, возможностях и результатах конструирования образовательной среды является достаточно сложной научно-практической задачей. В процессе конструирования образовательной среды необходимо учитывать некоторые ее основные характеристики: имеет целостный характер, представляет динамическую систему; вступает в активное взаимодействие с внутренним миром человека; является существенным фактором социально-психологического климата; имеет два смысловых плана: рациональный и интуитивный; воздействует на человека через все имеющиеся у него каналы получения информации.

Учащиеся школы должны не просто воспринимать окружающую среду, но активно участвовать в ее создании: подготавливать газеты и плакаты, рисовать, создавать декорации и костюмы к школьным спектаклям, развивать школьное самоуправление и многое другое. Таким образом, сама жизненная среда школы, участие в ее формировании школьников, педагогов и родителей помогает процессу адаптации к современным социокультурным условиям и развитию личностного потенциала всех участников образовательного процесса. Можно назвать некоторые факторы эффективности образовательной среды.

Целостность – образовательная среда образует интегративное пространство социального, культурного и собственно образовательного.

Полисемантичность – наполненость разнообразием смыслов и значений с точки зрения содержания, форм и способов их существования;

Коммуникативность – образовательная среда характеризуется творчески-созидательным взаимодействием, индивид имеет многообразные связи и отношения со всем универсумом человеческой культуры.

Проблемы образовательной среды и ее конструирование в современном образовании нуждаются в научно-практическом осмыслении.

Усачев Л.В., Усачева О.Л.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Актуальной проблемой управления потенциалом развития школьника является определение перспективы жизненного пути. Одной из методик, изучающих сферу направленности, временную перспективу и особенности развития личности на различных жизненных этапах является

проективный тест Нюттена. Тест состоит из 30-ти неоконченных предложений, 20 из которых имеют положительный характер («Я хочу...»), а 10 – отрицательный («Я не хочу...»). Для интерпретации результатов Нюттеном были разработаны два кода: временной код и код анализа содержания. Во временном коде мотивационные объекты классифицируются на основании временной локализации. Для этого он использует два типа символов: в категориях периодов календарного времени и в категориях периодов социальной и биологической жизни субъекта. Код анализа содержания позволяет судить о содержании мотивации человека.

В нашем исследовании приняли участие 104 ученика 10 классов (71 девушка и 33 юноши) трех средних школ Липецкой области. При корреляционном анализе четко выделились положительные связи между временной перспективой на один год и стремлением к активности, деятельности, познанию и получению информации, а также между временной перспективой на «открытое настоящее» и стремлением к общению.

Были выделены существенные различия в среднестатистических значениях между выборками юношей и девушек. И у тех и у других при использовании временного кода наибольшие средние значения выявились в следующих аспектах: «открытое настоящее» и «события в течение всей жизни»; в календарном аспекте – «события в течение года». Но именно по этим показателям был выявлен наибольший коэффициент вариативности. У девушек более высокие средние оценки получились по параметрам общения и любой активности. По ним наблюдается самый большой коэффициент вариативности. У юношей же самые высокие оценки – по категориям: деятельности и активности, связанной с саморазвитием, самореализацией и развитием всей личности. У тех и у других меньше всего было высказываний о старости, историческом будущем и настоящем дне, а также высказываний, связанных с мотивацией, направленной на обладание материальными ценностями и на активность, связанную с отдыхом, развлечениями.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о сформированности лишь краткосрочных жизненных планов старшеклассников данного региона и важности разработки программ, направленных на проектирование саморазвития в перспективе.

Хан Г.Н.

КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

С целью изучения когнитивно-личностных механизмов восприятия и понимания текстов при чтении нами был проведен эксперимент, в котором испытуемым предлагалось три задания: прочтение текста и изложение содержания; прочтение текста в зеркальном отражении и изложение содержания; выполнение теста на исследование индивидуального стиля познавательной деятельности (ИСПД, Д.В.Сочивко), также состоящего из трех заданий: свободная классификация 16-ти карточек; осмысление каждой карточки и называние ее; свободная классификация осмысленных карточек. Обрабатывались следующие показатели: время выполнения первого чтения и второго, количество групп в первой классификации и второй классификациях, а также оценка, выставленная за понимание прочитанных текстов группой экспертов.

В результате эксперимента оказалось, что время первого прямого чтения в среднем составляет около 3 минут, время же второго чтения аналогичного по сложности и содержанию текста составляет в среднем около 15 минут. Усложнение задачи для наших испытуемых было существенным на сенсорно-перцептивном уровне. Различий между количеством групп в 1-й и 2-й классификациях не получено, т.е. среди испытуемых в равной мере присутствовали представители как аналитико-синтетического, так и синтетико-аналитического стиля познавательной деятельности. Различий между аналитико-синтетиками и синтетико-аналитиками также получено не было. Но этого и следовало ожидать, так как стилевые характеристики деятельности как раз и отличаются тем, что никак не связаны с уровневыми характеристиками успешности.

Корреляционный анализ, начиная с показателя оценки текста, прочитанного в обычных условиях, показал, что сама эта оценка имеет лишь слабую связь с чтением в усложненных условиях, т.е. уровень чтения как-то сохраняется в обычных и усложненных условиях. Таким образом, показатель понимания текста, вообще уровня чтения, является не зависящим от индивидуально-психологических особенностей.

Но означает ли это, что в основе чтения вообще не лежат никакие личностные когнитивные механизмы? Конечно, нет, речь идет лишь о том, что в обычных условиях эти механизмы работают «бесшумно», никак внешне не влияя на процесс чтения и обеспечивая «человеку читающему» полную свободу от его телесно-личностного устройства. Но как только мы создаем какие-то препятствия чтению, эти механизмы тут

же себя обнаруживают. Время усложненного чтения становится центром корреляционной плеяды. Оно связано с показателем чисто когнитивного стиля по первой сортировке и с показателем стиля познавательной деятельности, т.е. сортировки с участием слова-знака, и с оценкой понимания. Итак, механизмом, регулирующим процесс чтения на уровне личностного смысло-текстового восприятия, является стиль познавательной деятельности, в частности, когнитивный стиль. В зависимости от аналитичности-синтетичности «человек читающий» выбирает удобный для себя темп чтения, причем как в обычных, так и в усложненных условиях. Аналитики читают быстрее, чем синтетики, поскольку чтение само по себе является аналитической процедурой, т.е. переводом линейной последовательности знаков в целостный познавательный образ.

В усложненных условиях чтения мы видим подключение в целом стиля познавательной деятельности, т.е. здесь наличествуют корреляции как с первой, так и со второй, более осмысленной сортировкой. Итак, темп чтения в измененных условиях имеет уже более сложную регуляцию, а именно не только начальной аналитичностью и синтетичностью, но конечной, результативной, т.е. после активного включения слова-знака как орудия познавательной деятельности.

Главным выводом из полученных данных является тот, что восприятие текстов и вообще чтение опираются на индивидуально-личностные особенности человека, регулирующие в первую очередь удобный для него темп чтения. Кажущаяся независимость понимания в процессе чтения привела нас в свое время к печальным заблуждениям типа «динамического» чтения, «скорочтения» и т.п. Из наших данных следует, что если перед педагогом стоит задача изменить характер чтения студента или ученика, то он должен изменить весь когнитивный строй его личности, в первую очередь – стиль познавательной деятельности.

Янкина Е.И.

ЭМОЦИИ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТА РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Исключительная роль в развитии ребенка–дошкольника принадлежит эмоциональным процессам, т.к. достаточно давно показано, что показатели только одного интеллекта не позволяют прогнозировать жизненный успех: среди факторов, определяющих этот успех, показатель уровня развития интеллекта не превышает 20 % (Е.Л.Яковлева).

Изучаемая нами проблема взаимосвязи эмоций и интеллекта ребенка дошкольника базируется на следующих положениях:

1. Нарушения в эмоциональном развитии ребенка дошкольного возраста ведут к тому, что ребенок не может использовать свои другие способности (например, интеллект) для дальнейшего развития.

2. Активное воздействие на ребенка по определенной психокоррекционной программе эффективно влияет на эмоциональное развитие и способствует, таким образом, развитию интеллекта.

Исследование позволило выделить некоторые механизмы взаимосвязей между эмоциями ребенка дошкольного возраста и интеллектом. Выявлено, что у детей с эмоциональными нарушениями ярко выражены такие эмоции как горе, страх, гнев, стыд, отвращение, т.е. преобладают отрицательные эмоции. Такие эмоции как интерес, радость, удивление, т.е. положительные эмоции, проявляются редко. Обнаружено, что у них высокий уровень тревожности, снижены показатели познавательной, игровой, коммуникативной активности, а уровень развития интеллекта соответствует средним значениям по тесту Д.Векслера. Результаты показали тесную взаимосвязь уровня развития интеллекта с такими эмоциями как интерес и удивление, а также с положительными эмоциями, выделенными в блок; с познавательной, игровой активностью.

На основании полученных экспериментальных данных разработана психокоррекционная программа, позволяющая эффективно воздействовать на эмоциональные процессы ребенка. В ходе повторного экспериментального исследования обнаружена более тесная взаимосвязь эмоций и уровня развития интеллекта у детей посещающих психокоррекционные занятия в сравнении с другими детьми. Полученные данные позволяют считать, что нарушения в эмоциональном развитии детей дошкольного возраста отрицательно влияют на их интеллект. Предложенная система психологической коррекции является эффективной по отношению к эмоциональному неблагополучию ребенка.

Ярмоленко А.В.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КУРСАНТОВ ВВМУЗ

В последние годы не снижается процент выпускников ВВМУЗ, отказывающихся служить на кораблях ВМФ. Психологическую основу такой тенденции составляют недостатки в формировании военно-профессиональной направленности и ее ядра – ведущих мотивов деятельности. Под военно-профессиональной направленностью будущего офицера ВМФ следует понимать совокупность наиболее устойчивых жизненных и военно-специальных целей, отношений к существенным

сторонам военно-морской службы и другим социальным ценностям, а также ведущие мотивы деятельности и поведения. Знание содержания и структуры военно-профессиональной направленности личности дает объективное представление преподавательскому составу ВВМУЗ о преобладающей ориентации мыслей и стремлений курсанта, позволяет верно оценивать и прогнозировать его поступки и мотивы действий.

С помощью сравнительного анализа данных за весь период обучения одной выборки курсантов училища выявлена динамика и закономерности развития различных элементов военно-профессиональной направленности и мотивации, а также характеристика происходящих изменений. Изучив ведущие мотивы курсантов ВВМУЗ за 1988–1996 гг., представляется возможным сделать следующие выводы:

а) наиболее активно выражены военно-профессиональные мотивы, которые сохраняют устойчивую тенденцию сохранения ведущей роли в мотивационной сфере выпускников;

б) познавательные мотивы курсантов ВВМУЗ, к сожалению, не занимают ведущее место. Выпускники ВВМУЗ не готовят себя к освоению новой техники и вооружения, что приводит к различным аварийным ситуациям; выпускники не собираются продолжать дальнейшее военное образование в стенах академии, ВСОК, адъюнктуре;

в) последнее место в мотивационной сфере выпускника ВВМУЗ занимают мотивы общения и взаимодействия. Это объясняется желанием курсантов служить на берегу, отказом от непосредственной работы с людьми. Между познавательными мотивами и мотивами общения расположены мотивы широкого социального плана.

Лонгитюдное исследование военно-профессиональной направленности и мотивации позволило выявить следующие особенности мотивационной сферы курсантов одного года набора. Мотивационная сфера курсантов ВВМУЗ за годы обучения в училище имеет достаточно устойчивый характер. На протяжении пяти лет обучения у курсантов ведущее место занимают военно-профессиональные мотивы. В начальный период обучения курсантов на второе место выходят мотивы широкого социального плана. Это результат положительного воздействия системы институтов, призванных обеспечивать соблюдение общегосударственных интересов. На III курсе повышается удельный вес познавательных мотивов, мотивов достижения. Ранжированные ряды общих мотивов курсанта III курса более согласованы между собой и носят характер долговременного действия. Ведущими на V курсе являются военно-профессиональные мотивы, мотивы достижения, утилитарные мотивы.

Исследование военно-профессиональной направленности и мотивации курсантов показывает динамику изменения мотивационной сферы.

Глава 6. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бочарова С.П., Кисель С.Г., Плохих В.В.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ В МЕХАНИЗМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ АНТИЦИПАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В связи с появлением новых многофункциональных быстродействующих автоматизированных систем управления существенно повышаются требования к надежности операторской деятельности. Условием надежной работы оператора является своевременность его решений и действий. Возможность принятия решения в соответствующий момент времени зависит от способности оператора антиципировать развитие текущей ситуации. Антиципация выступает в качестве важнейшей составляющей функциональных систем операторской деятельности.

Видную роль в структуре операторской деятельности играет оперативная память (М.А.Дмитриева, А.А.Крылов и др.). Так как память является базовой системой в структуре деятельности человека-оператора (С.П.Бочарова), мы предположили, что временные характеристики процесса формирования антиципационного решения должны определяться особенностями функционирования оперативной памяти.

В нашем исследовании в качестве экспериментального задания выступило задание антиципации места остановки равнозамедленно прямолинейно движущегося объекта. В экспериментальных сериях изменялись динамические характеристики движения и количество возможных мест остановки объекта. Испытуемыми в исследовании были опытные летчики и курсанты четвертого курса Харьковского института летчиков.

Анализ временных характеристик решения испытуемыми антиципационного задания показал, что при определении момента принятия и реализации решения испытуемые ориентировались на временные эталоны, актуализируемые в оперативной памяти. Реализация временных эталонов по сути представляла собой процедуру непроизвольного воспроизведения оперативной памятью интервалов времени, заполненных деятельностью по определению места остановки движущегося объекта. Обобщенные временные эталоны формировались испытуемыми с учетом интенсивности антиципируемого процесса. Было установлено, что при увеличении начальной скорости движения объекта среднее время решения испытуемыми антиципационного задания достоверно снижает-

ся. Было также выявлено, что при формировании временных эталонов испытуемые ориентировались на наименьшую в рамках серии продолжительность движения объекта к месту остановки.

Сравнивалась точность воспроизведения испытуемыми-летчиками и испытуемыми-курсантами временных эталонов, ограничивающих продолжительность антиципационного процесса, по показателям относительной вариабельности воспроизведения длительностей (П.Фресс). Было отмечено, что средние значения относительной вариабельности времени решения антиципационного задания у летчиков существенно ниже представленных в литературе значений для нетренированых взрослых. Относительная вариабельность времени решения антиципационного задания у летчиков в общем также оказалась существенно ниже, чем у курсантов. Так как испытуемые-летчики никакого целенаправленного обучения решению антиципационного задания не проходили, можно говорить, что способность к точной оценке и воспроизведению временных интервалов формировались при решении профессиональных задач.

Таким образом, полученные результаты показали, что, своевременность принятия антиципационного решения обеспечивается воспроизведением оперативной памятью временных эталонов, сохраняемых в долговременной памяти. Временные эталоны отражают динамические особенности антиципируемого объективного процесса. Способность точного воспроизведения оперативной памятью временных эталонов развивается в процессе решения летчиком профессиональных задач.

Бубнова А.В., Суходольский Г.В.

НОВЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА КОРРЕЛЯЦИЙ

Корреляция выражает взаимозависимость измерений. Поэтому коэффициенты корреляции широко используются в психологических исследованиях при изучении мнений, отношений и достижений с помощью тестирования людей, а также при разработке опросников и тестов.

Основными задачами анализа корреляций являются: оценка значимости; оценка сходства–различия двух выборочных коэффициентов или корреляционных матриц. Оценка значимости наиболее распространенного коэффициента линейной корреляции традиционно выполняется по критерию Стьюдента. Но более мощным здесь служит критерий Снедекора-Фишера. Причем, можно заранее оценить критическое значение абсолютной величины коэффициента. Оценку сходства-различия двух коэффициентов, имеющих одинаковые знаки, лучше выполнять по критерию Снедекора-Фишера и можно заранее оценить значимо отличаю-

щийся коэффициент от заданного. Если коэффициенты имеют разные знаки, то лучше применять критерий «Хи-2». Сходство-различие двух выборочных корреляционных матриц оценивается при тех же условиях этими же критериями – критерий Снедекора-Фишера, где суммируются квадраты коэффициентов в треугольных частях матриц.

Корреляции в матрицах получены при случайном подборе пар людей. И сравнивать «одноименные» коэффициенты бессмысленно: таких пар очень много и можно получить столько же случайных значений критерия «Хи-2». Избавляет от случайности лишь специальный подбор пар, при котором в матрицах выявляется скрытое, но возможное сходство. Из матрицы столбиками выписываются коэффициенты, затем они в каждом столбике независимо упорядочиваются по убыванию алгебраических (со знаками) значений, потом вычисляется «Хи-2» критерий.

Рассмотренные методы анализа корреляций использованы (а способ сравнения упорядоченных рядов коэффициентов разработан) в исследовании отношений людей к теоретическим и практическим жизненным ценностям новым тестом «ценностных ориентаций» На пробной выборке (20 человек) показано, что ценностные ориентации женщин и мужчин различны, а порядок предъявления субтестов не имеет значения.

Веселова Е.К., Ширяева Т.А.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЛИЧНОСТИ

Центр нравственной регуляции поведения личности лежит в сфере ее идеалов и ценностей. Б.Г.Ананьев в своих трудах касался этого вопроса и намечал пути научного подхода к многоаспектной проблеме.

Вопросы ориентации человека в мире и приверженности какой-либо идее, выбора тех или иных ценностей, получают совершенно разные как по содержанию, так и по форме ответы в различных философских и религиозных концепциях человека. Каждый человек пытается создать в своем представлении картину мира, в которой он получит ответ на вопросы о своем месте в мире и о том, что он должен в нем делать.

Э.Фромм (1964) назвал умозрительные системы взглядов и убеждений, так или иначе отвечающих на проблему смысла жизни человека, «системами ориентации и поклонения». Потребность иметь такую систему, т.е. индивидуальную мировоззренческую систему экзистенциальных убеждений относительно природы человека очень остра.

Индивидуальные мировоззренческие системы личности могут быть представлены в сознании человека различным образом. От полной осоз-

нанности, четкости взглядов, полной уверенности в их истинности до полной или частичной неосознаваемости и невозможности вербализации. Нами разработан вопросник, позволяющий изучать мировоззренческие ориентации и взгляды личности. Вопросник состоит из пяти вопросов о «душе» как понятии наиболее тесно связанном с экзистенциальными взглядами личности. Респонденту задаются вопросы о происхождении, назначении и посмертной судьбе души человека с предоставлением выбора высказываний в наибольшей степени отвечающих его взглядам. В каждом вопросе имеется возможность свободного ответа.

Вопросник предлагался студентам педагогического колледжа (26 человек, 17–18 лет), преподавателям медицинского колледжа (43 человека, 45–50 лет) и слушателям религиоведческих курсов при университете педагогического мастерства (39 человек, 40–45 лет).

Результаты опроса показали преобладание идеалистического мировоззрения в группах студентов-педагогов и слушателей религиоведческих курсов. В ответ на вопрос о вере в существование мира духовных сущностей ответили положительно 92% студентов-педагогов, 85% слушателей религиоведческих курсов и только 26% преподавателей медицинского колледжа. Верят, что человека сотворил Бог – 50% студентов-педагогов, 81% слушателей религиоведческих курсов и 26% преподавателей медицинского колледжа. На вопрос о посмертной судьбе души человека 50% студентов-педагогов ответили, что верят в переселение душ в тела людей и животных, 67% слушателей религиоведческих курсов выбрали ответ о попадании души в ад или в рай. Преподаватели (21%) на этот вопрос ответили, что душа после смерти прекращает свое существование, идея реинкарнации получила отклик у 40% респондентов.

Водлозеров В.М., Тарасов С.Г.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ЗРИТЕЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫХ КООРДИНАЦИЙ В УСЛОВИЯХ СЛЕЖЕНИЯ

Эффективность управляющих действий человека-оператора, работающего в различных режимах, существенно зависит от возможностей зрительно-двигательной координации, представляющей в условиях сенсомоторного слежения (и особенно в системе нулевого порядка) сложный динамический процесс соизмерения визуальных и кинестетических сигналов (ощущений), поступающих по контуру регулирования. В условиях слежения динамичным выступает не только сенсорное поле оператора, но и сама реализация управляющего воздействия – непрерывное

изменение состояний входного сигнала-объекта требует непрерывного двигательного приспособления к нему в соответствии с некоторой заданной извне мерой движения (изменения). Однако наличие органа управления, опосредствующего перемещение управляемого человеком визира-индекса, воспринимаемого визуально, и перемещение руки оператора, приводящей в движение орган управления, существенно понижает возможности зрительно-двигательной координации, ее быстродействие. Особенно резкое увеличение (до 6 раз) времени регулирования происходит при неоптимальном коэффициенте передачи (Кп) органа управления. Микроструктурный анализ действий оператора показывает, что с увеличением Кп происходит резкое увеличение длительности корректировочного компонента времени регулирования.

При работе с традиционными (подвижными) органами управления основным фактором, обусловливающим эффективность взаимодействия зрительного и двигательного анализаторов человека, выступает величина соотношения амплитуды (скорости) перемещения пальцев руки оператора и амплитуды (скорости) перемещения управляемого визира, воспринимаемого визуально. Такими характеристикам органа управления, которые определяют амплитуду движения руки, являются, например, длина рычага и диаметр ручки настройки. При работе с органом управления типа коленчатой рукоятки при уровне точности настройки ±0,0013 рад наиболее благоприятные условия для осуществления зрительно-двигательной координации создаются при отношении 5:1 – 7:1.

При работе с органами управления силового (изометрического) типа основным регулируемым параметром выступает величина и направление прилагаемого к рукоятке усилия. В этих условиях Кп может быть выражен отношениями г/мм и мм/г. Размерность коэффициента передачи г/мм означает, что если к силовой рукоятке приложить усилие в определенное количество граммов, то управляемый визир переместится на экране на 1 мм. Размерность мм/г, наоборот, показывает на сколько мм изменяется положение визира, при приложении усилия в 1 г. Так, если при Кп=1 в обоих вариантах на 1 г усилия приходится 1 мм перемещения визира, то при Кп=2 мм/г – лишь 0,5 мм перемещения на экране, а при Кп=10 мм/г – лишь 0,1 мм. По данным наших экспериментов, при Кп=1 – 5 г/мм эффективность визуально-силовой координации при выполнении минимальных по амплитуде управляющих движений типа корректировочных оказывается весьма низкой. Это проявляется в дискретном характере регуляции, причем на эти действия накладываются колебания физиологического тремора. С увеличением усилия (до 15 – 20 г/мм) при равенстве прочих условий возможности координации повышаются – управляющие силовые воздействия становятся все более

плавными, экономными и точными. При выполнении операций слежения для того, чтобы достичь заданного результата оператор должен непрерывно увеличивать (ослаблять) прилагаемое к рукоятке усилие. Поэтому при проектировании систем, включающих силовые рукоятки, при подборе Кп следует учитывать диапазон изменения входного сигнала.

Оптимальный Кп обеспечивает баланс длительностей рабочего движения и корректировочного компонента в общем времени регулирования. Для определения оптимального Кп можно использовать методику минимальных управляющих воздействий, когда ставится задача производить визиром минимальные перемещения в удобном для себя темпе. Фиксируется амплитуда и длительность воздействия. Оптимальным является тот Кп, при котором испытуемые могут производить перемещения визира на заданном уровне точности при наименьшей длительности. Очень часто таким уровнем точности может выступать величина оперативного дифференциального зрительного порога равная 15'–20'.

Засорина Л.Н.

ГОЛОС В БИОЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Парадигма науки XXI века формируется в условиях пересмотра представлений о фундаментальных законах мироздания. Резкий взлет переживает и междисциплинарная область человекознания. Наиболее значимыми являются исследования по биоэнергетике, синергетике информационных процессов, в том числе в психофизиологии человека.

Новая методология науки открывает нетрадиционные горизонты в изучении феномена голоса. Из сферы профессиональной вокальной педагогики проблема голосоведения переходит в общегуманитарную и общенаучную область, занимая одно из ведущих мест среди актуальных вопросов развития культуры, психологии личности, социальной психологии, психологии труда. Точно и органично настроенный голосовой аппарат обеспечивает гармоничное развитие человека – формирование субъекта труда, личности и индивидуальности, его нормальную социальную адаптацию и оптимальную самореализацию. Каждому учащемуся, студенту, а также и специалисту-профессионалу важно научиться четко мыслить и красиво (красивым тембром) звучать.

Сознательное использование природных голосовых способностей делает человека более чутким, он тонко слушает интонации в общении с другими людьми. Довольно отчетливо прослеживается экологическая и медико-оздоровительная область голосоведения. Голос отражает общее

психофизиологическое состояние человека. По голосу определяют возраст, настроение, активность, уровень работоспособности, потенциалы жизнеспособности человека. Голосовая диагностика вошла в практику целителей, «прослушивающих» состояние отдельных органов и функциональных систем организма. Недавно голосовую диагностику начали применять в педагогике, логопедии, дефектологии, нейрофизиологии, клинической терапии. На этой базе расширяется и приложение голосоведческих методов и технологий в восстановлении функциональных систем и лечении отдельных болезней. Известны методы применения таких методов ларингологами, фониатрами, в терапии сердечно-сосудистых заболеваний, в хирургии, психотерапии и др. В последнее время голосообразование привлекает внимание биофизики, акустики и биомеханики, которые изучают полевой геном человека (П.Горяев).

Значение голосового аппарата для человека и человечества будет многократно возрастать в будущем. Звучание голоса у современного человека, как можно думать, находится еще в начальной стадии развития.

Литовчик Е.О., Ирецкий А.Н.

БИОПСИХОЛОГИЯ РЕЦЕПТОРНЫХ ЗОН С N-ОБРАЗНОЙ И ЛОГАРИФМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Закон Вебера–Фехнера (1868), описывает логарифмическую зависимость между силой раздражителя и силой ощущения. В чем назначение этой закономерности? Из общей теории измерительных систем известно, что измерительные приборы с логарифмической характеристикой обеспечивают одинаковую (максимальную) точность регистрации в широком динамическом диапазоне измерений (без переключения пределов). Физик Фехнер был свободен от мистического трепета перед измерительной аппаратурой и школьной математикой, для него были «очевидными» смысл и биологическое назначение открытой им логарифмической зависимости, и поэтому он не счел нужным обсуждать их особо. Возможно, идея родилась ранее, когда в конкретных экспериментах было открыто семейство логарифмических кривых. Биологическое назначение – повышение точности регистрации в широком динамическом диапазоне. Биологическое назначение зон с иными типами зависимости может стать понятным только при патофункциональном анализе. Так называемые зоны болевой, проприоцептивной, температурной и полимодальной сенсибилизации отличаются от «фона» наличием нелинейной зависимости N-типа с «падающими» участками кривой. Трудно-

сти аппаратурного изучения указанных зон (известных также под названием зон Геда-Захарьина) усугубляются неустойчивостью характеристик. В описаниях преобладают качественные оценки типа «инверсия адаптации анализатора» или даже «извращение (?!) болевой адаптации». Биологическое назначение этих зон остается без объяснения. Едва ли оно тоже может стать понятным без привлечения аналогий, существующих за пределами биологической или психологической традиции.

В теории нелинейных колебательных процессов (в электронике) давно известна зависимость: элементы с N-образными характеристиками статически неустойчивы и переходят в режим генерации релаксационных колебаний, если рабочая точка находится на падающем участке кривой. Релаксационные генераторы легко синхронизируются в широком диапазоне частот внешними периодическими воздействиями.

Без особых затруднений обнаруживается, что при равномерных воздействиях на широкую область, включающую зоны Геда-Захарьина, возникает феномен *локальных осциллирующих ощущений* (ЛОО), если сила воздействия соответствует падающему участку характеристики. Это явление может быть изучено при нанесении на кожу испытуемого химических раздражителей, включенных в отечественной фармацевтической классификации в группу «отвлекающих средств». ЛОО возникают в состоянии покоя, особенно легко при концентрации внимания человека на поиске ощущений, которые усиливаются на вдохе или выдохе (т.е. осциллируют в ритме дыхания). В силу традиции процессы адаптации к боли рассматриваются как заведомо полезные для сохранения психического оптимума. «Терпение» = развитие адаптации болевого анализатора относится к психофизиологическим реакциям стрессорного типа и соответствует той части спектра, которая реализует экстренную эрготропную мобилизацию на борьбу или бегство. Не окажутся ли тогда реакции преодоления болевой адаптации полезными в ситуациях вне стресса, то есть в состоянии покоя или сна? Психофизиологический феномен ЛОО явно относится к группе реакций, направленных *против развития и поддержания болевой адаптации* в зонах Геда-Захарьина.

Мы утверждаем, что биологическое назначение N-образной зависимости силы восприятия от силы раздражителя в зонах Геда-Захарьина – преодоление адаптации болевого анализатора, выявление локальных «отраженных» болей и дизестезий именно в ситуациях покоя, во время «медленного сна» гипнотического транса. В рамках «европейской» медицинской традиции намеренное выявление отраженных болей и дизестезий использовалось в целях врачебной диагностики, а их локализация воспринималась только как симптом конкретного патологического процесса. Вне рассмотрения оставалась роль подобных «отраженных бо-

лей» в ликвидации патологии. Но любой симптом способен оказаться сигналом отклонения от оптимума, действующим в системе соматической регуляции, то есть собственные восприятия из зон Геда-Захарьина, где функциональная характеристика имеет N-образную форму, окажутся сигналами отклонения от оптимума, действующими в системе соматической авторегуляции. Процессы длительной адаптации к таким восприятиям способны обеспечить накопление различных патологических сдвигов с малой выраженностью и тенденцией к затяжному течению («накопление ошибок управления» по М.М.Хананашвили). Это состояние известно как «синдром длительной монотонной мобилизации» и (некорректно) «хронический стресс». Преодоление длительной адаптации в отношении восприятий из зон Геда-Захарьина ведут к активации процессов регуляции, к ускоренному восстановлению соматического оптимума. Данная концепция послужила обоснованием для создания «*несловесного аутотренига*» (1980, 1989) для терапии психогенных расстройств у «самоотверженных» и тревожных пациентов.

Матюхина О.И.

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ НА ВОСПРИЯТИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Целью исследования явилось изучение влияния характеристик личности на восприятие невербального поведения человека. Исследование восприятия невербального поведения проводилось с помощью оригинального опросника, содержащего 30 элементов. Испытуемым предлагалось оценить по 7-балльной шкале значимость указанных элементов при восприятии другого человека. Диагностика индивидуально-психологических характеристик осуществлялась с помощью 16-ФЛО (опросник Кеттелла, форма А), пятифакторного опросника «В-5», ориентировочной анкеты (направленность личности), опросника межличностных ориентаций (русскоязычная адаптация методики В.Шутца), методики исследования способов поведения личности в конфликте Томаса, методики исследования социального интеллекта (адаптация теста Дж.Гилфорда и М.Салливена), методики исследования невербального интеллекта «Домино–48», методики исследования интеллекта Кеттелла, краткого отборочного теста (КОТ). Объектами исследования являлись студенты 2 курса государственного технического вуза (100 человек).

В результате факторного анализа 30 невербальных характеристик было выявлено 9 факторов, в которые вошли следующие невербальные элементы: 1 фактор – интимное и личное пространство; 2 фактор – раз-

борчивость, размер, красота почерка; 3 фактор – полнота тела, рост, нос, цвет кожи и волос, дороговизна одежды; 4 фактор – наклон бровей, брови, наклон уголков рта; 5 фактор – походка, осанка, форма головы, лоб; 6 фактор – жесты защиты, открытости, оценки; 7 фактор – опрятность одежды, прическа, особенности запаха; 8 фактор – скорость речи, интонация; 9 фактор – глаза, взгляд, рот, улыбка.

Корреляционный анализ по 9 факторам ($p<0,05$) дал следующие результаты: на проксемике акцентируют внимание индивиды, направленные на взаимодействие, обладающие низким самоконтролем поведения. Почерк значим для людей, направленных на задачу. Анатомические особенности важны для эмоционально неустойчивых индивидов. На положении бровей акцентируют внимание люди с развитым общим и социальным интеллектом, уравновешенные, независимые, чувствительные и мечтательные. Кинесика важна для добросовестных лиц с невысоким невербальным интеллектом. Жесты значимы для экстравертированных, проявляющих инициативу в установлении социальных контактов, экспрессивных, смелых в общении, имеющих богатое воображение, утонченных, в конфликтных ситуациях выбирающих стратегию приспособления. Внешний облик значим для инициативных людей в установлении контактов, но не открытых опыту. На характеристики голоса обращают внимание слабые, робкие, подчиненные, направленные на себя, а не на задачу и зависимые от группы индивиды. Выражение лица значимо для мечтательных, консервативных, с развитым общим интеллектом и не выбирающих стратегию соперничества в конфликте.

Для индивида направленного на взаимодействие значим такой элемент, как интимное пространство; при направленности на задачу важна разборчивость почерка и не имеет значение полнота тела; люди открытые опыту, чувствительные, мечтательные, с высоким уровнем невербального, социального и общего интеллекта акцентируют внимание на наклон бровей; добросовестные индивиды присматриваются к походке; смелые, доминантные с высоким нормативным поведением и приспосабливающиеся в конфликте обращают внимание на жест защиты; экстраверты, экспрессивные, общительные, инициативные в установлении контактов, с высоким нормативным поведением, консервативные, зависимые от группы и с высоким уровнем самоконтроля люди внимательны к опрятности одежды; для направленных на себя, а не на защиту, мечтательных, самодостаточных, с высоким общим и невербальным интеллектом, значима интонация голоса; люди чувствительные, открытые опыту, дружелюбные, но с невысоким невербальным интеллектом обращают внимание на характеристики рта.

Никандров В.В., Новочадов В.В., Сонина Э.К.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПСИХОМОТОРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Опираясь на предложенную нами унифицированную модель системы характеристик психомоторных процессов (1997–98), в основе которой лежат идеи В.А.Ганзена, мы проанализировали совокупность характеристик психомоторной сферы человека и очертили систему характеристик мышечных движений и систему двигательных свойств человека.

Первая система включает в себя характеристики единичных и комплексных движений. Любое мышечное движение характеризуется показателями точности, скорости и силы (Н.А.Розе). Сопоставив эти параметры с указанной моделью, видим, что они отражают соответственно пространственную, временную и энергетическую стороны движения. Необходимо дополнить этот список информационной (качество) и интегративной (единство) характеристиками. В качестве первой по аналогии с другими психическими процессами предлагается принять показатель модальности. В качестве второй – координированности.

Модальность движения – это характеристика, указывающая на качественную специфику двигательного акта, отличающую его от других двигательных актов даже при совпадении их точности, скорости и силы. Определяется модальность (разновидность) движения двумя факторами: органом, исполняющим его, и целью соответствующего действия. Например, удар волейболиста по мячу рукой, футболиста – ногой. Единство всех четырех показателей (точности, скорости, силы и модальности) в одном движении реализуется в его координированности, т.е. в согласованности всех параметров для получения нужного моторного эффекта.

Любой комплекс единичных движений, будь то повторение одних и тех же единичных двигательных актов или совокупность разных движений, может характеризоваться помимо перечисленных выше пяти показателей двумя более сложными, отражающими организацию нескольких движений в единый комплекс – темп и ритм. Под темпом понимается степень быстроты исполнения движений, измеряемая количеством движений в единицу времени, т.е. частота. Ритм – это упорядоченность движений, заключающаяся в их чередовании с определенной последовательностью и частотой. Периодичность при этом постоянна. Ритмизации подвергаются все характеристики движения: временная – в виде конкретной частоты, пространственная – в виде упорядоченных повторений траекторий, энергетическая – в виде упорядоченных повторений силовых импульсов, модальностная – в виде чередования разновидностей

движения. Ритмичность движений является базой к выработке высокой моторной выносливости и автоматизации движений человека.

Указанные характеристики движений преломляются в психомоторной организации человека в его качества. К основным из них следует отнести: силу, быстроту, пластичность, выносливость и ловкость. Всем перечисленным характеристикам даны строгие определения.

Олехнович М.О.

ГИПОТЕЗА В УСЛОВИЯХ НАВЯЗЫВАНИЯ

Человек постоянно строит гипотезы на основе информации, поступающей извне и уже имеющейся. Внешний канал информации способен в разной степени влиять на процесс формирования гипотез. Если у человека существует готовая гипотеза, поступление новой информации влияет на нее в наименьшей степени. Если же готовой гипотезы не было, она воспринимается как ориентир при построении новой. Если человек никогда ранее не сталкивался с подобными явлениями, он не ждет его повторения, а генерирует предположения о его природе (К.Поппер) Чем больше влияние поступившей извне информации, тем выше степень навязанности гипотезы. Степень навязанности зависит не только от наличия или отсутствия гипотезы. Она зависит и от сложности задания: чем сложнее задание, тем выше навязанность гипотезы. Устойчивость навязанной гипотезы соответствует эффекту генерации: человек лучше запоминает то, что придумал сам (Дж.Якоби). Но в условиях полной неопределенности, когда нет никаких оснований для принятия решения, навязанные гипотезы могут сравняться с собственными по эффективности воспроизведения. Особенно полезным оказывается навязывание в творческой деятельности. Оригинальность творческого продукта повышается, когда требования к этому результату задаются извне (А.Финке).

Экспериментальное исследование навязывания гипотез проводилось в условиях высокой неопределенности. В качестве стимульного материала использовались вопросы, на которые никто не знает ответа. Например: «Сколько процентов птиц летают со скоростью больше 5 километров в час?» или «Сколько процентов коммерческих спутников выведено на орбиту Земли?» В контрольной группе испытуемые отвечали на 30 подобных вопросов и указывали свое мнение в процентах. В экспериментальной группе перед ответом на каждый вопрос зачитывалась случайная цифра, которая определялась на основе случайного выбора. Через несколько минут после заполнения всех испытуемых просили воспроизвести выставленные числа по памяти.

Результаты показывают, что операциональным определением навязанности является диапазон групповых различий. Чем больше вариантов ответов, тем меньше степень навязанности гипотезы. Собственные и навязанные гипотезы различаются по эффективности воспроизведения. Испытуемые допускают меньше ошибок при воспроизведении чисел, которые генерировали в свободном режиме. В условиях навязывания эффективность воспроизведения падает. В условиях навязывания для испытуемых является характерной недооценка. Вне условий навязывания они склонны слегка переоценивать первичные результаты.

Все полученные данные свидетельствуют о том, что условия формирования гипотезы определяют ее дальнейшее существование. Если гипотеза возникала под влиянием навязывания, она менее вариабельна, хуже воспроизводится, больше контролируется. Со временем она должна превратиться в собственную. В ходе превращения навязанная гипотеза проходит через ряд изменений с целью ее согласования с опытом испытуемых. Корректирование гипотезы уменьшает ее устойчивость в экспериментальных условиях, но способствует повышению ее устойчивости в дальнейшем, когда она станет собственной.

Первова И.Л.

ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Необходимость воспитания образованных, ответственных и заботливых детей понимает практически каждый, а то, что добиться этого можно только через продуманную и четко организованную систему непрерывного обучения, осознают лишь немногие. К сожалению, в системе отечественного образования этот раздел относится к категории практически утраченных, поскольку вопросами социального и эмоционального развития подрастающего поколения теперь не занимаются ни институты благородных девиц, ни кадетские корпуса, ни октябрятско–пионерско–комсомольские организации, а новых альтернатив в системе российского образования пока не существует. Вопрос о том, что плохо, а что хорошо, что можно, а что нельзя при тех или иных обстоятельствах, решается детьми зачастую по собственному разумению с учетом семейного и личного коммуникативного опыта, прочитанных или увиденных ситуаций, а также собственных возможностей. Значимость введения системы социального обучения в образовательные учреждения и прежде всего в школе очевидна, но до осознания и обсуждения этого на государственном уровне в России пока еще очень далеко.

Вместе с тем в США эта проблема поднята на национальный уровень рассмотрения, а в разных штатах действует большое количество локальных программ, занятых социально-эмоциональным развитием детей и подростков. По отсроченным результатам действия таких программ в нескольких тысячах школ было установлено, что общая успеваемость учащихся возрастает, снижается уровень делинквентных проявлений и улучшаются отношения между детьми. Рабочая атмосфера в таких школах воспринимается только положительно как детьми, так и взрослыми.

Социально-эмоциональное обучение предполагает развитие способности понимать, выражать и регулировать социально-эмоциональные аспекты собственной жизни путем успешного выполнения жизненных задач, решать насущные проблемы, налаживать взаимоотношения, адаптироваться к усложняющимся требованиям процесса развития и взросления. Это включает работу над самосознанием, контроль импульсивности, способность взаимодействовать и заботиться о себе и о других. Достигнуть этого можно только совместными усилиями школы, родителей и общественности, когда проводятся мероприятия по: а) повышению детской самоорганизации и навыков коммуникации, совершенствованию умения решать проблемы и принимать решения; б) формированию просоциальных отношений к себе, к другим, к работе и учебе; в) информированию учащихся о здоровье, о социальной ответственности.

Значение социально-эмоциональных навыков для обучения в целом подтверждается новейшими исследованиями в области нейропсихологии, которые показали, что эти навыки вносят существенный вклад в успешность развития мышления и процесса научения, которые традиционно считались сугубо когнитивными. Процесс мышления теперь рассматривается как явление в котором когнитивные и эмоциональные составляющие работают по принципу синергичности.

Необходимость развития социальных навыков с детства должна была бы активизировать детские учреждения в создании программ, скоординированных учебных планов по разным дисциплинам, и т.д., однако наибольшее внимание социально-эмоциональные навыки получили в сфере коммерции и бизнеса всех рангов. Теперь бизнес кроме знаний, соответствующих конкретной специальности, ищет в работниках новые качества: подвижность мышления и скорость в решении проблем, возможность кооперации с другими и их мобилизации, способность к общению с большим количеством людей в различных ситуациях.

Приснякова Л.М., Присняков В.Ф.

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕСТИМУЛЬНОГО ИНТЕРВАЛА НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ВРЕМЕННОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

Проанализированы эксперименты по воспроизведению временной длительности, в частности опытные данные Г.Эйслера (1994), по влиянию на нее послестимульного интервала. Обосновывается вывод о целесообразности выбора в качестве нормирующего параметра – времени задаваемого стимула. Определены оптимальные значения нормированного послестимульного времени (~0,115), при которых величина воспроизводимой длительности равна задаваемому стандарту. Сделан вывод, что процесс принятия решения по определению длительности временного интервала состоит из двух частей: 1 – на 2/3 имеет место во время подачи стимула, и 2 – в период, специально предназначенный для получения ответа. В случае восприятия времени принятие решения о длительности стимула–стандарта аналогично процессу заучивания путем многократного повторения информации, поступающей в мозг человека в период задания раздражителя-стандарта. Поэтому протекание этого психологического процесса прогнозируется при помощи зависимости, описывающей кривую научения в виде, полученном авторами (В.Ф.Присняков, Л.М.Приснякова). Процесс принятия решения о величине временного интервала в памяти человека начинается сразу же после подачи стимула-раздражителя и в течение его показа на 2/3 определяет величину правильного ответа. Анализ хода процесса воспроизводимости интервала времени от относительного послестимульного интервала показал, что процесс принятия решения в этом случае близок к воспроизведению слов после одного повторения. Полученные результаты могут использоваться для прогнозирования психологических процессов, связанных с воспроизведением временной длительности.

Приснякова Л.М., Слободенюк Л.И.

О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТЛИЧИЯХ ИНДИВИДУУМОВ С РАЗЛИЧНОЙ ПОЛУШАРНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Определены количественные характеристики накопления и хранения различной стимульной информации детьми (250 чел. здоровых и 150 больных олигофренией). В качестве количественных параметров взяты постоянная времени переработки информации памятью и некоторое предельное значение информации, хранящейся в памяти достаточно

долго. Получено, что здоровые дети с доминирующим левым полушарием накапливают информацию в среднем на 10% больше, а больные на 16% больше, чем с доминирующим правым полушарием. Те же количественные характеристики процесса хранения информации подтвердили эту тенденцию. Дети с доминирующим левым полушарием удерживают информацию на 21% больше, а больные – на 3% процента по сравнению с правым полушарием. Сравнительный анализ процессов накопления и хранения информации по половому признаку показал, что в процессе накопления информации здоровые левополушарные девочки заучивают ее на 7% больше, чем мальчики. У большинства детей процесс хранения информации дает практически одинаковые значения определяющих параметров. У мальчиков процесс забывания более эффективный, чем у девочек (у здоровых на 12%, а у больных на 19%).

Сравнение количественных показателей научения и забывания позволяет оценивать степень эффективности достаточно сложной психической деятельности индивидуумов с различной полушарной ориентацией. Количественные характеристики процессов научения и забывания могут быть полноправными компонентами наряду с другими тестами для определения доминирующего полушария.

Глава 7. ПСИХОЛОГИЯ В МЕДИЦИНЕ

Бобошкин Ю.В.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

Целью выполняемой нами работы является изучение ценностных ориентаций подростков-сирот с различными нарушениями психического и физического развития. Задача исследования – изучить особенности ценностных ориентаций указанных категорий подростков, их представлений и направленностей в жизни, в частности с перспективой на создание собственной семьи, а также поиск способов профилактики и корректировки социального поведения и жизненного выбора.

Мы предполагали, что, несмотря на нарушения интеллекта, подростки-сироты способны к достаточно успешной интеграции в социальную жизнь и уже в условиях интернатских учреждений могут приобрести навыки социализации и ориентацию на полноценную семейную жизнь.

Результаты исследований, проводившихся с использованием методик М.Рокича, Д.Я.Райгородского, Дж.Бука, Рене Жиля и др., на группах воспитанников и выпускников Детского дома № 41 «Благодать» (Санкт-Петербург), которые предполагается использовать для совершенствования организации воспитательной работы, показали, что: формирование ценностных ориентаций протекает по-разному в зависимости от пола, возраста и характера психической депривации; жизненная ориентация зависит от наличия или полного отсутствия каких-либо родственников; формирование ближайшего окружения осложняется искаженным представлением о социальных нормах и половым деморфизмом.

Довгуша А.В.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Проблема психологической помощи детям с двигательными нарушениями является чрезвычайно актуальной. Любая болезнь существенно влияет на систему отношений ребенка, причем отрицательное влияние оказывает не только сама болезнь, но и болезненное реагирование окружающих, особенно родителей, неправильное воспитание по типу гиперопеки, частое пребывание ребенка в больнице или санатории, разно-

образные хирургические вмешательства. Для правильного понимания процесса психического развития больного ребенка важно определить роль и значение каждого фактора, влияющего на процесс развития ребенка, выявить его потенциальные возможности. В немногочисленных работах отечественных и зарубежных авторов, посвященных данной проблеме, подчеркивается дисгармония развития личности у детей с двигательными заболеваниями (А.Адлер, Л.С.Выготский, В.В.Ковалев).

Систематических исследований способов психологической защиты проведено немного. Наиболее популярными являются проективные методы, ориентированные на изучение неосознаваемых форм мотивации. Однако данных по исследованию защитных механизмов личности у детей с двигательными нарушениями в доступной нам литературе нет.

Наше исследование структуры личности здоровых детей (8–11 лет) и детей с двигательными нарушениями проводилось с помощью многофакторного личностного опросника Кеттелла, методики фрустрационной толерантности Розенцвейга. Анализ личностной позиции, интерперсональных связей и защитных механизмов велся по проективной методике Детский апперцептивный тест (CAT). Проективные и самооценочные показатели сопоставлялись с помощью корреляционного анализа.

У детей с двигательными нарушениями в сравнении со здоровыми школьниками наблюдается выраженная эмоциональная неустойчивость (более высокая чувствительность, тревожность, зависимость от других и низкий уровень психической адаптации), что проявляется в невротичности, высокой фрустрированности. Анализ личностной позиции показал, что больные дети чаще занимают страдательную позицию, они бездеятельны, зависимы, чаще предоставляют действовать другим, неспособны активно развивать реальные события, предпочитают ждать благоприятного стечения обстоятельств. У большинства детей с двигательными нарушениями действенная позиция носит демонстративный и компенсаторный характер, провоцирует конфликтное развитие события.

Из анализа данных здоровых детей можно говорить о том, что они значительно чаще предпочитают действенную позицию. Здоровые дети более активны, направлены на изменение ситуации, на активный выход из конфликта, на развитие событий или их предупреждение. Личностная позиция здоровых детей более дифференцирована и адекватна.

Анализ интерперсональных связей показал, что дети с двигательными нарушениями более замкнуты, неуверены в себе, подвержены различным страхам, чувствительны. Взаимоотношения здоровых детей более активные и динамичные. Больные дети часто проявляют завышенные требования, события воспринимаются как фатальные, неизбежные, отсюда пассивность, робость. Поведенческие реакции здоровых

детей в большей степени обусловлены высоким самоконтролем, ответственностью, хорошим уровнем социальной адаптации, а у детей с двигательными нарушениями такими характеристиками, как эмоциональная неустойчивость, повышенная зависимость и высокая фрустрированность.

Результаты работы показали конкретную практическую значимость диагностируемых по методике Розенцвейга и CAT категорий: поведенческие реакции в ситуации конфликта, личностная позиция являются прямыми показателями тенденций личности, опираясь на которые строится программа дальнейшей диагностики и собственно психокоррекционной работы. С помощью методики CAT были исследованы способы реагирования и защитные механизмы детей, которые оказались несовершенны и неэффективны у больных детей, индивидуальный анализ их позволяет проследить причины психической дезадаптации и невротического поведения детей с двигательными нарушениями.

Демченко О.А.

ВЛИЯНИЕ САМОКОНТРОЛЯ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

Число больных, страдающих сахарным диабетом, неумолимо растет, увеличивается и количество детей страдающих этим заболеванием. Сахарный диабет – хроническое эндокринное заболевание, характеризующееся нарушением всех видов обмена веществ. Основным признаком диабета является увеличение уровня содержания сахара в крови.

Эндокринная и нервная система координируют деятельность всех органов и систем организма, обеспечивая адаптацию и приспособление организма к постоянно изменяющимся факторам внешней и внутренней среды, результат их деятельности – сохранение гомеостаза, который является обязательным условием сохранение жизни человеческого организма. При диабете одно из звеньев регулирующей системы дает сбой. Становится ясно, что больной диабетом находится в хроническом стрессе, на который организм дает психофизиологические реакции.

При сахарном диабете, пока человек не научится дифференцировать свое состояние (колебания уровня сахара в крови могут иметь место несколько раз в сутки), в ЦНС поступают сигналы о нарушении гомеостаза, воспринимаемые как недифференцированная угроза жизни. Больные хронически испытывают чувство тревоги, а это само по себе ведет к биохимическому сдвигу и дальнейшей декомпенсации заболевания.

В основе теории личности А.Маслоу лежит предположение, что все потребности человека организованы в иерархическую систему и для удовлетворения потребности в самоуважении, самоактуализации прежде всего должны быть удовлетворены физиологические потребности. При сахарном диабете происходит нарушение удовлетворения практически всех физиологических потребностей на клеточном уровне. Естественно, так же неудовлетворена потребность в безопасности.

При проведении адекватной терапии удовлетворяются только физиологические потребности. Но относительный психологический комфорт достигается только обучением больных самоконтролю, в ходе которого человек учится распознавать биохимические изменения, происходящие в организме, т.е. обозначение угрозы, проистекающей изнутри.

В условиях нашей школы дети кроме общеобразовательной программы обучаются контролировать свое состояние, самостоятельно вводить инсулин, проводить элементарный анализ крови на сахар (экспресс-методом), оказанию доврачебной помощи в экстремальных ситуациях. Полученные знания и навыки позволяют детям приобрести большую уверенность в благополучном исходе острых состояний и приобрести уверенность в себе. Кроме этого, удовлетворяется еще одна потребность – потребность в принадлежности, дети находятся в среде себе подобных, с хорошо компенсированным течением диабета.

Проведенные мною исследования подтверждают снижение уровня личностной тревожности и стабилизации эмоционального фона у вновь поступивших в школу детей к концу учебного года. Средние оценки личностной тревожности не отличаются от показателей здоровых детей тех же возрастных групп. Имеет место положительная зависимость между коэффициентом психологической адаптации и длительностью обучения самоконтролю. В настоящий момент в программу по самоконтролю введены занятия по психоэмоциональной разгрузке.

Дьяконова Т.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ ПОДРОСТКОВ С УЧЕТОМ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Немногочисленные исследования особенностей психического развития детей, воспитывающихся без попечения родителей, говорит о наличии целого ряда качественно негативных особенностей, которые сопровождают развитие ребенка на всех возрастных этапах от младенчества до юности. Особенно мало изученным оказался подростковый возраст.

В процессе психодиагностического обследования 80 воспитанников детских домов (14–16 лет) с помощью методик Айзенка, Кейрси, Шмишека, Кеттелла выявлены характерологические особенности и типы темперамента подростков. Психологическая коррекция проводилась по рекомендациям Т.В.Маталиной (1992) и разработкам Б.В.Овчинникова [1995]. Подростки по результатам психологического обследования разделены по сходству характерологических особенностей и типам темперамента, что обеспечило индивидуальный подход к коррекции.

В индивидуальной психологической коррекции мы использовали аутогенную тренировку в сочетании с убеждением, мысленным проигрыванием ситуаций, моделированием будущего, «вживанием» в положительный образ, повышением коммуникативной компетентности; развитие волевых качеств. Психокоррекция позволила (по данным опроса воспитателей детских домов) улучшить эмоциональное состояние и стабилизировать социальное поведение большинства подростков.

Ершова С.К.

ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АТЕРОСКЛЕРОТИЧЕСКИХ ПОРАЖЕНИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Хирургическое лечение атеросклеротического поражения сонных артерий – новое направление в сосудистой хирургии. Применение экспериментально-психологического обследования позволяет производить отбор больных к операции с учетом психического состояния, а также целенаправленно осуществлять психокоррекционные мероприятия на различных этапах хирургического лечения.

В проведенном комплексном нейропсихологическом исследовании 113 больных (средний возраст 58±9 лет) указанной патологии уточнялись особенности в дифференциации функций разных полушарий, а также оценивалась динамика психического состояния больных в процессе хирургического лечения. Дифференцированная оценка высших психических функций и эмоциональных состояний больных на разных этапах лечения осуществлялась на основании разделения больных на группы в зависимости от стороны поражения сонных артерий.

Регрессионный анализ выявлял основные факторы, влияющие на психическую деятельность пациентов. Для «правосторонних» больных наиболее характерен худший соматический статус, больший возраст, а также повышенный уровень депрессии. «Левосторонние» пациенты имеют самооценку памяти выше среднего при выявленных нарушениях продуктивности слухоречевой памяти и ориентировки в схеме тела,

сниженном объеме долговременной слуховой памяти. Для пациентов с «двусторонним» поражением характерно нарушение ориентировки в схеме тела и одновременно с этим уменьшение нарушений экспрессивной речи, увеличение уровня психопатизации (повышение по шкале психопатии mini–MMPI), а также более высокий уровень образования.

В динамике все группы больных обнаружили снижение уровня ситуационной тревожности сразу же после операции, причем в отдаленном послеоперационном периоде у больных также сохранялся низкий уровень тревоги. Показатель же депрессии, напротив, снизившись после оперативного вмешательства, превысил уровень легкой депрессии в отдаленном периоде обследования во всех группах больных.

Наиболее положительная динамика функций выявлялась в группе «правосторонних». Отмечено улучшение показателей мнестической деятельности и пространственного мышления, аттенционных особенностей больных: возросла работоспособность и продуктивность. Можно отметить положительные сдвиги в ориентировке в пространстве, динамическом праксисе левой руки, стереогнозисе и зрительном гнозисе. В группе «левосторонних» произошли менее выраженные изменения. Из достоверных можно выделить улучшение показателя слухоречевой памяти, а также увеличение продуктивности внимания. В целом можно отметить общий позитивный характер динамики в группе «левосторонних». По нейропсихологическим показателям лучшие сдвиги произошли в пробах: письмо, конструктивный праксис, ориентировка в пространстве,

На заключительном этапе исследования были разработаны и включены в комплексное лечение больных дифференцированные методы психокоррекции, используемые на различных этапах лечения.

Зайнуллина М.А.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ГИПЕРТОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ

Наиболее распространенными заболеваниями сердца и сосудов являются артериальные гипертензии, в том числе важнейшая из них – гипертоническая болезнь. Гипертоническая болезнь третьей стадии имеет различные осложнения, такие как атеросклероз сосудов, стенокардия, инфаркт миокарда, мозговой инсульт, при которых нарушаются и психические функции. Необходимость изучения работы высших психических функций при различных формах артериальной гипертензии обусловлена частыми жалобами больных на снижение памяти и внимания.

Цель настоящей работы: установление психологического механизма изменений памяти и внимания при гипертонической болезни второй и третьей стадии с учетом возрастных изменений указанных функций.

Нами обследовано 40 больных гипертонической болезнью II и III стадии и ишемической болезнью сердца со стенокардией напряжения или инфарктом миокарда, поступившие на лечение в клинику терапии №2 ВМА, в возрасте от 30 до 60 лет (средний возраст 49,2 года), 19 женщин и 21 мужчина. Длительность заболевания варьирует от 2 месяцев до 20 лет. Больные разделены на три подгруппы I – гипертоническая болезнь второй стадии – неосложненный вариант; II – гипертоническая болезнь третьей стадии – осложненный вариант, гипертоническая болезнь в сочетании с ишемической болезнью сердца, III – ишемическая болезнь сердца (инфаркт миокарда, стенокардия напряжения). Для сравнения данных используются две контрольные группы здоровых испытуемых. В первой группе – молодые люди в возрасте 22–35 лет (60 человек) и вторая группа испытуемых в возрасте 40–60 лет (40 человек).

Для реализации поставленных задач используются следующие методы исследования: для изучения мнестической деятельности – методика заучивания 10 слов (тест обучаемости по А.Р.Лурия), методика «Образная память», методика непроизвольного запоминания Невельского, методика исследования объема кратковременной памяти; для изучения уровневых показателей внимания и интеллектуальной работоспособности, – методика Горбова-Шульте «Красно-черная таблица»; методика Шульте «5 таблиц поиска чисел»; тест Струпа в модификации H.Wolfram (1989); клинико-психологическое интервью для исследования особенностей когнитивной сферы больного, а также выявления характера жалоб на интеллектуальную деятельность.

При клинико-психологическом интервью в 70% случаев отмечаются жалобы на память и внимание. Больные преимущественно связывают ухудшение памяти с гипертонией, особенно чувствуют снижение умственной работоспособности после гипертонических кризов.

В ходе экспериментально-психологических исследований выявлено, что больные в целом хуже, чем здоровые того же возраста справляются с заданиями на зрительное и слухо-речевое запоминание, а также у них наблюдается снижение объемных характеристик памяти. Значительные трудности у них вызывает отсроченное воспроизведение, что свидетельствует о быстром стирании следов кратковременной памяти. При исследовании внимания вызывают несомненный интерес следующие особенности больных: во-первых, отсутствие статистически значимых различий от молодых испытуемых по показателям врабатываемости, психической устойчивости, по объемным показателям внимания, а во-вторых,

наблюдаются значительные сложности, когда требуется концентрация и переключение внимания. Такая картина существенно отличается от изменений при сосудистых поражениях головного мозга.

Специфика познавательных процессов при гипертонической болезни и ишемической болезни сердца имеет отличный характер от изменений, происходящих при сосудистых заболеваниях головного мозга и от собственно возрастных изменений.

Защиринская О.В.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ПОДРОСТКОВ

Современное состояние вопроса социально-трудовой адаптации умственно отсталых подростков обусловлено не только объективными социально-экономическими проблемами общества, но и связаны с недостаточным научно-теоретическим обоснованием профессионального отбора, психологической реабилитации в структуре профориентационной работы с выпускником специальной (коррекционной) школы.

В предпринятом нами экспериментальном исследовании изучалось, насколько несформированность коммуникативных навыков влияет на процесс социально-трудовой адаптации умственно отсталых выпускников. Осознание профессиональной пригодности невозможно без формирования адекватных представлений о собственных способностях в общении на основе анализа ситуаций межличностного взаимодействия.

Результаты исследования показали, что личностная и коммуникативная незрелость проявляется у умственно отсталых подростков в неустойчивых ситуативных взаимодействиях, которые осложняются наличием тревожности и агрессивности. Показатель нейротизма оказался самым высоким у умственно отсталых подростков. Выраженная эмоциональная неустойчивость объясняется несколькими причинами. Во-первых, расширение круга общения позволяет подростку лучше осознать собственный дефект. Во-вторых, активизация процесса социализации приводит к фрустрационным переживаниям по поводу собственной несостоятельности как субъекта деятельности и межличностных отношений. Несмотря на свойственный умственно отсталым подросткам поверхностный характер эмоциональных переживаний, они говорят о том, что «часто нуждаются в поддержке друзей», «мешают уснуть разные мысли»; «легко расстроить, критикуя их работу». Частыми являются переживания страха одиночества, который провоцирует размышления суицидального характера: «Бывают моменты, когда не хочется жить».

Умственно отсталый подросток не придает большого значения межличностным отношениям, испытывая при этом постоянный дискомфорт. В рассуждениях об общении с людьми желаемое просто выдается за действительное. Лживость свойственна больше подросткам мужского пола, у которых выше так же и показатель нейротизма (15,8) по сравнению с респондентами женского пола (12,8). Результаты наблюдения и анкетирования педагогов подтверждают, что в поведении, общении мальчики-подростки выглядят социально незрелыми: хаотичны и неадекватны попытки вступить в контакт; трудно объяснить свои действия, переживания; выражена склонность бессознательно копировать ситуационные модели поведения сверстников.

Своеобразие развития коммуникативных способностей умственно отсталых подростков определенным образом влияло на процесс профессионального обучения и результаты профориентационной работы. Во-первых, предпочтение отдавалось профессиям по типу «человек – техника» и «человек – природа», где коммуникативные способности не играют ведущей роли для процесса адаптации и социализации. Во-вторых, отсутствие коммуникативной компетенции было заметнее выражено у умственно отсталых подростков с недостатками представлений о нравственных и этических нормах отношений с людьми. Типичной являлась склонность ко лжи. В-третьих, проблемы коммуникации сочетались с эмоциональной неустойчивостью, что приводило к неорганизованному поведению, ситуативной направленности на общение и деятельность. Нейротизм затруднял социальную адаптацию умственно отсталого подростка, на его фоне заметнее становились отрицательные личностные качества. Анализ результатов по методике Т.Лири показал отсутствие дружелюбного отношения к сверстникам. Среди умственно отсталых подростков оказалось меньше неформальных лидеров, нивелировались тенденции к положительному доминированию в межличностных отношениях. Характерным являлась неадекватная энергичность и хаотичность контактов со сверстниками, стремление казаться хорошим; нетерпимость или равнодушие к критике; переоценка своих возможностей; ориентация на поддержку со стороны окружающих.

Недостатки коммуникативных способностей затрудняют процесс социально-трудовой адаптации умственно отсталых подростков, способствуют осложнению вторичных нарушений психического развития. Изучение и коррекция общения актуальны для профессионально-трудовой подготовки и решения вопроса последующей адаптации и социализации выпускников специальных (коррекционных) школ.

Ильина М.Н.

СТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ С РАЗНЫМИ ФОРМАМИ ЗПР

Зависимость школьной успеваемости от интеллекта не вызывает сомнений. Именно на интеллект в младшем школьном возрасте падает основная нагрузка, так как для успешного овладения учебной деятельностью необходим достаточно высокий уровень развития мышления, речи, восприятия, внимания, памяти, психомоторики. В этой связи даже легкие парциальные нарушения интеллектуальных функций, асинхрония в их формировании вероятнее всего будут затруднять процесс обучения ребенка. Поэтому вопрос изучения интеллектуальных нарушений в зависимости от клинической формы задержки психического развития (ЗПР) является весьма актуальным. Задача исследования состояла в выявлении причин, по которым дети с ЗПР сталкиваются с затруднениями в учебе.

В исследованы 87 учащихся начальной школы в возрасте от 7 до 10 лет, имеющих проблемы в обучении. Каждый ребенок прошел комплексное обследование в Психолого-педагогическом центре «Здоровье» Петроградского района Санкт-Петербурга. Использовались анамнез, беседы и наблюдения, нейропсихологические и электрофизиологические методы, методика Векслера. По результатам обследования в зависимости от выраженности, устойчивости, динамики, вариантов сочетания различных отклонений проведена дифференциация детей по трем формам задержки психического развития: ЗПР психогенного характера, минимальная мозговая дисфункция (ММД), ЗПР церебрально-органического генеза.

Большую роль в психическом развитии ребенка играют уровень образования и социальный статус родителей, семейные отношения, стиль воспитания. Для первой группы детей эти факторы оказались крайне неблагоприятными, что отразилось на их интеллекте: дисгармоничность психологического профиля, преимущественное страдание предпосылок интеллекта, сравнительно низкое развитие вербального интеллекта. Для детей второй группы вербальный блок заданий, наоборот, выполнялся более эффективно, чем невербальный, так как время выполнения заданий не ограничивалось и, следовательно, ситуация не была для детей стрессогенной. Индивидуальная работа давала возможность регулировать темп работы, делать более частые перерывы, учитывающие цикличность интеллектуальной активности детей с ММД. Дети третьей группы имели трудности в выполнении вербальных и невербальных

заданий, так как их компенсаторные возможности уступают таковым детей первых групп.

Различия в структуре интеллекта у детей с ЗПР разных форм, их качественный анализ служат более эффективной психологической коррекции и подбору индивидуального образовательного маршрута ребенка.

Ирецкая Л.Б., Ирецкий А.Н., Рукавцова О.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ РАБОТАЮЩЕЙ РУКИ

В последние два десятилетия наиболее частой причиной длительной потери трудоспособности из-за профессионального заболевания стала так называемая *патология работающей руки*, которая фигурирует под различными названиями (профессиональный миозит, профессиональный нейрофибромиозит, и др.). Характерно, что для сходных профессиональных контингентов оценки заболеваемости в этой нозологической группе различаются у разных авторов в десяток раз: от 3–5 % и до 30–50 % (Ю.Э.Берзиньш). Невропатологи и профпатологи чаще имеют дело с развернутыми вариантами этой патологии, когда прогноз восстановления полного здоровья уже сомнителен, а способы лечения отличаются высокой стоимостью, риском осложнений и низкой надежностью. Известно, что эффективность затрат на профилактику, раннюю диагностику и превентивную терапию обычно намного выше, чем в случаях попыток лечить развернутые варианты тех же самых болезней. Кроме того, удовлетворительно исследованы патофункциональные механизмы только тяжелых вариантов поражения. Начальные формы остаются изученными в неудовлетворительной степени.

Для успешного решения проблемы полезно отыскать профессиональные группы, где уже легкие варианты патологии работающей руки рано сказываются на качестве профессиональной деятельности и привлекают значительное внимание самих пациентов. Мы обследовали две такие профессиональные группы: 1) врачей-стоматологов, работающих в амбулаториях; 2) музыкантов-исполнителей (студентов фортепианного факультета консерватории, педагогов музыкальных школ).

Исследование (1986) обнаружило, что у стоматологов профессиональная патология работающей руки широко распространена. Частота и выраженность патологии отчетливо коррелирует с рабочим стажем. Интересно, что профессиональные поражения в ускоренном темпе формировались у стоматологов детских поликлиник, хотя по формальным,

эргономическим и гигиеническим критериям работа в детских и взрослых учреждениях была одинаковой.

Отсроченное исследование стоматологов из этих двух групп позволило обнаружить, что в детских поликлиниках заметно большую долю работников составляют люди с личностными чертами «самоотверженного» типа (склонные «преодолевать себя и свои слабости», пренебрегать недомоганием). Напротив, люди эгоцентричные и эгоистичные (как и ипохондрики) обычно не удерживаются на длительный срок в детских поликлиниках. Просматривается функциональная связь между *типом личностного реагирования* на соматическую патологию и *темпом развития патологии*. Частой особенностью любой соматической патологии у медиков детских стоматологических поликлиник оказалась тенденция к затяжному и «стертому» ее течению (что позволяет говорить о формировании у них «синдрома длительной монотонной мобилизации» СДММ). Но, если врач-стоматолог еще способен сохранять приемлемый профессиональный уровень при наличии отчетливых расстройств чувствительности и трофики в области работающей руки, то у музыкантов-исполнителей патология работающей руки способна стать препятствием для сохранения профессии еще в фазе профессиональных мышечных дистоний (ПМД).

Для создания средств специфической профилактики, ранней диагностики и превентивной терапии полезно было бы уточнить условия, предшествующие и/или облегчающие манифестации ПМД. Анкетный и прямой опросы музыкантов-исполнителей, перенесших эпизоды ПМД, позволили выявить три условия. Их совпадение по времени с высокой достоверностью совпадает с началом клинических проявлений: (1). наличие и длительное сохранение тревоги, обусловленной ситуацией или личностными конфликтами (подготовка к экзаменационной сессии, конфликты в семье, неразрешимые жизненные трудности); (2). наличие какой-либо сопутствующей соматической патологии от респираторной инфекции до травм; (3). ситуативная невозможность даже на время прекратить профессиональную деятельность (самая частая причина – дефицит времени на подготовку к конкурсу или экзамену).

Психофизиологический анализ формирования ПМД обнаружил у студентов резкую и длительную активацию процессов болевой адаптации, что сближает рассмотренные варианты с синдромом длительной монотонной мобилизации. Это позволяет рассматривать ПМД как один из клинических вариантов СДММ. В соответствии с этим специфическими средствами профилактики и превентивной терапии профессиональных поражений работающей руки мы считаем классический и несловесный аутотренинг, физиотерапию, массаж.

Келли А.Джеф., Шаболтас А.В., Гранская Ю.В.

РАЗРАБОТКА ВИЧ-ПРЕВЕНТИВНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ НАРКОТИЧЕСКИ ЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

В настоящее время СПбГУ совместно с Биомедицинским центром СПИДа Санкт-Петербурга, Йельским университетом (США) и Исследовательским центром ВИЧ-превентивных программ Медицинского колледжа штата Висконсин (США) реализуется долговременная программа исследований профилактики СПИДа в Санкт-Петербурге. На основе опыта американских специалистов разрабатывается программа исследований в России с учетом социально-культурологических особенностей.

В качестве объекта исследования выступают внутривенные наркоманы. Эта категория населения является группой высокого риска в отношении ВИЧ-инфекции. В настоящее время в России и других странах передача ВИЧ-инфекции через использование грязных игл и незащищенные сексуальные контакты в среде наркоманов или их окружения является самой распространенной формой. Поэтому с точки зрения превенции крайне актуальна разработка программ для этой группы риска.

В исследовании принимают участие 80 мужчин и 80 женщин с наркотической зависимостью. Вся выборка в случайном порядке разделена на контрольную и экспериментальную группы. Экспериментальная группа получает интенсивное превентивное вмешательство в виде 4-х полуторачасовых групповых сессий в течение двух недель, направленных на снижение рискованного поведения относительно ВИЧ-инфекции, а контрольная группа – только 20 минутный образовательный фильм о СПИДе. В программу тренинга включено наряду с образовательными компонентами большое количество ролевых игр и техник для осознания риска и формирования безопасного стиля поведения.

На предварительной стадии исследования на основе данных проведения фокус-групп с мужчинами и женщинами с наркотической зависимостью нами был разработан опросник, который предлагается заполнить испытуемым до начала исследования и через три месяца после окончания. Опросник позволяет оценить значение индивидуальных социально-психологических показателей и факторов риска, таких как количество рискованных ситуаций, восприятие норм безопасного поведения, знания, установки, мотивация и уверенность в отношении изменения рискованного поведения. Опросник оценивает умение использовать формы безопасного поведения, разрешения проблемных ситуаций в отношении здоровья, связанных с взаимодействием с другими людьми.

В качестве предварительного вывода можно говорить о том, что огромное значение как для мужчин, так и для женщин, употребляющих внутривенные наркотики, играет ряд объективных факторов их существования, постоянные материальные проблемы, сложности в прохождении программ реабилитации, наличие периодов измененного сознания под воздействием наркотических средств, возраст и стаж использования наркотиков, наличие системы социальной поддержки. С психологической точки зрения особый интерес представляют факторы субъективного характера – по сути дела те чувства и переживания, установки и представления, которые могут способствовать возникновению рискованного поведения или предотвращать его развитие. Все участники отмечали, что труднее контролировать свое поведение при высоком уровне депрессии, одиночестве, отсутствии жизненных перспектив. По нашим данным подобные переживания особенно усиливаются в случае потери человеком рабочего места или отсутствия профессиональной активности. Все участники считают, что постоянная занятость полезным делом является спасательным кругом, который позволяет сопротивляться наркотической зависимости и сохранять навыки безопасного поведения.

Включение в постоянную работу, особенно если она связана с взаимодействием с другими людьми, возможность реализации себя в профессиональной деятельности являются одними из самых важных факторов сохранения активной жизненной позиции в отношении заботы о своем здоровье и предотвращения рискованного поведения.

Козловская Л.И.

РАБОТА ВЕГЕТАТИВНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ У БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ

Исследование, проведенное нами на 75 супружеских парах, один из супругов в которых страдал неврозом, показало, что для этих супружеских пар характерны дисгармоничные сексуальные и семейно-брачные отношения. Так, 70% больных неврозом и 54% их супругов оценили свои семейно-брачные отношения как дисгармоничные. Свои сексуальные отношения считали дисгармоничными 53% больных неврозом и 52% их супругов. Преобладание гармонии в сексуальных отношениях (26%) над гармонией брака в целом (10%) у больных неврозами и у их супругов (соответственно 35% и 23%) позволяет нам утверждать, что гармонии в сексуальных отношениях недостаточно для оценки брака в целом как гармоничного. Оказалось, что в парах, характеризовавшихся больными неврозами как гармоничные или дисгармоничные, преобла-

дают различия между супругами, а не между пациентами. На наш взгляд, это свидетельствует о перенесении больными неврозами ответственности за качество семейно-брачных отношений на супругов. Больные неврозами в гармоничных, по их оценкам, браках отличались более гибким поведением (при t=2,38; p=0,002), что позволяет говорить о гибкости поведения как личностной особенности, способствующей гармоничным семейно-брачным отношениям.

Использование цветового теста Люшера выявило, что у больных неврозом, считавших свой брак дисгармоничным, среднее значение вегетативного коэффициента (ВК) по К.Шипошу значительно превышает среднестатистическую норму (0,6–1,1) (Ю.И.Филимоненко). Это говорит о том, что степень симпатического доминирования (1,52 $\pm$ 0,16) превышает у них значения, при которых происходит максимальная реализация всех возможностей человека в напряженных ситуациях, что проявлялось в сковывающем напряжении, препятствующем изменению неблагоприятной ситуации. У пациентов, считавших свой брак гармоничным, вегетативный коэффициент был чуть выше средних значений (1,20$\pm$0,25), что соответствует оптимальному функционированию вегетативной нервной системы по реализации возможностей человека в напряженных ситуациях. Оптимальным вегетативный коэффициент оказался у больных неврозом, оценивших свой брак как удовлетворительный (ВК=0,91±0,22). Показатель суммарного отклонения от аутогенной нормы во всех группах находился в пределах среднестатистической «нормы» для городского жителя: (12,5–20,0), то есть его величина не зависит от оценок больными неврозами своих супружеских отношений.

Таким образом, в гармоничных и дисгармоничных, по оценкам больных неврозами, браках у них выявлена активизация симпатической нервной системы. Однако, если при гармоничных для пациентов семейно-брачных отношениях уровень симпатического доминирования у них является оптимальным для преодоления неблагоприятных жизненных ситуаций, то в дисгармоничных браках уровень симпатического доминирования избыточен, что приводит к сковывающему напряжению, при котором затруднено влияние субъекта на изменение неудовлетворительной ситуации. Сочетание у больных неврозами дисгармонии семейно-брачных отношений с вегетативным дисбалансом свидетельствует, на наш взгляд, о снижении способности больного неврозом влиять на изменение не удовлетворяющей его ситуации.

Коновалова Н.Л.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Предупреждение и коррекция нарушений развития личности, возникающих у школьников вследствие неадаптивного решения психологических проблем, является актуальной задачей практической психологии. Для ее решения следует знать механизмы формирования этих нарушений. Выделяются три основные формы нарушений развития личности, которые требуют различных подходов при психологической коррекции.

Первая, наиболее распространенная форма, названа нами *депривационной.* Депривация в данном случае понимается не столько как «лишение», «не предоставление соответствующих условий», сколько как неспособность личности увидеть в реальной ситуации собственную психологическую проблему. В соответствующие сенситивные периоды возрастного развития школьник не актуализирует ситуацию как проблемную, в то время как его сверстники уже давно работают над этой проблемой или уже пришли к ее адаптивному решению. Депривационному нарушению развития личности могут способствовать неблагоприятные социальные, но такой механизм нарушения адаптации часто является первичным следствием низкой активности личности. Опыт самостоятельного решения психологических проблем, то есть опыт нормальной психической адаптации у таких детей не формируется. Соответственно, не актуализируется потребность к познанию и школьные проблемы таких учащихся становятся проблемами учителей, родителей, а не их собственными психологическими проблемами. Для предупреждения и коррекции таких нарушений развития личности важно создание социальных условий, стимулирующих ее активность.

Следующая форма имеет *невротическую* природу. Психологические проблемы у невротической личности возникают своевременно, но они зачастую остаются неразрешенными ввиду непродуктивности адаптивных психических процессов. Проблемы могут вытесняться и подавляться психологическими защитами. Такие дети внешне активны и деятельны, тщательно готовятся к урокам, но результатов этой деятельности продемонстрировать не могут. Часто этот результат выражается формулой: «Я знаю, только я забыл». Психологическая коррекция в легких случаях сводится к тренировке адаптивных психических процессов, а в выраженных — к комплексному лечению невроза.

Третья форма связана с *психопатизацией* личности. Она отличается тем, что актуальные психологические проблемы решаются ребенком

неверно, в результате личность обрастает неадаптивными стратегиями и тактиками поведения, затрудняющими принятие адекватных решений в новых проблемных ситуациях. Проявления школьной дезадаптации у учащихся с психопатическим развитием личности часто не дифференцируются от асоциального поведения детей без нарушения психической адаптации. Коррекционные подходы в этих случаях различны. При психопатическом нарушении развития личности необходимо помочь школьнику избавиться от нерациональных психологических защит (перенесения, регрессии и др.) и научиться новым стратегиям адаптации.

Нами разработана технология консультирования школьников, позволяющая проникнуть в содержание их психологических проблем, провести диагностику и коррекцию нарушений развития личности.

Кузнецова О.В., Орлова В.В., Савченко Л.З.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ПРОБЛЕМАМИ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ

В силу различных причин в настоящее время большое количество детей испытывают трудности в освоении школьной программы. обстановки, резкое ухудшение социально-экономических условий. Среди будущих первоклассников, психическое развитие которых характеризуется как возрастная норма, половина детей имеет предпосылки для возникновения трудностей при обучении в школе. Среди причин, приводящих к неуспешному обучению, наиболее часто встречаются негрубые речевые расстройства. Как правило, с такими детьми работают логопеды. Вместе с тем существует мнение (А.Н.Корнев), что даже легкие речевые расстройства сопровождаются несформированностью некоторых частных психических процессов, что вызывает определенные затруднения при усвоении школьной программы. В связи с этим мы предполагаем, что эффективность коррекционной работы с детьми, имеющими легкие речевые расстройства, будет значительно выше при организации совместной деятельности логопеда и психолога. Именно такой подход существует в работе специалистов ППМС центра Приморского района при работе с детьми, имеющими негрубые речевые расстройства. Перед психологом в данной работе были поставлены следующие задачи:

1. Коррекция нарушений гностических функций: внимания, памяти, отдельных видов мышления, ориентировки во времени и в пространстве, а также симптомокомплекса сукцессивной недостаточности.

2. Коррекция личностной сферы: развитие мотивации к познавательной деятельности, формирование адекватной самооценки, развитие коммуникативных навыков, устранение тревожности.

3. Выработка адекватного представления родителей о детских возможностях, обучение родителей методикам работы с детьми.

Коррекционно-развивающая работа психолога и логопеда проводилась параллельно. Содержание этой работы, ее направленность взаимно увязывались. Занятия психолога проводились в виде совместных тренингов для детей и родителей. В группы подбирались дети примерно одного возраста и со сходными состояниями. Вместе с детьми работали их родители, выполняя те же задания. Каждая группа являлась психотерапевтической. При этом преследовались и достигались следующие цели: улучшался характер взаимодействия между родителями и детьми, так как взрослые имели возможность наблюдать за своими детьми на модели учебной деятельности, могли заметить основные трудности и учились оказывать необходимую дозированную помощь. В таких условиях дети могли раскрепоститься, стать более уверенными в себе, перестать бояться неверного ответа, смогли побороть нерешительность, а некоторые, наоборот, учились быть более терпеливыми, выслушивать ответы товарищей. Успех каждого ребенка обязательно поощрялся. В программе работы группы предусматривались домашние задания. Это позволило при работе в течении одного часа в неделю психолога и двух часов в неделю логопеда добиться положительных результатов.

По отзывам самих родителей дети стали более внимательными, стали испытывать меньше трудностей при заучивании материала, улучшилось понимание школьной программы. Кроме того, у детей существенно повысилась мотивация к обучению, появился интерес к учебе, уверенность в себе, исчез страх перед выполнением домашних заданий, снизилась тревожность при совместной работой с родителями.

Подобная организация коррекционно-развивающей работы помогла логопедам значительно повысить результативность занятий, не увеличивая их количества. Как следствие, повысилась успеваемость в школе. Дети, бывшие в числе двоечников, по основным предметам получили удовлетворительные, а некоторые из них хорошие отметки.

Ланцова Е.Б.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СЕМЬЕ РЕБЕНКА, СТРАДАЮЩЕГО БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ

Бронхиальная астма приводит к серьезным ограничениям в различных сферах жизни ребенка и его семьи. Помимо проблем, связанных со здоровьем, возникает целый ряд сопутствующих проблем. При опросе родителей детей–астматиков методом свободного интервью был выявлен широкий круг конкретных проблем, возникающих в семьях. Были рассмотрены только те проблемы, которые непосредственно связаны с заболеванием ребенка. Их можно разделить на несколько групп.

1. Хронический стресс у родителей, к которому приводят: постоянные финансовые затруднения из-за необходимости приобретения дорогостоящих лекарств; ограничение круга общения в связи с плохим самочувствием ребенка и необходимостью быть рядом с ним дома; боль и отчаяние родителей оттого, что ребенок тяжело болен.

2. Трудности, связанные с необходимостью изменения привычного образа жизни: изменение диеты ребенка и его семьи; частые пропуски работы одним из членов семьи, осуществляющим уход за больным ребенком; изменение места работы или потеря работы в зависимости от тяжести заболевания; изменение социального статуса родителей; необходимость прекратить курение; сокращение употребления бытовой химии; изменение условий быта; отказ от ковров, пуховых подушек, всех источников пыли и аллергенов; ежедневная влажная уборка комнаты; отказ от домашних животных, а расстаться с животными трудно, так как животные часто становятся «членами семьи».

3. Ограничения для ребенка: общения – в некоторых случаях ребенок не может ходить в гости, если у него возникает реакция на домашнюю пыль и на шерсть животных, и по этой причине он плохо себя чувствует, кроме того, иногда родственники не приглашают ребенка к себе из-за боязни того, что они не справятся с приступами астмы; выбора будущей профессии; получения образования; ограничение досуга.

4. Гиперопека родителей и несамостоятельность детей.

5. Проблемы, связанные с приемом лекарств: длительность курсов лечения; необходимость постоянного приема лекарств по несколько раз в день; об этом нужно все время помнить; дети часто стесняются принимать лекарства, когда это видят другие люди, и иногда по этой причине не принимают лекарство; иногда астматики прекращают прием лекарств, если не видят быстрого эффекта от лечения.

Данный перечень может быть полезен для ознакомления врачам и психологам, а также тем, кто работает с данной категорией населения.

Лисовская Н.Б.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С НОРМАТИВНЫМ И ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Целью нашего исследования явилось изучение структурно-динамических характеристик ценностных ориентаций и их взаимосвязи с личностными особенностями у младших и старших подростков с нормативным и отклоняющимся поведением. В исследовании использовались психодиагностические методики: личностный опросник Р.Кеттелла (подростковый вариант), методика М.Рокича для определения ценностных ориентаций и патохарактерологический диагностический опросник (ПДО). Объектом исследования явились учащиеся спецшколы для трудновоспитуемых подростков и курсанты Морского колледжа в возрасте от 11 до 15 лет. Всего было обследовано 253 подростка мужского пола.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Личностные особенности подростков с отклоняющимся поведением существенно отличаются от особенностей их сверстников без отклонений. Но, если у младших подростков эти отличия в основном затрагивают коммуникативную и интеллектуальную сферы личности, то у старших подростков, кроме отличий в коммуникативной и интеллектуальной сферах личности, имеются отличия и в эмоционально-волевой сфере. С возрастом усиливаются различия личностных особенностей подростков с отклоняющимся поведением и без отклонений в поведении. Если у социально-нормативных подростков с возрастом развиваются все стороны личности, то у подростков с отклоняющимся поведением эмоционально-волевая сфера практически не развивается.

2. В группе подростков с отклоняющимся поведением выше субъективная значимость таких ценностей, как «активная, деятельная жизнь», «удовольствия», «уверенность в себе», «материально обеспеченная жизнь». Подростки без отклонений в поведении отдают предпочтение интеллектуальным ценностям, ценностям общения и профессиональной самореализации, а подростки с отклоняющимся поведением выбирают ценности самоутверждения и межличностного общения.

3. У подростков без отклонений в поведении с возрастом увеличивается число взаимосвязей личностных особенностей и ценностных ориентаций, а у подростков с отклоняющимся поведением – распад имевшихся связей и уменьшение их количества, т.е. если у первых с возрас-

том усиливается интеграция различных сторон личности, то у вторых по мере взросления усиливается дезинтеграция личности.

4. Независимо от формы поведения с возрастом усиливается теснота взаимосвязей ценностных ориентаций и свойств личности, что ведет к усилению роли ценностных ориентаций в регулировании поведения.

5. В структуре ценностей социально-нормативных подростков формируется блок интеллектуальных ценностей, которые не выделялись у подростков с отклоняющимся поведением. Этим подтверждается, что в психологической структуре человека личностные проявления неразрывно связаны с ее интеллектуальными характеристиками, в которых интеллект выполняет регулирующую функцию поведения (Б.Г.Ананьев).

6. У подростков без отклонений в поведении системообразующими являются ценности межличностного общения и ценности профессиональной самореализации, а у подростков с отклоняющимся поведением – ценности праздной жизни и получение удовольствий любой ценой.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что необходимо как можно раньше начинать воспитательную работу с младшими подростками и особенно с «трудными» подростками в направлении развития интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер личности и формирования у них конструктивных, социально одобряемых ценностных ориентаций, в том числе ориентаций на интеллектуальные ценности и ценности профессиональной самореализации.

Лукконен Е.В., Стихина Н.Я., Алексанян З.А., Коротков А.Д.

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОЙ СТИМУЛЯЦИИ НА БОЛЬНЫХ С НЕВРОТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИЕЙ

Введение. Проблема депрессивных состояний приобретает в настоящее время как общемедицинское, так и общесоциальное значение. Вместе с тем их терапия еще не является достаточно эффективной. Соответственно, все более актуальным становится поиск новых, более эффективных методов лечения. Лечебные низкочастотные электромагнитные стимуляции (ЭМС) головного мозга – метод, позволяющий избирательно влиять на функциональное состояние различных областей мозга. ЭМС левой префронтальной коры, которая, по современным представлениям, является ответственной за генерирование положительных эмоций, применяются при лечении депрессивных расстройств.

Цель исследования. Оценить динамику показателей эмоционального состояния и активационно-энергетической сферы больных с невротической депрессией в ходе лечения методом ЭМС.

Материал и методы. Экспериментальная группа состояла из 51 больного (17 мужчин и 34 женщин) с невротической депрессией в возрасте от 18 до 78 лет (средний возраст 38 лет). В контрольную группу были включены 22 здоровых испытуемых (7 мужчин и 15 женщин в возрасте от 20 до 69 лет (средний возраст 35 лет). Экспериментальная группа методом случайного выбора была разделена на три примерно равные подгруппы, две из которых получали ЭМС левой префронтальной коры в реальном режиме (группа I с напряженностью магнитного поля 0,015 Тл, группа II – 0,05 Тл), а третья – в режиме плацебо. Психологическое обследование проводилось с интервалом в две недели (в экспериментальной группе до и после курса лечения ЭМС).

Исследование проведено на базе Института мозга человека РАН в лаборатории нейрофизиологии электромагнитных воздействий. В исследовании использовались: методика для психологической диагностики типов отношения к болезни (ТОБИ), тест дифференциальной диагностики функционального состояния (САН), самооценочная шкала Ч.Д.Спилбергера, восьмицветный вариант теста М.Люшера.

Результаты и их обсуждение. Анализ полученных данных показал, что низкочастотные электромагнитные стимуляции вызывают ряд эффектов у больных с невротической депрессией. По сравнению с контрольной и плацебо-группой у больных, получавших ЭМС в реальном режиме (0,015 или 0,05 Тл) отмечены следующие изменения:

1. Уменьшается депрессивная симптоматика: статистически значимо улучшается настроение (группа I – $p=0,21$, группа II – $p=0,002$) и самочувствие ($p=0,06$ и $p=0,002$ соответственно), происходит сдвиг в сторону положительных эмоций, снижается уровень стресса ($p<0,05$).

2. Происходит качественное изменение уровня реактивной тревожности – больные переходят из группы с высокой тревожностью в группу с умеренной тревожностью ($p=0,002$) – и количественное (на уровне тенденции) снижение личностной тревожности.

3. Увеличивается активность ($p=0,23$ и $p=0,08$ соответственно), происходит увеличение работоспособности, самостоятельности и независимости в поведении, не достигая пределов статистической значимости.

Личностная сфера больных под влиянием ЭМС так же претерпевает изменения в положительную сторону: отмечается незначительная тенденция к снижению ипохондричности, апатичности, эгоцентричности. Отношение больных к себе и своему заболеванию становится более адекватным. Наибольшие количественные и качественные изменения произошли в группе, получившей ЭМС с более высокой напряженностью магнитного поля. Для группы, получавшей ЭМС с низкой напряженностью магнитного поля, улучшение – лишь на уровне тенденции.

Таким образом, ЭМС можно использовать для лечения невротической депрессии. У больных в ходе лечения ЭМС наиболее выраженные изменения отмечены в сфере эмоций, активационно-энергетические показатели изменились менее значительно. Из двух режимов ЭМС более эффективным для коррекции эмоционального состояния является режим ЭМС с более высокой напряженностью магнитного поля.

Малюкова Ф.Р.

НЕКОТОРЫЕ КОГНИТИВНЫЕ УСТАНОВКИ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ НАРКОТИЗАЦИИ

На сегодняшний день приходиться констатировать, что Санкт-Петербург захлестнула волна героиновой наркомании. Самое печальное заключается в том, что наркомания способна поразить даже человека, который хорошо знает о последствиях употребления наркотиков и негативно настроен к ним. Но что же тогда приводит людей в объятия этой трудно разрешимой проблемы? Что касается зависимости от наркотиков, героиновой в первую очередь, то она способна возникнуть буквально после первой пробы. Механизм развития заболевания таков: попробовал – понравилось – и хочется еще. Несмотря на побочные эффекты, достигается состояние комфорта, возникают аномальные температурные, болевые ощущения, появляется ощущение прилива сил, самодостаточности, уверенности в себе. Люди, прибегающие к такому средству, не знают, что они обречены всю оставшуюся жизнь бороться с желанием употребления наркотиков. Единственная возможность остаться вне наркозависимости – никогда не пробовать наркотики.

Почему же все-таки случается эта роковая проба? Ответить на поставленный вопрос пытается исследование, проводимое Фондом помощи наркозависимым «Возвращение» на отделении токсикологии больницы Скорой помощи, поступивших с острыми отравлениями наркотическими веществами, употребивших наркотик впервые. Для этого была создана специальная анкета. Число проанкетированных составило 30 человек. Полученные результаты оказались удивительными. В мужской выборке преобладают достаточно взрослые по возрасту люди 25–28 лет – 50%, 20–24 лет – 32%, 14–18 лет – 14%, 36 лет – 6%. Женщины составляют 27% от общего числа выборки, среди них другое распределение по возрастам: 15–16 лет – 50%, 19–22 года – 38%, 27 лет – 12%. Обе группы имеют хорошие жилищные условия: в отдельной квартире проживает 59% мужчин, 75% женщин. Семейное положение 50% холосты. Образование: неполное среднее мужчин – 32%, женщин –37,5%,

среднее – 4,5%, 50%, средне специальное – 59%, 5%, высшее – 4,5%, при этом имеют специальность мужчины – 59,5% женщины – 25%.

Со стороны изучения когнитивных установок вопросы формулировались так: «О чем думал, когда решил попробовать наркотик?», «Почему это случилось?». Не смотря на открытый характер вопросов, ответы оказались на удивление стандартными. На вопрос «Зачем тебе это было надо» ответы распределились так: «Интересно было узнать, что это такое» мужчины – 50%, женщины – 50%; «В жизни все надо попробовать» – 23% и 12,5%; «Хотел решить свои проблемы (сняться с запоя, расслабиться)» – 18% и 25%; «Хотелось незнакомых ощущений» мужчины – 9%. Ответы на вопрос «Почему это случилось» распределились так: «Был пьян» – 64% и 37,5%; «Предложили, я согласился» (друзья, знакомые, в компании) – 18% и 37,5%; «Давно хотел попробовать, представился случай» – 9% и 12,5%; «Сказали это поможет снять ся с запоя» мужчины – 9%; «Настаивали» женщины – 12,5%. На вопрос «О чем думал, когда решил попробовать» ответило 57% респондентов: «От одного раза ничего страшного не будет» – 35%, «Узнаю на своем опыте как это» – 35%, «Поверил, что поможет сняться с запоя» – 23,5%.

Делая выводы надо отметить, что самыми опасными когнитивными установками в плане первичной наркотизации являются: испытать на своем опыте то, о чем идет молва; в жизни все надо попробовать; решить проблемы минимальными затратами, с использованием искусственных веществ. Опасными ситуациями являются: алкогольное опьянение; компания (знакомые, друзья), в которой употребляют наркотики.

Когнитивные установки потребительской ориентации и игнорирование последствий поступков создают опасный прецедент наркотизации.

Маматова М.А.

ИПОХОНДРИЯ

Особый интерес сегодня приобретает проблема изучения психологических условий соматизации аффективных и невротических состояний. Отмечается, что микро и макросоциальная детерминация развития соматоформных расстройств, в том числе ипохондрических, представляет актуальную проблему для Киргизии, где отмечается устойчивая тенденция к увеличению числа невротических психосоматических нарушений.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что размытость идеального «образа Я», в том числе физического может являться одним из механизмов ипохондризации (В.В.Соложенкин). Нами обследовано 63 женщины тюркоязычной и 75 женщин русскоязычной популяции с

диагнозом «ипохондрическое расстройство» клинико- и экспериментально-психологическими методами, включая оригинальное полуформализованное интервью, методику семантического дифференциала (Ч.Осгуд, В.Е.Каган). В результате проведенного исследования был описан и изучен транскультуральный феномен размытости идеального физического «Я», общий для всего контингента обследованных, и являющийся фактором предиспозиции к развитию невроза, а также автономным механизмом соматизации невротических состояний у женщин.

Реализация регистрируемого феномена в ипохондрию по механизмам построения «образа Я» через «образ больного тела» обнаруживает четкие этнокультуральные особенности. Так, у тюркоязычных пациенток, главным образом киргизок, ипохондрия является культуральным феноменом социального статуса и социальной поддержки, что тесно связано с системой полоролевой регламентации и ритуализации «права на болезнь», характерных для культуры кыргызов.

У русскоязычных женщин при фиксации тех же внутрипсихических механизмов ипохондрия является способом снятия ответственности за выполнение традиционных «мужских» функций (обеспечения семьи, заработки и т.д.) и способом обеспечения эмоциональной поддержки.

Таким образом, становится возможным формировать более вариативные подходы в психотерапии ипохондрических расстройств, учитывая их адаптационный характер и культуральную специфичность.

Миронова Т.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ ВО ВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Одним из распространенных видов временных коллективов выступают детские лечебно-образовательные временные коллективы (ДЛОВК). Это объединения детей с общим характером заболеваний и связанные целями выздоровления и поддержания уровня знаний на уровне общешкольной программы. Обучение осуществляется в форме классно-урочной системы. Несомненно, обе составляющих этих коллективов во многом зависят от психологического климата (ПК). В связи с этим нами предпринята попытка изучения ПК.

Исследование проводилось на ДЛОВК детской больницы г. Костромы. Было выявлено неоднозначное проявление ПК в экспериментальных временных стадиях. Менее благоприятные проявления ПК наблюдались в начальной и конечной стадиях жизнедеятельности ДЛОВК. Учитывая

относительно благоприятную атмосферу в средней стадии, мы остановимся на рассмотрении двух крайних.

Доминирующими настроениями в начальной стадии: тревожность, страх, апатия, раздраженность, грусть и печаль. Данные настроения в ДЛОВК обусловливались дискомфортом и однообразием обстановки, холодностью отношений со стороны медперсонала и сверстников, пассивным состоянием и др. Самые низкие показатели ПК – в коллективах младшего школьного возраста и преимущественно у девочек. На этой стадии, несмотря на общую позитивность интерактивности, имели место такие интерактивные нормы как ирония, вербальная и невербальная агрессия. Консолидирующую роль на этой стадии занимала учебная деятельность. В ходе занятий зарождались основы эмпатии и психологического единства. Конечная стадия жизнедеятельности ДЛОВК характеризовалась возрастанием скуки, равнодушия, враждебности и пассивности по отношению к членам коллектива. На этой стадии утрачивался интерес к лечению и учебной деятельности, снижалась коммуникативность.

Учитывая большую временную продолжительность этих стадий (60–70%) возникает необходимость оптимизации эмоционального самочувствия в ДЛОВК. Нами ведется работа по созданию интерактивных тренингов и совместно-творческой деятельности. Результаты предварительных исследований свидетельствуют о сокращении временной продолжительности дезадаптивно-неблагоприятных стадий до 20–35%.

Никольская Н.Л.

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ

Проблема агрессии приобрела особую значимость в настоящее время в связи с теми общественными процессами, которые происходят в последние годы и которые способствуют актуализации агрессивных тенденций во всех слоях населения и социальных группах, включая детей.

Агрессивность является важным мотиватором поведения. Она формируется и апробируется в семье. Если семья благополучна, то родители стараются научить ребенка умению использовать творческий потенциал агрессивности, а ее разрушительную сторону контролировать и направлять в безопасное русло. Ребенок без родителей не имеет перед собой модели взаимоотношений в семье. Проблема усугубляется в том случае, если ребенок является умственно отсталым. Такие дети требуют

особого внимания и воспитания, поскольку для них характерны незрелость волевых актов и слабость мотивации своих поступков.

Целью данной работы является изучение особенностей агрессивного поведения воспитанников детских домов с интеллектуальной недостаточностью в возрасте 7–12 лет. Для изучения агрессивности использовалмсь методика исследования тревожности Спилбергера–Ханина, тест М.Люшера, методика исследования самооценки Дембо–Рубинштейн с модификацией де-Греефе, методика «Hand–тест» на проявление открытого агрессивного поведения, а также тест «Нарисуй человека».

Установлено, что умственно отсталые младшие школьники оценивают себя и свое поведение неадекватно, а также в силу ограниченности словарного запаса и скудности эмоциональной сферы крайне поверхностно рассуждают о психических состояниях и чувствах. Склонность к открытому агрессивному поведению положительно коррелирует с высоким уровнем тревожности. Показано, что психическая депривация, обделенность любовью и лаской, психические травмы, наслаиваясь на органическое поражение головного мозга, приводят к повышению деструктивной агрессии и подавлению социально полезной агрессивности, выражающейся в активности и способности к адаптации.

Поэтому единственный способ направить агрессию в безопасное русло – это социализация ребенка, умение регулировать свои агрессивные стремления, адаптируясь к требованиям окружающего его общества.

Новик И.А.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Алкоголизм – заболевание, основанное на эгоцентричном стремлении людей облегчить свою жизнь введением в организм веществ, изменяющих состояние сознания. В настоящее время существует огромное количество различных способов прерывания алкогольной зависимости, но их эффективность ограничена по многим причинам, одна из которых – разнообразие внутреннего мира, психологического склада, эмоциональной сферы каждого отдельного человека. Алкоголизм изменяет весь мир субъекта, становится стилем жизни, глубоко укоренившимся образом мышления и поведения, затрагивающим и физические, и эмоциональные, и даже духовные аспекты. Наиболее распространенной причиной возникновения алкогольной зависимости является трудность осознания и адекватной оценки своего образа жизни, возможности самокон-

троля и саморегулирования у лиц, которые могут быть отнесены к группе риска возникновения алкогольной зависимости.

Алкогольный тип личности формируется через изменение под воздействием алкоголя сферы потребностей и эмоций, характера деятельности. Исследования в данной области свидетельствуют о том, что важным предрасполагающим фактором возникающей алкогольной зависимости является нарушение механизмов удовлетворения потребностей, разрядки потребностных состояний, а также оценки своих поведенческих актов и себя как действующей личности. Подобное нарушение, вызывая дискомфорт и неудовлетворенность собой и своим положением, толкает индивида на поиски выхода из создавшегося положения.

Если у индивида есть какие-либо изъяны личности, отрицательные черты характера, то употребление алкоголя непременно усугубляет их .(мягкость становится конформизмом и зависимостью, резкость – грубостью, скрытность – подозрительностью и т.д.). Почти всем, кто употребляет алкоголь в сравнительно больших количествах, свойственны неустойчивость настроения, раздражительность, резкая истощаемость психики. Это резко снижает трудовую продуктивность, отнимает радость общения, отрицательно сказывается на уровне жизни.

Многие видят причины пьянства в недостатках семейного и школьного воспитания, другие во всем винят плохую организацию производства или же обвиняют медицину, «которая не всегда вылечивает». Но возникает вопрос, какова же позиция самих пьющих, в чем они видят причины своего недуга? Когда «карьера» человека, употребляющего спиртные напитки, находится на раннем этапе, то с алкоголем ужиться не так уж и трудно. Но постепенно вместо того употребления спиртного в качестве помощника в той или иной ситуации, возникает зависимость от него в любых обстоятельствах. Человек уже не просто хочет выпить, он начинает нуждаться в выпивке. Это изменение является критическим и указывает на закрепление пагубной привычки. В таком случае возникает необходимость выяснить насколько крепка грань между случайным употреблением алкоголя и появлением непреодолимого желания выпить? Задачи планируемого исследования видятся нам следующим образом: изучение психологических особенностей возникающей алкогольной зависимости в первом и втором периодах взрослости; выявление природы этого сложного явления; изучение и анализ эмоциональных характеристик алкогольной зависимости: исследование эмоциональной сферы, детальный анализ чувств и переживаний, сферы потребностей и изменение характера деятельности, взаимоотношений в семье; исследование способов преодоления эмоционального дискомфорта лицами, относящимися к группе риска возникновения алкогольной зависимости.

Решение данных задач поможет наиболее глубоко изучить проблему алкоголизации в первом и втором периодах взрослости.

Таким образом, неадекватное отношение субъекта к эмоциональному дискомфорту, возникающему в определенных жизненных ситуациях, и неэффективные способы его преодоления являются одним из основных факторов риска возникновения алкогольной зависимости.

Овчинникова Н.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ С ММД

Формирование психики ребенка непосредственно связано с темпами роста и созревания его головного мозга. Наличие каких-либо отклонений в этом процессе приводит к осложнениям в психическом развитии. Многие ученые в настоящее время работают над проблемой выявления биологических причин различных психологических дефектов. Одним из явлений, возникающих в ранний период жизни ребенка и влияющих на его психическое развитие является так называемая *минимальная мозговая дисфункция* (ММД). По В.И.Гарбузову ММД – это нередко выраженная резидуально-органическая патология головного мозга. Разные авторы указывают на важность ранней диагностики этого заболевания и на сложность в обучении этих детей. Исследования, проводимые психологами, показывают, что значительная часть трудностей, возникающих перед детьми в ходе начального обучения (особенно в 1–2 классах), связаны с недостаточным развитием памяти и внимания.

Цель нашего исследования – подбор методик для ранней диагностики ММД, а также составление истории развития ребенка с ММД по анамнестическим данным. Так как ММД проявляется ярче всего в начальной школе, для тестирования были выбраны параллели вторых классов. Исходя из задачи работы и особенностей самих методик, экспериментальное исследование было проведено в три этапа:

1. Изучение анамнеза испытуемых с помощью школьных медицинских карт. В результате выделена «группа риска» – тяжелые заболевания, перенесенные в раннем возрасте, травмы, сложная беременность и роды у матери, наличие хронических заболеваний и т.д.. Было выдвинуто предположение, что у этих детей обнаружится ММД.

2. Для выявление возможного ММД был использован тест Тулуз–Пьерона, результаты которого дали возможность выявить детей с ММД, с остаточными проявлениями ММД и с отсутствием ее. У обследуемых с ММД определялся ее тип по данным теста.

3. Далее обследование проходило с помощью тестов, изучающих свойства психических процессов внимания и памяти. Исследование уровня распределения, концентрации, устойчивости, продуктивности, переключения и объема внимания проходило с помощью тестов «Кольца Ландольта», модификации теста Рея «Переплетенные линии», «Таблицы Шульте», «Красно-черная таблица Шульте-Горбова». Изучение свойств памяти проходило с помощью методик «Образная память», «Заучивание 10 слов» и «Оперативная зрительная память».

4. Результаты методик, изучавших свойства внимания и памяти, сопоставлялись с данными теста Тулуз-Пьерона, анамнестическими данными и результатами невропатологического обследования. Определялось развитие процессов внимания и памяти детей с ММД и без нее.

Обобщая все данные, полученные в исследовании, можно сказать, что ММД довольно часто встречается среди второклассников обычной среднеобразовательной школы (40% среди детей попавших в группу испытуемых). «Группа риска», выделенная в начале эксперимента, составила 35%. У большинства из них ММД подтвердилось. Таким образом, гипотеза о том, что у детей из «группы риска» по анамнестическим данным обнаружится ММД, подтверждается экспериментальными данными. По результатам теста Тулуз-Пьерона были выделены группы учащихся: с ММД, с остаточными проявлениями ММД, также была выделена отдельная категория – дети с результатами между нормой и ММД, микроорганической симптоматики у них может и не быть. Эта группа представляет собой так называемый случай неверифицированной (недоказанной) ММД. По тестам, изучающим свойства внимания и памяти, оказалось, что распределение внимания находится у большинства испытуемых на низком и среднем уровне. Нарушения переключения и распределения внимания – довольно широко распространенное явление среди детей младшего школьного возраста, связанное с физиологическими механизмами созревания мозга детей и накоплением определенных навыков. Однако, несмотря на обнаруженные высокие корреляции результатов выполнения теста Тулуз-Пьерона с некоторыми из других тестов, не было найдено возможности диагностики ММД с их помощью, так как характеристики выполнения тестов детьми с ММД практически не отличаются от результатов остальных детей. Знание симптомов протекания синдрома ММД и их связь с вниманием, памятью и их влияния на обучение и жизнедеятельность в раннем школьном возрасте имеет большое практическое значение для ранней диагностики, дифференцированной психологической помощи, и дает возможность использовать учителям этих данные для эффективной организации процесса обучения и нормального развития ребенка.

Павлова И.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРВИЧНЫХ БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ, НЕ ПОЛУЧАВШИМИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

В настоящее время большое внимание уделяется исследованию психологических механизмов совладания (копинг-механизмов), позволяющих человеку сознательно и конструктивно преодолеть действие стрессоров, а также динамике их изменения в процессе психотерапевтического лечения, что может способствовать пониманию связи между особенностями клинического и психологического состояния больных неврозами и копинг-поведением.

Основной целью нашего исследования явилось изучение механизмов совладания, психологического и соматического статуса, а также сознательного отношения к лечению у данной группы больных в начале и в конце терапии. Все пациенты (52 человека, средний возраст 34,5 года) в первый раз обратились в психиатрическую больницу, не имели существенных органических нарушений головного мозга. Ни один из пациентов не получал психотерапевтической помощи (индивидуальной или групповой) в период пребывания в психиатрической больнице.

Результаты, полученные в данной работе позволяют сделать выводы, что у исследованных пациентов обнаружились незначительные изменения в сторону увеличения использования числа конструктивных копинг-стратегий и уменьшения использования числа неконструктивных. Это свидетельствует о неглубоком осознании и переработке внутриличностного конфликта, т.к. его переработка ведет к существенным изменениям копинг-поведения в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах. Незначительное снижение невротической симптоматики подтверждает этот факт, ибо она имеет причинно-следственные связи с психологическим конфликтом личности, порождающего заболевание.

Результаты исследований наших коллег, проводимых в процессе психотерапии, показывают, что происходит значительное уменьшение невротической симптоматики и значительное увеличение использования конструктивных копинг-стратегий у больных неврозами при значительном уменьшении неконструктивных копинг-стратегий (А.А.Аль-Магреми, Г.Л.Исурина, Е.В.Кайдановская и др.). Говоря об исследуемой нами группе, незначительное уменьшение невротической симптоматики можно объяснить влиянием физиологических процедур, изоляцией от источника психического напряжения и лекарственной терапией.

Большее число копинг-стратегий, которые используют первичные больные неврозами, являются конструктивными: доброжелательность,

уверенность, лабильность. В исследованиях наших коллег, в которых вторичные больные неврозами используют 50% конструктивных копинг-стратегий в начале лечения (А.А.Аль-Магреми, Г.Л.Исурина), у первичных больных неврозами в нашем исследовании, как и у здоровых, 60% используемых ими стратегий являются конструктивными.

Результаты исследования личностных особенностей свидетельствуют о незначительных изменениях в ходе данного лечения. Можно говорить лишь о тенденции к увеличению интровертированности, независимости, тревожности и эмоциональности. Но все эти показатели находятся в пределах нормы в начале лечения. Если интровертированность повышается без существенной работы над своим состоянием, то она превращается в самокопание и становится ещё одним источником повышения тревожности. Тревожность может повышаться и тогда, когда пациент не видит сколько-нибудь существенных изменений в своём состоянии.

Таким образом, люди, впервые заболевшие неврозом, по показателям описанным выше несущественно отличаются от здоровых (кроме симптоматики). И, если они конструктивно справляются со своей болезнью в рамках психотерапевтической помощи, то это дает им возможность более успешно в дальнейшем справляться с трудными жизненными ситуациями. Тем более у первичных больных неврозами ожидания, связанные с лечением, направлены на изменение поведения, избавление от симптоматики и на (стремление понять конкретные причины своего заболевания, познание самого себя, особенностей своих переживаний и отношений. Это говорит о осознанном активном желании работать над своим состоянием и причинами, которые его породили.

Пластунова Л.Г.

ИМПРИНТИНГ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ СО ЗРИТЕЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Импринтинг (термин введен К.Лоренцем) является одним из важнейших феноменов психического развития младенцев. Во второй половине XX столетия, приступили к научному изучению импринтинга в плане оценки поведенческих аспектов новорожденного. Известно, что для психического развития ребенка раннего возраста очень важное значение имеет контакт с мамой уже в первые часы жизни. Возникающая биосоциальная связь между матерью и ребенком помогает ребенку быстрее адаптироваться к новым условиям жизни, устанавливается стойкая привязанность к матери. Благодаря ответным действиям матери врожденные защитно-оборонительные формы поведения превращаются в

приобретенные коммуникативно-познавательные (Л.О.Бадалян, Л.Т.Журба, Winnicott, Mahler, Ainsworth, Stern, Kraus & Jacobs,).

Опыт работы с младенцами (недоношенные дети со зрительной патологией) в Центре реабилитации детей со зрительной патологией (Санкт-Петербург) показывает, что для полной картины феномен импринтинга нужно рассматривать и с негативной стороны. Остается признанным факт рождения детей с малым гестационным возрастом – 28–30 недель. У детей, рожденных на 26–27 неделе, возникает угроза серьезной зрительной патологии. Кроме того, жизненно важные органы этих детей нуждаются в поддержке. Поэтому уже в первые часы их переводят из родильного дома в реанимационные отделения. Известно, что эмоциональная память формируется на основе положительного или отрицательного подкрепления от различных раздражителей. Отрицательные эмоции, возникающие у ребенка в ответ на болезненные процедуры, помещение в специализированные учреждения и отрыв от мамы запечатлеваются в эмоциональной памяти ребенка, а в дальнейшем могут стать источником страхов, неуверенности, тормозных черт характера.

Мы исследовали 26 детей раннего возраста со сроком гестации от 26 до 31 недели. Эти дети прошли через реанимационные мероприятия либо аппаратное лечение и имеют зрительную патологию различной степени тяжести. При наблюдении за данной группой детей особое внимание уделялось их нервно-психическому развитию.

На основании данных анамнеза, неврологического обследования и показателей диагностического теста психического развития детей первого года жизни О.В.Баженовой было установлено, что кроме равномерного отставания по всем ведущим линиям развития, у этих детей были заметно снижены показатели развития мотивационно-потребностной сферы (эмоциональное развитие, взаимодействие с предметами, общение со взрослыми). Кроме того, они испытывали высокую степень тревожности: дома – во время работы бытовых приборов; на улице – звуки транспорта. Такие аффективные реакции детей в дальнейшем зачастую приводят к неврозам и к социально устойчивому чувству тревожности, а в дошкольном возрасте являются предвосхищением опасности.

В Центре реабилитации детей со зрительной патологией был предпринят первый опыт оказания помощи детям раннего возраста, страдающим от последствий негативного влияния импринтинга на психическое развитие. Проводилось комплексное сопровождение ребенка всеми службами Центра и психологическая коррекция в системе мать-дитя.

Усачев Л.В., Еремина Н.В.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ЗОНЕ

Влияние неблагоприятных экологических условий на развитие человека является актуальной проблемой современной психологии. В 1998 году нами было проведено исследование особенностей эмоционального состояния учеников 10 классов трех средних школ Липецкой области, расположенных в зоне чернобыльского следа. Были использованы тесты Люшера, Спилбергера, САН и опросник нервно-психического напряжения Немчина (НПН). Выборка состояла из 33 юношей и 75 девушек.

В результате исследования были получены положительные значимые корреляции между показателями самочувствия и настроения в методике САН, ситуативной и личностной тревожности в тесте Спилбергера, личностной и ситуативной тревожности с нервно-психическим напряжением (НПН). Отрицательные связи выявлены между показателями: самочувствия и ситуативной и личностной тревожности, самочувствия и нервно-психического напряжения, активности и НПН, настроения и ситуативной и личностной тревожности, настроения и НПН.

Интерпретация результатов исследования показала, что для женской выборки по средним значениям вегетативного коэффициента в тесте Люшера (ВК=1,2) исследуемые обнаруживают установку на энергозатраты, расходование сил, действие. Для мужской выборки средние значения вегетативного коэффициента (0,9) фиксируют установку на минимизацию усилий, восстановление. По результатам теста Спилбергера исследуемые старшеклассники обладают средним уровнем ситуативной и высоким уровнем личностной тревожности. По методике САН результаты выборок практически не отличаются. Показатели самочувствия и настроения превышают норму, а показатель активности находится в пределах нормы.

Полученные данные свидетельствуют о высокой личностной тревожности старшеклассников данного региона и необходимости проведения с ними психокоррекционных программ

Христофоров С.Н.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

В последние годы остро проявляется проблема взаимовлияния школьной неуспеваемости и делинквентного поведения детей и подростков. Одним из важных условий социальной адаптации таких детей является их своевременная и адекватная профориентация. Возможности профессиональной ориентации и успешного приобретения профессиональных навыков у подростков, отстающих в учебе, тесно связаны с особенностями их интеллектуальной и мотивационной деятельности.

Автор анализирует результаты трехлетней работы медицинского психолога в подразделениях социально-психологической поддержки детей и подростков, рассматривая 58 случаев обращения за помощью подростков с делинквентным поведением, отстающих в учебе. В этой группе, наряду с грубыми формами ЗПР (19,1%), преимущественно определялись легкие формы интеллектуальной недостаточности, формировавшиеся на основе минимальной мозговой дисфункции. Учитывалась возможность недостаточно объективной оценки интеллектуального развития подростков методиками WISC (Д.Векслер) и тест Cattell (Г.Б.Шаумаров).

Клинико-психопатологическим методом, методами функциональной диагностики у 40,4% подростков с легкими формами интеллектуальной недостаточности выявлялись неотчетливо выраженные признаки органической патологии головного мозга. Психологическим методом определялась группа патохарактерологических черт, среди которых преобладали эгоцентризм, агрессивность, тревожность. В соответствии с теорией Б.Г.Ананьева, выделенные черты рассматривались в сложных координационных отношениях с другими личностными структурами. Отмечая преобладание ситуационно обусловленных и рационально направленных агрессивных реакций у исследуемых подростков, автор обнаруживает корреляционную связь между проявлениями мотивационной недостаточности и дефицитарными особенностям интеллектуальной деятельности.

Исследование показало, что связь между дезадаптацией в учебном процессе и формированием трудовых навыков не является прямолинейной. Успешность профориентации определялась как учетом личностных критериев в профотборе, так и возможностью коррекции патохарактерологических и психопатологических черт подростков. В преодолении

мотивационной недостаточности применялись методы краткосрочной психотерапии (использование аналогий, парадоксальные интервенции).

Цуциева Ж. Ч.

УМСТВЕННАЯ ОТСТАЛОСТЬ ДЕТЕЙ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ

Основной задачей специальной школы восьмого вида является социальная реабилитация и интеграция ее выпускников в общество. Изучение социально-трудовой адаптации умственно отсталых детей и поиск путей повышения эффективности подготовки их к жизни является актуальной проблемой. Экспериментальную группу составили 80 детей с умственной отсталостью в легкой степени и учащиеся 4–8 классов специальной школы-интерната (45 мальчиков и 35 девочек). Контрольную выборку составили учащиеся 4–5 классов общеобразовательной школы в количестве 50 человек (30 мальчиков и 20 девочек). Для обследования детей применялись следующие методики: детский вариант методики Векслера, предназначенный для измерения интеллекта детей от 5 до 16 лет; тест на определение «импульсивности-рефлексивности» Дж.Коэна; методика «Ценностных ориентаций» М.Рокича; беседа на заданные темы.

По шкале Д.Векслера получены следующие данные: у учащихся общеобразовательной школы показатели общего интеллекта равны 98,5, вербального – 102,8 и невербального – 96,4; а у учащихся специальной школы – общего интеллекта – 74,4, вербального – 70,1 и невербального – 84,2. Сравнительный анализ позволяет отметить наибольшее отставание учащихся вспомогательной школы по вербальному интеллекту.

Анализ данных по блокам Дж.Коэна выявил, что для умственно отсталых детей характерно явное недоразвитие вербального понимания и сниженные оценки памяти при относительно высоких показателях перцептивной организации. Половой дифференциации не обнаружено.

Тест «Импульсивность- рефлексивность» выявил, что среднее количество правильных ответов у учащихся специальной школы равно 10, у их сверстников из общеобразовательной школы – 17. Время, потраченное на завершение всего теста в среднем у учащихся экспериментальной группы равнялось 23 минутам; у контрольной группы – 17 минутам. Полученные данные позволяют сделать выводы о замедленном процесса сканирования – сопоставлении парных фигур, и об относительно большой рефлексивности воспитанников в специальной школы. К категории «импульсивных» можно отнести 31%, рефлексивных – 69%.

Методика «Ценностные ориентации», основанная на прямом ранжировании списка ценностей выявила, что убеждения воспитанников специальной школы во многом совпадают с убеждениями их здоровых сверстников. Предпочтение отдается таким ценностям, как любовь, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь, развлечения (у мальчиков). Вместе с тем выявлены значительные различия: (1) ряд детей из специальной школы не понимали таких ценностей, как активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, познание, продуктивная жизнь и творчество; (2) на последние места у этих детей поставлены ценности: общественное признание, счастье других, развитие и уверенность в себе; (2) на второе место вышла такая ценность, как здоровье, занимающая в общеобразовательной школе восьмое место.

Ранжирование списка инструментальных ценностей дало недостоверные результаты у детей специальной школы. На вопросы «Кем ты хочешь стать? Какую профессию те себе выбрал?» девочки специальной школы дают следующие ответы: парикмахер – 45,7%, швея – 20%, учитель – 15,3%, врач – 11,7%, «модель» – 2,8%, «не знаю» – 5,2%; а мальчики: милиционер – 44,4%, шофер – 26,6%, сапожник – 4,4%, ракетчик – 2,2%, скульптор – 2,2%, шахтер – 2,2%, не выбрали – 18%.

Анализируя полученные материалы можно отметить, что учащиеся специальной школы плохо осведомлены о существующих профессиях. Выбор профессии осуществляется многими из них без соотнесения своих возможностей и требований, которые предъявляет к личности выбранная профессия. В ходе работы стала очевидной необходимость дифференцированного медико-психолого-педагогического подхода к социально-трудовой адаптации умственно отсталых детей.

Шаболтас А.В.

ВИЧ-ИНФЕКЦИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема профилактики СПИДа вышла за рамки медицинского подхода. Ни у кого в настоящее время не вызывает сомнение, что наряду с сугубо медицинскими аспектами эпидемиологии и лечения ВИЧ-инфекции, актуальны вопросы разработки эффективных программ предупреждения СПИДа. Большое влияние на отношение к этому заболеванию оказывают социальные стереотипы и установки в отношении собственного поведения и поведения других людей, так или иначе связанного с сексуальностью и наркотической зависимостью. На нынешнем этапе распространения ВИЧ-инфекции в России необходимо объедине-

ние усилий ученых и практиков различных наук: биологии, медицины, психологии, социологии, юриспруденции. Отмечу, что в первую очередь необходимо единство специалистов разных наук в понимании ведущей роли именно психологии в предупреждении подобных заболеваний.

В теории деятельности, выделяется два компонента – экстеоризированный и интериоризированный. Овладение навыками деятельности это процесс интериоризации, процесс перехода от пассивной, внешне задаваемой программой деятельности, в активную, внутренне детерминированную. Эти положения полностью относятся к жизнедеятельности человека. В медицинской практике широко используются традиционные мероприятия профилактики различных заболеваний, суть которых представляет собой информирование населения о причинах заболевания, факторах риска, возможностях защиты и лечения. В таком виде предупреждение заболеваний представляет собой пассивную форму профилактики. Информирование проходит в одну сторону, от специалистов к населению, от учителя к ученикам и т.д.. Безусловно, информирование и образование играют огромную роль в профилактике опасных заболеваний и рискованного поведения, но далеко недостаточную для достижения длительного и устойчивого эффекта. Каждый может вспомнить эпизод в своей жизни, когда, имея достаточно полную информацию о той или иной опасности, вел себя рискованно – выпив, садился за руль автомобиля, а оказавшись в интимной обстановке говорил себе: «Дай бог в этот раз пронесет». Необходимы активные формы профилактики – «превенция», взаимодействие специалистов и людей, с которыми проводится работа в целях формирования у них здорового стиля жизни. В этой связи значение вклада психологии, с ее арсеналом активных форм обучения, тренинговых программ, является огромным.

Проблема заключается в том, что никому не приходит в голову обвинять человека, заболевшего гриппом в ужасном поведении. Но это легко и часто происходит, когда мы слышим, что человек заразился ВИЧ. СПИД становится не просто тяжелым физическим недугом, но и тяжелейшим психологическим и социальным бременем. В подобном отношении к этому заболеванию значительную роль играют культурные и социальные установки и стереотипы, связанные с неприятием определенных форм поведения другими людьми. В тоже время элементы подобного поведения допустимы в личной жизни. Двойная мораль приводит к тому, что явление загоняется в «подполье», порождает мифы, страхи, предубеждения в отношении ВИЧ- инфицированных.

Знакомство с постановкой профилактических работ по предупреждению ВИЧ в США позволяет выделить именно перечисленные факторы, но главная причина это двойная мораль – «меня это не касается», при

сохранении стереотипов поведения. Главное, что должен осознать специалист, приступая к превентивным формам работы с группами риска ВИЧ-инфекции понимание того, что не особенности личности или жизни, а особенности поведения ставят человека в рискованное положение. С точки зрения риска заражения ВИЧ, не сравнимо большую опасность представляет один незащищенный сексуальный контакт или одна инъекция использованным другим человеком шприцом, нежели 100 защищенных сексуальных контактов или 100 инъекций одноразовыми шприцами. Человек оказывается в рискованной ситуации из-за рискованных форм поведения, а не из-за своего образа жизни.

Фокус превенции должен направляться не на изменение образа жизни и личности человека, а на активное усвоение нерискованных форм поведения, осознание индивидуальных механизмов, запускающих рискованное поведение, на индивидуальных стратегиях защиты здоровья.

Шарипов А.Р., Гафурова З.Ф.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗРЕНИЯ У БЛИЗОРУКИХ И ОФТАЛЬМОЛОГИЧЕСКИ ЗДОРОВЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Информация, получаемая человеком посредством зрительной системы, занимает особое место в организации его жизненных функций. Зрение включено в систему всей психической жизни индивида. На низшем уровне находятся механизмы зрительной кинестезии (физические ощущения в органе), выше расположены процессы локализации объектов в трехмерном пространстве и во времени, еще выше – процессы восприятия перцептивной идентичности/различия предметов. Зрение участвует и в высших формах символического восприятия, обеспечивая, например, при чтении прямое опознание смысла слов без промежуточного фонологического кодирования. Наиболее высокие уровни зрительного восприятия связаны с механизмом определения «своей точки зрения», осознанием «своего взгляда на вещи» и примыкают к механизмам визуальной модели мира («мировоззрение») и ауторефлексии (зрительный «образ Я»). В этом смысле зрение представляет собой многоуровневый феномен, в основе которого лежит зрительный анализатор и его нейрональные механизмы, а на вершине – система взглядов и устойчивые стратегии извлечения информации.

Исходя из представлений о системе зрения как о многоуровневой индивидуально специфической целостности механизмов, обеспечивающих формирование субъективного зрительного образа, мы исследовали ее межуровневую организацию в группах офтальмологически здоровых

школьников и учащихся с близорукостью различной степени. Группа близоруких школьников характеризовалась весьма высокой межиндивидуальной вариативностью «субъективных» показателей, характеризующих зрительные их возможности, при сходных состояниях зрительного анализатора (рефракции, состояния глазного дна, сетчатки и т.п.).

В этой группе обнаружены специфические особенности семейной среды, характеризующейся повышенным уровнем контроля и сниженной требовательностью при более полном удовлетворении потребностей детей со стороны родителей. Обратная картина наблюдается в популяции офтальмологически здоровых испытуемых, где достаточно однородно высокие показатели зрительных возможностей регистрируются на фоне значительно варьирующих морфофункциональных, психофизиологических, психологических и психосоциальных характеристик. Подобная закономерность отмечена уже в начальной стадии близорукости, когда морфофункциональные параметры состояния периферического отдела зрительного анализатора существенно не отличается от такового в норме, тогда как зрительные возможности значительно снижаются.

Можно полагать, в основе этого явления лежит «неоптимальная комбинация» параметров состояния, которые в «норме» образуют гибкую «сетевую» структуру с большим количеством слабых корреляций между отдельными характеристиками. Подобная «неоптимальная комбинация» параметров, абсолютное значение каждого из которых находится в пределах «нормы», приводит к «унификации» системы и вырождению ее пространства управления к ограниченному числу лимитирующих параметров. В этом случае появляется параметрическая система, где ограниченное число «критических» лимитирующих параметров связывает все остальные характеристики сильными корреляционными зависимостями.

В силу особой роли зрения, как «внутреннего канала, связывающего все другие анализаторы в единую систему восприятий» (Б.Г.Ананьев), подобная организация системы зрения обеспечивает узкую специализацию, ограничивающую восприятие не только зрительных стимулов. Изменения, сопровождающие развитие близорукости затрагивают всю сенсорно-перцептивную организацию индивида и, вероятно, формируют особый («близорукий») тип подобной организации. Косвенным подтверждением этого являются особенности социальной перцепции и отношения к близоруким людям удивительно общие в различных культурах, а также «концентрирование» лиц с близорукостью в определенных социальных слоях (интеллигенция), профессиональных группах (интеллектуальный труд) и направлениях искусства (импрессионизм).

Глава 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: РАЗВИТИЕ, ПОДДЕРЖАНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Андреев В.В., Всеволодова Ю.В.

ФЕНОМЕН ПРЕОДОЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНА

В.Франкл сказал: «человек представляет собой существо, освободившее себя от всего, что его определяло (как биологический, психический и социальный тип), другими словами это существо, которое превосходит все эти детерминанты – либо побеждая их и формируя их по своему, либо намеренно подчиняясь». Вопрос о феномене преодоления как о научной проблеме, впервые поставил А.Ц.Пуни.

Большинство исследователей проблемы воли акцентировали внимание в своих работах на выяснении терминологических тонкостей в описании волевых феноменов – препятствий, трудностей и волевых усилий. Мы хотим обратить внимание на специфические особенности влияния различного рода ограничений на психику спортсмена. Противоречия, с которыми сталкиваются спортсмены во время тренировочной и спортивной деятельности, выступают в его сознании в виде кризисов, конфликтов, стрессов, барьеров, препятствий и других ограничений. Эти ограничения характеризуются, с одной стороны, уровнем интенсивности и величиной *неопределенности* ситуации, а с другой стороны, уровнем интенсивности и величиной *беспокойства.* Неопределенность и беспокойство есть две основные переменные, определяющие степень противоречий, с которыми сталкивается спортсмен в спортивной жизни.

Опираясь на работы ученых-теоретиков и психологов–практиков, мы пришли к выводу, что очень часто ограничения, препятствия и трудности выступают в виде факторов способствующих росту осознавания спортсменом реальных компонентов своей спортивной деятельности, вносящих энергию в деятельность спортсменов; генерирующих психические резервы спортсмена; оптимизирующих регуляцию поведения. Ограничения, возникающие в деятельности спортсмена, могут играть активирующую, мотивирующую и энергитизирующую функции.

Тренер в сотрудничестве со спортивным психологом может моделировать ситуации неопределенности и беспокойства для спортсмена и тем самым управлять развитием его спортивного характера. Моделируя подобные ситуации, можно определить наиболее уязвимые места в личности спортсмена и его психологической подготовке, инициировать

и направить активность спортсмена на борьбу с ними. Результатом такой работы является формирование индивидуального стиля спортсмена.

Бардиер Г.Л.

ТРЕНИНГ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ВИД ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО НАУЧЕНИЯ (ICL)

Каждый человек – это и носитель, и творец родной для него культуры. А различия между людьми объясняются целостным своеобразием их культур и регулируются соответствующими паттернами культуры. Паттерн культуры – это любая узнаваемая последовательность явлений во времени или любое узнаваемое расположение объектов в пространстве (Ю.Н.Емельянов). Понимая, что культуральные различия между людьми – это реальность, необходимо в то же время понимать, что межкультурные коммуникации между людьми неизбежны. Для их облегчения проводятся многочисленные кросскультурные исследования, выстраиваются концепции и модели успешной социокультурной адаптации.

В последние годы по мере развития международного бизнеса и туризма, роста популярности учебных и профессиональных обменов, привлечения внимания к проблемам беженцев и эмигрантов стали говорить о программах интеркультурного научения (ICL). Смысл таких программ – создание некоторой игровой, дискуссионной, интеллектуально рефлексивной и любой другой среды, в которой ищут оптимальных путей взаимодействия представители разных культур. От всех прочих людей их отличает то, что они пути взаимодействия найти действительно хотят. И хотят понять, что мешает людям делать это в обычной жизни.

Интеркультурное научение может выступать в качестве цели серии пролонгированных рабочих семинаров, участники которых – представители одновременно двух и более культур. Обобщение результатов проведения подобных семинаров, данные литературы, опыт нашего совместно с С.И.Шестаковской изучения социокультурной адаптации студентов программы «Интеркультура», наши собственные наблюдения и исследования последних лет, показывают, что успешность адаптации к другой культуре концептуально важно связывать с тремя моментами:

1. с уровнем *объективной представленности* (доступности, достижимости) проявлений другой культуры – от образцов обыденного поведения до таких философских жизненных оснований, как религия, национальное самосознание, этнические особенности;

2. со степенью *субъективной вовлеченности* (погруженности, втянутости) человека в другую культуру – от «взгляда со стороны» до необратимых и неосознаваемых личностных изменений;

3. с тем, из какой *позиции* (вынужденно или добровольно) человек идет на соприкосновение с другой культурой – например, делать это толкает заработок, личностный кризис, либо это его осознанное желание, решение, образовательный выбор, мода, ценности, стиль жизни.

Такое понимание разноуровневой, разностепенной и разнопозиционной включенности человека в другую культуру позволяет нам сформировать гипотезу о целевом субъект-объектном характере психологического сопровождения процессов социокультурной адаптации и выдвинуть идею об эффективности проведения для этой цели такой формы психологической работы, как тренинг межкультурной коммуникации с указанием сферы совместной деятельности тренируемых (например, в сфере бизнеса, туризма, учебного обмена, бытового поведения).

Если этот тренинг рассматривать как вид ICL, то его можно определить как такое направление социально-психологической работы с личностью и группой, а также процессами групповой динамики, содержанием которого являются механизмы и закономерности построения носителями разных культур оптимальных моделей коммуникативного сосуществования и перспективных форм социального взаимодействия».

Ведерникова Е.А.

ПСИХОЛОГИЯ ИСПОВЕДИ

В настоящее время общепринятым в среде психологов и медиков стало утверждение о психотерапевтическом эффекте религиозных ритуалов. Сравнительное изучение аналогов и их рационалистический анализ позволяет усовершенствовать и светские приемы психотерапии.

Ранее внимание теоретиков, изучавших психотерапевтические компоненты религиозных ритуалов, концентрировалось на выявлении и попытках освоения приемов суггестии. Рациональное изучение и освоение иных психотерапевтических приемов религиозного ритуала в современной отечественной психотерапии начато А.Е.Личко. Он установил аналогии между групповым покаянием в приходе о. Иоанна Кронштадтского, «психодрамой» по Морено и иными вариантами групповой психотерапии. Но еще в XIX веке католические авторитеты Австрии обличали психоаналитические сеансы, проводимые З.Фрейдом, как пародию на таинство исповеди. А.Эткинд (1993) обратил внимание, что большую часть клиентуры у «отца психоанализа» составляли выходцы из Восточ-

ной Европы и России («новые русские» конца XIX – начала XX в.). Большая часть российской буржуазии – ее второе и третье поколения - была представлена потомками старообрядцев, выкрестами и «новообращенными православными», сменившими конфессию в значительной мере по административно-политическим мотивам, естественным для российской империи. В современной системе социологических понятий эту группу людей относят к слою «культурных маргиналов». Естественно, что оторванность от веры и ритуалов собственных отцов и дедов («беспочвенность») провоцировала трудности в осознании и разрешении невротических конфликтов, создавала нужду в замещающих процедурах. В их число входили и психоаналитические сеансы.

Н.Эйдельман (1978) указал на уникальное для Европы явление русской дворянской культуры XVIII–XIX в.в. – «педагогический дневник», – принадлежность почти всех молодых людей из высших слоев России. Его появление обусловлено особенностями русской православной церкви XVIII в. С эпохи реформ Петра I были легализованы систематические нарушения тайны исповеди, а в XIX в. церковная исповедь декретом была сделана обязательной для всех православных граждан империи. Это подорвало психотерапевтический потенциал церковной исповеди. Для низших слоев российского общества эффективной заменой церковного ритуала стала «исповедь на почтовой станции», «исповедь в вагоне железной дороги». Дворянский этикет почти исключал «обнажение души» и обсуждение внутренних личностных проблем. Функциональной заменой исповеди было ведение «педагогического дневника».

В США среди христианских конфессий наиболее распространенными оказались протестантские, где исповедь вообще не предусмотрена в ритуале и обыденном этикете. Поэтому оказалась востребованной «недирективная психотерапия». Но, задуманная как *пародия* на «недирективную психотерапию», примитивная компьютерная программа обработки текстов «ELISA» оказалась по эффектам близкой к объекту пародирования. Данный пример позволяет свободно уподобить недирективную психотерапию *рефлексивной игре с примитивной выигрышной стратегией и с весьма малой значимостью реального проникновения психотерапевта в существо личностных проблем пациента.* Не остается ли в большом числе случаев «взаимопонимание» между прихожанином и исповедником, или «недирективным психотерапевтом» и его клиентом иллюзорным и малозначимым? «Конфликты у наших больных очень просты. Важно только не забывать, что просты не сами конфликты, а наши способы их описывать…» (С.С.Либих).

В XX веке условия в СССР не благоприятствовали сохранению эпистолярного жанра и традиций дневника. Умение слушать «исповедь» в

железнодорожном вагоне тоже утеряно. Религиозный ренессанс еще не восстановил значения исповеди на «допетровском» уровне. Поэтому в психотерапии невротических конфликтов у интеллектуалов средством выбора стало применение «дневника Штифтера». Опишем этот психотерапевтический прием в современном варианте. Перед сном пациент вспоминает «мелкие конфликты», отличающиеся высокой эмоциональной значимостью. Затем сочиняет краткое описание этих трудностей и заносит сочиненный текст в тетрадь без перечитывания и исправлений. Свободный край листа приклеивается к предыдущим. Это исключает несанкционированный доступ к записям, уменьшает действие тревоги и «цензуры» на содержание. Записи делаются ежедневно, их перечитывание допускается через 2–6 месяцев. Этот режим ведения записей фиксирует «зоны невротического конфликта», где расходятся эмоциональные и дискурсивные оценки, и обеспечивает быстрое эмоциональное отреагирование. Отсроченное обращение к собственным записям позволяет больному с неврозом увидеть себя и окружающую обстановку с новых точек зрения, то есть – реализовать «эффект исповеди».

Всеволодова Ю.В., Сторчак Н.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРОБЛЕМНОЙ СЕМЬЕ

Оценка ситуации. В условиях наступившего экономического кризиса ухудшение положения семьи пошло быстрыми темпами. Общеизвестно и подкреплено цифрами, что обнищание населения города началось в 1992–94 гг. и привело к возрождению явления «социального сиротства», которым обозначают такое положение детей, когда их родители не выполняют функций по воспитанию, содержанию и контролю детей, и дети уходят из семьи на улицу. В 1997 г. в городе выявлено 7,5 тысяч детей-сирот при живых родителях. Сегодня их число достигло уже 11 тысяч. Одновременно зафиксирован рост числа асоциальных семей, неспособных обеспечить детям необходимые санитарно-гигиенические условия проживания и доступ к медицинской помощи.

Типичный ребенок, оказавшийся на улице, живет в малоимущей многодетной семье, ему 10–13 лет, он грязный, вшивый, голодный. Он курит, является токсикоманом или наркоманом, не ходит в школу. Средний уровень образования – 1–2 класса. В умственном развитии существенно отстает от сверстников. Не здоров, часто болен туберкулезом. В основном проводит время в подвалах или занимается воровством

или попрошайничеством, иногда ночует дома, но в семье не живет и не хочет жить. Ребенок считает, что так ему лучше, чем оставаться в семье.

Практика помощи семье. Помощь детям в кризисной ситуации оказывают городские службы: приюты, столовые, Дома ребенка, детские дома. Дети, живущие на улице, находятся вне семьи и не под опекой государства, следовательно, не охватываются городскими службами. Благотворительные организации работают лишь с небольшим числом безнадзорных детей и их помощь не регулярна. Есть проекты социальной и психологической помощи ребенку, главной целью которых является возвращение ребенка в семью и нормализация семейных отношений. Службы, преимущественно занимающиеся психологической помощью, не оказывают существенного влияния на изменение социально-психологического статуса семьи. В их программу в основном включены разовые консультации тех, кто обращается за помощью сам. Родители и дети из неблагополучных семей сюда не приходят. Есть помощь семье в острой кризисной ситуации – продуктами, одеждой и лечением, организацией отдыха летом. Практически, такие семьи из острой кризисной ситуации переходят в стадию хронического кризиса. Они являются постоянными потребителями социальной помощи, и в большинстве случаев у родителей и детей вырабатывается позиция: «Государство обязано мне помогать, я ничего не могу сделать сам». Так появляется новая проблема – психология иждивенчества в неблагополучных семьях. Не предпринимая никаких усилий, родители и дети становятся «разборчивыми» в отношении качества гуманитарной помощи и могут отказаться, если она их чем-то не устраивает. Средства, вкладываемые государством и благотворительными организациями, не изменяют ситуацию в семье, смягчая ее материальные трудности. Такое положение дел в сфере проблем семьи выдвигает вперед психологическую помощь семье.

Основная цель психологического сопровождения – возвращение ребенка в семью с адекватными семейными функциями и отношениями. Психологическое сопровождение семьи осуществляется в двух направлениях: работа с членами семьи, из которой ушел ребенок, и с самим безнадзорным ребенком. Работа с членами семьи предполагает выполнение следующих задач:

1. Диагностика проблем семьи (психологические особенности и специфика взаимоотношений в семье) и семейного мотивационного потенциала (позиции, потребности, установки членов семьи).

2. Формирование мотивации изменений в семейных отношениях через совместное разрешение семейных проблем и обучение методам и приемам конструктивного взаимодействия в семье, наблюдение за ходом изменения семейной ситуации и консультирование.

3. Работа с безнадзорным ребенком, предполагающая а) определение специфики восприятия ребенком психотравмирующей семейной ситуации; б) диагностику личностных особенностей и коррекционную работу; в) формирование мотивации возвращения в семью; г) наблюдение за ребенком с момента его возвращения в семью.

4. Условиями достижения положительного результата психологического сопровождения можно назвать три фактора: высокую квалификацию специалистов, одновременную работу с членами семьи и с ребенком, достаточно продолжительный период работы.

Гулина М.А.

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСХИОЛОГИЯ: НАУКА О ПОНИМАНИИ ИЛИ ИСКУССТВО ПОМОЩИ?

По отношению к терминам «психотерапия», «консультирование», «социальная работа», «психоанализ» часто употребляется слово «искусство», что легко объясняется уникальностью процесса как такового, ролью индивидуальностей участников процесса, трудностью передачи практических навыков и т.п. С другой стороны, именно об описании Фрейдом в 1915 году процесса научного познания («Влечения и их судьба») Лакан в середине 1950-х годов в своих «Семинарах» писал: «Говорят, что Фрейд философом не был. Допустим, но другого текста, где процесс научного исследования освещался бы с подобной философской глубиной, я не знаю». Разрешение этого противостояния между естественнонаучной и гуманитарной традициями в психологии видится в первую очередь в осмыслении различий между «экспериментальной и экспериенсиальной» психологией (Крипнер, де Карвало), между номинализмом и эссенциализмом (Поппер) в психологии.

В отечественной психологии дискуссия на эту тему развернулась с конца 1980-х годов. Так, Л.А.Радзиховский (1989) пишет о понимающей и объяснительной, номотетической и идеографической психологии. А.М.Эткинд (1987) видит отличие «академической» и «практической» психологии в различных их задачах: «исследование» в противоположность «изменению». А.А.Пузырей (1988) пишет о естественнонаучном мышлении в психологии с его ориентацией на «практическую теорию» и о психотехническом типе научного психологического мышления, который ориентирован на «теоретическую практику». В.А.Богданов (1990) разделяет причинный и целевой подходы, идущие еще от Галилея и Аристотеля, и видит их отражение в психологии в наличии двух различ-

ных языков: «языка черт» и «языка факторов ситуации» или структурной в противоположность дискриптивной психологии.

Проведенный нами теоретический анализ основных направлений в психотерапевтической помощи и сравнительное экспериментальное исследование показали, что все известные формы психологической помощи являются не только практиками, в их основе лежит несколько иной тип научного психологического знания о человеке, где индивидуально-феноменологическое выходит на первый план и изменения происходят в актуальном времени и пространстве психических процессов, и только позже – в пространстве состояний, отношений, свойств личности. Этот тип знания, который можно назвать психологическим терапевтическим, обладает рядом особенностей, общих для всех подходов и школ психологического консультирования, и является их теоретической основой. Такими общими характеристиками терапевтического психологического знания являются: новое и специфическое значение аксиологической (ценностной) компоненты наряду с гносеологической и праксеологической; новое содержание *понимания* (а именно, вчувствования в опыт другого человека, как это предложил Дильтей) как метода познания человека; роль индивидуального знания психолога о себе самом наряду с общим и частным психологическим знанием; развитие знания о себе самом становится основной целью психологического познания; познание носит диалогический характер; результатом познания является определенное изменение системы ценностей у всех участников процесса; превалирование категории правды по отношении к категории истины; отход от идеи «нормальности-ненормальности»; значимость единичного знания в системе общего психологического знания о человеке.

Психологическое консультирование мы определяем как направленное на понимание языковое (состоящее из вербального, невербального и символического компонентов дискурса) *взаимодействие*, целью которого является трансформация скрытого потенциала человеческого страдания в усиление способности человека к развитию его собственной индивидуальности. Другими словами, оно имеет своей целью помощь человеку в установлении и развитии его отношений с собой и окружающим миром. Отношения являются как целью, так и средством достижения цели, а клиент – субъектом и объектом изменения отношений.

Гурнова Е.Е.

ЗАРУБЕЖНЫХ ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛИЧНОСТИ

В теории и практике российского образования активно разрабатывается идея педагогической поддержки (Е.А.[Александрова, В.П.Бедерханова, О.С.Газман, Н.Б.Крылова, Г.И.Рогалева, И.Д.Фрумин, И.С.Якиманская и др.), под которой понимается «система педагогической деятельности, обеспечивающая раскрытие личностного потенциала ребенка, включающая помощь ученикам, учителям, родителям в преодолении социальных, психологических и личностных трудностей» (О.С.Газман). Основная идея педагогической поддержки, – это гуманистические отношения между воспитателем и воспитанником.

В американской школе данное понятие означает создание окружающей обстановки класса, учебной атмосферы, среды или экологии. Оно определяется как «guidance» (S.Carrol, K.Valstrom, H.Resnik и др.) и в широком смысле рассматривается как помощь в любой затруднительной ситуации. В более узком смысле понятие означает процесс оказания помощи ребенку в самопознании и познании окружающего мира с целью применения знаний для успешной учебы, выбора профессии и развития своих способностей. К.Валстром отмечает, что в деятельности службы «guidance» выделяются три направления: экономическое (профориентация), учебное (подбор учебных программ), социальное (изучение и руководство развитием личности). Модель педагогической поддержки предусматривает рассмотрение этих трех сфер деятельности.

Суть педагогической помощи и поддержки в Великобритании наиболее точно выражается в понятиях: «pastoral care» – пасторская забота и «tutoring» – опекунство. Тьюторство считается уникальным английским методом обучения и воспитания. Тьютор рассматривается не только как преподаватель, но и как наставник, помогающий ученику развивать способность мыслить, вырабатывать навыки обучения. Тьютор держит в поле зрения не только успеваемость, но и формирование личности ребенка. К.Мак-Лафлин выделяет развивающую модель педагогической поддержки, используемую в настоящее время в Англии, где центром внимания является здоровое развитие ребенка. П.Маршал отмечает, что педагогическая поддержка необходима для учеников, испытывающих трудности при переходе от одной образовательной ступени к другой.

Финская модель педагогической поддержки выражается в виде школьной службы «terveydenhoittaja» (дословно – заботящийся о здоровье), которая оказывает помощь в любых ситуациях. При затруднении

работники данной службы обращаются к школьному психологу, который работает одновременно для нескольких школ. Также для школьников существуют дома молодежи, которые работают в основном в области социальных программ. Существует также и такая молодежных консультаций, где решаются вопросы предохранения от нежелательной беременности [A.Turunen, P.Tuokomaa, T.Nikula].

Интересной представляется система педагогической поддержки в Японии, которая осуществляется уже на протяжении почти 100 лет и является механизмом государственной политики (В.К.Елманова). В современной программе школьного курса «Моральное воспитание» в качестве основной цели выделяется «формирование гражданина Японии», внедрение социальных норм в сознание молодежи в виде моральных ценностей, формирование чувства общественного долга, осознаваемого как необходимость быть дисциплинированным и трудолюбивым. Программа воспитания включает 28 тем, которые условно можно разделить на три группы: 1) воспитывающие социальную конформность; 2) направленные на воспитание «активного человека» – воспитывается такое отношение к труду, чтобы он рассматривался как вклад любого «маленького дела» в «общее великое дело»; 3) объединенные общие задачи – приучить ребенка воспринимать общественные нормы поведения как внутренне необходимые. Способности к самостоятельным действиям в сочетании с ориентацией на строгое следование установленным социальным нормам воспитывается у японцев с детства как естественная необходимость, несоблюдение которой всегда приводит к трудностям разного рода. В этом смысле программа «Морального воспитания», на наш взгляд, выглядит больше как сдерживающая и направляющая, хотя и оказывающая мощную поддержку социализации детей в Японии.

Рассмотренный выше опыт работы зарубежных стран, работающих в системе педагогической поддержки личности, может быть критически обработан и частично применен в российском образовании.

Дерманова И.Б.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ И СИМПТОМОКОМПЛЕКСЫ, ЕГО ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ

В самом общем понимании индивидуальный стиль – это способ достижения, своеобразие психической активности человека. Спектр его проявлений чрезвычайно широк: от электрической активности головного мозга до стратегий и стилей жизни в целом. Большинство современных исследований посвящено изучению таких компонентов реализации

активности человека, как приемы, способы, формы поведения, общения, познания, практических действий и т.д. в зависимости от того, к какому уровню структурной организации психики человека относятся изучаемые стилевые проявления. В зависимости от того, какие иерархические уровни индивидуальности по преимуществу детерминируют стиль и какие компоненты деятельности характеризуются, В.С.Мерлин выделял различные иерархические уровни стиля: реактивный, операциональный и целевой. Так, например, в области предметной активности выделенный в его школе стиль моторной активности – это в основном стиль реагирования или стиль реакций. Более высокий уровень индивидуального стиля предметной активности характеризуется индивидуальной системой операций. Это индивидуальный стиль деятельности. Именно он в нашей стране наиболее исследован в основных видах предметной деятельности: игре, труде, спорте и учебной деятельности (Е.А.Климов, М.Р.Щукин, Л.А.Вяткин, Э.И.Мастилискер и др.). Это направление и задает общее представление об индивидуальном стиле как способе действий. Но если следовать логике иерархических уровней до конца, то в деятельности мы можем выделить еще один стиль – стиль формирования промежуточных целей, хотя в деятельности выбор субъективных целей несколько беднее, чем, например, в общении.

Аналогичные иерархические уровни, по-видимому, можно выделить и в индивидуальном стиле общения. В.С.Мерлин их выделяет, но считает, что в настоящее время мы не в состоянии характеризовать стиль реакций общения. Поэтому рассматривает лишь два других уровня индивидуального стиля общения – операциональный и целевой – и находит здесь те же закономерности, которые проявляются и при формировании стиля предметной активности. Похожую картину мы встречаем и в литературе, посвященной исследованиям стилей жизни. Стиль жизни чаще всего определяется как характеристика индивидуальной системы промежуточных целей и способов их достижения. Термин «стиль жизни» и такое его понимание были заданы еще А.Адлером. Однако, если мы говорим об индивидуальности, нельзя забывать и нижний иерархический уровень – уровень реакций, поскольку именно в нем проявляется энергетический комплекс индивидуальности. Часто только от степени его адекватности двум другим уровням индивидуального стиля жизни зависит успешность или неуспешность жизненного пути человека. Недаром так много внимания энергетическим характеристикам человека в свое время было уделено Б.Г.Ананьевым и Н.А.Бернштейном.

Реактивные стили жизни, если так можно назвать этот низший энергетический уровень стиля, изучались Р.Стагнером, который под стилем понимал личностно обусловленные обобщающие схемы перцептивных

актов и форм реагирования. Так, к реактивным стилям Стагнер относит разные типы эмоционального разряда, такие как двигательный (человек сжимает кулаки), соматический (бледнеет, краснеет), миокинетическую динамику при фрустрации, выявленную в опытах по методике Мира-Лопеца и т. д. Эти реактивные стили у него оказались не связанными с конкретным содержанием переживаемого и осознаваемого. Следовательно, это формально-динамические характеристики, определяющие обобщенные типы выразительных реакций.

Однако, на наш взгляд, могут быть найдены определенные симптомокомлексы с элементами всех трех иерархических уровней индивидуального стиля жизни, и именно они определяют индивидуальное своеобразие человека. Основная задача при этом заключается в выявлении таких промежуточных и конечных целей, которые были бы сформулированы не в терминах предметных достижений, а в терминах направленности его психологической активности. В качестве таких целей может быть выделена общая адаптационная направленность на изменение среды, на формирование и изменение себя или на уход из среды.

Захарьева И.А.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ

В центре внимания любой психологической службы находятся проблемы семьи, взаимоотношений родителей и детей. По понятным причинам к психологам обращаются родители, испытывающие трудности в вопросах воспитания. Жалобы родителей и факторы, влияющие на их возникновение, описаны (В.А.Смехов, А.Я.Варга). Те же авторы выделили и причины неэффективного родительского взаимодействия. Среди причин основными являются: 1) педагогическая и психологическая неосведомленность родителя; 2) некритично усвоенные и ригидные стереотипы воспитания ребенка; 3) личные проблемы и особенности родителя, которые он привносит в общение с ребенком; 4) особенности общения с другими членами семьи.

Из выше перечисленного видно, что не последнюю роль играет наличие проблем у самого родителя. Однако психологу понятно, если человек не справился со своими проблемами, он менее интегрирован и целен, а, следовательно, менее перцептивен. Между тем, каждый родитель желает, чтобы его ребенок был здоровой, счастливой, развитой личностью. Однако это лишь некоторые ценности, названные А.Маслоу (1997) высшими ценностями, и стремится к ним личность, вставшая на

путь самоактуализации. Исходя из иерархии потребностей, описанной А.Маслоу, у такой личности должны быть удовлетворены низшие, то есть базовые потребности, к которым относятся физиологические потребности, а также потребности в безопасности (защите от боли, гнева, страха, неустроенности и т.д.). Не стоит ждать пробуждения высших потребностей и стремления к высшим ценностям, пока не удовлетворены низшие, более сильные потребности. Этот вывод позволяет многое понять и предвидеть. К перечисленным причинам неэффективного родительского взаимодействия необходимо добавить «болезни», характеризующие наше общество в целом: отчужденность, скука, апатия, неспособность радоваться, утрата цельности и значимости жизни.

Так, одной из важнейших задач психологической службы, в русле психологической поддержки населения, является оказание помощи родителю в осознании ресурсов для разрешения личных и внутрисемейных проблем. Дифференциальный анализ (Н.Пезешкиан), основой которого является психотерапия, – краткосрочный эффективный метод групповой и индивидуальной работы с семьей. Опираясь на концепцию позитивного видения человека, анализируя модель конфликта, выделяя актуальный, базовый и ключевой конфликты, способность к познанию (когнитивность) и способность к любви (эмоциональность), а также первичные и вторичные способности, дифференциальный анализ имеет в своем распоряжении пятиэтапный метод работы.

Если переоценивается важность первичной или вторичной способности, то это, во-первых, ведет к сужению поля восприятия ценностей, во-вторых, важная в данный момент характеристика настолько ослепляет своей ценностью, что происходит диссонанс, возникающий между самими вторичными способностями или между вторичными и первичными. А это ведет к личностным нарушениям и конфликтам. Использование на одном из этапов работы опросника ДАО и Висбаденского опросника подводит к осознанию объекта фиксации и причин диссонанса.

В школе № 377 есть опыт групповой работы (в форме лектория) по оказанию психологической поддержки родителям в воспитании детей. Занятия проводились один раз в неделю в течение двух месяцев. Использование пятиэтапного метода работы, инструментария и концепции позитивной психотерапии за короткий период помогает родителю осознать свои ресурсы в разрешении как своих личных психологических проблем, так и проблем, связанных с воспитательным процессом. В процессе групповой работы актуализируется: 1) способность и возможность отследить сильные и слабые стороны воспитательного процесса; 2) осознание взаимосвязи центрирования на важности отдельных актуальных способностей и возникающих вариантах дезадаптации и влияния

базисного конфликта на формирование личности; 3) возможность усвоения и использование модели психологической самопомощи. Тем самым концентрация на отдельных вторичных актуальных способностях, таких как справедливость, честность, уступает место и выдвигает на первый план, что важно, первичные актуальные способности: доверие, веру, терпение, любовь, что благотворно влияет как на развитие ребенка, так и на процесс взаимодействия родителей и детей в целом.

Захарьева И.А., Утемишева Г.А.

ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛИЯ В ПОДРОСКОВОЙ СРЕДЕ

С одной стороны, статистика о насилии, примеры из практики, запрос от подростка кричат об актуальности проблемы, с другой стороны, еще существует сопротивление работать по этой теме как у подростка, так и у специалистов. Работа с подростками по теме «Насилие» выявляет узкое понимание темы; неосознанное представление о мотивах насилия, возможной виктимности; несформированность убеждения о возможном сопротивлении. При этом у подростка есть страх насилия, но и страх открыться взрослому (это касается как физического насилия, в частности, сексуального, так и психического насилия дома и вне его стен). Взрослый же, понимая злободневность темы, но и глубину ответственности, боится подступиться к ней. Эффективным краткосрочным методом работы с такой сложной темой, как «Насилие» является структурированная модель позитивной психотерапии (Н.Пезешкиан).

Предлагаемая модель поможет как в групповой работе, так и в индивидуальном консультировании по любой проблеме, касающейся темы «Насилие». С помощью позитивной психотерапии можно работать как с жертвой, так и с преступником, то есть использовать его для реабилитационной и коррекционной работы. Метод может быть использован для профилактической работы с группами риска, выделить которые возможно, опираясь на описание психологического профиля жертвы насилия и преступника, а также причин их формирующих.

Так, если говорить о профилактике, то на первой ступени работу полезно начать: 1) с запроса, тем самым помочь консультируемой группе актуализировать свой собственный опыт и восприятие темы как таковой. Участники группы могут рассказать о случаях насилия в их жизни и перечислить то, о чем они готовы говорить и услышать. Психолог может дополнить сказанное случаями из своей практики, статистическим материалом; 2) на этой ступени так же необходимо договориться об определении и формах насилия, поговорить о связи психического и физическо-

го насилия. Очень полезно давать эти понятия как с транскультуральной, так и с разных точек зрения отечественных и зарубежных авторов; 3) на этом же этапе можно спросить подростка, какие внешние признаки поведения, настроения, мимических реакций и т. д. его друзей могут говорить о существовании насилия в их жизни; дополнить этот список самому. Рассуждая на эту тему, подросток проецирует свой опыт и одновременно развивает такое прекрасное качество как эмпатия. 4) заключает этот этап работа над позитивным толкованием понятия «Насилие». Обсуждение позитивной реинтерпретации этого понятия дает возможность акцентировать внимание подростка на том, что способность разрядиться, проявить волю, самоутвердиться и т. д. – это вовсе неплохо, но способ насилия для этого является неадекватным.

На второй ступени разговор пойдет о социальных нормах, которые имеют для каждого из нас важное значение. Во-первых, список этих норм у каждого свой, а во-вторых, выбор этих норм неслучаен. Здесь необходимо указать на последствия чрезмерных требований, зацикливания на определенных нормах и связи этого с обсуждаемой темой.

Полезно вспомнить, что 1) зацикливание, как правило, происходит на вторичных способностях, и ресурс наш в развитии первичных способностей; 2) каждый человек представляет собой совокупность не только отрицательных качеств, которые не соответствуют нашим требованиям, но и положительных, которые рассмотреть можно не сразу; 3) мы все «родом из детства», где формируется не только самооценка, модель взаимоотношений с партнером и другими, но и способы реагирования.

Работа на третьей ступени поможет осмыслить, как мы выживаем в обществе насилия и что нам в этом помогает. Разговор здесь пойдет не только о первичных актуальных способностях, но и о ресурсах каждого через осознание темы и формирование своего отношения к насилию.

На четвертой ступени следует говорить как о причинах, ведущих к преступности, так и о причинах формирования психологии жертвы.

Особую важность представляет в работе пятая ступень, поскольку здесь происходит расширение системы целей. Подросток анализирует, какие изменения произошли с ним в сферах отношения к себе, к партнеру, к другим людям, к будущему и каких изменений он хотел бы. Работу можно планировать, исходя из возможностей обеих сторон: от 1–2 часового консультирования до 40 и более часов групповой работы.

Ирецкий А.Н.

НЕСЛОВЕСНЫЙ АУТОТРЕНИНГ

В психотерапии существенные успехи возможны лишь там, где используются эффективные теоретические модели патогенеза соответствующих расстройств. При отсутствии эффективных патогенетических концепций даже лучшие приемы и системы теряют свою высокую репутацию из-за неудач, обусловленных неуместным их применением. Классический АТ – стройная система, исходно предназначенная для пациентов с неврастенией и психастенией (Й.Шульц). Ее создание предвосхитило на 25 лет открытие фазовой организации сна (Ю.Азерински с соавт.). Упражнения первой ступени «протезируют» процессы из фазы «медленного сна», а упражнения второй ступени – процессы REM-фазы. Многочисленные «усовершенствования» АТ велись без патогенетического обоснования, сугубо эмпирическими попытками расширить сферу его применения. Главным стало злоупотребление риторикой (от «Сердце купается в тепле» до «Половой член становится твердым как гвоздь!»). «Модифицированный АТ», «органотренировка», «психическая саморегуляция» уже не отличаются от примитивных вариантов суггестии, эффективных разве что при классической истерии. В работе с особо тревожными больными эти «авторские модификации АТ» неэффективны. Цикл освоения АТ обычно прерывается уже на первых занятиях: пациенты не могут получить какой-то ощутимый результат или даже обнаруживается *феномен инвертированного внушения* (вербальные формулы провоцируют появление противоположных иллюзий).

Анализ процессов, составляющих «синдром длительной монотонной мобилизации» (СДММ), позволил создать систему «несловесного аутотренинга», ориентированную на помощь «самоотверженным» и тревожным пациентам. Показания к применению: неврастения, психогенные соматические расстройства, сформированные в рамках СДММ (комбинированная затяжная патология со «стертым» вялотекущим течением), профессиональные мышечные дистонии у спортсменов и музыкантов, у операторов и стоматологов. Противопоказания: аффективные расстройства инволюционного периода, вуалированные депрессии иного генеза, истерия. Существенные отличия упражнений несловесного АТ: свобода от вербальных формул, адаптивный выбор ощущений, с которыми работает пациент, концентрируя внимание *на изменениях* в их восприятии. В силу предрассудка, релаксация скелетной мускулатуры рассматривается как *главная промежуточная цель.* Функциональная основа «несловесного АТ» (как и упражнений первой ступени классиче-

ского АТ) протезирование процессов из фазы медленного сна для восполнения их функционального дефицита в циклах естественного сна. Расслабление скелетной мускулатуры реально выступает лишь как условие для более легкого *выявления* в восприятии больного локальных участков, где сохраняется напряжение, не обусловленное позой или предстоящим действием (то есть – зон проприоцептивной сенсибилизации). При выполнении упражнений первой ступени АТ происходит последовательное выявление в восприятии больного зон проприоцептивной и полимодальной, болевой и температурной сенсибилизации (Геда-Захарьина). Этот процесс (противоположный адаптации анализаторов) принадлежит к спектру психофизиологических сдвигов, адаптивных *вне ситуаций экстренной мобилизации*. Отметим, что освоение и выполнение упражнений АТ всегда может быть облегчено применением отвлекающих средств, наносимых равномерно на кожу или проведением бальнеотерапии, точечного массажа в варианте «погоня за драконом», т.к. они также способствуют процессу выявления указанных зон.

Краткое описание упражнений несловесного аутотренинга.

1. *Усиление контраста в восприятии частей.* Ввнимание концентрируется на поиске частей тела, которые в наиболее отличаются от «фона» (чувством мышечного напряжения, выраженностью парестезий при действии равномерно нанесенных «отвлекающих средств»).

2. *Стигматизация.* Внимание пациента концентрируется на поиске зоны, где мышечное напряжение и/или дизестезии от нанесенного «отвлекающего средства» воспринимаются отчетливее всего и заметнее осциллируют (например, в такт с дыханием или в ритме сердцебиения, или на гармониках этих физиологических ритмов).

3. *Нейтрализация.* Внимание распределяется между двумя симметричными точками так, чтобы получить в них идентичные и синхронные восприятия дизестезий. При выполнении указанных трех упражнений парестезии и дизестезии первоначально выявляются и усиливаются, а затем «сгущаются в точки» и начинают осциллировать. Результатами «нейтрализации» будут исчезновение парестезий в соответствующих зонах, появление миорелаксации и иллюзии «выпадения из восприятия» части тела («иллюзия укорочения конечностей»).

Цикл этих трех упражнений проводится в отношении разных частей тела – вплоть до возникновения иллюзии «отсутствия тела», или до спонтанного выхода из транса. В благоприятном варианте обычно появляются сноподобные спонтанные визуальные образы (т.е. переход ко второй ступени, «протезирующей» процессы из REM-фазы сна).

Королёв Д.К.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Понятие о эмоционально-оценочном отношении к жизни ещё ново для психологии. Кроме него используются такие концепты, как субъективное благополучие, психологическое благополучие, качество жизни, удовлетворённость жизнью, счастье, смысл жизни, социальное самочувствие и подобные им. Это отражает, с одной стороны, растущий интерес к данной проблематике, а с другой стороны, многообразие принципов, путей исследования и неустойчивость концептуального аппарата, который используется в рассматриваемой области. Все это естественно для нового интенсивно развивающегося исследовательского направления. Положение осложняется междисциплинарным характером данной проблемы, последняя разрабатывается не только в психологии, но и в социологии, и даже в психиатрии, является традиционной для философии.

Новым это направление исследований можно считать не только для постсоветской психологии, но и для мировой. Так, только со второй половины 60-х годов в западной психологии стали проводиться социально-психологические исследования счастья и удовлетворенности жизнью (М.Аргайл). Вместе с тем уже тогда существовали клинические концепции, основанные на опыте психологической практики. В качестве примера такой теории можно привести работы В.Франкла. В советской психологии эта проблема почти не разрабатывалась, только в начале 90-х появляются единичные публикации, с 1995 года в Москве ежегодно проводятся симпозиумы на тему «Психологические аспекты смысла жизни». В Киеве социологический и социально-психологический аспект проблемы разрабатывается Е.И.Головахой и Н.В.Паниной.

Сейчас наступает такой этап, когда названные феномены должны изучаться не просто на уровне отдельных фрагментарных эмпирических исследований их частных аспектов, что несомненно необходимо на начальных этапах изучения любого явления, но в их исследовании следует использовать весь арсенал психологических категорий и понятий, принципов и подходов, рассмотреть их в связи с другими психологическими реалиями, а знания о них интегрировать с наличным психологическим знанием, включить их в общий контекст психологической науки.

Считаем, что для решения поставленной задачи будет эвристически полезным рассмотреть отмеченные явления через призму категории отношения. Последняя имеет богатую историю разработки, относительно четко определенное содержание, диктует известную логику анализа.

Таким образом, становится возможным использование опыта, накопленного при изучении самоотношения, отношения к значимым другим, к болезни, к природе. Используя категорию отношения, отмечаем, что речь идет о наиболее обобщённом отношении личности – к собственной жизни в целом. Но в этом случае возникает вопрос о содержании понятия жизни в целом, в первом приближении определим его как неаддитивное единство всех аспектов жизнедеятельности субъекта. Однако следует отметить, что пока ещё это скорее метафора, чем концепт.

Такое понимание предмета исследования открывает возможность рассмотреть и эмпирически исследовать его в следующих планах: структурное описание; выделение детерминант эмоционально-оценочного отношения к жизни; функциональный анализ. За неимением места, отметим только, что к данному моменту нами получены эмпирические результаты в каждом из упомянутых планов.

Коростылева Л. А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Стратегия самореализции предполагает эффективное управление процессом самореализации, основанное на адекватных, далеко идущих прогнозах, и постижении личностью своих смысложизненных и ценностных ориентаций. Стратегия самореализации личности содержит в себе компоненты *совладающего* и *преобразующего* характера. Совладающий характер проявляется в установке на ситуацию как слабую (по Мишелу), а преобразующий – в использовании в использовании механизмов самореализации для преобразования возникающего ощущения дефицита в жизнедеятельности (мотивационно-потребностная сфера) в устремление к достижениям, осуществлению поставленных целей, жизненных планов (смысложизненные и ценностные ориентации). Посредством мотивационно-смысловых связей инициируются, трансформируются или корректируются процессы целеобразования и смыслообразования.

Стратегия самореализации имеет интегральный характер, поскольку представлена взаимосвязанными стратегиями дальней и ближней перспективы. В случае адекватной интегральной стратегии самореализации детерминирующей является стратегия дальней перспективы. В ином случае превалирует стратегия ближней перспективы, преобладает ориентация (установка) на сильную ситуацию (по Мишелу), т.е. ситуация воспринимается как более сильная по отношению к человеку, его ресурсам. Возникает фрустрация, уход от решения жизненных задач. Типоло-

гия стратегии самореализации обусловлена как особенностями этапа процесса самореализации, его местом на жизненном пути личности, так и особенностями индивидуальных предпочтений.

При постановке жизненной задачи человек руководствуется ведущим компонентом «ХОЧУ» (интересы, желания, влечения, аутентичность), при выборе инструментальных средств – «МОГУ» (самопознание, самоотношение, самооценка), на фазе осуществления решения – «НАДО» (саморегуляция, конативная сфера, социальный запрос). В значимой жизненной ситуации акценты могут сместиться, уступив приоритет «МОГУ» и последующими «ХОЧУ» (с коррекцией на аутентичность) и «НАДО» (с преобладанием конативного компонента). В стрессе возможна актуализация компонентов, начиная с компонента «НАДО».

Неадекватная стратегия самореализации может быть диффузной, недифференцированной, хаотичной, стихийной, стереотипной и др. Адекватная стратегия самореализации характеризуется наличием противоположных показателей и является уникальной, оптимизирующей и развивающей ресурсы личности. Отмечается многомерность стратегии самореализации, выражающаяся во внешнем («Я – другой, «Я – социум», «Я – мир») и во внутреннем планах (соотнесенность с самим собой).

В целом о процессе самореализации можно говорить как о процессе выбора, о его результате и способе, посредством которого осуществляется выбор того или иного жизненного решения.

Коростылева Л.А., Петрова Т.В.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ–ПСИХОЛОГОВ

На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что в работе психолога большое значение приобретают его личностные особенности. Но тем не менее в профессиональной подготовке будущих специалистов в недостаточной мере учитываются их личностные особенности. Формирование личности, наряду с освоением академической программы, является важнейшей задачей при подготовке студентов-психологов.

Для изучения предпосылок самореализации у студентов-психологов были использованы три методики, на наш взгляд, наиболее отвечающие целям данного исследования. Проблема предпосылок самореализации рассматривалась в трех аспектах: в плане самоактуализационных характеристик субъекта, его личностных черт и особенностей субъективной внутренней картины мира. Применялись три методики: методика САТ (основная) для исследования самоактуализационных характеристик, ме-

тодика Кеттелла для оценки личностных черт и экспериментальная методика «Репрезентация образа мира» (РеОМ) (Л.А.Коростылева), позволяющая описать внутреннюю картину мира человека. Группе из 103 человека были предложены самоактуализационный тест (САТ) и экспериментальная методика РеОМ. Дополнительно на части выборки (28 человек) было проведено исследование по методике Кеттелла.

В наибольшей степени оказались выражены такие самоактуализационные показатели, как ценностные ориентации, спонтанность, самоуважение, синергичность. Среди личностных показателей необходимо отметить интеллект, эмоциональную устойчивость, радикализм и подозрительность. В методике РеОМ наиболее значимым оказался экзистенциальный компонент. Это свидетельствует о том, что в своем большинстве студенты отличаются высоким интеллектом, эмоциональной устойчивостью и способны к целостному восприятию мира и людей. Для них характерно высокое самоуважение, порой переходящее в самомнение и замкнутость интересов на себя и некоторая подозрительность. Выраженность экзистенциального компонента (то есть наличие опасений экзистенциального характера) может быть связано с возрастом испытуемых, с поисками места в жизни, с профессиональным и социальным самоопределением, а также со спецификой будущей профессии. В наименьшей степени выражены такие самоактуализационные показатели, как ориентация во времени, принятие агрессии, контактность и познавательные потребности. Среди личностных показателей необходимо отметить прямолинейность и самоконтроль.

Это говорит об определенной незрелости личности некоторых испытуемых, проявляющейся в низкой способности к переживанию настоящего момента (что также может свидетельствовать о характерной для данного возраста устремленности в будущее) и низком уровне самоконтроля. Выраженная прямолинейность связана в частности с характерным для молодого возраста радикализмом. Низкий уровень принятия агрессии свидетельствует о согласии с традиционными нормами поведения. На этот фактор может оказывать влияние половой состав группы (большинство испытуемых – женщины, и для них агрессивное поведение традиционно считается более предосудительным, чем для мужчин).

Выдвинутая нами гипотеза о наличии в выборке двух групп испытуемых с различной выраженностью предпосылок самореализации подтвердилась. К первой группе были отнесены студенты с наиболее адекватными предпосылками самоактуализации (29% от общей выборки), ко второй – с менее адекватными (19% выборки). Группа студентов с адекватными предпосылками самоактуализации оказалась более многочисленной, что можно объяснить особенностями выборки (студенты фа-

культета психологии СПбГУ). Значимые отличия между группами были выявлены по критерию Вилкоксона. Высокий уровень значимости отличий свидетельствует о разной психологической природе этих групп.

Кудрявцева Е.Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЛЮДЕЙ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

В наше бурное время большое внимание уделяется различным видам социальной защиты, как то: социальная защита детей из неблагополучных семей, социальная помощь инвалидам, пенсионерам, неимущим, помощь лицам заключенным в местах лишения свободы и т.п.

Однако совершенно не разработан вопрос о психологической помощи тем, кто привносит в мир новое, кто созидает и вдохновляет на созидание других. Всем известно, как мучителен и сложен творческий труд в самых различных областях искусства, науки и техники. Существуют исследования о том, как трагичны судьбы творческих деятелей. Многие из них заканчивали жизнь самоубийством, в нищете и лишениях. Часто уже в начале их творческого пути их личность была надломлена. В нашей стране этот вопрос особенно актуален, так как именно в России не любят гениев и всех тех, кто выбивается из рамок общества.

Между тем мы с полным основанием можем рассматривать творческих деятелей как национальное достояние. Жизнь сама «выдвигает» их вперед и потому, охрана продуктов их деятельности, защита их личности, создание условий для развития и разворачивания их творчества является важным не только на уровне человеческого понимания и сочувствия, но и в государственном масштабе. В последнее время открываются школы для одаренных детей, но психологической работы с взрослыми творческими людьми почти не проводится. В законодательной базе ничтожно мало каких-либо законов, защищающих людей творческих профессий в различных отраслях науки, техники и искусства.

Мы видим два направления социальной работы, в развитии деятельности по защите людей творческого труда: создание законодательной базы по защите творческого труда; психологическая работа с творческой личностью, с ее межличностным окружением и семьей.

Куликов Л.В., Недбальская Е.А.

ДОСУГОВАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ СТРЕССА

В упрощенном понимании рекреационное поведение — перерыв в трудовой деятельности, позволяющий отвлечься, побыть в покое. Все яснее становится значение досуговой активности (хобби, увлечений, дел для души, внеслужебных занятий и т.п.) для гармоничного развития личности и более полной самореализации, как фактора расширения профессиональных возможностей (вплоть до смены профессии), как средства снижения стресса, вызываемого как обстоятельствами профессиональной деятельности, так и повседневной жизни. Все чаще трудовую деятельность и увлечение рассматривают как активности, характеризуемые единым набором свойств и оказывающие существенное влияние друг на друга. Форма времяпрепровождения имеет не только большое личностное значение, но и социальное, экономическое, политическое. Значение проблемы увеличивается в связи с укорочением рабочей недели, расширением неполной занятости и безработицы.

Нами проведено исследование 60 женщин в возрасте от 40 до 60 лет (средний возраст 47,8 лет), со средним (4 чел.), средним специальным (12 чел.) и высшим (44 чел.) образованием. Среди них 43 работают, 7 на пенсии, 10 — без работы. Использовались методики: «Доминирующее состояние» Л.Куликова, Опросник акцентуаций характера Леонгарда-Шмишека, «Диагностика межличностных отношений – ДМО» (тест Т.Лири в модификации Л.Собчик), специально разработанные анкеты для описания досуговой активности и способов преодоления стресса.

В подгруппе женщин, не имеющих досуговой активности, стрессовое состояние оказалось более выраженным. По всем шкалам методики «Доминирующее состояние» различия статистически значимы. Особенно выражены различия в уровне тревоги, неустойчивости эмоционального тона, напряженности, повышенной утомляемости. Подгруппу женщин, не имеющих досуговой активности, отличает также пассивное отношение к жизненной ситуации, неудовлетворенность жизнью и самореализацией. В этой подгруппе многие акцентуации характера оказались более заостренными в сравнении с подгруппой женщин, имеющих хобби. Особенно заметны различия в тревожности, лабильности, возбудимости. Вероятно, эти акцентуации в большей степени препятствуют полноценной досуговой активности. Ее отсутствие способствует ухудшению настроения, доминирующего психического состояния и тем самым дальнейшему заострению акцентуаций. По данным опросника

ДМО в этой подгруппе чаще встречается застенчивость, большое расхождение между «Я» реальным и идеальным, меньше самопринятие.

По результатам, полученным с помощью анкеты способов преодоления стресса, были выделены несколько стилей преодоления стресса. Анкета содержала перечень 44-х видов занятий, действий, к которым достаточно часто прибегают люди для облегчения стрессового состояния. Наиболее популярными в данной выборке оказались следующие приемы преодоления стресса: «послушать музыку», «съесть что-нибудь вкусное, выпить кофе», «заняться каким-нибудь видом деятельности, хобби». К основным стилям преодоления стресса были отнесены: активно-рациональный, активно-развлекательный, пассивный. К хобби прибегают люди, склонные к активно-рациональному стилю преодоления стресса. Люди с таким стилем считают для себя эффективными способами преодоления стресса следующие: «попробовать изменить ситуацию», «пообщаться с друзьями», «пофилософствовать, поразмышлять над ситуацией», «посетить выставку, музей». Стиль преодоления стресса оказался связан с коммуникативными установками личности.

По субъективным оценкам опрошенных, хобби способствует (в порядке убывания частоты упоминания): появлению хорошего настроения, дает возможность отвлечься от забот, приобрести новые знания и умения, более полной самореализации, повышает оптимизм, помогает отдохнуть, укреплению уверенности в себе, ощущению полноты жизни, нахождению новых друзей, улучшению своей внешности.

Таким образом, литературные данные и полученные данные приводят к выводу, что досуговая активность является важной составляющей образа жизни личности. Она важна для большого количества аспектов бытия личности, начиная с экзистенциальных решений (нахождение, обогащение смысла жизни), включая расширение путей и способов самореализации и саморазвития, повышения культурного уровня, избавления от одиночества, укрепления здоровья, до решения ситуационных задач – снять утомление, отвлечься от забот, пообщаться с людьми, для которых данное хобби также значимо.

Мамайчук И.И., Соловьева Е.Ю.

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ С БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ

По данным Национальной программы по бронхиальной астме на 1998 год, этим заболеванием страдают 5–10% российских детей. Традиционно бронхиальная астма рассматривается как психосоматическое

заболевание, однако психогенной природе уделяется значительно меньше внимания, нежели соматическим факторам. Анализ соответствующей литературы показывает наличие большого количества работ, посвященных в основном изучению влияния психологических факторов на возникновение и течение заболевания. Тем не менее не существует единого взгляда на личностные особенности детей с бронхиальной астмой.

Психологическое исследование особенностей эмоционального реагирования в ситуациях фрустрации и особенностей личности здоровых детей и детей с бронхиальной астмой (для которых приступ удушья рассматривался как фрустрирующая ситуация) выявило некоторые существенные моменты, которые свидетельствуют о принципиальном различии механизмов психологической защиты этих групп детей.

В частности, у детей с бронхиальной астмой была отмечена большая склонность к экстрапунитивным реакциям с фиксацией на препятствии и меньшая склонность к импунитивным реакциям с фиксацией на самозащите, чем у здоровых детей. В структуре реакций двух групп детей основное различие составило преобладание экстрапунитивных реакций с фиксацией на препятствии у больных детей и преобладание интропунитивных реакций с фиксацией на разрешении конфликта у здоровых.

Для обобщения использована классификация И.А.Васильевой, которая выделяет 4 типа защитных механизмов: вытеснение, переключение, уход и рационализация. Полученные данные свидетельствуют о том, что дети с бронхиальной астмой склонны использовать такие механизмы как уход и вытеснение, а здоровые – переключение и рационализацию.

Результаты исследования находят практическое применение в разработке программы психокоррекции детей с бронхиальной астмой, которая направлена на вырабатывание у ребенка более рациональных способов реагирования в ситуациях фрустрации и более рациональных механизмов психологической защиты.

Петрова Т.В.

ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДПОСЫЛОК САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Для изучения предпосылок самореализации у студентов-психологов были использованы три методики, на наш взгляд, наиболее отвечающие целям данного исследования: методика САТ (основная) для исследования самоактуализационных характеристик, методика Кеттелла для оценки выраженности определенных личностных черт и экспериментальная

методика «Репрезентация образа мира» (РеОМ), позволяющая описать внутреннюю картину мира человека.

В ходе исследования группе испытуемых (103 человека) были предложены две методики: самоактуализационный тест (САТ) и экспериментальная методика РеОМ. Дополнительно на части выборки (28 человек) было проведено исследование по методике Кеттелла.

В ходе исследования выявлены следующие корреляции. Испытуемые с высокими показателями по шкале компетентности во времени, иными словами, способные видеть свою жизнь целостной и переживать настоящий момент жизни во всей его полноте, отличаются повышенной эмоциональной чувствительностью.

Лицам, для которых характерна независимость оценок и суждений (высокий балл по шкале поддержки), присуща социальная смелость, активность в поведении, что подтверждается их склонностью к инновациям, экспериментированию, наличием интеллектуальных интересов. Однако выраженный радикализм у них сочетается с дипломатичностью, а определенная эмоциональная устойчивость с некоторой доминантностью. Наряду с этим в корреляционной плеяде прослеживается выраженная связь спонтанности с социальной смелостью и высокой нормативностью поведения. Это еще раз подтверждает, что испытуемые с адекватными предпосылками самореализации проявляют высокую социальную активность при осознанном соблюдении норм и правил поведения, ответственности и организованности. Для них характерна высокая эмоциональная устойчивость, выдержанность и реалистическое восприятие действительности, сочетающиеся с разумным и несентиментальным подходом к событиям и окружающим людям.

У лиц с высоким уровнем самопринятия достаточно ярко проявляются такие личностные черты, как открытость и добродушие. Их естественность и непринужденность в общении сочетаются с такими характеристиками, как выраженная социальная активность и сознательное следование социальным нормам. Испытуемые, склонные положительно воспринимать природу человека, проявили такие личностные черты, как независимость, самоуверенность, высокая нормативность поведения. Вместе с этим для них были характерны сообразительность и быстрая обучаемость. Студенты, способные к быстрому установлению глубоких контактов с людьми (к «субъект–субъектному» общению), отличаются выраженным радикализмом, склонностью к экспериментам при высокой личностной активности и готовности пойти на риск.

При анализе корреляций отмечена некоторая связь между способностью испытуемых к принятию агрессии как естественного проявления человеческой природы и такими личностными чертами, как повышенная

активность, в том числе и в установлении личных контактов, общительность, склонность к инновациям и отсутствие страха перемен. Лицам, имеющим высокие показатели по шкале самоуважения, присущи такие личностные черты, как самоуверенность, реалистичность суждений, практичность, уверенность в себе. Напротив, испытуемые с низкими показателями по шкале самоуважения характеризуются повышенной тревожностью, депрессивностью, мягкостью характера. Выраженность такого важного параметра, как креативность, оказалась прямо пропорциональна социальной смелости и обратно пропорциональна тревожности. Это говорит, что для творчески направленной личности характерен повышенный уровень социальной активности, в то время как личности с низким уровнем креативности – тревожность и депрессивность.

Таким образом, нами описаны основные взаимосвязи самоактуализационных и личностных характеристик студентов-психологов, выявленные в ходе исследования предпосылок самореализации личности.

Пискарев Д.П.

ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Низкий уровень правовой компетентности, по нашему мнению, является одной из основных причин совершения молодежью тех или иных противоправных действий, а зачастую и преступлений. Сложившаяся в молодежной среде ситуация с соблюдением правовых норм побудила нас разработать, апробировать и внедрить коррекционную профилактическую психотехнологию преодоления стереотипов противоправного поведения. Материалы, составившие ее научно-методическое содержание, опубликованы в виде авторской монографии и учебного пособия.

На наш взгляд, к числу несомненных заслуг формирующего эксперимента, проведенного с использованием разработанной коррекционно-профилактической психотехнологии, можно отнести расширение правового диапазона в решении проблем социально-экономического характера. Нельзя не отметить существенного снижения противоправных стереотипов в ситуациях материальной напряженности. В исследуемой выборке это проявилось в нивелировке стереотипов обмана, вымогательства и совершения краж за счет возрастания доли разрешающих стереотипов, связанных с адекватным принятием реальных обстоятельств.

Существенно снизилось проявление таких противоправных стереотипов, как уход от налогообложения, экономия на зарплате сотрудников, осуществление фиктивных сделок. Вместе с тем проявилось возрастание

стереотипов, нацеленных на конструктивное развитие предпринимательских и коммерческих фирм. Данная положительная тенденция обнаружилась и в ситуации, связанной с решением жизненно важных проблем. По сравнению с фоновыми данными увеличилось количество стереотипов в форме взаимных услуг, просьб и обещаний. Значительно сократилось проявление стереотипов взяточническо-презентного типа.

В ходе изучения проявления различных стереотипных форм поведения в социально значимых ситуациях в целом обнаружилось достаточное снижение всех исследуемых стереотипов противоправного поведения. Так, например, в ситуации личностной угрозы возросло количество стереотипов компромиссного типа и полностью исчезли стереотипы, связанные с физической агрессией и готовностью применить холодное оружие. У участников формирующего эксперимента наполовину снизились и защитные стереотипы ухода от источника угрозы. Интересными оказались и изменения стереотипов, связанные с групповым конформизмом. Совсем исчезли стереотипы, связанные с участием в разборках, хулиганским поведением и развлекательной деятельностью.

Основываясь на том, что стереотипы являются следствием той или иной системы отношений, нам было интересно проследить воздействие используемых психотехнологий на изменение системы правовых отношений у молодежи. Так, в результате эксперимента на 34 % возросло количество лиц, считающих необходимым знать и соблюдать законы. Подтверждением сказанного является увеличение позитивного отношения к законопослушным гражданам (на 47 %) и снижение направленности личности в форме готовности к противоправному поведению (в 57 % случаев). До формирующего эксперимента у 95 % членов экспериментальной группы проявился высокий или средний уровень личностной готовности к совершению противоправных действий, а по его завершении – 33 %. основываясь на этих данных, можно полагать, что с помощью используемых психотехнологий в формирующем эксперименте можно добиваться не только снижения стереотипов противоправного поведения, но и изменять саму систему правовых отношений, составляющую сущность характера и направленности личности в целом.

Таким образом, в результате применения нами авторской коррекционно-профилактической психотехнологии: снизились противоправные стереотипы во всех заданных экстремально-стрессовых ситуациях (от 17 до 45 % случаев); возросли конструктивные изменения по отношению к необходимости соблюдения законов, по отношению к законопослушным и криминогенным гражданам; снизился уровень готовности к совершению противоправных действий (на 57–62 %); повысились правовая ком-

петентность и диапазон правовой востребованности, осознанность основных «критических» причин противоправного поведения.

Свенцицкая Ю.А.

КОРРЕКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В РУССКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

В психологической науке определения эмоциональных состояний достаточно разнообразны. Однако в рассматриваемой нами области встречаются названия лишь следующих эмоциональных состояний: тоска, печаль, апатия, страдание, испуг. Чаще всего встречаются тоска и испуг. Нетрудно заметить, что все эти состояния относятся к отрицательной модальности. Единственным исключение, пожалуй, являются заговоры, содержание просьбу уберечь человека от его собственного «радостного глаза», так как слишком сильная неподдающаяся контроля радость может привести к негативным последствиям. Мы рассматривали вышеперечисленные состояния в порядке убывания частоты их встречаемости. В текстах заговоров никаких определений, разумеется, нет. Присутствуют лишь названия состояния.

Мы исследовали, каким образом осуществляется лечение и корректируется эмоциональное состояние пациента. В заговорах, посвященных излечению пациента от тоски, было упомянуто время, когда следует их читать. Чаще всего это утренняя или вечерняя заря. Наговаривалось на воду, которой затем сбрызгивали или умывали больного. Кроме того, в текстах заговоров часто используется образ моря, которое «смывает» тоску или реки, которая ее «уносит». В некоторых случаях упоминается какое-либо энергичное действие: «бросить тоску за околицу», и т.д. Тоска изображается как «страница», которую «нигде не приняли». Иногда в тексте встречаются одно-два бесспорных утверждения, несущих наиболее смысловую нагрузку («не горюет утренняя заря об вечерней»).

Лечение испуга представляется более разнообразным. Предлагается, например, колоть иголкой или ножницами лист бумаги и сжечь его в присутствии больного. Наиболее известен способ «отливки воском», когда в воду льют воск, и по образующимся на нем рисункам целитель, основываясь на собственной интерпретации, пытается узнать причины испуга. Заговоры читались и на хлеб, который затем скармливался собакам или птицам. Менее жестким является требование ко времени лечения, но оно проводится, в основном, на утренней или вечерней заре.

В рассмотренных нами заговорах лечения тоски мы не встречали перенесения ее на человека, тогда как при лечении испуга это возможно

(«кто испугал, тот и забрал»). Допускается сведение испуга на животных. При лечении детей встречается ориентация не на быстрое улучшения состояния, а на отсроченное действие заговора. Например, прядь волос закатывается в восковой шарик, который кладется в углубление, сделанное в дверном косяке чуть выше роста ребенка. Считается, что, когда ребенок перерастет «прятанку», пройдет испуг.

Таким образом, можно предположить, что коррекция эмоциональных состояний в русских лечебных заговорах носит отвлекающий характер и направлена на то, чтобы пациент не отождествлял себя со своим состоянием. Это знание может оказаться полезным и в современной психотерапевтической практике.

Свиридова Е.В.

ИГРОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ОБЩЕНИЯ У ТРУДНЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Важной в работе психолога является проблема трудных детей с малоадаптивными стереотипами поведения и общения. Возникает потребность в изучении этой проблемы и путей ее разрешения. Одним из методов изменения малоадаптивных стереотипов является метод игротерапии. Задачами работы выступили: организация экспериментов по игротерапии, включая методическое обеспечение занятий; анализ проведенных занятий; общие выводы по использованию метода игротерапии. Целью данной работы являлось изучение опыта применения игротерапии с трудными детьми, выявление проблем применения, создание системы коррекционных занятий и анализ результатов. Исследовательская работа состояла из 4 направлений.

Первое направление – это теоретический анализ применения игротерапевтических методов. Он проведен на основе литературных источников (Е.И.Петанова). Здесь, в частности, охарактеризованы малоадаптивные стереотипы поведения и общения, раскрыто понятие «трудного ребенка» и указаны причины отклонений в поведении.

Второе направление представляет собой описание и анализ общеразвивающих игр младших школьников (Р.С.Овчарова) с авторской модификацией. Игры разделены на четыре группы: коммуникативно-лингвистические или сюжетные; игровой тренинг общения и поведения; развивающие игры активного отдыха; психотехнические игры. Всего описано более 20 игр и отдельных упражнений, которые могут применяться педагогом начальных классов на уроках, в физкультпаузах, на занятиях продленного дня, внеклассных занятиях и экскурсиях.

В третьем приведена специально выстроенная система занятий по игровой психокоррекции поведения и общения в классе коррекции. Эта корректирующая система занятий рассчитана на проведение их специалистом-психологом. Она состоит из вводного, основного и заключительного циклов занятий. Даны оценки эффективности корректирующей системы, которые составлены на основе первичного и итогового исследование группы согласно тесту Р.Кеттелла (для младших школьников). Исследование проводилось в начале учебного года и в его конце после проведения предложенной системы коррекционных занятий.

Четвертым направлением является применение игротерапии в классах замедленного психического развития, где каждое занятие и игры в нем объединены одной игровой тематикой и введена жетонная система поощрений. Здесь также проводилось первичное и вторичное исследование по тесту Р.Кеттелла, дана оценка эффективности. Для этого направления составлена программа занятий по игротерапии (20 часов).

Одним из факторов практической направленности работы явились родительские собрания, где родители были ознакомлены с результатами коррекционной работы. Им были даны индивидуальные рекомендации по коррекции их детей для дальнейшей семейной психотерапии. Детям были выданы специальные дипломы, в которых, в частности, были указаны их личностные психологические характеристики.

В развитие данного исследования планируется включить специальную систему занятий для групп «трудных школьников» из общеобразовательных классов и классов с конкурсным отбором. Здесь причины малоадаптивного поведения и общения детей могут быть другими, и подбор игр для них должен проводиться специальным образом. С целью подтверждения эффективности метода игротерапии, планируется ввести контрольную группу детей, где данный метод проводиться не будет.

В итоге на основе опыта работы с «трудными детьми» можно утверждать, что применение игротерапии является в наибольшей степени соответствующей задачам коррекции малоадаптивных стереотипов поведения и общения у «трудных школьников». При выполнении условий и учете специфических нарушений поведения и общения игротерапия представляет собой хорошо воспринимаемый, интенсивный и эффективный метод коррекции и адаптации младших школьников.

Славская В.М.

ПРОФИЛАКТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ФРУСТРАЦИИ

Одной из современных технологий, которая может быть использована в профилактической работе с учителями, является комплексная сказкотерапия. По определению ее автора (Т.Д.Зинкевич-Евстигнеевой), сказкотерапия – система работы с метафорами, направленная на формирование умения адаптироваться в неблагоприятной среде, преодолевая фрустрирующую ситуацию. Нами разработана и апробирована система занятий по сказкотерапии с педагогами – воспитателями Детского центра. Подбор конкретного содержательного материала был ориентирован на актуальные педагогические проблемы. Целью исследования являлось изменение уровня реактивной тревожности педагогов и субъективного самочувствия. Контроль за изменениями осуществлялся при помощи стандартных методик С.Розенцвейга и Спилбергера. Для фиксации самочувствия применялась технология цветописи А.Н.Лутошкина.

В исследовании приняло участие 30 человек. Анализ результатов показал, что все педагоги после рабочего дня имеют средний уровень тревожности (10–13 баллов по шкале Спилбергера). После систематических занятий с психологом по сказкотерепевтическим технологиям уровень тревожности снизился (7–8 баллов по шкале Спилбергера). Самочувствие педагогов изменилось в среднем от «я озабочен» до «я чувствую себя спокойно». Личные отзывы педагогов- воспитателей показали, что эта работа помогла им в снятии напряжения после рабочего дня, повышении настроения и уверенности в себе.

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод о достаточной эффективности сказкотерапевтической технологии в профилактике и преодолении педагогической фрустрации.

Смирнов Б.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ В СПОРТЕ

В исследованиях, проведенных на гимнастах в ситуации опасности и конькобежцах в условиях нарастающего утомления (Б.Н.Смирнов, Г.А.Чашина) установлено: психическая саморегуляция осуществляется с помощью самовоздействий личности, большей частью вербального характера, способствующих усилению активности и лучшей организации двигательных действий, но различающихся по своим психологическим

механизмам. Одни из них – *побуждающие самовоздействия* – повышают эмоциональную активность опосредствованно, путем самомотивирования, нацеленного на управление своим внутренним миром и разрешение главным образом личностных трудностей. По В.А.Иванникову, при этом используется произвольная форма мотивации, восполняющая дефицит исходных мотивов через изменение их смысла и создание дополнительного опять-таки побуждения к определенному действию.

Другие – *принуждающие самовоздействия* – образуют вторую ступень психической саморегуляции. Она включается в управление двигательными актами непосредственно, по прямому указанию личности, без какой-либо перестройки мотивации и реализуются в преодолении преимущественно деятельностных трудностей. С их помощью личность обретает возможность компенсировать дефицит не только наличных мотивов, но и добавленной к ним, и тоже недостаточной, побудительной самоактивности. В столь затрудненных условиях спортсмен вынужден прибегать к использованию самоприказов к решительным действиям, образующих собственно волевой компонент психической саморегуляции. Недаром Б.И.Додонов (1978) напоминает о деятельности человека к которой он себя принуждает одними «холодными доводами рассудка.

Выделение двух механизмов психической саморегуляции находится в русле рассмотрения Б.Ф.Ломовым (1984) любой реальной деятельности как имеющей внешний и внутренний планы, неразрывно связанные между собой. Поскольку структура психической саморегуляции является побудительно-принудительной, постольку усилия спортсмена имеют комбинированный эмоционально-волевой характер. Перефразируя изречение кинорежиссера А.Довженко о соотношении понятий «воля» и «человек», скажем: есть самопринуждение – есть воля, нет самопринуждения – нет воли, сколько самопринуждения – столько и воли.

Усилия спортсмена подразделяются по своему назначению на мобилизующие и организующие. С помощью мобилизующих эмоционально-волевых усилий вскрываются энергетические резервы, повышающие эмоциональный тонус спортсмена при разрешении эмоционально-угнетающих трудностей и принуждающие к увеличению его работоспособности в процессе преодоления физических трудностей. Организующие эмоционально-волевые усилия находят свое выражение в актуализации информационных ресурсов при оптимизации психического состояния в условиях противодействия эмоционально-возбуждающих трудностей, а также самопринуждения к сосредоточению, распределению и переключению внимания на производимые движения в разрешении технико-тактических трудностей.

Староборова Н.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЛАДАНИЯ С ТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОМ

Изучение особенностей поведения людей в экстремальных ситуациях последние десятилетия является одной из приоритетных тем как в отечественной, так и в зарубежной психологии. При этом в отечественной психологии только в самое последнее время фокус внимания стал смещаться в сторону изучения совладания со стрессом, и соответственно поиску оптимальных психологических стратегий поведения человека во время экстремального события и после него.

Целью данного исследования стало изучение особенностей совладания с травматическим стрессом людей, переживших террористический акт (взрыв в г. Владикавказе). Исследование проводилось спустя 5 месяцев после взрыва, в нем приняли участие 56 пострадавших. При этом было обнаружено, что около 23 % испытуемых имеют высокую или среднюю степень выраженности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), что в целом соответствует данным, приведенным в подобных исследованиях. Специфичным для данной выборки является преобладание симптомов избегания и навязчивых мыслей о пережитом.

Изучение стратегии совладания с травматическим стрессом показало, что испытуемые, предпочитающие проблемно-ориентированные стратегии совладания эмоционально-ориентированным имеют менее выраженный уровень ПТСР или его полное отсутствие. В то время как частое прибегание к эмоционально-ориентированным стратегиям в большей степени коррелирует с высоким уровнем выраженности синдрома. Особенно критичным к наличию ПТСР оказался показатель числа стратегий совладания, составляющих поведенческий набор испытуемого. Чем большее число стратегий испытуемые обозначали как свойственные им, тем ниже была выраженность ПТСР. Сравнение стратегий совладания испытуемых, переживших травматическое событие, с контрольной группой показало, что испытуемые экспериментальной группы с наличием ПТСР имеют более высокую корреляцию по стратегиям совладания с контрольной группой, чем испытуемые экспериментальной выборки без наличия синдрома. Этот факт может быть подтверждением того, что позитивное переживания травматического события способствует формированию новых копинг-стратегий.

Изучение роли социальной поддержки в переживании психической травмы представлено в ряде зарубежных исследований. Здесь было выдвинуто предположение о том, что социальная поддержка в случае пе-

реживания травматического события носит ритуализированный характер, что, с одной стороны, должно способствовать в некоторой степени ослаблению остроты эмоционального переживания в первое время после события, дозированному доступу к травмирующим воспоминаниям, с другой стороны, длительное сохранение ритуализированных «капсулированию» травматического переживания и развития ПТСР. В ходе исследования предположение нашло подтверждение.

Шингаева И.В.

РАЗВИТИЕ У ДОШКОЛЬНИКОВ ОСНОВ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Дошкольное образование призвано обеспечить создание основного фундамента развития ребенка – формирование базовой культуры его личности, культуры мышления, чувств и поступков, культуры общения и человеческих взаимоотношений. Умение общаться со взрослыми и сверстниками является одним из необходимых условий успешной учебной деятельности, которая по сути своей всегда совместна, и в то же время важнейшим направлением социально-личностного развития. Оно подразумевает умение управлять своими эмоциями, правильно оценивать ситуацию общения и на основании этого строить своё поведение. Для развития навыков конструктивного взаимодействия большое значение имеет эмоциональная децентрация (Г.М.Бреслав), т.е. способность ребёнка воспринимать и учитывать в своём поведении состояния, желания, интересы других людей. Поэтому необходимо привлекать внимание детей к эмоциональному миру человека, обучать их выражению и распознаванию базовых эмоций, инициировать их самопознание. Это можно сделать в ходе групповых занятий психолога с детьми. Для достижения главной цели – развития у детей способности регулировать своё поведение в ситуациях общения с другими людьми – представляется необходимым решить следующие задачи: обучить контролю за своими мышечными ощущениями и приёмам релаксации; научить их понимать, принимать и полноценно выражать свои эмоции; формировать способность устанавливать эмоциональный контакт с другими людьми; научить самостоятельно выбирать и строить свои действия в различных ситуациях, конструктивно взаимодействовать.

На основании поставленных задач сконструированы четыре блока: «Я и моё тело», «Я и мои чувства», «Я и другие», «Я и мои поступки».

Для формирования положительного образа своего тела можно использовать гимнастику с элементами самомассажа (Т.В.Нестерюк).

Психогимнастические упражнения, использующие механизм психофизического функционального единства (П.К.Анохин) помогают детям овладеть навыками контроля двигательной и эмоциональной сфер, обучают образцам адаптивного поведения. Расслабление способствует снятию мышечного напряжения и эмоционального возбуждения. Формы упражнений, направленных на знакомство с эмоциями и обучение их распознаванию, могут быть различными: модификации известных игр, пантомимические загадки, этюды на выражение различных эмоций. Эмоциональные контакты, осуществляемые посредством пантомимы, привлекают внимание детей к языку тела, мимики, жеста. Приобретение и закрепление способов поведения происходит в поведенческих играх, в которых ребенок учится искать и находить выходы из затруднений.

Занятия, продолжительностью 25–30 минут каждое, проводятся с детьми 4–7 лет в течение 3 лет (средняя, старшая и подготовительная группы). В ходе занятий происходит активная разрядка эмоций, дети получают опыт отреагирования внутреннего негативного эмоционального напряжения. Освоив способность свободно выражать свои эмоции, они одновременно осваивают и адекватные способы привлечения внимания к себе. Благодаря эмоциональной децентрации, предметом наблюдения и рассуждения детей становится состояние другого человека. Дети обучаются «прокручивать» в уме ситуации общения, обдумывать альтернативные варианты реагирования и принимать решение, что делать и как поступить. Они приобретают способность рассуждать, обосновывать своё мнение, считаться с мнением других. Им становится легче отсрочить свои желания. Большое значение в достижении поставленной цели имеет координация усилий психолога, педагогов и родителей.

Юрова Л.С.

РОЛЕВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В переломные этапы развития общества всегда особую актуальность приобретают вопросы, связанные с культурой, в частности с культурой взаимоотношений между людьми. От того, какие ценности будут сформированы у молодёжи сегодня, зависит успешность цивилизованного развития нашего общества. Культура общения является важнейшей составной частью профессиональной компетентности любого специалиста, необходимым условием его профессиональной и социальной деятельности. Глобальное значение имеет формирование коммуникативной компетенции, которая представляет собой «знание и умение использовать

языковые и внеязыковые правила кодирования, необходимые для успешного овладения данной коммуникативной ситуацией» (UNESCO, 1986). Человеческая жизнедеятельность немыслима без общения друг с другом, культура отношений определяет ее качество и результаты, выступает необходимым условием организации деятельности и в учебном, и научном познании, в различных видах творчества, в быту, в сфере досуга и т. д. По словам Б.Г.Ананьева, общительность – важнейшая сторона характера. Он считал, что это такое личностное качество, которое вырабатывается в опыте общения человека. Причём, по мнению Б.Г.Ананьева, общительность заключается «не столько в объёме общения у данного человека, сколько в способе и направленности общения». Гуманистическая ценностная диспозиция (предрасположенность) личности предполагает ее осознанную готовность воспринимать человека как высшую ценность, определяя тем самым и поведение, и направленность поступков. Гумманистическая ценностная диспозиция формируется на основе ряда морально-психических качеств личности, а именно: искренности, такта, эмпатии, общительности и др. Стихийно получаемые знания и умения не всегда оказываются адекватными современным требованиям к культуре общения. Встает вопрос о целенаправленном приобретении этих знаний и умений. Ролевая игра, являясь одним из методов социально-психологического тренинга, может быть использована с целью совершенствования общения. Общепринятой стала классификация человеческой деятельности, носящая четко выраженный генетический характер: игра, учение и труд. Однако еще Б.Г.Ананьев предостерегал от превращения игры в возрастную форму предметной деятельности, специфическую только для ребёнка. Игра охватывает все периоды жизни человека. «Как игра, так и учение – результат взаимосвязи общения и познания, а вместе с тем важных средств дальнейшей эволюции каждой из этих основных форм, соответствующих фундаментальным процессам общественного развития». Ролевая игра обладает рядом особенностей, которые позволяют использовать ее как метод совершенствования отношения. Такими особенностями являются: во-первых, наличие двойного эффекта ролевой игры – диагностирующего и обучающего. Во-вторых, исполнение в процессе игры спектра ролей приводит к изменениям социально-перцептивных и коммуникативных умений участников игры. Метод ролевой игры, направленной на совершенствование общения является способом преодоления барьеров коммуникации, связанных с неадекватностью межличностного восприятия, в частности, самооценки и оценки партнёра по общению. Специфической особенностью ролевой игры является создание «безопасной» обстановки для опробывания новых способов поведения, демонстрации

возможного диапазона альтернатив коммуникативного поведения. Снимая «зажимы», значительно повышает коммуникативную активность в условия коллективного взаимодействия при значительном снижении активности и авторитарности преподавателя, способствует росту тенденции индивида к эффективному освоению действительности, к самовыражению в ней.

Результаты исследований свидетельствуют об эффективности изучения иностранных языков с помощью метода ролевой игры. В процессе овладения иностранными языками в условиях ролевой игры обучаемые придают всё больше внимания процессу практического овладения иностранным языком в ситуациях учебного общения, чаще стремятся выражать свои мысли, не боясь допустить грамматические ошибки, чаще запоминают новую лексику непроизвольно, в ходе общения, легче формируют свои высказывания, стремятся к глобальному пониманию общего смыслового содержания устного и письменного текста, не обращаясь к словарю за выяснением деталей и, наконец, все больше удовольствия им доставляет живое общение на иностранном языке. Игры тренируют освоение норм речевого этикета в условиях игрового взаимодействия и социального общения на иностранном языке.

Глава 9. ПСИХОДИАГОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Барри У.

ВЛИЯНИЕ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ НА ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Одной из самых актуальных современных проблем социальной перцепции является проблема личностного восприятия, разрабатываемая в рамках теории личностной атрибуции. В этой связи очень интенсивно обсуждается проблематика взаимосвязи восприятия человеком самого себя и восприятия других людей, где «я–концепция» рассматривается как условие восприятия других людей. С этой точки зрения особый интерес представляет вопрос о влиянии индивидуально-ориентированной активности личности на восприятие других людей.

Для реализации поставленной задачи использовались опросник мотивации Гербаческого, а также специально разработанная методика по восприятию личности других людей с использованием 16-ти факторного личностного опросника Кеттелла, дающая возможность произвести расчет индексов личностной атрибуции (ЛА) по каждому фактору. В исследовании принимали участие 108 студентов-психологов СПбГУ.

В результате корреляционного анализа выяснилось следующее:

Состязательный мотив отрицательно связан с индексом ЛА по фактору H^- (робость), $r = -0{,}234$; $p < 0{,}05$. Человек с выраженным мотивом состязания стремится занимать более выгодные положения, чем другие; он смелый. Он считает себя достойным лидирующих позиций, поэтому воспринимает других людей свысока, считая их робкими. Таким образом, человек, склонный к соперничеству характеризуется социальной смелостью, а другим приписывает робость и застенчивость.

Мотив ожидаемого уровня результатов отрицательно связан с индексом ЛА по фактору E^- (подчиненность), $r = -0{,}270$; $p<0{,}01$. Человек, уверенный в достижении высоких результатов в своей деятельности, ориентирован на успех; он характеризуется самоуверенностью в суждениях и поведении. Он своенравный человек, постоянно борется за более высокий статус; поэтому он смотрит на других людей свысока, считая их уступчивыми, зависимыми и покорными. Таким образом, человек, ориентированный на успех, отличается доминантностью.

Мотив волевого усилия отрицательно связан с индексом ЛА по фактору F^- (сдержанность), $r = -0{,}299$; $p<0{,}01$. Человек, прилагающий волевые усилия для достижения чего-либо в своей деятельности, не боится трудностей. Он характеризуется собранностью, настойчивостью и упор-

ством, поэтому полагает, что раз он такой человек, все другие должны быть такие же как он. Таким образом, человек, склонный к волевому усилию характеризуется сдержанностью.

Мотив придания личностной значимости своих результатов положительно связан с индексом ЛА по фактору F^+ (беспечность), $r = -0{,}226$; $p < 0{,}05$. Человек, придающий личностную значимость своей деятельности, считает себя индивидуальностью и старается в своем поведении отличаться от других людей. Он оригинальный, рассудительный и осторожный; поэтому полагает, что он не похож на других, так как они легкомысленные и беззаботные. Таким образом, человек, придающий личностную значимость своей деятельности отличается сдержанностью.

Мотив инициативности положительно связан с индексом ЛА по фактору B^+ (высокий интеллект), $r = 0{,}218$; $p<0{,}05$. Инициативный человек характеризуется активностью, самостоятельностью и предприимчивостью; он полон идей и сообразительный, поэтому он полагает, что раз он такой человек, то все другие люди такие же, как он. Таким образом, инициативный человек характеризуется высоким интеллектом.

Исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Личностное восприятие заключается прежде всего в наличии и специфическом влиянии на процесс и результаты восприятия и оценивания других людей проективной атрибуции, которая проявляется в зависимости от индивидуально-ориентированной активности личности.

2. Полученные данные выступают в пользу более широкой популяризации опросника мотивации В.К.Гербачевского, который до сих пор остается мало востребованным.

Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е.

НАДЕЖНОСТЬ ДИАГНОСТИКИ НАДЕЖНОСТИ ОПЕРАТОРА

Одной из актуальных проблем инженерной психологии является проблема надежности действий оператора. В рамках разработанного нами метода исследования творческих способностей «Креативное поле» (1969), одним из артефактов в качестве фактора, влияющего на интерпретацию данных, выступила «надежность» как личностная черта.

Так, например, ряд испытуемых в высоким интеллектом и отсутствием явных мотивационных барьеров не открывают закономерности, заключенные в экспериментальном материале, что не позволяет использовать новые способы работы. Анализ их профессиональной деятельности, систематическое наблюдение позволяют делать выводы о том, что при-

чиной, тормозящей их познавательную самодеятельность, является доминирующее стремление к надежности в деятельности.

Именно по «надежности» могут различаться и те испытуемые, которые проявляют познавательную самодеятельность и вследствие этого открывают новые способы действия (эвристики). «Ненадежные» испытуемые, открыв частные эвристики, используют их в измененных условиях, что приводит к многочисленным ошибкам и подчас к отказу от самих эвристик. В число таких испытуемых, как правило, попадают рационализаторы и изобретатели, у которых постоянно горит аппаратура. «Надежные» испытуемые внимательно отслеживают любые изменения в экспериментальной ситуации, совершенствуют способ работы, тщательно проверяя его адекватность новым условиям.

Вместе с тем окончательный вывод о решающей роли именно фактора надежности при оценке работы испытуемого в психодиагностическом эксперименте требует учета огромного числа показателей на протяжении всего эксперимента, анализа типа эмоциональных реакций, выявление регуляторных особенностей вплоть до уровня сенсомоторики и т.д. Естественно, что учет такого количества параметров, свободная ориентировка в них, понимание их функционального значения предъявляют высокие требования к уровню профессиональной подготовки диагноста. Фактический уровень достоверности результатов диагностики зависит от уровня владения психодиагностической процедурой, мастерства специалиста. В свою очередь это требует длительного индивидуального обучения, накопления большого опыта работы по данному методу.

Указанные моменты препятствуют внедрению данного метода в широкую практику профтестирования. В частности, в силу этого сотрудниками лаборатории диагностики творчества ПИ РАО ведется многолетняя работа по формализации методик «Креативного поля». На его основе в настоящее время разрабатывается реализующее его программное обеспечение. В разработке применяют уникальные технологии, позволяющие преодолеть проблему формализации эксперимента при сохранении гибкости, характерной для метода в его традиционной форме.

Введение компьютерного эксперимента в практику использования «Креативного поля» позволит выйти на качественно новый уровень исследований, поскольку программа должна осуществить не только обработку всего набора параметров, но восстанавливать процесс во всем объеме в любом временном его моменте. Обратимость процесса создает ранее недоступные возможности для учета максимально полной информации без ее потери. Это создает условия для более объективной интерпретации данных и повышает надежность результата диагностики.

Гавлина И.И., Тарасов С.Г.

ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК ПРИ АНАЛИЗЕ РЕКЛАМЫ МЕТОДОМ ФОКУС-ГРУПП

Определение психологической эффективности рекламного обращения является одной из важных задач рекламодателя. Ее правильное решение на предварительной стадии выхода рекламы к своему потребителю, когда еще возможно внесение изменений, во многом определяет и последующую экономическую эффективность воздействия рекламы.

Для оценки психологической эффективности рекламы применяется метод фокус-групп, который представляет собой групповое обсуждение того или иного образца рекламной продукции. Данный метод считается качественным, то есть позволяющим получить исследователю информацию об особенностях восприятия рекламного обращения, ассоциациях, которые возникают у потребителей, в связи с рекламными образами, их чувствах от деталей рекламы и т.п. (Е.В.Дмитриева). Вместе с тем на практике данный метод часто используется как единственный способ анализа рекламного обращения, и на основе его результатов рекламодатель делает выводы о целесообразности внесения тех или иных корректировок в рекламу. То есть происходит распространение результатов, полученных на сравнительно небольшой группе (8–12 человек) или нескольких группах на генеральную совокупность потенциальных потребителей. Повышение точности такого обобщения возможно увеличением числа фокус-групп, а также, по нашему мнению, использованием анализа количественной информации, получаемой в ходе проведения группы. На наш взгляд, кроме собственно качественной информации в групповом обсуждении может быть получена и количественная.

В своем исследовании мы использовали для получения количественных оценок следующие процедуры. До начала обсуждения участники оценивали в семибалльной шкале рекламный ролик по ряду критериев общей эффективности (понятность, эмоциональное впечатление и др.). В ходе обсуждения участники выделяли элементы телевизионного ролика, которые привлекли внимание и, по их мнению, влияют на эффективность восприятия рекламы, затем проводилась оценка данных элементов по семибалльной шкале и ранжирование по степени важности. Было проведено четыре фокус-группы, две экспериментальные – с использованием количественных оценок, и две контрольные – по традиционному способу, аналогичному предложенному Е.В.Дмитриевой, во всех группах обсуждался один и тот же рекламный ролик.

В ходе проведения фокус-групп и анализа их результатов нами были сделаны следующие наблюдения и выводы. Необходимость количественного оценивания побуждает участников дискуссии в экспериментальных группах выделять большее количество элементов ролика, сосредотачивая внимание на деталях, в контрольных группах участники оперируют более целостными категориями, такими как настроение, впечатление, чувство. Использование оценок до обсуждения в дальнейшем побуждает участников более точно аргументировать отношение к рекламе, что способствует интенсификации обсуждения.

Полученные количественные данные обрабатываются стандартными статистическими процедурами. Это позволяет выделять элементы со сходными и различными оценками, то есть элементы с однозначным и неоднозначным восприятием, оценивать степень неоднозначности мнений. Этой же цели может служить оценка согласованности списков ранжированных по важности элементов с помощью расчета коэффициента конкордации. Применение к спискам ранжированных элементов иерархического алгоритма кластерного анализа позволяет формализовать структуру мнений группы, поскольку участники дискуссии объединяются в подгруппы по принципу сходства рангов, присвоенных одним и тем же элементам. Наиболее однозначно оцениваемыми элементами ролика были те, восприятие которых обусловлено культурными стереотипами, социальным статусом, знаниями участников группы.

Таким образом, применение количественных оценок в ходе проведения фокус-групп позволяет получить более определенную, формализованную информацию о воздействии конкретной рекламной продукции на потребителя и способствует снижению неопределенности при принятии решения о корректировке тех или иных элементов рекламы.

Горбунов И.А.

СИСТЕМНАЯ ДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ПО ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ СИГНАЛАМ

Психологическая диагностика человека по его физиологическим характеристикам, одна из проблемных областей современной психологии. Основной проблемой, на наш взгляд, оказывается разный уровень явлений, изучаемых психологией и физиологией в рамках системообразования. Психические явления можно назвать в данном контексте макроуровнем, а физиологические явления скорее микроуровнем. Явления же, которые пытаются использовать для диагностики в психофизиологии – мезоуровень. Например, поведение отдельного нейрона это микроуро-

вень, общая активация определенной области мозга – мезоуровень, а восприятие определенного объекта в это же время – это макроуровень.

Для адекватного сопоставления явлений различного уровня и поиска взаимосвязей между ними необходимы методы исследования, позволяющие обобщать данные физиологии и психофизиологии и выходить на макроуровень. Теоретические изыскания в психофизиологии позволяют представить методы системообразования в физиологии (А.А.Ухтомский, П.К.Анохин, В.Б.Швырков, А.Р.Лурия, Д.Хъюбел, К.Прибрам, Д.Хебб и т.д.). Однако практические методы сравнения данных о поведении человека и отдельных систем еще мало разработаны.

Необычайно сложно найти инвариантные стороны большой совокупности физиологических данных, которые бы объединяли их по принципу порождающих их функциональных систем и психических явлений. На наш взгляд, для решения этой проблемы удобно привлечь такие методы анализа, которые, во-первых, упрощенно отражают основные принципы функционирования нервной системы, а во-вторых, позволяют моделировать изменения физиологических параметров. В качестве таких средств можно указать математические модели нейронных сетей. Эта тема сейчас чрезвычайно популярна в математике и науках, использующих математический аппарат. Описано применение математических моделей нейронных сетей в физиологии.

Нейронная сеть в понимании математиков – совокупность элементов (нейронов), имеющих определенное состояние и объединенных определенными связями, которые определяют непрерывное преобразование состояний нейронов. Изменение совокупности состояний нейронов можно назвать траекторией данной системы в фазовом пространстве. Изменение состояний любого подмножества нейронов можно представить в виде графика отражающего определенную функцию. Эта функция может быть практически безгранично сложна. Причем при загрузке других начальных значений в состояния нейронов функция изменяется. Можно подобрать такие значения матрицы связей, когда нейронная сеть при загрузке в нее определенных значений будет с достаточной точностью моделировать несколько сигналов, полученных в результате психофизиологических экспериментов. Одна матрица связей явится для множества сигналов отражающих физиологические процессы испытуемого в момент решения определенных задач. Свойства этой матрицы будут отражать характерные особенности данного испытуемого. Можно определенную совокупность сигналов смоделировать с помощью разных матриц. Эта сложность очень похожа на основные проблемы факторного анализа – подбор количества факторов и вращение факторов. В нашем случае можно решить ее сходным образом.

Допустим, мы имеем определенное количество физиологических кривых, снятых с одного испытуемого в процессе протекания различных психических явлений. Предположим, что во время прохождения сходных психических явлений активизируются одинаковые нейронные сети. Мы пытаемся смоделировать все эти сигналы с максимальной достоверностью, используя минимальное количество сетей и их минимальный размер. При этом анализируются задачи решаемые испытуемым, объединенные тем, что в процессе их решения считывались сигналы, генерируемые одной матрицей, и находятся инвариантные стороны этих задач. После этого каждую матрицу можно назвать по аналогии с психическим явлением, протекающим при решении этих задач. Это поможет нам лучше классифицировать и диагностировать психические явления.

Губин В.А., Белов В.Г., Константинов С.А.

МЕТОДИКА СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ НА ВОЕННОЙ КАФЕДРЕ В ВУЗЕ

Как известно, перспективность применения в диагностических целях субъективных методик объясняется многообразием проявлений симптоматики различных состояний внутренней жизни индивида. По справедливому утверждению С.Г.Геллерштейна (1926), субъективные проявления есть не что иное, как отражение состояния объективных процессов в сознании или ощущениях человека. Исследователь же должен найти адекватный способ анализа этой сферы жизнедеятельности.

Нами был разработан опросник, базирующийся на субъективных оценках студентов РГПИ, позволяющий оценивать готовность к обучению на военной кафедре в ВУЗе и включающий в себя 97 вопросов, объединенных в 9 блоков: 1) личные качества студента; 2) знания; 3) умения конструктивные; 4) умения организаторские; 5) умения коммуникативные; 6) умения гностические; 7) умения прикладные; 8) умения в области техники; 9) стиль деятельности. Как критерий готовности использовался показатель успеваемости по специальным дисциплинам: высокая успеваемость – «4» и «5», средняя – «3» и низкая – «2».

После сравнения данных по t-критерию и корреляционного анализа выяснилось, что наибольшее дифференцирующее значение имели следующие признаки: творческий склад мышления (его влияние на успеваемость по результатам дисперсионного анализа равнялось 29%), жизнерадостность (20%), уравновешенность в чувствах и действиях, спокойствие, сдержанность, рассудительность (15%), владение мимикой и жестами, умение придавать своему лицу необходимое выражение (10%),

способность вдохновлять людей и подвижность, импульсивность (по 8%), склонность к анализу поведения и поступков других людей (7%).

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили прийти к выводу, что применение разработанной нами методики субъективной оценки готовности к обучению на военной кафедре в ВУЗе, позволяет выявить структуру ряда психологических свойств, определяющих успешность обучения. Это целесообразно учитывать при отборе поступающих на кафедры аналогичного профиля в других ВУЗах.

Данфельд А.Ф., Трубина В.В.

«КОММУНИКАТИВНЫЕ ПИКТОГРАММЫ» И КОНТЕКСТ

В ходе психологического исследования исследователь и объект исследования принадлежат к одному классу. Соответственно, психолог-экспериментатор с равным успехом может оказаться и манипулятором, и объектом манипуляций со стороны обследуемого. Источники ложных умозаключений: (1). трактовки исследуемого в соответствии с собственным «интроспективным опытом»; (2). психолог не способен допустить, что объект психологических исследований превосходит его по интеллектуальным потенциям; (3). трактовка чужой психики на основании предрассудков о «естественности» собственной культурной нормы.

В исследованиях «методом пиктограмм», высока зависимость результатов от «малозначимых» деталей. Обследуемые могут давать кардинально различающиеся рисунки в зависимости от того, как сформулировано задание и как оно воспринято. Если цель исследования воспринята как обследование памяти, то в пиктограммах чаще будут представлены мнемонические рисунки, иногда с изображением предмета-омонима или параомонима к заданному понятию. Такие пиктограммы «с доминированием латентных признаков» предопределяют ошибочное заключение о наличии шизоформных черт. К примеру, пациент обозначил понятие «развитие» рисунком раздуваемого ветром знамени. Затем, когда цель исследования была им же воспринята как оценка его способности устанавливать смысловые связи с иными людьми, он создал иные визуальные обозначения: образ конической спирали (обследуемый выражал неудовольствие неадекватностью образа), затем были дорисованы «рыба» и «человечек» вблизи от разных витков («эволюция»).

Имеет смысл выделять как прием исследования *коммуникативные пиктограммы*. Коммуникативная пиктограмма описана М.Осориной (1976): давалось задание нарисовать вывески в «детском городе», где живут малолетние, не обученные чтению. Однако в авторской трактовке

видны три источника возможных ошибок: (1). прямое уподобление созданного испытуемым изображения его же интроспективному; (2). отсутствие развитой процедуры «нормализации» для учета различий между испытуемыми в их способности изображать интроспективные образы; (3). принадлежность исследователя и исследуемых к разным культурам или субкультурам (исследователь действует в согласии с предрассудком относительно своей культуры как естественной норме).

Действие первых двух источников ошибок учтено Е.Кудрявцевой (1997): предусмотрена оценка способности понятно изображать конкретные понятия «рыба», «птица», «свеча», т.е. «транзитивности». В оценку включена размерность пространства и времени. Есть ли возможность «нейтрализовать» и ошибки от принадлежности исследователя и исследуемых к разным субкультурам? В заключениях детских психологов часто употребляется термин «социальная незрелость». Анализ обнаруживает, что они сначала относят себя к «эталону социальной нормы», а затем ярлыком «социальная незрелость» клеймят несовпадение между нормами в собственной и в «детдомовской» субкультурах. Принадлежность к определенной субкультуре («социальная зрелость») проявляется и в способности успешно использовать невербальные средства социальной коммуникации (в частности, специфичные и устойчивые визуальные образы). Т.е. принадлежность человека к субкультуре надежно устанавливается и через сопоставление его визуального «словаря» с иными «словарями», выражающими одни и те же абстрактные понятия.

Процедура обследования с применением пиктограмм включает: (1). оценку способности изображать конкретные предметы; (2). оценку способности конструировать визуальные образы для обозначения отвлеченных понятий; (3). оценку транзитивности использованных визуальных образов (в рамках субкультуры испытуемого); (4). исследование устойчивости «визуального словаря»; (5). оценку способности критично оценивать коммуникативные качества своих пиктограмм.

Это позволяет достаточно уверенно диагностировать следующие расстройства: олигофрения (бедность визуального «словаря», нетранзитивность визуальных образов, низкий уровень праксиса и критики), психастения (сравнительное богатство «словаря», его транзитивность, высокий уровень критики), эпилептоидность (дробность визуальных образов, обилие деталей, высокая устойчивость «словаря», низкая транзитивность в рамках культурного контекста), аутизм (высокая устойчивость «визуального словаря» при отсутствии транзитивности).

Дворник А.В.

ПРОЯВЛЕНИЯ И ОЦЕНКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛЫ» ЧЕЛОВЕКА

Мы обратились к явлению «психологической силы» человека и определили его как меру личной уверенности, эмоциональной стабильности, способности корректировать свое поведение в изменяющихся условиях жизнедеятельности (особенно, в экстремальных), умения достигать поставленных целей. В данном исследовании мы исходили из того, что в наблюдаемом поведении человека существуют неконтролируемые его сознанием проявления, лежащие в сфере невербального поведения или особенностях речи, которые существенно влияют на формирование позитивного образа человека как «психологически сильного» и на становления доверия к нему со стороны «нелидирующего» партнера. Основная цель исследования заключалась в объективации значимых для окружающих людей признаков психологической силы, которые ими воспринимаются и оцениваются без ясного и поэлементного осознания.

Объектами нашего исследования послужили телевизионные дебаты, происходившие между парами противоборствующих кандидатов в депутаты во втором туре выборов в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Принимая в расчет тот факт, что содержательного различия в политических программах кандидатов в депутаты практически не обнаруживалось, а также имея результаты этих политических выборов, мы предположили, что люди смотревшие эти программы, во-первых, наиболее политически активны, во-вторых, победа того или иного депутата для них было значимым делом, в-третьих, избиратели, осуществляя свой выбор, основывались на том впечатлении «силы» или «слабости», которое вызывал у них тот или иной кандидат. Таким образом, избиратель реализовывал свои субъективные, неосознаваемые представления о человеке, который может позитивно влиять на его жизнеобеспечение.

Мы в данном исследовании, анализируя пространственное расположение человека (право-лево), симметричность – асимметричность движений, их частоту, взгляд, формальный строй речи, ее интонация – попытались выделить те особенности поведения, которые свойственны «психологически сильному» человеку. Отталкиваясь от ряда теоретических положений и результатов исследований, был выявлен перечень поведенческих проявлений, которые, на наш взгляд, несут в себе психологически значимый заряд. Эти поведенческие проявления были объединены в схему экспертной оценки. Экспертами выступили студенты-

психологи СПбГУ. В процессе нескольких занятий они оценивали поведение кандидатов в депутаты по предложенной схеме.

Анализируя результаты исследования, мы пришли к некоторым выводам. Наблюдатели-эксперты относительно уверенно оценивают степень «психологической силы» или «слабости» участников конфликтного взаимодействия. Эта оценка носит интегральный и, как правило, не обосновываемый конкретными поведенческими признаками характер.

Существует сходство экспертных оценок в приписывании некоторым поведенческим проявлениям значения индикаторов психологической силы человека. К таким проявлениям прежде всего относятся: взгляд, направленный на партнера по общению; контрастность внешнего вида по отношению к окружающему фону; интонированность речи. Высокозначимым показало себя неосознанное восприятие поведения в сферах речевой деятельности, пространственного положения тела, симметричности его расположения (особенно с выделением параметра правоелевое) для оценки «психологической силы».

Выделенный перечень поведенческих проявлений может использоваться в качестве схемы экспресс-оценки «психологической силы» испытуемого, а также в качестве оптимальной модели поведения психотерапевта, психолога-консультанта, социального работника.

Дворщенко В.П.

АПРОБАЦИЯ МОДИФИЦИРОВАННОГО ВАРИАНТА ПАТОХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСНИКА

В клинической практике результаты психодиагностики личности по методике ПДО (Н.Я.Иванов, А.Е.Личко) не всегда соответствуют клинической картине. Предполагаемая причина этого – в сложности работы пациента с опросником: от пациента требуется выбрать в каждом разделе опросника по 1–3 утверждения, с которыми он наиболее согласен (I исследование) и, наоборот, с которыми он наиболее не согласен (II исследование). Не каждый способен ранжировать в уме 13—19 утверждений. Не легко дифференцировать также значимость утверждений в пределах раздела с их значимостью в жизни пациента. Информационная перегрузка и двусмысленность значения утверждений являются объективными причинами ошибочных ответов пациентов (Б.Ф.Ломов).

С целью упрощения работы с опросником пациентам предложено отвечать на каждое утверждение безотносительно к другим утверждениям ранжированной оценкой степени своего согласия или несогласия по шкале: 0 — трудно сказать; 1 — скорее согласен (не согласен), чем не

согласен (согласен); 2 — преимущественно согласен (не согласен); 3 — несомненно согласен (не согласен). Разделы, утверждения с нулевыми номерами и утверждения, ответы на которые и прежде не влияли на результат, упразднены. В опроснике оставлено 194 утверждения из 354. Нумерация утверждений сплошная. Второе исследование не требуется. Ответы пациента записываются в виде цифр на бланке протокола MMPI (СМИЛ). С помощью соответствующих ключей по всем шкалам методики ПДО подсчитываются ответы только со значением 3 балла, что соответствует прежнему значению наибольшего согласия. Процедура обработки и интерпретация результатов прежние. Сравнительное исследование существующего и модифицированного вариантов методики апробировано на 60 пациентах (47 мужчин и 13 женщин) в возрасте 15–23 лет (призывники, суициданты, лица с нарушениями поведения).

Экспериментально-психологические методы в клинике расстройств личности являются вспомогательными по отношению к основному клиническому методу. Поэтому окончательное решение по постановке диагноза принимает психиатр. Его диагноз принят за эталон. По отношению к нему рассмотрим результаты диагностики указанными вариантами методики. В качестве меры сходства-различия результатов выбран коэффициент согласия S (Г.В.Суходольский). В качестве оценок локального сходства диагнозов по каждому пациенту выбраны натуральные числа-ранги различий в диагнозах: 0 — различий нет, 1 — диагнозы (смешанных типов) частично совпадают и 2 — диагнозы не совпадают. Для проверки же независимой воспроизводимости результатов применен прием расщепления исследуемой выборки на случайные подвыборки по 30 пациентов с четными и нечетными номерами перечня выборки.

Полученные коэффициенты согласия диагнозов попарного сопоставления клинического метода (к) с существующим (с) и модифицированным (м) вариантами методики ПДО следующие: $S_{см} = -0{,}03$; $S_{ск} = -(0{,}03 \div 0{,}07)$ и $S_{мк}=0{,}87 \div 0{,}93$. Все коэффициенты согласия в подвыборках и в среднем по всей выборке практически совпадают, что свидетельствует о воспроизводимости результатов. Коэффициент согласия диагнозов модифицированного варианта ПДО с клиническим методом $S_{мк}=0{,}87 \div 0{,}93$ больше 0,60, что говорит о сходстве, близком к тождеству.

Таким образом, введение ранжированной оценки утверждений опросника вместо ранжирования самих утверждений значительно уменьшает информационную нагрузку на пациента в системе «пациент—опросник», упрощает его работу и тем самым повышает качество диагностики личности подростков и юношей. Предложенная модификация лишь помогает проявлению заложенных авторами возможностей методики ПДО и делает последнюю по праву лучшей из существующих.

Доценко Е.В.

ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РАБОТНИКА МЕТОДОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА

Нами было предпринято исследование отношения сотрудников российских компаний к своим организациям и к себе. Для этих целей применялся вариант семантического дифференциала, модифицированный С.И.Макшановым: к классическим факторам ОСА была добавлена группа шкал «Полезность». С его помощью работники оценивали два стимула – «Моя компания» и «Я в моей компании». Обследование было произведено в течение 1997–99 г. в восьми российских компаниях различного профиля деятельности: торговых, производственных, консультационных. Общее количество опрошенных – 407 человек.

Ранее нами было показано, что в структуре классической триады СД при измерении с ее помощью объекта «Моя компания» происходят сильные изменения под воздействием эмоциональной оценки. Шкалы перераспределяются в три группы – позитивно окрашенные – в фактор «Оценка», индифферентные – в фактор «Активность», отрицательно окрашенные – в фактор «Давление» (Е.В.Доценко). Была предложена альтернативная факторная структура СД «Моя компания», включающая факторы «Эффективность», «Надежность», «Конструктивную активность», «Неконструктивная активность», «Оценка», «Давление».

В настоящем исследовании был проведен анализ интеркорреляций исходных факторов «Оценка», «Сила», «Активность», «Полезность» при оценке стимула «Я в компании». Все коэффициенты корреляции лежали в пределах от 0,32 до 0,74 и были значимы на уровне $p<0,001$ – факторы не являются независимыми. Для более точного выявления структуры отношения к себе, полученные оценки стимула «Я в компании» были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент с варимакс–вращением. Выявлены шесть факторов, которые мы трактуем как: «Самооценка», «Конструктивная активность», «Неконструктивность», «Перспективность», «Практичность», «Безопасность».

При коррелировании оценок двух стимулов по исходным факторам «Оценка», «Сила», «Активность», «Полезность» выяснилось, что все факторы связаны друг с другом высокозначимо ($p<0,001$). Это не позволило сделать содержательные выводы. Были вычислены также коэффициенты корреляции между оценками стимулов «Моя компания» и «Я в компании», полученными по предложенным нами факторам.

Фактор «Моя неконструктивность» оказался связан с фактором «Неконструктивная активность компании», а также с фактором

«Давление». С другой стороны фактор «Моя конструктивная активность» оказался положительно связан с факторами «Оценка компании» и «Эффективность компании». Т.е. сотрудники, выше оценивающие свою деятельность, лучше относятся к своей компании и выше оценивают ее эффективность. Это подтверждается и тем, что фактор «Оценка компании» положительно связан с «Моей перспективностью». Выяснилось, что сотрудники выше оценивающие надежность компании оценивают выше и свою безопасность: «я более безопасен по отношению к компании, если чувствую ее надежность».

В целом предложенные факторные решения продемонстрировали более специфические взаимосвязи, нежели классические факторы ОСА и фактор «Полезность», что является косвенным свидетельством их большей диагностической ценности.

Доценко Е.Л.

ОБЩЕНИЕ С ПОЗИЦИИ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Общение как объект психологического исследования может быть рассмотрено не только объективно-отстраненно, но и с позиции включенного в общение субъекта. Такая смена позиции естественным образом реализуется в использовании психосемантического инструментария. В сумме они открывают новые перспективы и создают дополнительные возможности как для исследователя, так и для пользователя.

Семантический (знаковый и интерпретативный) характер *межличностного восприятия* вскрывается уже в том, что субъективный мир – результат моделирования (кодирования, обозначения) внешнего мира на языке субъективных переживаний человека (выделение субъективного смысла, истолкование, извлечение значения–для–меня). А имплицитная теория личности как фрагмент субъективного мира, описывающий людей – это результат истолкования их поведения: установление (часто весьма субъективное) взаимосвязи между поведением, внешним видом и личностными чертами человека, наделение выявленных связей субъективным значением (пристрастное моделирование) в зависимости от мозаики собственных интенциональных (мотивационных) напряжений. Релевантность элементов имплицитной теории характеристикам реальных живых людей постоянно остается проблемой.

Актуальное восприятие другого человека представляет собой процесс категоризации – отнесения воспринимаемых признаков к тем или иным категориям. По своей природе этот процесс откровенно интерпре-

тативный: выделение значащих признаков, установление связи между ними и уже существующими категориями, отражающими субъективный опыт человека, реконструкция значения или смысла (часто очень индивидуального) в проявлениях других людей и т.п.

Семантический характер *коммуникативной стороны* общения обнаруживается еще острее. Во-первых, информация всегда облекается в форму каких-то знаков. Большие совокупности знаков создают семантические поля (субъективные пространства) как систему взаимосвязанных между собой значений. Совокупность знаковых систем порождают особую семантическую реальность, с которой человек в основном и имеет дело в своей жизни. Во-вторых, всякое перемещение информации происходит посредством смены содержащих ее форм (знаковых средств). Передача ее предполагает иногда весьма значительное переформулирование. Поэтому перевод из одной знаковой формы (или системы кодирования) в другую всегда есть интерпретация.

Более детально семантический характер межличностной коммуникации может быть рассмотрен в связи со структурой коммуникативного акта: замысел сообщения – кодирование – движение по каналам – расшифровка (декодирование) – понимание. Операции толкования, переозначивания, переосмысления составляют важную часть процессов, обеспечивающих переход от одного звена к другому.

Анализ семантического поля понятия «общение» выделяет группы значений: 1) слияние, объединение, создание общности, человеческой целостности, сообщества, единства; 2) наличие связи, средства объединения; 3) передача сообщений, обмен информацией, перенесение чего-либо; 4) встречное движение, взаимопроникновение, нередко носящее тайный или интимный характер. Для концептуализации каждого из них можно использовать термины, соответственно: контакт, отношения, коммуникация и взаимодействие. В частности, *межличностный контакт* является выражением потребности живого существа в существовании и в значительной степени составляет сущность общения. Возникает этот эффект из динамики образования субъективных границ: само их появление представляет собой одну из фундаментальных характеристик генезиса психики. Наличие непонятного, необычайного и непредсказуемого на рубеже перехода подконтрольного «своего» в неподконтрольное «чужое» конституирует психическую активность. Поэтому контакт с «другим» субъективно воспринимается как факт собственного перевоссоздания. Этот глубокий смысл и составляет фундамент психосемантики межличностного контакта.

Семантическая *природа межличностных* отношений заключается в том, что они являют собой межличностный эквивалент когнитивной

стороны индивидуальной психики и конституируют совместный взгляд партнеров на мир. Ядро отношений составляют: согласованное создание общей картины мира, согласие относительно совместных целей, направления движения по жизни, объяснение своей совместной жизни, осмысление основ человеческого существования.

Процессом, связывающим все указанные компоненты общения, является *межличностное взаимодействие*. Инструментом связи выступает совместное семантическое пространство, измерения которого (вертикальные и горизонтальные, знаковые, содержательные, смысловые и пр.) открывают дополнительные горизонты научно-прикладных исследований.

Ермолаева В.Ю.

РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА ЗАДЕРЖКИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЛАДЕНЦЕВ

Проблема задержки психического развития (ЗПР) детей в связи с большой распространенностью стала важной во многих странах мира. В Санкт-Петербурге этим недугом страдают 60% ребят. Как свидетельствуют многочисленные зарубежные исследования последних двадцати лет, в 80% случаев ЗПР обусловлена врожденной патологией мозга.

Основной психофизиологической причиной ЗПР является дефицит внимания, который медико-педагогические службы выявляют довольно поздно – в возрасте 4 лет и старше. Вместе с тем известно, что внимание является базовой психической функцией мозга, формирующей кратковременную и долгосрочную память. И ее дефицит приводит к дефициту обучаемости. Сказанное подчеркивает необходимость изучения внимания еще в младенческом возрасте, поскольку некоторые его характеристики позволяют прогнозировать психическое развитие ребенка.

С целью выявления дефицита внимания нами был предложен метод многофакторного анализа (В.Ю.Ермолаева, 1996–1998). Внимание вызывали на предъявление ребенку яркой игрушки, которое повторяли четыре-шесть раз с интервалом 1 мин. Регистрировали: латентность, длительность концентрации взгляда на игрушке – I фаза; длительность, характер и весь репертуар активно-манипулятивной реакции – II фаза, длительность и характер эмоционального отношения к игрушке, а также динамику падения внимания по мере привыкания к ней.

Внимание исследовали после тщательного неврологического обследования 73 ребенка первого года жизни, из которых: 22 – здоровых доношенных, 18 – недоношенных, 16 – с угрозой ДЦП, 17 – с сенсомотор-

ной недостаточностью. У 6 детей из каждой группы проводили повторное изучение внимания через 2 недели после первого наблюдения.

Статистический анализ выявил значимые различия в параметрах процесса внимания между группами здоровых и больных детей. Повторные наблюдения показали, что обнаруженные различия были стабильными. У детей с церебральной патологией они выражались в резком увеличении латентности I фазы внимания (в 2–5 раз). Одновременно уменьшалось время концентрации взгляда на игрушке, которое в 2–3 раза было короче, чем у здоровых. Характер изменения уже этих двух параметров свидетельствовал об ослаблении процесса внимания.

Изменение II фазы внимания, т.е. активно-манипулятивной деятельности прежде всего выражалось в запаздывании на 2–3 месяца развития в онтогенезе этой тактильно-кинестетической реакции руки. Появившись, манипулятивная деятельность отличалась кратковременностью и бедностью двигательных актов взаимодействия с игрушкой. При этом эмоциональный фон был слабым по сравнению со здоровыми детьми и часто отсутствовал вообще. Вычленение отдельных компонентов внимания позволило провести сопоставление с конкретными нейрофизиологическими данными, полученными с помощью позитронно-эмиссионных топограмм в момент формирования процесса ВН у детей.

Сопоставление наших данных с литературными говорит о том, что у недоношенных детей и у детей с церебральной патологией при формировании процесса внимания отмечается задержка включения правого полушария, на что указывают величины латентности I фазы. Факт запаздывания созревания тактильно-кинестетической функции руки в раннем онтогенезе, также как и кратковременность этой фазы указывает на дефицит активности париетальной области коры полушарий мозга.

Таким образом, предлагаемый анализ, выявляя дефицит внимания и его нейрофизиологические механизмы, может служить инструментом для ранней диагностики ЗПР у младенцев. Практическое значение исследования подчеркивается решением общества детских неврологов Санкт-Петербурга о внедрении метода в детские поликлиники города.

Завалишина Д.Н.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Важным направлением изучения мышления в практической деятельности является обращение к парадигме «системность+развитие». Данная парадигма предполагает не только анализ практического мышления

«самого по себе» в его диахронической динамике, но и рассмотрение интеллектуальных функций как «элементов» развивающихся, макросистем, в результате чего эти «элементы» приобретают новые «измерения». В логике данной парадигмы можно выделить три уровня анализа динамики практического мышления: когнитивно-временной, профессионал-генетический и личностно-динамический.

На когнитивно-временном уровне выполнено большинство эмпирических исследований динамики мышления в практической деятельности человека (руководители, педагоги, операторы). Этот уровень анализа может быть охарактеризован как моносистемный, поскольку мышление берется «само по себе», относительно независимо от общих изменений субъекта труда в ходе осуществления профессиональной деятельности.

Переход на второй уровень анализа динамики практического мышления – профессионал-генетический – означает обращение к полисистемной парадигме исследования и предполагает изучение этой динамики в контексте целостного психического развития субъекта в профессиональной деятельности. Новое «измерение», которое получает в этом случае мышление, обусловлено изменениями качества самого субъекта на разных этапах (стадиях) его профессионального функционирования.

Эти изменения качества субъекта труда наиболее четко зафиксированы в различных трехэтапных моделях профессионального развития. На их основе может быть предложена следующая обобщенная модель психического развития субъекта труда собственно профессиональной деятельности, включающая три стадии: адаптации, специализации (идентификации с профессией), самоопределения. Каждой стадии соответствует определенное качество субъекта труда (начинающий специалист, субъект профессионального развития) и основное противоречие, в ходе разрешения которого происходит психическое развитие субъекта. Эти противоречия таковы: на стадии адаптации – «основные требования профессиональной деятельности – исходные психические возможности ее субъекта»; на стадии специализации – «требования и традиции профессионального мира – качество их психического обеспечения»; на стадии самоопределения – «ценностно-смысловое отношение человека к жизни и труду – его субъективное обеспечение».

На третьем уровне анализа динамики практического мышления – личностно-динамическом – реализуется понимание развития субъекта труда как принципиально многовариантного процесса, обусловленного мерой и характером активности человека, способом включения им профессиональной деятельности в свою целостную жизнедеятельность. Это позволяет выделять разные «стили» профессионального развития, реально избираемые субъектом (адаптивный или творческий).

Наряду с многовариативностью, важным аспектом исследования любого развития (особенно психического) выступает его преемственность, обеспечиваемая накоплением на каждой стадии предпосылок, тенденций последующих стадий (потенциалов развития). Перспективным методологически основанием анализа таких потенциалов является представление развития как диалектики «потенциально-актуального».

Каганер А.Г.

ВОЗМОЖНЫЕ МЕТРИКИ ТЕСТА ЛАЧИНСА

Свойство ригидности или узости познавательного контроля рассматривается большинством авторов как привязанность к ставшему неадекватным способу действия и восприятия и как относительная неспособность изменить действие или отношение, несмотря на объективную необходимость и принципиальную возможность их изменения. Основным диагностическим приемом оценки этого параметра является формирование стереотипного способа действий в ряде однородных задач, а затем предъявление задачи, решаемой проще. Индивидуальный уровень ригидности при этом характеризуется эффективностью преодоления стереотипа и оценивается по легкости смены способа действия, а также точности и скорости выполнения критического задания.

Одной из таких методик является тест А.С.Лачинса. При соблюдении процедурных правил проведения этого теста испытуемые оказываются нечувствительными к изменению условий в последних пяти задачах. В результате они могут не обнаружить нового, рационального пути решения, в чем и проявляется познавательная ригидность. Для оценки степени ригидности в этом тесте подсчитывается количество рационально и нерационально решенных задач. С помощью такой метрики возможна только качественная оценка ригидности. Отсутствие норм и необходимость формировать контрольную группу делает невозможным использование этой методики в индивидуальной работе.

В нашем исследовании проверялась новая метрика: мы предлагаем подсчитывать не количество рационально решенных задач, а общее количество арифметических действий, использованных испытуемым для решения всех задач. Рациональный способ решения требует минимального числа действий, поэтому зависимость между показателями, полученными с помощью старой и новой метрик, должна быть обратной. В исследовании принимало участие 165 человек различных профессий.

Результаты статистического анализа данных свидетельствуют о том, что показатели гибкости – ригидности, полученные с помощью новой и

старой метрик тесно взаимосвязаны. Таким образом, показана возможность использования новой метрики теста Лачинса. Следующим этапом исследования должна стать разработка норм для различных половых, возрастных и профессиональных групп.

Короткина Т.И.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ: ВМЕШАТЕЛЬСТВО В НЕГАТИВНЫЙ «СЦЕНАРИЙ» РАЗВИТИЯ ГРУППЫ

При обучении студентов профессиям типа «человек–человек» широко используется коммуникативный тренинг. Его можно встретить в программах подготовки психологов, педагогов, журналистов, юристов и других специалистов гуманитарного профиля. Тренинг обычно проводится в группах, специально созданных так называемых тренинг-группах или группах встреч. По сути это *реальные лабораторные* группы, которые создаются для реализации какой-либо цели и заканчивают свое существование после ее достижения.

Авторы большинства научных работ, посвященных социально-психологическому тренингу, исследуют социально-психологические процессы, протекающие именно в таких лабораторных, искусственно созданных группах. Однако в естественных группах, к которым относятся студенческие группы, люди связаны уже сложившимися отношениями, имеют опыт общения, иногда негативный и даже отягощенный конфликтами. Поэтому очевидно, что групповая динамика в процессе тренинга в естественных группах приобретает особое содержание.

Целью настоящего исследования является изучение психологических особенностей тренинга общения в студенческих группах. Теоретическими основами исследования является понимание общения, его функций, структуры и динамики, данное в работах Б.Ф.Ломова, Е.С.Кузьмина, Б.Д.Парыгина и др. Исследование базируется на теоретических и методических основах тренинга как метода, описанных в работах Ю.Н.Емельянова, Н.Ю.Хрящевой, С.И.Макшанова и др., а также на практическом опыте применения социально-психологического тренинга разными тренерами, включая собственный опыт.

На первом этапе проводился классический тренинг общения и изучалось его влияние на социально-психологические процессы, протекающие в студенческих группах. Полученные результаты показали, что под влиянием тренинга происходит ускорение развития группы как общности. В целом же каждая группа продолжает развиваться по своему собственному «сценарию», ведь группы «различаются по тому, как они

проходят свои жизненные циклы» (К.Рудестам). На втором этапе работы мы учитывали социально-психологическое состояние группы и, если «сценарий» группового развития был негативный, использовали тренинг общения для вмешательства в этот «сценарий» – тренинг использовался для оптимизации отношений в студенческой группе. Основной же целью тренинга общения остается повышение коммуникативной компетентности участников тренинга.

Сложность тренинга общения в естественной группе заключается в том, что если в группе существуют конфликтные отношения, то они блокируют достижение главной цели тренинга. Поэтому для достижения основной цели тренинга необходимо решать сопутствующие задачи, а именно: повышение сплоченности группы, улучшение взаимоотношений в группе. Решение этих задач возможно с помощью модифицированного тренинга, принципы которого мы формулируем в работе.

На втором этапе нами осуществлен формирующий эксперимент: тренинг общения проведен в студенческой группе с крайне конфликтными отношениями и негативным «сценарием» группового развития. Замерив индивидуальную эффективность тренинга, мы выделили две группы участников: 1) со значительным положительным эффектом и 2) с незначительным положительным эффектом или его.

Обнаруженные различия между этими группами касаются, в первую очередь, социально-психологических характеристик участников и оценок ими собственной группы. Студенты, на которых тренинг не оказал необходимого влияния, еще до тренинга отличались значительно большим негативизмом в оценке собственной группы. Негативная оценка собственной группы имеет некое критическое значение, которое оказывает существенное влияние на эффективность тренинга в студенческой группе. В отношении групповой эффективности тренинга можно сказать, что было приостановлено развитие группы по негативному «сценарию» и открыта возможность его изменения.

Купрейченко А.Б.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СОБЛЮДЕНИЮ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ

Задача разработки данной методики является частью проводимого в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН исследования отношения личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции с другими людьми. Большинство имеющихся методик и шкал моральной нормативности измеряют

декларируемое отношение к моральным нормам, не учитывающее особенности ситуации и взаимодействующих субъектов. Перенос и адаптация зарубежных методик затруднены, поскольку восприятие социальных факторов отличается в различных культурах.

Нравственные нормы – это конструкты, имплицитные представления о которых имеют культурно-исторические, групповые и индивидуальные особенности. Концептуальным является положение о том, что индивид руководствуется различными правилами поведения по отношению к разным группам из его социального окружения, т.е. по отношению к людям, находящимся на разной психологической дистанции.

Предварительное исследование показало, что в сознании испытуемых существует четкая дифференциация социальных групп в зависимости от психологической дистанции. Для определения имплицитных концепций использовались как словари, так и современные исследования М.И.Воловиковой и Л.Л.Гренковой (1997), Р.Андерсона и П.Н.Шихирева (1994) и др., изучавших образы порядочного человека.

Так, исследование В.В.Знакова (1997) позволяет сделать вывод, что в российском самосознании понятие честность распадается на две составляющие: правдивость и справедливость. В результате анализа отобрано пять характеристик, входящих в представление о порядочном человеке: 1) правдивость; 2) справедливость; 3) ответственность; 4) принципиальность; 5) терпимость. Для каждой были разработаны задачи, моделирующие различные ситуации. Варианты ответа представляли три различных варианта поведения. Эксперты-психологи (40 человек) оценили соответствие задач измеряемым характеристикам. Задачи, получившие 80% положительных оценок, включались в опросник.

В методике заложена трехмерность характеристик: 1-ое измерение – уровень характеристики, 2-ое – социально-ролевая гибкость, 3-е – устойчивость во времени. Для определения показателя «гибкости» (под которым понимается легкость изменения правил поведения по отношению к различным группам социального окружения, имеющим различную психологическую дистанцию по отношению к испытуемому) в опросник включено задание разделить социальное окружение на четыре группы по степени «близости», при этом предлагается список возможных его составляющих. Для каждой из пяти характеристик (честность, справедливость и т.д.) разработан блок задач, испытуемым необходимо выбрать один вариант ответа для каждого круга близости. Каждый вариант ответа имеет «вес» в баллах. Производится подсчет среднего балла по каждому блоку задач, что дает количественное выражение «уровня переменной». После каждой задачи испытуемый должен ответить, изме-

нилось ли его мнение по этому вопросу за последние 10 лет (период радикальных изменений в стране) – показатель «устойчивости».

Проведенное исследование отношения к нравственным нормам современных российских предпринимателей позволило подтвердить концептуальную модель: моральное поведение индивида характеризуется изменчивостью и в то же время имеет ряд выраженных индивидуальных особенностей. Различные социальные ситуации, социальные роли и психологические дистанции влияют на выбор правил морального поведения. Существенными оказываются также фактор возраста и особенно фактор жизненного опыта. Такое количество детерминант значительно усложняет задачу прогнозирования поведения. Однако в результате исследования было установлено, что характеристика «правдивость» значительно менее зависима от ситуативных и других рассматриваемых переменных. Другие выявленные факторы: гуманности, социальной ригидности, принципиальности и т.д. также, по всей видимости, связаны с устойчивыми особенностями личности. По своему составу факторная структура оказалась близка к положенной в основу опросника структуре из пяти характеристик порядочного человека.

Основное достоинство предлагаемой методики – многомерность измеряемых характеристик. Методика позволяет учесть влияние ситуации, психологической дистанции, культурные и исторические особенности. Последнее является одновременно и ограничением методики.

Миланич Ю.М.

ДЕТСКИЙ АППЕРЦЕПТИВНЫЙ ТЕСТ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ КОНФЛИКТОВ

ДАТ (Children`s Apperception Test) в настоящее время не находит широкого применения среди российских психологов-практиков в работе с маленькими детьми. Причины этого – слишком широкое или, наоборот, узкое определение в доступной литературе основного предмета, на который направлена методика («динамические факторы поведения ребенка), очевидная психоаналитическая ориентация единственного руководства по его применению, высокая субъективность такой интерпретации, отсутствие систематизированных данных о валидности теста.

В данном сообщении мы описываем применения ДАТ при изучении детей с эмоциональными нарушениями. Для выявления надежных показателей эмоционального неблагополучия по ДАТ проведен статистический анализ данных обследования 56 детей с эмоциональными нарушениями и 114 детей без таковых (4,5–7 лет). Рассматривая эмоциональное

неблагополучие у детей как отрицательное состояние и исходя из предложенной авторами теста схемы интерпретации, мы объединяем ее категории в три параметра: зона, содержание и поведение в конфликте.

Зону конфликта обнаруживают категории, названные авторами теста как «Адекватность героя» и «Лица рассматриваются как …». По первой категории выявляется персонаж, с которым ребенок себя идентифицирует, повествуя историю от его лица и преимущественно о нем. В нашем исследовании эта категория четко выкристаллизовывала конфликтное отношение ребенка к сверстникам и брату (сестре). Дети с эмоциональными нарушениями достоверно чаще рассказывали истории от лица героя, который не соответствует им по возрасту, полу, силе, отражая желание быть старше, сильнее или, наоборот, быть младшим ребенком в семье, чтобы получать больше любви. Во второй категории интерес представляют рассказы, в которых фигуры предстают как источники конфликтов и тревоги. По нашим данным, такую характеристику достоверно чаще у эмоционально неблагополучных детей получают фигуры матери и сверстников. Что касается фигуры отца, то на нашей выборке отношение к нему не было обнаружено в сфере внутренней конфликтности неблагополучных детей, что было подтверждено данными по ЦТО и опроснику PARI. По данным последнего у обоих родителей имеется склонность к опекающему способу воздействия.

Углубиться в содержание конфликтов становится возможным с помощью категорий «Содержание конфликтов, природа беспокойства» и «Главные потребности ребенка». В третьей категории анализируются истории, отражающие конфликты со средой и внутреннюю конфликтность: неудовлетворенные потребности, тревогу, борьбу мотивов и т.д. Анализ детских рассказов по четвертой категории показал, что среди детей с эмоциональными нарушениями значительно больше тех, кто испытывают тревогу по поводу возможного наказания и неодобрения со стороны родителей, переживания недостатка и страх утраты родительской любви, страх темноты, холода и болезни. В их рассказах чаще отражаются неприятные аффекты, вызванные ссорами со сверстниками, тягостные переживания одиночества. Заслуживает внимание частота проявления в рассказах детей «потребности в автономии». Среди детей с эмоциональными нарушениями значительно меньше тех, кто тяготится чрезмерной опекой и испытывает потребность в самостоятельности.

С помощью четвертой категории можно дифференцировать эмоциональные нарушения, возникшие преимущественно на фоне межличностных конфликтов и связанные с внутриличностной проблематикой. Так, дети с внутриличностными конфликтами, в отличие от сверстников с межличностными конфликтами, чаще отражают в рассказах пережива-

ния недостатка родительской любви, чувства, связанные с соперничеством с братьями, со ссорами родителей. Полученные результаты обусловлены тем, что внутриличностная проблематика детей связана в основном с конфликтными взаимоотношениями внутри семьи. Введенная нами категория «Позиция в конфликтной ситуации» регистрирует третий параметр конфликта. Из возможных позиций: действенной, пассивной и агрессивной, – вторую и третью неблагополучные дети принимают в рассказах значимо чаще, чем их сверстники.

Таким образом, использование ДАТ при изучении дошкольников с эмоциональными нарушениями представляется нам исключительно перспективным. Он позволяет проанализировать детские конфликты, находящие внешнее выражение в нарушении эмоциональной сферы, обнаружить внутренние механизмы развития эмоционального неблагополучия и определить пути дифференцированной психокоррекции.

Михеев Ю.А., Молотков И.В.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ И СОЦИОМЕТРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

В практике социально-психологического тренинга традиционно используется техника активного слушания, согласно которой следует говорить на языке партнера по общению. Мы решили экспериментально проверить это. Сформулирована гипотеза о том, что структура субъективного частотного фильтра испытуемого связана с теми, кого он выбирает и кто выбирает его в рамках социометрической процедуры.

Под субъективным частотным фильтром понимается индивидуальное распределение субъективных оценок частот слов (И.В.Молотков). Субъективный частотный фильтр непосредственно связан с тем, как человек воспринимает и порождает речь. В свете высказанной выше гипотезы субъективный частотный фильтр должен предсказывать и интерпретировать результаты социометрии, т.к., то, на каком языке человек говорит, какие слова он употребляет чаще и какие реже, определяет тех, с кем он общается, и тех, кто общается с ним.

На той же выборке, для которой ранее были получены субъективные частотные фильтры антонимических пар оценочных прилагательных, была проведена социометрия. Испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы: «Назовите тех членов вашего класса, которых вы считаете наиболее подходящими партнерами для общения», «Назовите тех членов вашего класса, которых вы считаете наименее подходящими партнерами для общения», «Кого из членов вашего класса вы пригласили бы на свой день рождения», «Кого из членов вашего класса вы не

хотели бы видеть на своем дне рождения». По данным социометрии для каждого критерия были получены матрицы близости испытуемых в социометрической структуре группы. Были также рассчитаны матрицы расстояний между испытуемыми по разницам субъективных оценок частоты употребления слова из списка. Таким образом, частотный фильтр рассматривался нами поэлементно. Затем каждая матрица, полученная на основе социометрии, сравнивалась со всеми матрицами различий в субъективных оценках частот.

В результате с каждой из социометрических матриц оказались значимо связаны не менее десяти матриц различий в субъективных оценках частот, что в целом подтверждает выдвинутую гипотезу. Примечателен тот факт, что только для одного слова («банальный») была выявлена связь со всеми четырьмя социометрическими матрицами, что говорит о том, что в каждой из четырех моделируемых в социометрии ситуаций общения актуализируются различные элементы частотного фильтра. Итак, указанное сравнение позволяет интерпретировать представления членов данной группы о моделируемой в социометрии ситуации.

В качестве примера приведем следующие результаты. У людей, близких в социометрической структуре группы по критерию «Кого из членов вашего класса вы пригласили бы на свой день рождения», особенно сильно совпадают оценки частот следующих слов: нежный, банальный, смелый, враждебный, бодрый. Т.е. по мнению испытуемых, эти слова одинаково часто или редко употребляются. У этих же людей по этому же критерию значимо не совпадают субъективные оценки для слов: активный, бурный, волевой. Т.е. по мнению испытуемых, эти слова встречаются в речи с различной частотой.

Исходя из изложенных выше результатов, можно сделать вывод о том, что социометрический выбор определяется зачастую неосознаваемым собственным частотным фильтром и ожиданиями относительно субъективного частотного фильтра партнера. Качественный анализ выявляет конкретное содержательное наполнение этих ожиданий и, возможно, определяет ценностные ориентации членов данной группы.

Молодова Е.А.

ПСИХОДИАГНОСТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕДАГОГИКИ НЕНАСИЛИЯ

В ситуации психодиагностики психолог и клиент вступают во взаимоотношения, которые могут носить насильственный или ненасильственный характер как со стороны психодиагноста, так и со стороны его

клиента. Позицию ненасилия можно определить как систему взглядов, ценностей, установок, мотивов, где выражается стремление человека строить отношения с другими людьми на ненасильственной основе, без открытых и скрытых форм принуждения, что достигается посредством свободного и ответственного выбора, умения совершать ненасильственные действия и оказывать ненасильственное сопротивление (В.А.Ситаров, В.Г.Маралов). При этом под ненасильственным действием понимается действие, усиливающее позитивные намерения другой стороны, т.е. действие, связанное с благом или сохраняющее независимость каждого участника взаимодействия, не приносящее им ущерба. Готовность к принуждающему действию проявляется в чувстве враждебности к окружающим, конфликтности в поведении, стремлении насаждать свои взгляды. Установка на принуждение сопровождается раздражительностью, ощущением правомерности насилия.

Отказ от принуждения осуществляется в результате сформированности позиции ненасилия. Психолог-диагност, обладающий позицией ненасилия – это человек, способный не раздражаться, не обижаться в конфликтной ситуации, обладающий позитивной открытостью, умеющий преодолевать собственный эгоцентризм, осознающий свои психологические защиты, терпимый к чужому мнению и поведению другого человека, умеющий сдерживать свою агрессивность. Непосредственное выражение позиция ненасилия находит в процессе взаимодействия психодиагноста и клиента, которое рассматривается ими как сотрудничество.

В ходе процесса диагностики психолог создает у клиента адекватную мотивацию, демонстрирует искренний интерес, стремление понять клиента, чем снижает его агрессивный потенциал. Страх клиента оказаться в проигрыше, понести урон может быть снят, если психолог уважает независимость воли и суждений клиента, признает право клиента на выбор, осуществляет ненасильственные помогающие действия.

Позиция ненасилия у психодиагноста предполагает отказ от нанесения какого-либо ущерба личности клиента. Психодиагност руководствуется в своей профессиональной деятельности правилами конфиденциальности, он не допускает разглашения результатов диагностики, интерпретации полученных в ходе психодиагностики данных в ущерб клиенту. Психодиагност признает границы своей компетентности и принимает на себя ответственность за последствия своих действий.

Молотков И. В.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ НА ОСНОВЕ ЧАСТОТ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ

Система значений может пониматься как система соотнесения и противопоставления слов в процессе речевой деятельности (А.Н.Леонтьев). Субъективный частотный фильтр есть индивидуальное распределение субъективных оценок частот слов (И.В.Молотков). Согласно выдвинутой нами гипотезе субъективные частотные фильтры должны отражать особенности соотнесения и противопоставления этих слов в процессе речевой деятельности, т.е. систему значений. Известно, что субъективные оценки частот слов положительно коррелируют с их объективными оценками, полученными путём подсчёта (Howes, Noizet et Flament). Субъективные оценки частот лучше, чем объективные предсказывают пороги распознавания слов при зрительном предъявлении в тахистоскопе (Fraisse et al.) и эффективность опознания слов на фоне белого шума (Л.Р.Зиндер, А.С.Штерн). Итак, субъективные оценки могут рассматриваться как надежный показатель реальной картины употребления слов.

Для получения субъективных частотных фильтров испытуемых нами была разработана специальная методика получения ранговой шкалы субъективных оценок частот слов. Была написана компьютерная программа, позволяющая в ходе взаимодействия с испытуемым ранжировать список слов по их частотности путем предъявления пар слов. Сама процедура является модифицированным методом парных сравнений, причем количество необходимых парных сравнений уменьшается приблизительно в пять раз. Это возможно благодаря допущения о транзитивности получаемой матрицы сравнений, которое было ранее экспериментально подтверждено (И.В.Молотков). Сама процедура была ранее апробирована для списка из 51 слова на выборке объемом в 14 человек.

Для выдвинутой нами гипотезы был составлен список из 30 слов, внутри которого по данным Словаря антонимов русского языка и Словаря синонимов русского языка можно выделить 15 пар антонимов и 10 пар синонимов. При помощи указанной программы получены субъективные частотные фильтры 25 испытуемых – учащихся 10-го класса школы № 263. Среднее число сравнений составило 100 вместо 435, необходимых для заполнения всей матрицы парных сравнений, а сама процедура занимала около пяти минут.

Субъективные оценки частот слов по усредненной ранговой шкале значимо коррелируют с общей частотой по всей выборке частотного словаря, причем ранговая корреляция с частотой по подвыборке худо-

жественной прозы составляет 0,52 ($p<0,01$), что указывает на внешнюю валидность методики. Для субъективных оценок частот слов были посчитаны коэффициенты корреляции Спирмена. Затем был вычислен коэффициент точечно-бисериальной корреляции между полученными коэффициентами корреляции и номинальной шкалой антонимия–синонимия для 25 пар слов, значение которого составило 0,76 ($p<0,001$).

Полученные данные подтверждают гипотезу о связи субъективных частотных фильтров с системой значений. Таким образом, субъективные частотные фильтры могут использоваться для изучения системы значений. Например, может уточняться отношение антонимии и синонимии между словами. Анализ значений коэффициентов ранговых корреляций субъективных оценок частот слов экспериментального списка указывает на отсутствующие в соответствующих словарях антонимические отношения в парах слов сдержанный–грубый, спокойный–бодрый, угрюмый–сомневающийся, нежный–враждебный, уверенный–пассивный, волевой–пассивный и синонимические отношения в парах слов унылый–враждебный, жизнерадостный–доброжелательный, тревожный–бурный, уверенный–волевой. Кластерный анализ матрицы корреляций субъективных оценок частот слов также позволяет выявить синонимические блоки слов. В качестве примера рассмотрим синонимический блок «жесткий–(твердый–{уверенный–волевой})». В словаре синонимов русского языка слово твердый является синонимом к слову жесткий, а слово уверенный – к слову твердый. Анализ субъективных частотных фильтров позволяет добавить к синонимическому ряду слово «волевой».

Огинец Л.В., Дорожкин Ю.П., Малышев К.Б.

МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ ДДО ПО ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Методологические обоснования применения системного подхода в психологии разработаны в трудах Б.Г.Ананьева, В.П.Кузьмина, Б.Ф.Ломова, В.А.Ганзена. Системные описания являются средством решения многих теоретических и прикладных задач, стоящих сегодня перед психологами. В теоретическом плане – это интеграция и систематизация психологических знаний. Основной задачей, стоящей перед исследовательской группой являлось устранение излишней избыточности в накопленной информации и сокращение объемов описаний.

В качестве метода–основы наших предложений используется «базис Ганзена» – «ВПИЭ». В четырехкомпонентном базисе для функций сознания (аффект, перцепция, мышление, воля) можно выделить ядро: пер-

цептивно-мыслительный тип («человек–наука») и аффективно-волевой тип («человек–общество»). Это ядро по сути дела определяет «двумерное пространство» с двумерным базисом. Геометрической интеграцией этого пространства будет прямоугольная система координат с двумя осями. Любой из оставшихся четырех типов может быть выражен через это ядро (базис). Можно выделить еще и другие «базисные ядра»: 1) аффективно-перцептивный тип («человек–художественный образ») и мыслительно-волевой тип («человек–знаковая система»); 2) аффективно-мыслительный тип («человек–человек») и перцептивно-волевой («человек–реалистический мир»). Используем системно-дедуктивный подход при анализе полноты множества типов, входящих в типологию профориентации по Е.А.Климову. Рассмотрим полный функционал ориентаций сознания, соответствующий шести профессиональным типам личности по Д.Голланду: 1) аффективно-мыслительный (социальный); 2) аффективно-перцептивный (артистический); 3) аффективно-волевой (предприимчивый); 4) перцептивно-мыслительный (интеллектуальный); 5) мыслительно-волевой (конвенциальный); 6) перцептивно-волевой (реалистический).

Сравним личностные функционалы двух типологий по профориентации Е.А.Климова и Д.Голланда. В результате этого сравнения обнаруживается следующее. В типологии Е.А.Климова не представлены типы: «человек–наука», что соответствует интеллектуальному типу по Д.Голланду; «человек–общество», что соответствует предприимчивому типу по Д.Голланду. Два типа «человек–природа» и «человек–техника» можно объединить в один – «человек–реалистический мир», что соответствует реалистическому типу по Д.Голланду.

В уточненной типологии профориентации по Е.А.Климову можно выделить три пары противоположных типов: 1) «человек–человек» (социальный); 2) «человек–реалистический мир» (реалистический); 3) «человек–художественный мир» (артистический); 4) «человек–знаковая система» (конвенциальный); 5) «человек–общество» (предприимчивый); 6) «человек–наука» (интеллектуальный). Причем типы 1, 3, 5 являются аффективными, а типы 2, 4, 6 – неаффективными.

В итоге выявляются инварианты психологических знаний, преодолеваются недостатки локального подхода, уменьшается субъективизм в интерпретации психологических явлений. Системный подход позволяет выявлять пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях предсказывать свойства отдельных частей описания.

Новочадов В.В., Меклер А.А.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ НА ТОЧНОСТЬ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Результаты экспертной оценки зависят как от свойств объекта, так и от эмоционального состояния экспертов. Последний фактор обычно не учитывают. В данном сообщении, обобщающем результаты двух исследований, показано влияние обоих факторов на качество экспертизы.

В первом исследовании объектом изучения была так называемая «музыка мозга» (ЭЭГ, преобразованная в сложно организованный звуковой сигнал, сохраняющий исходные частотные и амплитудные соотношения (К.В.Константинов, Д.Б.Мирошников)). Было обнаружено, что «музыка мозга» вызывает достаточно сильную эмоциональную реакцию, которую можно использовать как индикатор состояния пациента в ходе лечения. Ее возникновение было исследовано в эксперименте: 45 экспертам (студенты-психологи) предложено прослушать ряд расположенных в случайном порядке отрывков «музыки мозга» из сеансов здоровых людей и невротических больных. После прослушивания каждого отрывка эксперты должны были выставить оценку общего впечатления (ОВ) по 10-балльной шкале и заполнить таблицу «эмоциональной» оценки (оценка своего эмоционального состояния по 10 базовым эмоциям К.Изарда) и таблицу «когнитивной» оценки (оценка звучания с помощью семантического дифференциала по Ч.Осгуду).

Исследование показало, что у 20% экспертов оценка ОВ была наиболее высокой для начальных 2–3 отрывков фонограммы и снижалась при оценивании последующих отрывков. У 16% экспертов, наоборот, оценка ОВ начальных отрывков была наиболее низкой и при оценивании последующих отрывков повышалась. «Эмоциональная» оценка во всех случаях возникает сразу, без обучения. Звучание ЭЭГ здоровых людей отличимо с помощью семантического дифференциала от звучания ЭЭГ невротических больных. На различение оказывает влияние эмоциональная оценка. Прослушивание отрывков, взятых из сеансов здоровых людей, стимулирует появление эмоций низкой интенсивности и широкого спектра. Прослушивание отрывков, взятых из ЭЭГ больных, вызывает более резкую и более однозначную эмоциональную реакцию, в структуре которой доминируют эмоции отвращения, страха, снижено проявление интереса, отсутствует эмоция радости.

Можно предположить, что прослушивание ритмики мозга больных людей воспринимается сторонним слушателем как негативное биологическое воздействие, существенно затрагивающее «интересы» организма,

а потому вызывающее сильную эмоциональную реакцию (В.Д.Балин, А.В.Голушко). Паттерн эмоциональной оценки при восприятии звучания ЭЭГ больных можно рассматривать в качестве интегральной оценочной характеристики, более адекватной ситуации, чем оценка ОВ.

Зависимость когнитивных оценок от эмоционального состояния экспертов, а также их нестабильность были обнаружены в другом эксперименте – при проведении экспертной оценки качества звуковоспроизводящей аппаратуры. В этом случае при помощи оцениваемой аппаратуры прослушивались различные музыкальные произведения (студенты-психологи, 71 человек). Эксперты оценивали качество звучания (КЗ) аппаратуры по шкале КЗ и производили эмоциональную оценку программы (шкала базовых эмоций К.Изарда). Была выявлена положительная связь оценок по шкале КЗ с интенсивностью положительных эмоций и нестабильность оценок КЗ от прослушивания к прослушиванию.

Когнитивные оценки обладают тем недостатком, что они обусловлены эмоциональным состоянием экспертов (Ю.М.Забродин, В.Д.Балин, А.А.Меклер), поэтому надо либо «подравнивать» испытуемых по их эмоциональному состоянию, либо учитывать это состояние. Кроме того, когнитивные оценки подвержены искажениям при коммуникации, поскольку существуют так называемые семантические смещения (Г.С.Батыгин) названий оценочных шкал, которые при когнитивной оценке увеличивают разброс оценок. При «эмоциональной» же оценке названия шкал соответствуют названиям базовых эмоций, у которых семантические смещения весьма малы.

Пискарева И.Е.

ПСИХОДИГНОСТИКА ГОТОВНОСТИ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ литературных источников и реальной педагогической ситуации позволяет утверждать, что сегодня развитие инновационной деятельности учителя является одним из стратегических направлений в образовании. Решение этой задачи должно осуществляться прежде всего в вузе, поскольку любые формы и инновации в сфере образования могут быть реализованы только в том случае, если они внутренне будут приняты и поддержаны будущими учителями. Особое значение для совершенствования подготовки будущих учителей к инновационной деятельности имеет психодиагностика их готовности к этой деятельности.

Сложившиеся в практике вузовского образования методы оценки готовности студентов к педагогической деятельности ориентированы в

основном на выявление усвоения системы психолого-педагогических знаний (их полноты, глубины и т.д.). В последние годы в ряде педвузов обращают внимание и на оценку умения будущих учителей применять психолого-педагогические знания к решению педагогических задач, однако такая оценка сосредоточена на теоретической основе подготовки студентов. Под готовностью к инновационной деятельности мы понимаем особое личностное состояние, включающее в себя взаимосвязанные компоненты: мотивационный, когнитивный, процессуальный, креативный. В качестве теоретической основы оценки готовности к инновационной деятельности должны быть положены представления о структуре инновационной деятельности учителя: анализ и оценка новшества, формирование цели и концепции будущего действия, реализация этого плана и его коррекция, оценка эффективности. Особое значение для психодиагностики готовности к инновационной деятельности имеет анализ состава тех внутренних средств деятельности, которые используются при принятии решения. Оценка творческих возможностей, как предпосылок инновационной деятельности, является также важной задачей диагностики. Достоверная оценка готовности будущего учителя к инновационной деятельности возможна только на основе целостного подхода.

В связи с этим нами была разработана комплексная методика по исследованию состояния готовности студентов педагогического вуза к инновационной деятельности. Она дает возможность провести диагностику мотивационно-творческой направленности личности учителя; оценить творческие возможности, обеспечивающие успех инноваций деятельности; определить уровень знаний в области педагогической инноватики; проанализировать и оценить операциональный состав инновационных действий учителя. Методика разделена на десять частей с разными правилами заполнения. Некоторые используемые нами методы являются авторскими, другие представляют собой модифицированные и измененные варианты методик, взятых из разных источников.

В заключение отметим, что наша комплексная методика не претендует на универсальность и находится в стадии доработки и апробации.

Розум С.И.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ

При индивидуальной диагностике личности использование опросников или проективных методов не всегда оказывается уместным, поскольку при этом прерывается естественный процесс общения, а отно-

шения приобретают более формальный характер. Любая стандартная методика имеет жестко фиксированный набор исследуемых черт личности, возможно нерелевантных для данного конкретного случая. «В психологии в настоящее время существует более 15 тысяч психодиагностических методов, которые используются на практике. Однако даже если применить все эти методы к отдельному человеку, то вряд ли удастся получить в результате удовлетворительную информацию, позволяющую дать всестороннюю оценку его личности» (Г.Витцлак).

По сравнению с тестами, применение которых ограничено определенными типами ситуаций или типами личностей, интервью обладает высокой степенью гибкости, так что им можно пользоваться в любых обстоятельствах и в отношении любого человека. Оно гибко и в другом смысле: «интервью можно пользоваться для получения глобальной картины целостного индивида… С практической точки зрения оно является наилучшим методом исследования личности» (G.Shouksmith).

Интервью здесь понимается в первом значении этого слова, приводимом в Большом толковом словаре Вебстера, а именно как «взаимное рассматривание, осмотр; встреча лицом к лицу; разговор с глазу на глаз». Интервью – не просто опрос одним человеком другого, это – взаимодействие двух активных субъектов, в котором один из них – исследователь – обладает знаниями о закономерностях развития этого взаимодействия и навыками управления им.

В процессе такого управляемого взаимодействия испытуемый объективирует, экстериоризирует свои «сущностные силы», т.е. проецирует свои личностные особенности в ситуацию интервью. При диагностике личности в процессе интервью учитывается все: конституция, внешность, вербальные и невербальные реакции испытуемого.

Содержательно психодиагностическое интервью многоаспектно. Каждый из аспектов интервью позволяет раскрыть фундаментальные особенности личности и психической деятельности испытуемого. Наиболее важными содержательными характеристиками интервью являются: диалогичность; понимание как включенность в социальную реальность; конвенциональные и межличностные рамки отношений; поступок как единица социальной деятельности личности.

«Диалог – это динамический процесс выбора из множества возможностей в рамках сложных взаимосвязей межличностных значений» (В.В.Демьянков). Значение как содержательная характеристика сознания формируется в диалоге (Л.С.Выготский), в диалоговой форме сознание существует, в диалоге сознание проявляет себя. Существо диалогичности – в адресованности высказывания. Признак диалогичности – установка на ответную реакцию (И.И.Васильева). Следовательно, диало-

гичный характер высказываний – признак признания присутствия другого в его мире, наличия у него «социального интереса» (А.Адлер).

Степень понимания испытуемым смысла высказываний, действий и реакций исследователя является свидетельством степени его включенности в социальную реальность, его способности к «проверке реальностью». Особое значение имеет понимание высказываний и реакций, связанных с межличностными отношениями. С другой стороны, понимание и описание исследователем личности испытуемого является целью диагностики. При этом в психодиагностическом интервью в полной мере проявляется суть герменевтического круга: «понимание «окутывает» объяснение, которое его аналитически развивает» (В.И.Медведев).

Основной единицей анализа в диагностическом интервью является поступок. При этом поступок понимается как имеющая в своей основе мотив целенаправленная социальная активность личности, т.е. деятельность личности в социальной среде. Целью анализа поступка является поиск истинного мотива социальной активности, а также установление степени адекватности поступка лежащему в его основе мотиву. При анализе поступка в процессе интервью личность проецирует себя трижды: в описании поступка, в оценках поступка и в характере отношений с исследователем, возникающих при обсуждении поступка.

Романова Е.С., Решетина С.Ю.

САМОДИАГНОСТИКА В СИТУАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Если понимать карьеру как процесс постоянной адаптации человека к профессиональному окружению, состоящий из последовательности профессиональных ситуаций, то следует признать, что основная цель психологического сопровождения карьеры – помочь человеку адаптироваться в постоянно изменяющемся профессиональном мире. Результаты комплексного исследования, проведенного в 1997–99 гг. на факультете психологии Московского городского педагогического университета по созданию психологического портрета московского выпускника и психологического портрета абитуриента педагогического вуза, дают основание полагать, что основной причиной отсутствия психологической готовности молодых людей к профессиональной деятельности является неумение и нежелание анализировать собственную ситуацию. В итоге такой человек оказывается неспособным выработать свой собственный стиль преодоления кризисных ситуаций, которые неизбежно встречаются на его профессиональном пути. Такому положению способствуют

распространенные схемы консультирования, опирающиеся на широкое использование психодиагностических методик. Подобный подход ставит человека в зависимость от консультанта, не дает возможности самостоятельно и осознанно прогнозировать свое будущее.

Традиции психологии, заложенные в трудах Б.Г.Ананьева и Б.Ф.Ломова, показывают примеры целостного подхода к любой деятельности, в том числе и профессиональной, что проявляется в учете индивидуальности человека, активности личности, процессов самопознания. Такой подход ориентирован в первую очередь на исследование феномена взаимодействия личности и ситуации. Исходя из этих принципов, мы понимаем профессиональную компетентность не как набор знаний, умений и навыков, а как стремление человека эффективно решать собственные профессиональные задачи. В противном случае профессиональная ориентация сводится к простому балансу, к оценке актуального состояния человека. Отличие же ориентации от баланса в том, что в процессе ориентации предполагается построение самим субъектом проекта собственного будущего с опорой на опыт прошлого и знания о самом себе. Проект будущего, конкретизирующий цели и средства их достижения, является основным инструментом поддержания мотивации у молодого человека к профессиональной деятельности. Наиболее адекватным методом при таком подходе к анализу профессиональных ситуаций оказывается метод самодиагностики. Только при наличии психологических критериев описания профессий человек способен оценить свою возможность адаптироваться, достичь эффективности и быть удовлетворенным своей будущей профессией.

На факультете психологии МГПУ проводится работа по психологическому анализу и описанию наиболее популярных среди молодежи профессий. Эти же психологические критерии одновременно выступают и критериями самодиагностики. Самодиагностика касается целостного представления человека о собственной профессиональной ситуации, в единстве его когнитивных и аффективных сторон, поскольку опыт эмоционального отношения к различным компонентам профессиональных ситуаций переносится с одних ситуаций на другие и составляет почву для формирования психологических защит, с одной стороны, и стилей совладания, с другой. На факультете психологии ведется работа по разработке и реализации процедур самодиагностики в ситуации профессиональной ориентации. При таком подходе психолог-консультант выступает не в роли оценивающего эксперта, а в роли методолога, организующего и направляющего процедуру самодиагностики в зависимости от индивидуальных особенностей человека.

Соловьева Е.А., Тутушкина М.К.

ПСИХОСЕМИОТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Знак и информация – центральные понятия западной философской и естественнонаучной мысли в XX веке. Тем не менее термин «психосемиотика» был впервые использован Б.Г.Ананьевым в 1965 году для обозначения новой науки о закономерностях создания и использования знаков и знаковых систем как средств познания и коммуникации. В англоязычных словарях подобный термин появляется значительно позднее (A.Sebeok), при этом И.Энгелькамп определяет психосемиотику как науку о вербальных и невербальных языках межличностного общения, а Г.Кронкайт – как исследование когнитивной обработки знаков.

Таким образом, приоритет в использовании семиотических принципов для целей психологического исследования принадлежит отечественной науке, более того, лаборатории инженерной психологии ЛГУ под руководством Б.Ф.Ломова, сотрудниками которой М.К.Тутушкиной, Т.П.Зинченко, В.Е.Бушуровой изучались психологические механизмы кодирования и восприятия информации на экранах видеотерминалов, процессы знаковой индикации и дешифровки.

Расширение проблемного поля психологии инициировало эволюцию методов экспериментального исследования. На смену лабораторному эксперименту пришли методы моделирования деятельности и, наконец, изучение поведения человека в реальной среде и в режимах реального времени. К представлениям о физической и социальной среде добавляются представления о среде знаковой. Концепция К.Г.Юнга об архетипах и роли символов в жизни человека используется не только в психотерапии, но в других областях психологии.

Современная психосемиотика изучает механизмы взаимосвязи чувственных элементов образа как регулятора поведения человека со знаковыми образованиями различного уровня сложности. Образ становится регулятором деятельности тогда, когда его чувственная ткань соединяется со значением: рациональным или символическим его содержанием. Иначе поведение человека полностью управлялось бы окружающей средой. Расшифровка отношений «знак–понятие–объект» возможна только в результате активной психической жизни человека. Одно и то же явление может предстать в психическом отражении и как объект, и как понятие, и как знак. Специфичность отражения будет определятся тем, какой гранью индивидуальности встретит человек это явление и каков личностный смысл ситуации, в которой эта встреча произошла.

Наши исследования восприятия знаков на экранах дисплеев

(М.К.Тутушкина), влияния цвета на психомоторные функции человека (Е.А.Соловьева), особенностей реагирования студентов на архитектуру учебной среды (А.Ю.Мирошниченко, Е.А.Соловьева) показали, что характер индивидуального реагирования выступает в качестве репрезентанта уровня семиотической организации отражаемого явления.

Психосемиотика является комплексной наукой не только по широте использования теоретических концепций (семиотика, когнитивная психология, психология личности и др.), но и по областям применения: от компьютерного дизайна до средовой психологии. Наиболее актуальными направлениями в психосемиотике являются определение критериев различения лингвистических и нелингвистических конструктов, реабилитация и научное определение понятия «символ», изучение индивидуальности человека с учетом его реагирования на символы.

Туранова О.Р.

О ЗНАЧЕНИИ АНКЕТИРОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Обучение в Классической гимназии имеет свои особенности. Дети поступают в 5 класс по конкурсу, сдав вступительный тест. Образовательная программа включает два древних языка – латинский и древнегреческий, два новых – английский и немецкий, углубленные курсы математики, истории, словесности. Другой отличительной чертой гимназии является то, что большое число учителей, особенно это касается преподавателей древних языков, не имеют опыта работы со школьниками, так как являются преподавателями высшей школы.

С целью повышения эффективности учебного процесса службой сопровождения гимназии разработана методика опроса учащихся, которая направлена на выявление обратной связи «ученик–учитель». Методика предполагает комплексное изучение мнения учащихся по проблемам школьной жизни в лонгитюде. Анонимный опрос учащихся проводится ежегодно во второй половине учебного года во всех классах гимназии.

Методика предполагает определение рейтинга предметов, цель которого в обобщенном виде выявить отношение к изучаемым предметам; определение рейтинга преподавателей, фиксирующего отношение учащихся к ним; оценку учащимися времени, необходимого для выполнения домашнего задания на каждый из изучаемых предметов; анализ ответов на вопросы, выявляющие отношение гимназистов к школьным проблемам: «Удовлетворены ли Вы своими успехами в учебе?», «Что Вам мешает учиться успешнее?», «Как Вы оцениваете обстановку в

классе?», «Находите ли Вы понимание у учителей?», «Хотите ли Вы перейти в другую школу?». Вопросы предлагаются с вариантами ответов. При проведении рейтингов оценивание производится по пятибалльной шкале от –2 до +2. Выбор шкалы определен таким образом, чтобы не возникало аналогии совпадения со школьной оценкой.

Результаты рейтинга предметов и оценка времени выполнения домашнего задания позволяют скорректировать программы по тому или иному предмету, внести изменения в учебный план. Результаты рейтинга преподавателей помогают им в анализе их деятельности. Обобщенные данные анализа ответов на вопросы анкеты имеют положительное значение для работы классных руководителей с их воспитанниками и дают дополнительную информацию психологу для проведения дальнейшей диагностической и коррекционной работы.

Таким образом, использование данной методики позволяет установить обратную связь «ученик–учитель», что способствует в условиях гимназии снижению уровня дезадаптации учащихся, тем самым повышая эффективность образовательного процесса.

Филимоненко Ю.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Выразительные движения (жесты, мимика, телесные позы) представляются собой важную часть выразительных средств человека и способны дать психологу-эксперту ценную дополнительную информацию о личностных качествах и психологическом состоянии пациента, клиента.

Тщательный и непредвзятый анализ показывает, что объем выразительных средств, находящихся под надежным контролем сознательной части «Я», весьма ограничен даже в спокойных для испытуемого условиях. В ситуации же стресса человеком перестает не только управляться, но даже и замечаться большинство его выразительных средств.

Именно стрессовая ситуация наиболее интересна в психодиагностическом плане. С некоторой долей условности можно говорить о двух каналах выразительной информации – сознательном и подсознательном. Поскольку подсознание относительно свободно от требований реальности и «сверх–Я», то генерируемая им выразительная информация более откровенно и точно передает стремления и переживания человека в конкретной ситуации. В случае, когда человек реагирует на ситуацию целостно, однозначно, без «задних мыслей», информация обоих каналов будет содержательно совпадать или органично взаимодополняться. Если

же человек старается искусственно создать некую выразительную картину, то возникает доступная наблюдению несогласованность сознательного и подсознательного каналов. Эта несогласованность обеспечивает возможность целостной личности выразить свое истинное отношение к проблеме вне контроля сознательной ее части, а иногда и вопреки ей. Высказывая некоторое утверждение и отрицательно двигая при этом головой, человек подсознательно обнаруживает свое несогласие с тем, что ему приходится заявлять на словах.

Значимость и неоднозначность выразительных движений мы продемонстрируем на примере стандартного сопровождения движением головы слов «да» и «нет». В качестве материала обратимся к интервью, которое дал Е.Примаков телепрограмме «Итоги» 13.09.98 г. В процессе речеговорения голова Е.Примакова активного двигательного участия не принимает: лицо медленно поворачивается вправо-влево только для зрительного контакта с аудиторией. Когда речь идет о решительном утверждении чего-либо или категорическом отрицании, появляются не сильные, но все же легко различимые сопровождающие движения головой, дополнительно демонстрирующие его согласие или не согласие. Эти движения настолько слабы, что сам Е.Примаков скорее всего их не осознает. Однако в нескольких местах интервью обнаруживается неожиданное рассогласование между содержанием слов и смыслом кивков. В частности, это в наибольшей степени заметно, когда он говорит о профессиональной и человеческой пригодности людей из своей команды к работе в правительстве. Наиболее характерна здесь фраза: «*В правительстве будет работать сплоченная команда* (слабые кивки «нет»)... *профессионалы* (отчетливые кивки «нет»)... *Маслюков тоже высокий профессионал* (резкие кивки «нет»).

Последующие наблюдения за соответствием речи и выразительными движениями головы показали, что за речедвигательной несогласованностью может скрываться и несколько иной психологический подтекст.

Во-первых, обнаружились ситуации, когда кивки «нет» скорее касаются не собственной речи выступающего, а тех возражений или обвинений, которые он ожидает услышать от оппонента по общению. Тем самым, говорящий как бы психологически расщепляется: одна его часть формулирует некие утверждающие высказывания, а другая часть – борется с фантомами, отвергает еще не высказанные оппонентом мысли.

Во-вторых, стало очевидным, что некоторые люди устойчиво и вне связи с контекстом общения «предпочитают» выразительные движения головой типа «нет». В целом для таких людей характерно общее негативное отношение к ситуации публичного общения, склонность видеть в происходящем преимущественно трудности и неприятности.

Описанные нами три варианта интерпретации речедвигательной несогласованности достаточно различны в плане выработки экспертного заключения по конкретному испытуемому. Однако во всех трех есть и общий смысл – человек, демонстрирующий речедвигательную несогласованность, это человек скорее всего слабый, не способный в силу своей психологической расщепленности действовать решительно и напористо, опасающийся соревновательности и открытого противоборства.

Речедвигательная несогласованность отчетливо наблюдается и на примере жестикуляции рук. Ситуативная расщепленность личности выражается в «автономной жизни рук»: вне содержания произносимых фраз, не согласуясь с интонационными и содержательными моментами руки в автотемпе перемещаются по крышке стола, трогают ручку, очки или листки бумаги, почесывают затылок или нос и т.д.

Таким образом, выразительные движения человека являются ценным материалом для психологического анализа и должны стать объектом пристального внимания со стороны психолога-эксперта.

Цыдзик Л.К.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ СТЕПЕНИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

И.Ялом, а вслед за ним и другие экзистенциальные психологи, выделяют четыре фундаментальные проблемы человеческого существования (экзистенциальные проблемы). Это проблемы (1) смысла и бессмысленности, (2) свободы и ответственности, (3) изоляции и слитности, (4) жизни и смерти. Их общей характеристикой является то, что они входят в жизнь каждого человека с момента его рождения и остаются с ним до самой смерти. Они неразделимы с человеческим существованием, одновременно предоставляют возможности для развития и таят в себе опасность. Согласно парадигме экзистенциальной психологии, вся жизнь человека есть процесс поиска ответов на экзистенциальные вопросы, сознает он это или нет. Причем никакой из ответов не может быть окончательным – вопрос уходит и затем возвращается вновь, становясь более явным. Иногда моменты таких проявлений связаны с определенными периодами жизни человека. Например, установлено, что конфронтация с темой смерти происходит в среднем детстве, затем в подростковом периоде, в среднем возрасте и в старости. Назовем подобные промежутки времени периодами актуализации экзистенциальных проблем.

Несмотря на разработанную теоретическую базу и большие возможности практического применения, экзистенциальный подход испытыва-

ет недостаток эмпирических исследований. До настоящего времени диагностический инструментарий экзистенциальной психологии ограничивался Тестом жизненной цели (PIL) с его отечественной версией – методикой смысложизненных ориентаций, и шкалой тревоги смерти, не имеющей русскоязычного аналога. Однако эти инструменты позволяют исследовать лишь два из четырех основных аспектов ситуации существования. Предлагаемая методика позволяет провести диагностику каждого из экзистенциальных аспектов переживаний человека. Она может применяться для диагностических и для исследовательских целей.

Данная методика предназначена для измерения степени актуализации экзистенциальных проблем (АЭП). Проведено предварительное валидизирование методики и пилотажное исследование с ее использованием, подтвердившее возможность ее применения с указанной целью. Методика «АЭП» представляет собой список из 16 признаков проявлений актуализации экзистенциальных проблем человека.

Методика имеет шкалу оценки частоты перечисленных проявлений и следующую инструкцию: «Оцените, пожалуйста, по предложенной шкале, насколько часто в последнее время Вас беспокоят явления, приведенные ниже»: (1) отсутствие интереса к чему бы то ни было; (2). ощущение, что обстоятельства сильнее Вас; (3). сны, содержащие сцены преследования или смерти; (4). чувство покинутости, брошенности; (5). отсутствие целей в жизни; (6). неспособность принимать решения; (7). страх заболеть неизлечимой болезнью; (8). дискомфорт, когда Вы в одиночестве; (9). ощущение бессмысленности происходящего; (10). чувство, что Вас сдерживают или ограничивают; (11). неприятные мысли о старости; (12). страх разрыва близких отношений; (13). ощущение пустоты, когда вы ничем не заняты; (14). ощущение, что от Вас ничего не зависит; (15). мысли о смерти; (16). ощущение, что весь мир против Вас.

В пилотажном исследовании принимали участие две группы респондентов, каждая по 20 человек. В первую вошли педагоги коррекционных школ с различным стажем работы (преимущественно женщины), вторая – контрольная – была смешанного полового и профессионального состава. Возрастные характеристики групп близки.

Между группами были обнаружены значимые различия степени актуализации экзистенциальных проблем. Эти результаты позволяют предположить, что у людей, находящихся в разных жизненных (профессиональных) ситуациях, рознятся и экзистенциальные ситуации.

Представленная методика оказалась годной к применению, однако работу по ее апробации нельзя считать завершенной. В перспективе были бы интересны дальнейшие исследования на различных выборках с вариациями полового, возрастного, социального, профессионального

состава. Клинические исследования позволили бы прояснить роль экзистенциальных факторов в патогенезе различных расстройств.

Шингаев С.М.

ПСИХОДИАГНОСТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ПРОФЕССИОНАЛОВ

В настоящее время большое значение приобретают исследования деятельности человека в таких экстремальных условиях, как при дефиците времени и информации, повышенной физической нагрузке и др. Нами предпринята попытка применения ряда психологических методик для психодиагностики изменений состояний человека в нестандартных условиях. Мы исходили из того, что необходимо соединение методов и методик, разработанных в рамках как общей психологии при исследовании отдельных психических процессов, так и инженерной психологии, способных моделировать и оценивать работоспособность, а также методик личностных, позволяющих оценивать субъект деятельности в целом. Испытуемыми были юноши (348 человек) в возрасте от 17 до 23 лет, слушатели высшего военно-учебного заведения.

Все многообразие волевых качеств, необходимых слушателю специального вуза, можно условно разделить на три группы, выражающие:

1. способность постоянно ставить перед собой жизненно значимые цели и подчинять им свою деятельность (целеустремленность).
2. способность искать пути достижения поставленной цели, выполнения принятого решения (настойчивость, инициативность, решительность, самостоятельность, ответственность, исполнительность).
3. способность подчинить свое поведение объективной необходимости (стойкость, смелость, дисциплинированность, мужество).

Нами осуществлена модификация опросника Н.Б.Стамбуловой за счет изъятия из текста «прозрачных» вопросов, отмикширования вопросов различных шкал и добавления фоновых вопросов.

В исследовании нами установлена положительная корреляция ($p<0,01$) предлагаемой методики с экспертной оценкой, оригинальным вариантом опросника, а также тесная внутритестовая корреляция всех пяти шкал. Выявлена взаимосвязь показателей самообладания, настойчивости и самостоятельности, измеряемым по МОС со шкалой нейротизма по Айзенку, а также отрицательная корреляционная связь ($p<0,01$) со шкалой экстернального-интернального контроля по Роттеру.

Проведение профессионально ориентированной тренинговой программы, направленной на коррекцию особенностей волевых качеств слушателей вуза, включало в себя следующие блоки:

1. Групповой тренинг (16–18 часов), направленный на осознание участниками своих сильных сторон и ограничений, анализ причин разрыва между желаемым и достигнутым, формирование умений и навыков уверенного поведения. Мы добивались понимания участниками тренинга того, что такое воля, ее механизмов, и стремились к обсуждению всей совокупности идей, относящихся к понятию воли, а также проводили психодиагностическое обследование с последующим индивидуальным консультированием. Существенное значение имела постановка ближайших и стратегических целей, относящихся к развитию воли.

2. Обучение методам психической саморегуляции (аутогенной тренировке, систематической десенсибилизации и др.).

3. Индивидуальный тренинг (3 месяца), закрепляющий опыт волевого поведения и перенесения результатов группового тренинга в условия реальной жизни. На этом этапе существенной значение приобретала организация со стороны офицеров поступков слушателей, предполагающих преодоление внешних и внутренних препятствий. Количество встреч с тренером, их содержание и периодичность определялись в зависимости от особенностей каждого из слушателей.

4. Завершающий групповой тренинг (6 часов), направленный на обмен положительным опытом преодоления трудностей участниками и закрепление уверенности в своих возможностях.

СПИСОК АВТОРОВ ТЕЗИСОВ

Абрамов А.М.	Психолог школы, Набережные Челны
Августова Л.И.	доцент ф-та психологии СПбГУ
Авидон И.Ю.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Акулина Н.Н.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Алейникова С.Г.	М.н.с. НИИКСИ СПбГУ
Алексанян З.А.	Сотр. Ин-та мозга человека РАН, СПб.
Алексеева Е.Е.	Преп. РГПУ им. Герцена
Амосенко О.В.	Асс. ф-та психологии СПбГУ
Англинов К.А.	Сотр. ВМИРЭ
Андреев В.В.	Ст.преп. СПбГАФК им. Лесгафта
Андреева Т.В.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Анисимова О.М.	С.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Анисимова Т.В.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Арбузова Е.Н.	Сотр. Университета МВД России
Артеменко О.А.	Студ. ф-та психологии СПбГУ
Архипова М.В.	Психолог-консультант ППЦ «Участие», СПб.
Бабурин С.В.	Нач. Следств. изолятора, СПб
Баканова А.А.	Психолог следств. изолятора, СПб.
Балин В.Д.	Преп. ф-та психологии СПбГУ
Бандурка И.В	Ст.преп. Украинской юридической академии
Баранник О.С.	Выпускница ф-та психологии СПбГУ
Баранов А.А.	Доц. Удмуртского гос. университета
Бардиер Г.Л.	Сотр. Невского ин-та языка и культуры
Барри У.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Белов В.Г.	1 ЦНИИ МО РФ, в/ч 20864, СПб.
Белова А.Б.	Студ. ф-та психологии СПбГУ
Бергфельд А.Ю.	Асп. Пермского гос. университета
Березовская Р.А.	Асс. ф-та психологии СПбГУ
Близнюк Н.Э.	
Блинов Ю.И.	Преп. Харьковского строительного техникума
Блохин Н.В.	Зам.директора проф. лицея, Кострома
Бобошкин Ю.В.	Сотр. Детского дома «Благодать», СПб.
Богоявленская Д.Б.	Проф. ИП РАО
Богоявленская М.Е.	ИП РАО
Бочарова С.П.	Зав.каф. Украинской инженерно-педагогической академии, Харьков
Бояринцева Т.А	
Бубнова А.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ

Бурыкин Д.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Васильев В.К.	Зав. лаб. политической психологии СПбГУ
Васильев В.Л.	Зав.каф. СПб юридического ин-та Ген. Прокуратуры РФ
Васильева Н.В.	Доц. РГПУ им. Герцена
Васильков А.М.	1 ЦНИИ МО РФ, в/ч 20864, СПб.-Москва
Василькова А.П.	СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова
Вахин А.А.	Психолог-консультант, внешт. сотр. ИП РАН
Ведерникова Е.А.	Менеджер юр. фирмы «Петербург»
Верещагина Л.А.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Веселова Е.К.	Доц. СПб гос. медицинской академии
Викентьева Е.Н.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Виноградова Г.А.	
Винокуров Л.В.	Доц. СПб гос. университета путей сообщения
Водлозеров В.М.	С.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Всеволодова Ю.В.	Доц. СПбГАФК им. Лесгафта
Гавлина И.И.	Выпускница ф-та психологии СПбГУ
Гайджари С.Г.	Соискатель, Тюмень
Гарскова Г.Г.	Ст. Преп. ИПК нач. проф. образования, СПб.
Гафурова З.Ф.	Науч.сотр. Всероссийского центра глазной и пластической хирургии, Уфа
Гейжан Н.Ф.	Проф. Университета МВД РФ
Говоров Н.С.	Руков. Центра «Адаптация и развитие человека», СПб.
Головей Л.А.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Голубева В.В.	Выпускница СПб гос. академии культуры
Горбунов И.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Горскова В.В.	Сотр. СПб юридического ин-та Ген. Прокуратуры
Гранская Ю.В.	Асс. ф-та психологии СПбГУ
Грищенко Н.А.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Грищенко П.А.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Губин В.А.	1 ЦНИИ МО РФ, в/ч 20864, СПб.
Гулина М.А.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Гурнова Е.Е.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Гусева А.Ю.	Асп. РГПУ им. Герцена
Дандарова Ж.К.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Данфельд А.Ф.	Психотерапевт муницип. предприятия, СПб.
Дашков И.М.	С.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Дворник А.В.	Сотр. Лаб. пол. психологии СПбГУ

Дворщенко В.П.	Психолог психиатрической больницы, СПб.
Дейнека О.С.	Докторант ф-та психологии СПбГУ
Демченко О.А.	Психолог школы-интерната, Харьков
Дерманова И.Б.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Дмитриев В.А.	Вед.н.с. Российского этнографического музея
Довгуша А.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Дорожкин Ю.П.	Онтопсихолог, аналитик, СПб.
Доценко Е.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Доценко Е.Л.	Тюмень
Дъяконова Т.И.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Евграфов В.Г..	Проф. ВМИРЭ, СПб.
Елохина Т.П.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Еремеев Б.А.	Доц. РГПУ им. Герцена
Еремина Н.В.	Студ. Ф-та психологии СПбГУ
Ермолаева В.Ю.	Вед.н.с. Института физиологии РАН, СПб.
Ершова С.К.	Асс. СПб Медицинского гос. университета им. Павлова
Жданова С.Ю.	Доц. Пермского гос. университета
Желателев Д.В.	
Жиров В.М.	
Завалишина Д.Н.	Проф. ИП РАН
Зайнуллина М.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Зайцева В.Б.	Педагог-психолог Отд. физкультуры, СПб.
Зараковский Г.М.	Проф.Межвойскового центра профотбора
Засекина Л.В.	Асп. Волынского гос. университета, Луцк
Засорина Л.Н.	Вед.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Захарьева И.А.	Психолог НМЦ, преп. университета МВД РФ
Защиринская О.В.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Землянская Е.В.	Проф. Харьковского университета ВД
Зинченко Т.П.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Зобнина Л.Я.	Доц. СПб гос. горного ин-та
Зубкова Ю.Ю.	Студ. Ф-та психологии СПбГУ
Иванов Е.С.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Иванов С.С.	1 ЦНИИ МО РФ, в/ч 20864, СПб.-Москва
Иванова М.Г.	Асп. Ф-та психологии СПбГУ
Иванова С.П.	Преп. Финансово-экономического колледжа, СПб.
Ильин Е.П.	Проф. РГПУ им. Герцена
Ильина М.Н.	Доц. Ф-та психологии СПбГУ
Ирецкая Л.Б.	Пед. Дет. школы искусств, СПб.

Ирецкий А.Н.	Психолог детского дома ПУ-35
Исаева С.А.	Педагог-психолог ППМС-центра
Каганер А.Г.	Преп. ф-та психологии СПбГУ
Казанская В.Г.	Проф.ЛГОУ
Калмыкова И.А.	Психолог Харьковской школы-интерната
Караваев Б.С.	Асп. Ф-та социологии СПбГУ
Келли А.Джеф.	
Килошенко М.И.	Доц. СПб ун-та технологии и дизайна
Киреева Н.Н.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Кирюхина Е.В.	
Кисель С.Г.	Доц. Украинской инженерно-педагогической ададемии, Харьков
Клиорина Е.М.	Переводчик издательства «Ювента»
Ковалев Ю.Т.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Коголовская А.С.	Ивановский гос. университет
Козловская Л.И.	Асс. каф. сексологии СПб МАПО
Колеченко А.К.	Зав.каф.СПб ун-та педагогического мастерства
Коновалова Н.Л.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Константинов С.А.	1 ЦНИИ МО РФ, в/ч 20864, СПб.
Королев Д.К.	Асп. Киевского университета
Коростылева Л.А.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Короткина Т.И.	Ст.преп.СПб гуманитарного ун-та профсоюзов
Коротков А.Д	Сотр. Ин-та мозга человека РАН, СПб.
Кравченко О.В.	Менеджер СПЦ, СПб
Красавина Т.В.	Асп. ЛГОУ
Круглова М.А.	Сотр. Кыргызско-Российского (Славянского) университета, Бишкек
Крылов А.А.	Декан, проф. ф-та психологии СПбГУ
Кудрявцева Е.И.	Ст.преп. СЗАГС
Кудрявцева Е.Ю.	Асп. ф-та социологии СПбГУ
Кузнецова О.В.	Психолог ППМС-центра, СПб.
Кузьменкова Л.В.	Студ. спец. психологического ф-та СПбГУ
Кулешова Л.Н.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Куликов Л.В.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Куницына В.Н.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Купрейченко А.Б.	Психолог, внешт. сотр. ИП РАН
Курбатова Т.Н.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Курганский Н.А.	С.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Кустова Н.О.	Менеджер НПО «Рубин», СПб

Кутейников А.Н.	Сотр. технологического ин-та сервиса, СПб.
Кухарь В.А.	
Лабковская Е.Б.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Ланцова Е.Б.	Сотр. НМЦ Комитета по образованию Кировского р-на, СПб.
Левин С.Ф.	Ст. психолог учреждения ИЗ-45/4 СПб
Левченко Е.В.	Зав.каф. Пермского гос. университета
Лиознова Е.В.	Доц. РГПУ им. Герцена
Липчинская Е.Н.	Докторант ф-та психологии СПбГУ
Лисовская Н.Б.	Гл.специалист-психолог департамента Федеральной гос. службы занятости по СПб
Литовчик Е.О.	Студ. Академии связи, СПб.
Лопатко В.К.	Студ. ф-та психологии СПбГУ
Луукконен Е.В.	Сотр. СПбГУ
Лущихина И.М.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Ляликов А.П.	Зав.каф. Химико-фармацевтической академии, СПб.
Ляхович Н.В.	Педагог-психолог НМЦ, СПб.
Малышев К.Б.	Доц. Вологодского технического университета
Малюкова Ф.Р.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Мамайчук И.И.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Маматова М.А.	Преп. Кыргызско-Российского (Славянского) университета, Бишкек
Марищук В.Л.	Проф. Военного ин-та физкультуры
Марищук Л.В.	Доц. Национального ин-та образования респ. Беларусь
Мартынова А.В.	Руководитель ППМС-центра, СПб.
Матвеев В.В.	Выпускник СПбГУ
Матюхина О.И.	Сотр. ин-та молодежи, Москва
Меденков А.А.	НИИИ военной медицины МО РФ, Москва
Меклер А.А.	Инженер СПбГУТ им. Бонч-Бруевича
Меньщикова А.Л.	Доц. Медицинской академии последипломного образования
Миланич Ю.М.	Преп. Международного университета семьи и ребенка им. Валленберга
Мироненко И.А.	Доц. СПбГУП
Миронова Т.И.	Соиск. Костромского гос. университета
Мирошниченко М.А.	Магистрантка ф-та психологии СПбГУ
Михеев Ю.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Молодова Е.А.	Педагог-психолог НМЦ, СПб.

Молотков И.В.	Студ. РГПУ им. Герцена
Мордынский С.А.	Выпускник СПбГУК
Мороз О.М	Доц. ЛГОУ
Москвичева Н.Л.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Мусакина А.П.	Психолог дизайнерской фирмы, СПб.
Нгуен Ки Тыонг	Асп. РГПУ им. Герцена
Недбальская Е.А.	
Никандров В.В.	С.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Никифорова Л.Ю.	Студ. ф-та психологии СПбГУ
Николаев А.Н.	Доц. СПбГАФК им. Лесгафта
Никольская Н.Л.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Новик И.А.	Асп. ЛГОУ
Новоселов В.Н.	Ст.преп. СПб университета пед.мастерства
Новочадов В.В.	Сотр. Ин-та биологии и психологии человека, СПб.
Овчинникова Н.А.	Педагог-психолог НМЦ, СПб.
Огинец Л.В.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Одерышева Е.Б.	Ст.преп. СПб гос. академии им. Мечникова
Олехнович М.О.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Орлова В.В.	Рук. ППМС-центра СПб.
Павлова И.А.	Сотр. Психоневрологической б-цы №7, СПб.
Падерно П.И.	Проф. СПбЭТИ
Палей И.М.	Доц. РГПУ им. Герцена
Патралова В.Б.	Психолог Ассоциации «Анима»
Первицкая А.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Первова И.Л.	Докторант СПбГУ
Петанова Е.И.	Доц. ЛГОУ
Петрова Т.В.	Выпускница ф-та психологии СПбГУ
Петюшкин А.В.	Ст. менеджер по рекламе
Пинчук Н.В.	Соискатель ЛГОУ
Пискарев Д.П.	Консультант аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам, асп.
Пискарева И.Е.	Школьный психолог, Москва, асп. Костромского гос. университета
Пластунова Л.Г.	Соиск. ф-та психологии СПбГУ
Плохих В.В.	Преп.Украинской инженерно-педагогической академии, Харьков
Пономаренко В.А.	Гл.н.с. НИИ центра авиакосмической медицины и военной экономики, Москва
Попов А.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Портная Н.Л.	Асп. ф-та психологии СПбГУ

Посохова С.Т.	Доц. РГПУ им. Герцена
Присняков В.Ф.	Проф., Днепропетровск
Приснякова Л.М.	Доц., Днепропетровск
Прохоров А.О.	Зав.каф.Казанского педаг. университета
Реан А.А.	Зав.каф. ф-та психологии СПбГУ
Редькина М.В.	Преп. ин-та машиностроения, СПб.
Репин Д.Н.	Сотр. ВМИРЭ, СПб
Решетина С.Ю.	Доц. МГПУ
Родионова А.В.	Уч.секретарь СПб. Ассоциации социологов
Розум Е.В.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Розум С.И.	Сотр. ф-та психологии СПбГУ
Романова Е.С.	Декан ф-та психологии МГПУ
Рудкевич Л.А.	Доц. РГПУ им. Герцена
Рукавцова О.М.	Доц. СПб медицинского гос. университета им. Павлова
Рыбалко Е.Ф.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Савенышева С.С.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Савченко Л.З	Логопед ППМС-центра, СПб.
Санникова М.Ю.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Сапельникова Т.С.	Сотр. Украинской инженерно-педагогической академии, Харьков
Сатикова С.В.	Ст.преп.СПб. гос. ин-та психологии и социальной работы
Сафонов В.К.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Сафонова М.В.	Ст.преп.Красноярского педаг. университета
Сафонова П.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Свенцицкая Ю.А.	Сотр. НИИКСИ СПбГУ
Свиридова Е.В.	Педагог-психолог, соискатель ЛГОУ
Семенова З.Ф.	Доц. РГПУ им. Герцена
Сережкина А.Е.	Доц. Казанского гос. технологического университета
Серов Н.В.	Вед.н.с. СПб. общественного фонда поддержки библиотек
Сиверс О.Е.	Доц. Харьковского гос. технического университета сельского хозяйства
Сидоренко Е.В.	Докторант ф-та психологии СПбГУ
Славская В.М.	Асп. Костромского гос. университета
Слободенюк Л.	Преп. Херсонского Педаг. ин-та
Смирнов Б.Н.	Доц. СпбГАФК им. Лесгафта
Смирнова Н.П.	Асп. гос. университета гуманитарных наук, Москва

Смолова Л.В.	Асп. РГПУ им. Герцена
Снетков В.М.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Соловьева Е.А.	Доц. Архитектурно-строительного университета
Соловьева Е.Ю.	Ст.лаб. СПб гос. медицинского университета им. Павлова
Соловьева С.Л.	Проф. СПб гос. медицинского ун-та им. Павлова
Сонина Э.К.	М.н.с. ф-та психологии СПбГУ
Сорина С.Л.	Педагог-психолог центра «Семья», Тольятти
Староборова Н.В.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Стихина Н.Я.	Сотр. Ин-та мозга человека РАН, СПб.
Сторчак Н.В.	Предс. организации «Мама плюс»
Суслов В.И.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Суходольский Г.В.	Проф. ф-та психологии СПбГУ
Сырникова Н.А.	Доц. Новгородского гос. университета
Тарасов С.В.	Директор ППМС-центра «Развитие», СПб.
Тарасов С.Г.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Тетеркина Г.Ю.	Психолог Челябинского колледжа культуры
Тимофеев Ю.Т.	Зав.лаб. ф-та психологии СПбГУ
Трубина В.В.	Выпускница ф-та психологии СПбГУ
Туранова О.Р.	Педагог-психолог Классической Гимназии
Тутушкина М.К.	Проф. Архитектурно-строительного университета, СПб.
Усачев Л.В.	Ст.преп. ф-та психологии СПбГУ
Усачева О.А.	Студ. ф-та психологии СПбГУ
Утемишева Г.А.	Психиатр-психотерапевт СПб медицинского гос. университета им. Павлова
Федорова Л.К.	Науч. сотр. ф-та психологии СПбГУ
Фетискин Н.П.	Зав.каф. Костромского гос. университета
Филимоненко Т.Ю.	Сотр. лаб. полит. психологии СПбГУ
Филимоненко Ю.И.	Вед.науч.сотр. ф-та психологии СПбГУ
Фрумкин А.А.	
Хамков В.И.	Зам.нач. Казанского ф-ла военного артиллерийского университета
Хан Г.Н.	Психолог реабилитационного центра, СПб.
Харитонов М.В.	Ст.преп. Высших курсов практич.психологии, СПб.
Христофоров С.Н.	Сотр. СПб гос. медицинского университета им. Павлова
Худяков М.М.	

Цветкова М.А.	Выпуск. Восточно-Европейского Ин-та Психоанализа
Церкасевич Л.В.	Доц. Балтийского технического университета
Цуциева Ж.Г.	Директор спец.школы-интерната, Владикавказ
Цыдзик Л.А.	
Чежина Я.В.	Асп. РГПУ им. Герцена
Чупахина Ю.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Шаболтас А.В.	Доц. ф-та психологии СПбГУ
Шалимова Г.А.	Ст.преп. ИПК учителей, Тула
Шарипов А.Р.	С.н.с. Всеросс.центра глазной и пластической хирургии, Уфа
Шингаев С.М.	Преп. Военного университета противовоздушной обороны, СПб.
Шингаева И.В.	Педагог-психолог ДОУ Выборгского р-на СПб
Ширяева Т.А.	Педагог-психолог школы-гимназии, СПб.
Шмелева И.А.	Доц. СПб гуманитарного университета профсоюзов
Шумова И.П.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Юрова Л.С.	Ст.преп. Волынского гос. университета
Яковлева В.А.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Янкина Е.И.	Асп. ф-та психологии СПбГУ
Ярмоленко А.В.	Начальник НИИ ППСл ВВМУЗ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Очерки становления инженерной психологии

Крылов А.А.	Инженерная психология в становлении современной отечественной психологии	4
Суходольский Г.В.	К 40-летию кафедры инженерной психологии	5
Евграфов В.Г., Падерно П.И.	Становление и развитие описания и оценки алгоритмов деятельности	9
Лущихина И.М.	Инженерно-психологические аспекты речевых коммуникаций операторов	11
Пономаренко В.А.	Научный вклад Б.Ф.Ломова в авиакосмическую психологию	12

Глава 2. Теоретические проблемы психологии

Абрамов А.М.	Изучение ценностных ориентаций в социальной психологии	15
Амосенко О.В., Грищенко П.А.	Опыт энергоинформационного анализа типологии поведения	16
Анисимова О.М.	Взаимосвязь адекватности самосознания и эффективности поведения	17
Березовская Р.А.	Планирование карьеры как психологическая проблема	18
Бурыкин Д.В.	Поведение и казуальная информация	20
Васильев В.К.	Новый подход к анализу феномена лидерства	21
Васильева Н.В.	Пять видов чувств –миф или реальность	23
Гарскова Г.Г.	Введение понятия «Эмоциональный интеллект» в психологическую теорию	25
Говоров Н.С.	О совпадении невоплощенных идей Б.Г.Ананьева и И.П.Павлова	26
Головей Л.А., Барри У.	Типы социальной активности личности	28
Гулина М.А., Чупахина Ю.А.	Иррациональные убеждения как семейная система	30
Гусева А.Ю.	Проблема потребности в игре	31
Дашков И.М., Курганский Н.А.	Уровень интеллекта и его структура	33

Желателев Д.В., Реан А.А.	Образ тела и поведение в конфликтных ситуациях	34
Зараковский Г.М.	Методология оценки популяционного психофизиологического потенциала	35
Зобнина Л.Я.	Психологические механизмы отражения преобразований	37
Иванова М.Г.	Гендерные вопросы социальной психологии семьи	38
Ильин Е.П.	Воля: миф или реальность?	40
Исаева С.А., Рудкевич Л.А.	Влияние соматотипа на степень и характер проявления агрессивности	41
Кравченко О.В., Кустова Н.О.	Топологические критерии в скрининге психологических моделей	42
Круглова М.А.	Мотивация активности личности как регулятор социального поведения	44
Куницына В.Н.	Контактность как условие успешности общения	45
Кустова Н.О., Ляпиков А.П.	Возможна ли «Позитивная психология творчества»?	47
Левченко Е.В.	Восприятие и оценка психологического наследия	49
Левченко Е.В., Бергфельд А.Ю.	Когнитивные стратегии описания сущности эмоций	51
Липчинская Е.Н.	О двух противоречиях психологической науки	52
Мироненко И.А.	Концепция Б.Г.Ананьева в контексте актуальных проблем зарубежной психологии личности	54
Михеев Ю.А.	Сравнение структур в психологии	55
Мордынский С.А.	Мир Хомо Сапиенс	57
Мороз О.М., Курбатова Т.Н.	Когнитивный стиль и адаптированность	58
Никандров В.В.	О статусе экспериментальной психологии	59
Палей И.М.	О соотношении понятий «личность» и «индивидуальность»	61
Патралова В.Б.	Время как важнейшая ценность в жизни человека	62
Репин Д.Н.	Мотивационный аспект социального проектирования	63

Рудкевич Л.А.	Интеллект и соматическая организация человека	64
Рыбалко Е.Ф.	Основные черты индивидуальности и ее воспитание	66
Сафонов В.К.	Диалектика детерминации психического состояния в деятельности	67
Серов Н.В.	К систематике формул психологии	68
Сидоренко Е.В.	Источники психологического знания	69
Снетков В.М.	Периодическая таблица человекознания	71
Соловьева С.Л.	Свойство агрессивности как психологическая категория	73
Суслов В.И.	Некоторые аспекты проблемы бессознательного	74
Суслов В.И., Федорова Л.К.	О границах «ego»	75
Суходольский Г.В.	О перспективной парадигме научной психологии	76
Сырникова Н.А.	Системное понимание интеллекта человека как основа для создания его искусственных форм	79
Филимоненко Т.Ю.	Психологические факторы отношения человека к своему возрасту	80
Шалимова Г.А.	Идеи Б.Ф.Ломова и психофизиологическая проблема эмоциональности	82

Глава 3. Инженерная психология и психология труда

Августова Л.И.	К вопросу о продолжительности жизни представителей психологической науки	84
Балин В.Д.	О критериях судейства в спортивных танцах	85
Бочарова С.П., Землянская Е.В., Бандурка И.В.	Индивидуально-психологические особенностей в профессиогенезе памяти специалиста	87
Васильев В.Л.	Психология развития коррупции, теневой экономики и организованной преступности	88
Вахин А.А.	Основные методы урегулирования конфликтов в организационных группах (коллективах)	90

Верещагина Л.А., Кухарь В.А., Худяков М.М.	Профессионально-личностностный портрет ведущего инженера турбиной БЩУ АЭС	92
Викентьева Е.Н.	Организационная культура: ключевые аспекты эффективности	93
Горскова В.В.	Стресс у сотрудников прокуратур	94
Грищенко Н.А.	Сенсомоторное развитие субъекта деятельности	96
Дейнека О.С., Бояринцева Т.А., Близнюк Н.Э.	Психологические портреты служащих налоговой инспекции и полиции	97
Дорожкин Ю.П., Малышев К.Б.	Системный подход к описанию функционала деятельности специалиста-психолога	98
Евграфов В.Г., Падерно П.И.	Определение приоритетности направлений инженерно-психологических исследований	100
Зайцева В.Б., Церкасевич Л.В.	Социально-психологические проблемы безработных	101
Зинченко Т.П., Фрумкин А.А., Винокуров Л.В.	Адаптационный синдром и профессиональная психодиагностика	102
Ильин Е.П., Нгуен Ки Тыонг	Склонность к стилю руководства и свойства нервной системы	104
Килошенко М.И.	Индустрия моды: психологический анализ деятельности специалистов	105
Клиорина Е.М.	Психологические предпосылки успешности деятельности переводчика-синхрониста	106
Кулешова Л.Н.	Типы постпрофессиональных стратегий жизни	108
Меденков А.А.	Эргономические исследования и разработки в авиации	109
Меклер А.А.	Экспертиза звуковоспроизводящей аппаратуры	110
Мирошниченко М.А.	Командная работа фирм малого бизнеса в России в условиях экономического кризиса	112
Николаев А.Н.	Самооценка и успеваемость будущих тренеров в зависимости от их ценностных ориентаций	114

Одерышева Е.Б.	Особенности копинг-поведения врачей-хирургов	115
Прохоров А.О., Сережкина А.Е.	Психические состояния пользователей ЭВМ	116
Редькина М.В.	Комплексный подход к построению курса делового этикета для менеджеров	118
Розум Е.В.	Компьютеризация и компьютерная культура профессиональных психологов	119
Сапельникова Т.С.	Воздействие ошибок в работе оператора на надежность кратковременной памяти	121
Сатикова С.В.	Социальная идентичность личности и трудовое поведение	122
Смирнова Н.П.	Представления исполнителей об идеальном руководителе	124
Тетеркина Г.Ю.	Профессиональный отбор менеджеров социально-культурной сферы	126
Фетискин Н.П.	Влияние мотивации на устойчивость к однотипной деятельности	127
Фетискин Н.П., Блохин Н.В.	Развитие профессионально важных качеств в процессе модульного обучения	128
Хамков В.И., Прохоров А.О.	Шумовая ситуация и психические состояния	129
Шумова И.П.	Задачи социально-психологической службы в банке	130
Яковлева В.А.	К вопросу о выборе стратегии деятельности	113

Глава 4. Психология социальных явлений

Авидон И.А.	Методологическая разработка проблемы исследования интеллектуальной миграции	134
Алейникова С.Г.	Контент-анализ невербальной коммуникации в политической рекламе	135
Андреева Т.В., Мусакина А.П.	Социально-психологические особенности замужних и разведенных женщин	137
Анисимова Т.В., Белова А.Б., Никифорова Л.Ю.	Особенности современной политической коммуникации	138

Баканова А.А.	Ресурсы экзистенциального кризиса в местах лишения свободы	140
Бардиер Г.Л., Голубева В.В.	Феномен «культурного шока» в контексте межкультурных связей	141
Дмитриев В.А.	Психологические основы искусственного родства у народов Северного Кавказа	143
Елохина Т.П.	Проблема сотрудничества в политике	145
Елохина Т.П., Цветкова М.А.	Иррациональное начало в политическом сотрудничестве	146
Казанская В.Г., Бабурин С.В., Баканова А.А.	Психологические особенности адаптации заключенных к местам лишения свободы	148
Караваев Б.С.	Социальные различия подростков, обусловленные воздействием СМИ	149
Кирюхина Е.В.	Самооценка отъезжающих в Германию немцев	151
Ковалев Ю.Т., Левин С.Ф.	Когнитивные искажения и антисоциальное поведение у подростков-заключенных	152
Коголовская А.С.	Адаптация увольняющихся из армии офицеров к условиям гражданской жизни	153
Кузьменкова Л.В., Иванова С.П.	О некоторых аспектах проблемы нарушения законодательства	155
Лабковская Е.Б., Артеменко О.А.	Источники мотивации поведения российского избирателя	156
Лабковская Е.Б., Попов А.В., Лопатко В., Зубкова Ю.	Политико-психологическая оценка отношений избирателей к политическим партиям	158
Родионова А.В.	Передачи информации СМК и ее воздействие	159
Сафонова М.В.	Карьерно-успешные женщины: опыт построения типологии	161
Харитонов М.В.	Иррациональность в постсоветском обществе	163
Шмелева И.А.	К постановке проблемы психологии потребительского поведения	164
Шмелева И.А., Петюшкин А.В.	Исследование наружной рекламы с позиций теории когнитивного диссонанса	166

Глава 5. Психологические аспекты воспитания и образования

Акулина Н.Н.	Влияние общего интеллекта и мотивации на успешность усвоения знаний	169
Алексеева Е.Е.	Взаимоотношения педагогов и детей в дошкольном образовательном учреждении	170
Англинов К.А.	Педагогическое проектирование индивидуальности	172
Арбузова Е.Н.	Проблема эмоциональной напряженности в педагогической психологии	173
Архипова М.В.	Психологическое сопровождение личности в системе школьного образования	174
Баранник О.С.	Влияние семьи на формирование тревожности у дошкольников	176
Баранов А.А.	Эмоциональное состояние учащихся после ситуации «заложенного взрывного устройства»	177
Васильков А.М., Иванов С.С.	Мышление и успешность обучения курсантов военно-медицинского вуза	178
Василькова А.П.	Взаимосвязи эмпатии с личностными свойствами будущих специалистов-медиков	180
Виноградова Г.А.	Влияние профессионально-педагогической деятельности на здоровье учителей школ	181
Гейджаржи С.Г., Ковалев Ю.Т.	Психологическая цена выбора педагогических инноваций	182
Гейжан Н.Ф., Жиров В.М.	Влияние формальных лидеров на социально-психологический климат	184
Еремеев Б.А.	Интеллектуальное и культурное развитие учащихся	185
Жданова С.Ю.	Отношение преподавателя к стилю учебной деятельности студента	187
Засекина Л.В.	Особенности профессионально-творческого мышления учителя иностранного языка	189
Иванов Е.С.	Международная классификация в ключе медицинской и специальной психологии	190

Казанская В.Г.	Субъективный опыт школьника как основа личностно-ориентированного образования	192
Калмыкова И.А.	Психологические игры в развитии творческих способностей школьников	192
Киреева Н.Н., Матвеев В.В	Взаимосвязь когнитивных стилей и акцентуаций характера у студентов	194
Колеченко А.К.	Психологическое обеспечение педагогического процесса в школе	195
Кудрявцева Е.И.	Формирование письменной речи как процесс освоения текстовых моделей	196
Курганский Н.А., Федорова Л.К.	О влиянии обучения на умственное развитие	198
Кутейников А.Н.	Типологический подход к проблеме обучаемости иностранному языку в вузе	199
Лиознова Е.В.	Особенности нервной системы и общение младших школьников	200
Ляхович Н.В.	Семья глазами школьника	202
Марищук В.Л.	Вопросы умственного развития и умственного воспитания	204
Марищук Л.В.	О специальных способностях к изучению иностранных языков	205
Мартынова А.В.	Обучение психологии в школе	207
Меньщикова А.Л.	Ценностные ориентации современных подростков	208
Москвичева Н.Л.	Семья как объект ценностного отношения студентов	210
Новоселов В.Н.	Об изучении манипулятивных проявлений учащихся	211
Первицкая А.А.	Кросс-культурные аспекты международного обучения	213
Петанова Е.И.	Программа личностного развития в профессионализации студентов- психологов	215
Петанова Е.И., Красавина Т.В.	Психологическая профилактика психогений в младшем школьном возрасте	216
Пинчук Н.В.	Школьный шум как психологическая проблема	217
Портная Н.Л.	Зарубежные исследования факторов развития «Я-образа» младшего школьника	219

Посохова С.Т., Семенова З.Ф.	Психологический портрет первоклассника	220
Реан А.А., Андреева Т.В., Киреева Н.Н., Москвичева Н.Л.	О ценностно-мотивационной сфере студентов-универсантов	222
Реан А.А., Дандарова Ж.К.	Психологические особенности подростков с различным соотношением самооценки и оценки	224
Савенышева С.С.	Интеллектуальное развитие одаренных подростков при дифференцированном обучении	225
Санникова М.Ю.	Проблемы правового воспитания личности	226
Сафонова П.В.	Проблема правовой компетентности в подростковом возрасте	228
Сиверс О.Е.	Мотивация в основе познавательной деятельности студентов	229
Смолова Л.В.	Зависимость личности учителя от продолжительности работы в школе	231
Сорина С.Л.	Социально-психологическая адаптация подростка	232
Тарасов С.В., Тимофеев Ю.Т.	Образовательная среда школы и проблема ее конструирования.	234
Усачев Л.В., Усачева О.А.	Особенности мотивационной сферы и временной перспективы старшеклассников	235
Хан Г.Н.	Когнитивно-личностные механизмы восприятия и понимания текста	237
Янкина Е.И.	Эмоции в развитии интеллекта ребенка дошкольного возраста	238
Ярмоленко А.В.	Анализ динамики военно-профессиональной направленности курсантов ВВМУЗ	239

Глава 6. Актуальные направления психологического исследования

Бочарова С.П., Кисель С.Г., Плохих В.В.	Функционирование оперативной памяти в механизмах регулирования длительности антиципационного процесса	241

Бубнова А.В., Суходольский Г.В.	Новые методы анализа корреляций	242
Веселова Е.К., Ширяева Т.А.	К проблеме изучения индивидуальных мировоззренческих взглядов личности	243
Водлозеров В.М., Тарасов С.Г.	К характеристике динамических зрительно-двигательных координаций в условиях слежения	244
Засорина Л.Н.	Голос в биоэнергоинформационной феноменологии человека	246
Литовчик Е.О., Ирецкий А.Н.	Биопсихология рецепторных зон с N-образной и логарифмической характеристиками	247
Матюхина О.И.	Влияние характеристик личности на восприятие невербального поведения	249
Никандров В.В., Новочадов В.В., Сонина Э.К.	Систематизация психомоторных характеристик	251
Олехнович М.О.	Гипотеза в условиях навязывания	252
Первова И.Л.	Значимость социально-эмоционального развития в формировании личности	253
Приснякова Л.М., Присняков В.Ф.	Влияние постстимульного интервала на воспроизведение временной длительности	255
Приснякова Л.М., Слободенюк Л.	О количественных отличиях индивидуумов с различной полушарной ориентацией	255

Глава 7. Психология в медицине

Бобошкин Ю.В.	Ценностные ориентации подростков-сирот с нарушениями интеллекта	257
Довгуша А.В.	Особенности защитных механизмов личности у детей с двигательными нарушениями	257
Демченко О.А.	Влияние самоконтроля на эмоциональное состояние детей больных сахарным диабетом	259
Дьяконова Т.И.	Психологическая коррекция подростков с учетом характерологических особенностей	260

Ершова С.К.	Психические проявления атеросклеротических поражений головного мозга	261
Зайнуллина М.А.	Изменение познавательных процессов при гипертонической болезни	262
Защиринская О.В.	Коммуникативный аспект социально-трудовой адаптации умственно отсталых подростков	264
Ильина М.Н.	Структура интеллекта у детей с разными формами ЗПР	266
Ирецкая Л.Б., Ирецкий А.Н., Рукавцова О.М.	Психологические факторы в формировании патологии работающей руки	267
Келли А.Джеф., Шаболтас А.В., Гранская Ю.В.	Разработка вич-превентивной программы для наркотически зависимых лиц	269
Козловская Л.И.	Работа вегетативной нервной системы у больных неврозами	270
Коновалова Н.Л.	Механизмы формирования нарушений развития личности школьников	272
Кузнецова О.В., Орлова В.В., Савченко Л.З.	Организация психологической помощи детям с проблемами речевого развития	273
Ланцова Е.Б.	Психологические проблемы в семье ребенка, страдающего бронхиальной астмой	275
Лисовская Н.Б.	Ценностные ориентации подростков с нормативным и отклоняющимся поведением	276
Луукконен Е.В., Стихина Н.Я., Алексанян З.А., Коротков А.Д	Влияние электромагнитной стимуляции на больных с невротической депрессией	277
Малюкова Ф.Р.	Некоторые когнитивные установки, способствующие наркотизации	279
Маматова М.А.	Ипохондрия	280
Миронова Т.И.	Психологический климат во временных детских коллективах	281
Никольская Н.Л.	Особенности агрессивного поведения умственно отсталых детей	282
Новик И.А.	Эмоциональные характеристики алкогольной зависимости	283

Овчинникова Н.А.	Исследование интеллектуальной сферы детей с ММД	285
Павлова И.А.	Исследование первичных больных неврозами, не получавшими психотерапевтическую помощь	287
Пластунова Л.Г.	Импринтинг и психическое развитие детей со зрительной патологией	288
Усачев Л.В., Еремина Н.В.	Эмоциональное состояние старшеклассников в экологически неблагоприятной зоне	290
Христофоров С.Н.	Интеллектуальная недостаточность как фактор социально-трудовой дезадаптации подростков	291
Цуциева Ж.Г.	Умственная отсталость детей и их социально-трудовая адаптация	292
Шаболтас А.В.	ВИЧ-инфекция как психологическая проблема	293
Шарипов А.Р., Гафурова З.Ф.	Организация системы зрения у близоруких и офтальмологически здоровых школьников	295

Глава 8. Психологическая устойчивость: поддержание, развитие, восстановление

Андреев В.В., Всеволодова Ю.В.	Феномен преодоления как фактор психологической подготовки спортсмена	297
Бардиер Г.Л.	Тренинг межкультурной коммуникации как вид интеркультурного научения (ICL)	298
Ведерникова Е.А.	Психология исповеди	299
Всеволодова Ю.В., Сторчак Н.В.	Актуальные задачи психологической помощи проблемной семье	301
Гулина М.А.	Консультативная психология: наука о понимании или искусство помощи?	303
Гурнова Е.Е.	Зарубежный опыт педагогической поддержки личности	305
Дерманова И.Б.	Индивидуальный стиль жизни и симптомокомлексы, его определяющие	306
Захарьева И.А.	Дифференциально-аналитическая психотерапия как метод поддержки семьи	308

Захарьева И.А., Утемишева Г.А.	Профилактика насилия в подростковой среде	310
Ирецкий А.Н.	Несловесный аутотренинг	312
Королев Д.К.	Эмоционально-оценочное отношение к жизни: результаты и перспективы исследований	314
Коростылева Л.А.	Некоторые особенности стратегии самореализации личности	315
Коростылева Л.А. Петрова Т.В.	О предпосылках самореализации личности студентов-психологов	316
Кудрявцева Е.Ю.	Психологическая защита людей творческого труда	318
Куликов Л.В., Недбальская Е.А.	Досуговая активность (хобби) как средство снижения стресса	319
Мамайчук И.И., Соловьева Е.Ю.	Механизмы психологической защиты детей с бронхиальной астмой	320
Петрова Т.В.	Взаимосвязи предпосылок самореализации студентов-психологов	321
Пискарев Д.П.	Психокоррекционное преодоление стереотипов противоправного поведения	323
Свенцицкая Ю.А.	Коррекция эмоциональных состояний в русских лечебных заговорах	325
Свиридова Е.В.	Игротерапия как метод коррекции поведения и общения у трудных подростков	326
Славская В.М.	Профилактика педагогической фрустрации	328
Смирнов Б.Н.	Психологические механизмы эмоционально-волевой регуляции в спорте	328
Староборова Н.В.	Социально-психологические аспекты совладания с травматическим стрессом	330
Шингаева И.В.	Развитие у дошкольников основ произвольности психической саморегуляции	331
Юрова Л.С.	Ролевая игра как средство развития коммуникативной компетенции	332

Глава 9. Психодиагностический инструментарий

Барри У.	Влияние активности личности на восприятие других людей	335
Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е.	Надежность диагностики надежности операторов	356

Гавлина И.И., Тарасов С.Г.	Применение количественных оценок при анализе рекламы методом фокус-групп	338
Горбунов И.А.	Системная диагностика психических явлений по физиологическим сигналам	339
Губин В.А., Белов В.Г., Константинов С.А.	Методика субъективной оценки готовности к обучению на военной кафедре в вузе	341
Данфельд А.Ф., Трубина В.В.	«Коммуникативные пиктограммы» и контекст	342
Дворник А.В.	Проявления и оценка «психологической силы» человека	344
Дворщенко В.П.	Апробация модифицированного варианта патохарактерологического опросника	345
Доценко Е.В.	Измерение отношений работника методом семантического дифференциала	347
Доценко Е.Л.	Общение с позиции психосемантического подхода	348
Ермолаева В.Ю.	Ранняя диагностика задержки психического развития младенцев	350
Завалишина Д.Н.	Методологические основания исследования практического мышления	351
Каганер А.Г.	Возможные метрики теста Лачинса	353
Короткина Т.И.	Коммуникативный тренинг: вмешательство в негативный «сценарий» развития группы	354
Купрейченко А.Б.	Методика измерения отношения к соблюдению нравственных норм	355
Миланич Ю.М.	Детский апперцептивный тест в содержательном анализе конфликтов	357
Михеев Ю.А., Молотков И.В.	Употребление слов и социометрический выбор	359
Молодова Е.А.	Психодиагностика с точки зрения педагогики ненасилия	360
Молотков И.В.	Исследование системы значений на основе частот употребления слов	362
Огинец Л.В., Дорожкин Ю.П., Малышев К.Б.	Модификация методики ДДО по профориентации	363
Новочадов В.В., Меклер А.А.	Влияние эмоционального состояния на точность экспертных оценок	365

Пискарева И.Е.	Психодиагностика готовности к инновационной деятельности	366
Розум С.И.	Психодиагностическое интервью как метод диагностики личности	367
Романова Е.С., Решетина С.Ю.	Самодиагностика в ситуации профессиональной ориентации	369
Соловьева Е.А., Тутушкина М.К.	Психосемантика и перспективы ее развития	371
Туранова О.Р.	О значении анкетирования учащихся для образовательного процесса	372
Филимоненко Ю.И.	Психологический подтекст выразительного движения	373
Цыдзик Л.А.	Методика измерения степени актуализации экзистенциальных проблем	375
Шингаев С.М.	Психодиагностика и формирование волевых качеств профессионалов в особых условиях деятельности	377

Список авторов *379*

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 99
(*Тезисы научно-практической конференции*)

Редактор – Л.А.Кулакова
Компьютерная верстка – Т.Ю.Филимоненко

Лицензия ЛР №040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать 07.10.99. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,48. Тираж 420 экз. Заказ 343.
Издательство Санкт-Петербургского университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7 / 9.

Типография Издательства
С.-Петербургского государственного университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.